

"История Кристиэна Тэхи (СИ)"

**Читайте больше БЕСПЛАТНОЙ литературы
в онлайн-библиотеке
mir-knigi.org**

История Кристиэна Тэхи

<http://ficbook.net/readfic/2254713>

Автор:Реимарра

(<http://ficbook.net/authors/%D0%A0%D0%B5%D0%B8%D0%BC%D0%B0%D1%80%D1%80%D0%B0>
)

Беты (редакторы): mesalina

Фэндом: Ориджиналы

Персонажи: М/М

Рейтинг: NC-17

Жанры: Слэш (яой), Ангст, Драма, Фэнтези

Предупреждения: Насилие, Изнасилование, Кинк

Размер: Макси, 274 страницы

Кол-во частей: 28

Статус: закончен

Описание:

Известная история, которую читали многие. Неравный брак - принесет ли он счастье?

Примечания автора:

warning: структура мира романа и общественных институтов в нем создана на основе произведения авторов Laise и Darian - "Вкус Вишни".

===== Глава 1 =====

«Твоя жизнь не стоит ничего»

Кристиэн кутался в шерстяную накидку, лето, но холод пробирал до костей. Даже в натопленной комнате зябко, впрочем, тепла он не ощущал с того самого черного дня. Дня приезда в Тэлету.

Кристиэна привезли в Тэлету восемнадцатилетним, едва вошедшим в возраст супружества. Вся семья - мать, отец, брат, что всегда были и будут старшими. А он, Кристиэн, всего лишь ненужная помеха, вдруг ставшая дорогим товаром. Семья небогатого приморского чиновника, маленький темный дом, поучения отца и матери, насмешки старшего брата - все его детство, вся жизнь, состоящая из книг, розг и морали. И лишь когда он перешагнул порог совершеннолетия - все начало меняться.

- Разденься! - приказала мать в тот день и под взглядами отца и брата ему пришлось скинуть одежду. Его вертели перед зеркалом, как куклу, распустили волосы, приподняли подбородок. Он даже не спрашивал - зачем, очередная пощечина не нужна.

- Может стоит подождать еще год? - с сомнением покачал головой отец. - Совсем еще мальчик.

- Нет! У нас нет года! Лаиссу могут выдать за другого в любой момент! - отрезал брат, - а на выкуп надо много денег.

Потом Кристиэна отвезли в храм, где учили всему тому, что должен знать младший супруг - подчиняться и радовать своего супруга.

«Красивый мальчик и ласковый. Надеюсь, вы найдете ему хорошую пару и он будет счастлив», так проводили их в Тэлету жрецы.

Всю дорогу до столицы Кристиэна изводили разговорами о том, как надо вести себя в столице, кому улыбаться, с кем танцевать и от каких слов следует краснеть.

- Запомни, не ниже герцога! И не вздумай ослушаться! Если мы вернемся ни с чем, я сама выдам тебя за наемника, - грозила мать.

- Тебе нужен богатый супруг, а нам нужны деньги! Твой брат женится на женщине и продолжит род, а ты бесполезен! Так хоть раз послужи для дела, дармоед!

Даже потратились на наряды, пусть недорогие, но подчеркивающие красоту юноши, товар должен быть в красивой обертке.

Родители угадали - прелесть юного провинциала манила столичных женихов. Полудетское лицо с ямочками на щеках, медовая кожа, большие теплые карие глаза и пушистые длинные ресницы, тонкая фигурка, изящество подростка и черные косы ниже пояса. Румянец на скулах не по приказу, а от чужих взглядов.

- Ну что ты дрожишь, как овца?! - гневался Сэт. - Это сам герцог, а ты морду платком закрыл! Ты хоть знаешь, сколько у него усадеб? Нам тут каждый день в пять золотых обходится, а ты кривишь рожу!

За младшими не давали приданого, лишь получали выкуп. Кристиэну все время хотелось спросить - во сколько оценили его? На весенние смотрины дается две недели, успеют ли родители его пристроить? Кристиэну присылали цветы, безделушки, сладости, но никто не являлся говорить о выкупе.

Старший. Насмешка - ему нечем заплатить выкуп за младшего супруга. А о девушке даже и мечтать не следует. На дальней заставе капитан много не заработает. Но в Тэлету Харет приехал, хоть посмотреть на молодежь. Вдруг будет скромный юноша из небогатой семьи, которую устроит сумма Харета?

Ни денег, ни внешности, юноши на него даже не взглянут. Шрам на щеке - скользнуло ножом, лапы как у медведя, тяжелое тело, запах крови и войны. Куда ему до аристократов с их нежными щечками и духами. Да и годы - тридцать пять уже.

Ладно, Тэлета в последний раз. Как всегда, каждый год юноши и девушки, из столицы и провинций, те, у чьих родителей хватило денег заплатить взнос за участие в смотрах. Красивые, юные, нарядные. Кто-то смеется, кто-то танцует, кокетничают или просто тихо смотрят, испуганно, как тот черноволосый мальчик. Совсем дитя, зачем его сюда привезли? Тоненький, косы, глаза в пол-лица, а в них страх. Их взгляды встретились, и, не может быть! Харету наверное показалось, мальчик улыбнулся ему, открыто и искренне, карие глаза плеснули теплом. Может?

- Можно тебя пригласить? – Харет протянул руку. Юноша оглянулся на каменные лица родичей и теплая ладошка легла в руку. Медленный танец, они успеют хоть чуть-чуть поговорить.

- Как тебя зовут? – шепнул Харет в крохотное золотистое ушко.

- Кристиэн Тэхи, – тихий шепот, нежный голосок.

- Я Харет. С Приграничья, капитан заставы, – теперь можно и самому представится. – Почему ты улыбнулся мне? Разве я интересен таким юным, как ты?

Дурак. Сразу обидел. Мгновенно опущенный взгляд, тепло спряталось под ресницами, а щеки запылали. Или, ответит?

- Вы смотрели на меня, – еще тише, – не как остальные. У вас добрые глаза.

Харет опешил, едва не сшибив своего легкого партнера. Это дитя смотрит ему в глаза, и где оно прочло о доброте? Лицо уродливо.

- Я некрасив, тебя это не испугало?

- Нет, – едва шевельнулись губы, – это не важно. Я смотрел в глаза.

- Что хотят твои родичи? – ритуальный вопрос. Видно, Кристиэну он не нравится. Почему? Многие гордятся тем, что за них уплатят. С гордостью называют цену.

- Не знаю. Мне не говорят.

Танец закончился и не хочется отпускать эту крохотную ладошку и эту птаху с удивительными глазами. Прекрасное имя – Кристиэн.

Мальчик возвратился к своим и видно, те недовольны. Сердятся, а он стоит, уткнувшись в пол.

- Выкуп за моего брата – сорок пять тысяч таев золотом, – надменный юнец Сэт ведет переговоры с Харетом, мать в чепце поджала губы, а отец прячет взгляд.

- Это много, – Харет усмехнулся, – он необучен и молод.

- Когда это молодость стала недостатком? – голос женщины визглив. – Ему восемнадцать, он чист, он не знал мужчин. Его обучали в храме, он послушен, красив. Разве это мало стоит? Мы потратили на него больше, и еще собственные нервы.

Сорок пять тысяч. Нереальная цена. Конечно же, этот карий взгляд стоит больше, сто, двести тысяч, бесценен. Но платить нечем. У него всего десять тысяч, все, что собрано за несколько лет. Ничто.

- Ты смеешься, капитан? – брат юноши издевался. – Отдать его на границу, на заставу, за десять тысяч?

- Я не обижу его и он не будет знать нужды! – ясно, мальчик для них только товар, который надо продать дороже.

- Он и у нас не голодал, не задерживайте нас. У нас прием у барона Айтлера!

Удар. Куда ему до барона Айтлера. Мрази, отдадут мальчишку старику. Все равно же младшие обычно не наследники, хорошо если десятую часть получит, когда барон сдохнет! Но его родичам и этот кусок сладок. Мрази.

Выкрасть, увезти нельзя. Смерть обоим, и младшему особая – жестокая, чтобы другим неповадно было.

- Если ты, – удар по щеке, – еще раз, дрянь такая, посмотришь на этого Харета или еще какую нищету, я изобью тебя так, что следов не останется, но гадить будешь кровью!

Сэт в ярости, но почему то не хочется быть покорным.

- Сам будешь бить? – Кристиэн вскинул взгляд.

- Сам. Мышка решила показать зубки? – еще удар. – Ты, дрянь, не стоишь ничего! Выкуп – это оплата наших расходов на тебя. Так отработай их, тварь неблагодарная! Если мы вернемся домой ни с чем, только с тобой – сделаю все, чтобы тебя продали в серые храмы, как отступника, за сто монет и через год ты сдохнешь на каменном колу перед идолом, растреханный до горла!

- Сто монет и моя смерть тебе нужней, чем пять тысяч?

- Закрой рот, гаденыш! Я предупредил тебя! – удар уже в живот и Кристиэн согнулся от боли. – У тебя нет своих желаний! Все что ты есть – дырка и рот.

Кристиэн проплакал всю ночь. Смотрины у барона Айтлера прошли неудачно. Слишком худой, неулыбчивый и черноволосый – не понравился барону.

- Маленькая мразь, может тебя переокрасить? – Сэт рассержен снова, да он и не успокаивался. Злой тычок под ребро.

Очередные смотрины. Кристиэну было жутко. Остался только один претендент на него и его мальчик боялся до дрожи. Этот человек внушал ужас, обратив свое внимание на него еще в первый день. Герцог Рихан Айэ. Змеиные ледяные глаза – серые с прозеленью, пепельные волосы и узкие, злые губы. Высокий и прямой как стрела, даже не улыбнулся мальчику, которого пригласил на танец. Стиснул сухими ладонями руки и спросил, прямо смотря в глаза:

- Ты девственник, котенок?

А потом, в какой-то день, Кристиэн увидел его, Харета. И понял, что может быть, может его спасут? Вот этот сильный человек со шрамом, с широкими руками и синими, как небо, глазами. Такой наверняка не стал бы бить его. Воины защищают слабых, а он, Кристиэн, совсем не силен. Но мог бы сделать так, чтобы воин после трудного дня с радостью возвращался домой. Улыбнулся, и пригласил. Кристиэн сделал вид, что не заметил взгляда родичей. Вдруг повезет?

Смутил и взглядом и словом. Почему понравился? За глаза. Ты не смотришь на меня, как на игрушку и товар, ты спросил мое имя у меня, а не у брата. А твое мне понравилось – мужественное. Харет.

- Я отдам вам шестьдесят тысяч за мальчика, – герцог Рихан приехал сам. Немыслимая честь для Тэхи, – но с тем условием, что мой лекарь осмотрит его и убедится в девственности. В

вашем и моем присутствии. Если результат мне понравится, то больше никаких смотрин. Помолвка, потом свадьба. Я заберу его к себе.

- Наш мальчик чист, господин, – прошептал отец, но Сэт перебил его.

- Да, конечно, герцог. Мы согласны на ваши условия.

- Вымой задницу, тварь!- кинули Кристиэну.

Как много людей! Отец, мать, брат, Рихан, с ним лекари и охрана, в такой маленькой комнате! Они будут смотреть его тут? Кристиан оцепенел от ужаса и стыда.

- Ты сам разденешься, или тебе помочь? – притворно ласковый голос брата льет ядом.

- Котенок смущен, – улыбнулся Рихан, – но так надо, я не возьму порченого.

Кристиэн стоял обнаженным, посреди комнаты, даже не пытаясь прикрыться, лишь опустив голову. Но даже не видя, он чувствовал, как по голой коже скользят взгляды. Рихан искоса рассматривал его.

- Отлично, пока не вижу ни одного изъяна. Совершенство. Ну-ка, малыш, не заставляй себя ждать. Грудь на стол и раздвинь ножки.

Сэт ткнул его лбом в дерево столешницы.

- Поаккуратнее, юноша! – повысил голос Рихан. – Не разбей ему лицо! У него умненькие глазки и котенок сам сделает, что просят. Правда же?

Слезы текли по лицу. Унизительно. Чьи-то холодные пальцы ткнулись между ног, смазывая и сразу же раздвинули стенки, входя в тело. Больно! Кристиэн дернулся, пытаясь сдвинуть ноги, но его придержали. Пальцы вошли еще глубже, изучая изнутри, растягивая, а казалось – разрывая пополам. Шлепок по ягодице – приказ не дергаться.

- Хорошо. Здесь узко, трещин нет. Не трогали, – лекарь вытирает руки.

- Отлично. Осмотри остальное, – Кристиэна разворачивают к свету. Лицо залито слезами.

- А котенок у нас плакса? – насмешка в голосе Рихана, презрение. – Каэр, посмотри ему рот и яйца. Мне не нужен беззубый кастрат.

Руки шарят в промежности, сжимают яички, член, лекари осматривают внимательно. Потом разжимают рот, смотрят в глотку.

- Все на месте. Зубы все, не обрезан. Волосы густые, чистые, значит и нутро в порядке.

Рихан доволен.

- Вы не обманули меня. Хорошо. Завтра помолвка. Деньги тоже утром.

- Оденься и иди спать! Пока не нужен!

- Постой, – Рихан останавливает Кристиэна, – кажется, котенок не очень-то счастлив?

- Его никто не спрашивает, - ответил Сэт.

- Это неважно. Мне нужно только одно, чтобы он за ночь не натворил глупостей. Мой охранник останется с ним.

- Шестьдесят тысяч! Май, ты слышал? - мать Кристиэна счастлива. - Я даже мечтать не могла о таком! Сэту хватит сорока, чтобы уплатить за Лаиссу, и нам еще останется! Нам хватит до старости, ну чего ты молчишь, Май?

- Я беспокоюсь за Кристиэна. У меня нехорошее предчувствие, и этот человек мне не нравится, - задумался отец.

- Какая тебе разница? Разве плохой бы заплатил за него столько? Кристиэн внакладе не останется - младший герцог, будет жить в усадьбе и ему не придется работать!

- Моему братцу работать? - засмеялся Сэт. - Не смешите меня. Вся его работа - обслуживать своего господина в постели. Даже при своем убогом умишке он справится. Для того, чтобы доить член - много ума не нужно. Эта тварь будет только жрать, спать и сношаться.

- Ты прав, Сэт, - кивнула мать, - Кристиэн именно для этого и нужен. А нам, Май, нужны внуки.

Все. Все закончилось. Его продали, даже не спросив, нравится ли ему. Продали этому Рихану со змеиными глазами, что с насмешкой смотрел на будущего супруга. Даже слез не было, безотчетный ужас перед будущим. А надежда умерла, надежда на синие глаза Харета. Харету его не отдали.

Охранник, дюжий наемник, не обращал на мальчишку ровно никакого внимания. Кристиэн кое-как умылся и лег спать. Охранник у двери.

На смотрах Кристиэна не было. Харет высматривал знакомые черные косы и карие глаза. Нет. Его не привезли. Что это значит? Уже отдан?

- А где кареглазый красавчик с Приморья? - разговор рядом с Харетом. - Славный малыш.

- Ты разве не слышал, Гай? Его отдали Рихану Айэ, кровопийце. За бешеные деньги - шестьдесят тысяч, не каждая девка столько стоит. А тут бесплодный мальчишка! Рихан, как одну медяшку выложил! Сегодня же помолвка в храме Врат. Только слуги говорят, у мальчишки лицо - в гроб краше кладут. Не рад, пока, видать.

- Стерпится-слюбится.

Рихану? Кристиэна? Этот свет, этот огонек - отдали герцогу? Не думая, за шесть десятков. Вдовец герцог искал себе нового младшего - три года назад его супруг Скай погиб от горячки. Обычная история. Очередного юнца неволей ведут под венец. С женщиной иначе - она драгоценность, никогда не родит детей тому, кто не люб ей. А парня нагнул и все. Аристократ Рихан и капитан Харет. Не соперники, но свою улыбку Кристиэн подарил последнему.

Может пойти к храму, хоть взглянуть в последний раз?

Утром в дом Тэхи привезли деньги, слуг и наряд для будущего младшего супруга, носилки - негоже новобрачному идти к храму пешком.

- Мда... - слуга дотронулся до припухлостей под глазами Кристиэна. - Работы много.

Вымыли, расчесали волосы, равнодушного ко всему мальчика. Лицо пришлось смазать снадобьями, чтобы кожа была чистой и скрылись следы страдания. Заплели волосы - перевили лентами косы и надели белоснежный наряд, затканый белыми же цветами - символ невинности будущего супруга. Нижние штаны почти прозрачны, верхние, две рубахи и широкий кафтан с бархатным поясом. Самое главное - покрывало, от головы до пят, чтобы красу увидели только в храме, чтобы муж открыл лицо. Обрызгали ароматной водой, а ноги обули вместо старых разношенных сапожек в мягкие меховые туфли.

Сэт приподнял покрывало, пока на правах родича, не вышли из дома, можно еще.

- Не вздумай дурить, гаденыш! Если ты скажешь «нет», твоя задница будет на колу серого храма даже раньше, чем я обещал! Если заревешь - пришибу на ступенях!

Если сказать «нет», хоть на один вопрос храмового жреца, признать, что берут неволей - помолвку расторгнут, а старший и родители будут опозорены. Лицемерная традиция.

У храма Врат было уже полно зевак. Как же, помолвка аристократа, вдруг что перепадет, да и интересно увидеть младшего, когда его выведут, на миг снимут покрывало и отведут до носилок, скрывая от чужих глаз навсегда. Харет увидел пустые носилки, охрану, значит они уже в храме, он опоздал. Уже ничего не сделать. Кристиэн.

У Кристиэна задрожала каждая жилочка в теле, когда сквозь ткань покрывала он увидел своего будущего супруга Рихана. Еще надменной и холодней, чем вчера, темный наряд, за поясом нож. Слуга, что позади герцога, держит в руках шкатулку.

Хорошо, что помогли слуги - сам бы Кристиэн споткнулся еще бы на первой ступеньке, поддержали под локти, почти дотащили до жреца и алтаря. Поправили покрывало.

- Помолвка старшего - Рихана Айэ, герцога Ланки и младшего, Кристиэна Тэхи, из Приморья, - объявил событие жрец. - Вы пришли сюда добровольно, чтобы стать супругами?

- Да!- твердо ответил Рихан.

Пауза, слишком долгая.

- Да... - тихое из под покрывала.

- Ты, Рихан Айэ, добровольно ли берешь под свою защиту и ответственность младшего, Кристиэна Тэхи?

- По доброй воле.

- По доброй ли воле, ты, Кристиэн Тэхи, - отдаешь себя старшему, Рихану Айэ?

- По...доброй, - голос не дрожит, но так же тих.

- Клянешься, ли ты, Кристиэн Тэхи, быть послушным своему старшему в обмен на защиту и жизнь?

- Да. Клянусь, - уже не страшно. Губы мертвы.

- Тогда утверди свою власть над будущим супругом, Рихан Айэ и надень на младшего символы,

что принадлежат тебе.

Сдернули покрывало, Кристиэн зажмурился на миг – ярко от свечей и золота в храме. Слуга подал Рихану шкатулку, открытую. Серую шелковую ленту завязали на шее, как обещание до свадьбы, на указательный палец правой руки – кольцо. Точно по мерке Кристиэна легло, а пальцы у него тонкие, когда успели сделать?

Герцог развернул его за плечи, лицом к себе и вдруг впился поцелуем в губы – не целуя, укусив до крови, но Кристиэн даже не вскрикнул от боли, услышав:

«Ты мой, котенок».

Сначала Харет увидел Рихана, и лишь потом тонкую фигурку под белоснежной тканью. Сейчас снимут покрывало, на мгновение, покажут, что потерял мир, отдав Кристиэна.

Увидит в последний раз. Боги! Белое лицо, обескровленное, в цвет одежды, это при смуглой коже! Глаза не теплые – мертвые, невидящие. Теперь это Кристиэн Рихан Айэ.

- Жалко парня... – кто-то из женщин шепнул за спиной капитана.

Лучше бы Харета тут не было. И Кристиэну ничем не поможешь. Застава ждет – пора вернуться.

Теперь Кристиэн потерял дом. Обратной дороги нет – носилки несут к супругу, в его столичный дом. А там пир – для родичей, старшего и его друзей. На этом празднике нет места младшему, так пояснили слуги Рихана, а в храме Кристиэн слышал совсем другое. Их обоих должны чувствовать, на равных. Но, видимо, мальчишке нечего делать там, где пируют мужчины, так рассудил Рихан. А ему остается только подчиниться – единственная забота Кристиэна Айэ. Потом его отошлют снова в храм, не в тот, в котором учили, в другой. По обычаю, супруг не коснется его до свадьбы, еще три месяца обучения, а осенью – шею вместо ленты украсит цепочка с символом старшего.

- Кайо, – голос Рихана сух, – отведи его наверх, покажи комнату и позаботься о том, чтобы его покормили и привели в должный вид. Иди, котенок.

Теперь у Кристиэна нет даже имени, лишь это презрительно-покровительственное прозвище – «котенок». Его заперли в комнате, роскошной, таких он и не видел никогда – стеклянная посуда, мохнатые ковры на полу, камин, окна занавешены бархатом. Слуги принесли поднос с едой и питьем, поставили на низкий столик и снова щелкнул замок двери. Есть не хотелось, кусок в горло не лез, а пить – очень. В кувшине прохладная вода и он выпил ее до последней капли.

В голове и душе совсем пусто – Кристиэн пока не осознал всего того, что произошло, лишь отмечал мелочи краешком сознания. Слишком много всего – торг, унижительный осмотр, помолвка, храм, чужой дом.

Можно снять одежду, остаться в нижнем, все равно никто не увидит. Он лег в мягкую постель, сразу утонув в перинах и подушках, долго слушал шум пира внизу. Что-то рассказывал Сэт, но слов не разобрать, потом пели песни, танцевали, хохотал каркающим клетотом Рихан. Потом Кристиэн уснул. Он спал крепко, утомившись от переживаний и событий, поэтому не слышал, как в замке повернулся ключ.

Рихан долго смотрел на спящего.

Совершенство, именно тот, кого он так долго искал. Юн, прекрасен, не испорчен, не тронут никем, не осквернен чужими, тих, скромн, и скорее всего, не очень умен. Зато на личике детская наивность. Идеал. А покорность и послушание – дело наживное. Плохо одно – мальчика обучали в монастыре, где распутники растят таких же шлюх, как сами. Учат с малолетства стелиться и думать только об одном, как получить удовольствие и обмануть своего господина. Забыли о традициях и правилах, запретили истинные обряды, исказили смысл супружества! Ничего – это исправимо. В закрытом старом монастыре на севере, до которого еще не добрались имперские служки, из котенка выбьют ересь. Жаль, не получилось со Скаем, слишком испорчен был, с рождения, ошибка при выборе. Выйдет с этим. Все рассчитано точно. Герцог погладил рукоять плети и вышел.

Теперь все было новое. Никаких вещей из дома даже не подумали прислать – ни одежды, ни любимой флейты. На кровати новые тряпки – богаче, чем когда-нибудь носил Кристиэн. Но это чужая одежда, новая. Что ему следует делать? Ждать?

Слуга вошел, кивнул головой:

- Одевайтесь, и господин ждет вас. Не заставляйте его сердиться.

Быстро заплели косы, сполоснули лицо, поправили ленту на шее.

- Как спалось, котенок? – Рихан уже ждал в столовой за роскошно накрытым столом. – На будущее, ты должен вставать с рассветом, если не будет иных моих указаний. Учти это.

- Хорошо, сайэ Рихан, – откликнулся Кристиэн, собрав все свое мужество, чтобы ответить человеку, с которым впервые остался наедине.

- Садись. Я посмотрю, как ты ешь. Все должно быть изящно.

Кристиэн едва проглотил кусок творога, почти пропихнув в горло. Да уж, некрасиво. И есть и пить под пристальным взглядом неловко.

- На три месяца, до осени, я отправлю тебя в монастырь на севере. До свадьбы. Там тебя научат всему тому, что понадобится от тебя в будущем. Привьют хорошие манеры, например, пока ты всего лишь дворовый котенок, а там воспитают породистого и выведут всех блох. Я разрешил настоятелю делать с тобой все, что понадобится им, для воспитания по моему вкусу и традициям. И запомни, через три месяца твоя очаровательная попка должна быть так же узка, как и сейчас. Не вздумай вытворять там то, что многие делают в южных новомодных храмах. Если мое слово будет тобой нарушено, я отвезу тебя в Тэлету и в день свадьбы публично прикажу жрецам осмотреть тебя, чтобы они убедились в распущенности и измене. С тебя сдерут кожу и засыпят соль на голое мясо. Тебе ясно?

- Да, сайэ Рихан.

- Я рад, что мы с тобой поняли друг друга.

Почему ему постоянно, с сознательного возраста, угрожают мучительной смертью, если он не угодит? За что? Когда-то, совсем ребенком, он просил мать отдать его в храм, чтобы выучили на храмового танцора. Прекрасные летящие фигурки – он восхищался ими всегда и даже монахи советовали семье Тэхи обучить младшего. Отлично же подходил – легкий и глаза выразительные. Но мать избивала его и велела никогда даже не заикаться. А потом рассказала все Сэту и старший брат потом долго насмеялся – «Маленькая шлюха любит, когда на нее смотрят? Ты принесешь нам другую пользу». Всегда ему обещали, что продадут в храм, как

жертву, как бесполезное для семьи существо, что если он не будет послушен - его избьют, продадут, убьют, в конце-концов. Били, да, часто. Сэту, кажется, это просто нравилось. А теперь все тоже продолжает Рихан? Харет наверно бы не стал...

===== Глава 2 =====

Привезли в монастырь под охраной. Маленький, всего три строения из камня. Но стены, окружающие храм, толстые и высокие, а у крепких ворот дюжая охрана.

- Даже не думай! - прорычал его сопровождающий, когда Кристиэн оглянулся назад. - Тогда лучше себе сразу вены перегрызи, меньше мучиться будешь, если поймают!

Привели к настоятелю. Седой высокий старик с бритой головой и бородой.

- Это новый младший Рихана? - усмехнулся жрец. - На этот раз он решил не делать ошибки, сразу писать на чистой доске?

- Эта доска должна остаться такой до свадьбы! - бросил охранник.

- Я получил письмо от Рихана. Все будет так, как он хочет. Мальчик не узнает ничего из того, что ему знать не положено, а то, что рассказывали ему еретики из новых, пусть забудет. Кристиэн, да, тебя так зовут?

- Да.

- Тебе запрещается, - его передали монаху, для устройства и первых наставлений, - запрещается: говорить без разрешения в присутствии старших, поднимать глаза от пола, касаться своего тела и срама под одеялом, разговаривать с другими послушниками на темы, отличные от веры и послушания, рассматривать чужое тело, драться, кричать, ссориться, плакать. За нарушение правил - наказание. Любой проступок будет вписан в бумаги и потом отчет отправят твоему будущему господину. Потом он решит, как поступить с тобой и какова будет ваша свадьба. Пять проступков в неделю - предел, который будет караться жестоко. Свою ленту ты будешь снимать только в бане, под надзором братьев. Не разрешается касаться своего входа руками, только при нужде. Правила действуют для тебя с этой минуты.

Кристиэн молчал потрясенно. Что же это за монастырь такой? В приморском было даже хорошо, без родичей и брата, монахи были ласковы и предусмотрительны, заботясь о тех, кто потом будет младшим в браке. Были товарищи, с которыми он подружился, научился хоть как-то танцевать, петь, играть на флейте, а кто-то из ребят даже научил его рисовать. Никто не неволил такими правилами и не считал проступки. Да, наказывали, розгами за шалости, но надо было серьезно провиниться. Подчиняться учили не под страхом истязаний.

В комнате шестеро с такими же серыми лентами на шее. Склоненные головы, некрашенные льняные одежды.

- Это Кристиэн, - и дверь закрылась.

Новые товарищи не очень разговорчивы. Лишь пояснили, куда можно лечь и положить вещи и каков распорядок в монастыре.

- Подъем на рассвете, умывание, молитва, завтрак, осмотр монахами, потом урок, обед, молитвы, урок, сон. Все. Твой господин супруг будет доволен и знает, что не зря заплатил деньги за твое обучение. Наказывают тут больно.

- Что значит осмотр? – спросил Кристиэн. Снова та постыдная процедура?

- Увидишь.

Одежду у него отобрали, выдали льняную хламиду, похожую на женское платье, как у остальных. Лента и кольцо остались.

- Вставай.

За окном еще темно, мальчишки зевают, натягивая одежду, спускаются вниз, в баню. Никто не грел тут воды – ледяная из колодца в ведрах. Завтрак – овсяная каша на воде, кисель. Кристиэн не привык есть такое, дома кормили сыром, молоком и хлебом, но проглотил, не жуя, полухолодные комки.

В подозрениях насчет осмотра он не ошибся. Всех послушников заставили задрать подола хламид до пояса и холодные руки заскользили по промежности, коснулись члена.

- Махар! – окрик брата Остина заставил всех вздрогнуть.

Вперед вышел мальчик, наверное ровесник Кристиэна.

- Махар, что ты делал этой ночью? – вкрадчивый, почти ласковый голос.

- Ложь это проступок, Махар, как и рукоблудие. На твоём сраме остатки семени. Лгать нехорошо. Это третий твой проступок за неделю. Среди вас есть новичок, пусть Кристиэн посмотрит, что бывает за непослушание. Ты и Кристиэн, следуйте за мной.

Мелко крошенная крупа, горох, на эту смесь Махар стал голыми коленями, задрав одежду так, что Кристиэну видны пятки и ягодицы мальчика.

- Два часа за ложь и тридцать ударов за рукоблудие. Смотри, Кристиэн.

Взвизгнула тонкая розга и прошлась по пяткам. Сдавленный крик.

- Не надо! – вырвалось у Кристиэна. Но его, кажется не услышали. Нет, услышали, позже.

- Ты что-то сказал, Кристиэн? – повернулся к нему брат Остин, когда закончил отсчитывать удары. – Ты разве не слышал, что твой голос должен быть беззвучен и не должен звучать раньше, чем на то дадут разрешение?

- Слышал, брат Остин.

- Ты провинился, Кристиэн. Плохо. Первый день в монастыре и уже проступок. Ты болтлив, мальчик. Значит я исправлю этот недостаток. Два дня тебе хватит на первый раз.

Льняной тряпкой завязали рот.

- Снимать один раз в день, под присмотром. Когда ешь. Снимешь ночью – будешь наказан.

Молиться пришлось про себя, проклятый лен мешал. Никто на него даже не оглянулся, видимо такое наказание не в новинку тут.

- Покорность и послушание. Это то, для чего вы тут находитесь, для чего вы предназначены своим рождением. Скажите богам и родителям за то, что вас, бесполезных и бесплодных не

убили при рождении. Вы не женщины, вы не стоите ничего. От вас нет следа на земле. Вы те, кто всей своей жизнью должны выплачивать долг за то, что вам позволили дышать, выплачивать вашему старшему супругу. Он ваш безраздельный господин, чтобы не говорили имперские еретики, что добрались до власти, вы принадлежите ему целиком и полностью. И если он убьет вас по вашей вине – значит вы заслужили это, своей дерзостью и непокорностью, дрянным нравом. Туда вам и дорога. Любой из вас должен стать воплощением смирения, чтобы исполнять любой приказ вашего господина, не жалея ни тела, ни души. Если вы вызовете недовольство вашего божества, то он вернет вас родителям, опозорив как следует, лишит ваших братьев старшинства. Вас продадут на жертву, как мясо или публично казнят, если вы ослушаетесь, если вы будете распутны и неверны и думать только о своей заднице, а не о своем господине. Остин! Запиши Кристиэну второй проступок, он не слушает меня. Непокорность.

Били по пояснице, и ночью Кристиэн извертелся, не зная как лечь, чтобы не болело.

- Пять проступков за неделю! Кристиэн! Из тебя ничего не получится, строптивное животное! Остин, это только четвертая его неделя тут! Донеси до этого червя наказание, чтобы он запомнил надолго урок!

- Болтливость, непослушание, болтливость, смотрел на чужое тело, непослушание. Делаем вывод – Кристиэн непокорная болтливая и похотливая тварь. Таков ты для своего господина.

- Я не рассматривал никого! – воскликнул Кристиэн и осекся.

Глаза брата остина стали круглыми от изумления.

- Как это понимать, Кристиэн? Как ложь, как непокорность, как болтливость? Думаю, все вместе. Восемь проступков выходит. Вопиюще! Такого я давно не видел. И болтливость у тебя – первый грех. На месте твоего господина я бы зашил тебе рот. Ничего, ты будешь шелковым, видели и не таких. Раздевайся!

Кристиэн не знал, что могут наказать так. Порка – уже почти привык. Его били много раз, но фантазию монахов он недооценил. Хотя наказание было простым – всего лишь оставить связанного почти до неподвижности в полной темноте и с капающей с потолка водой, в подвале, бросили на грязный земляной пол и закрыли. Напоили настоем, чтобы не спал, бодрствовал.

- Подумай о своем поведении! У тебя достаточно времени.

Рихан читал письма из монастыря, покусывая перо и изредка кидая в рот ягоды. В знойном мареве воздуха колыхался запах цветов.

Что же, отлично. Проступки – мелочь, глупость мальчишки. Лишь бы выбили ересь распутства из головы. Это другой, не Скай. Скай весь был ложью, делал все, чтобы избежать наказания, изворачивался, врал, а этот прям, как тополь, хотя, конечно, глуп.

Правила всего два – чтобы не покалечили и чтобы не сошел с ума. Будет жаль потраченных надежд. В крайнем случае вернет мальчишку его алчным родичам, десяток тысяч и те закроют рты и глаза на все. Продадут в жертву. Жалко конечно, красивый. Не избалован, как столичные отпрыски. Ни один из тех, кого он видел на этих смотринах не годился и в подметки Кристиэну. Грязные твари несравнимы с воплощением чистоты. Уже скоро встреча с котенком.

Кристиэн учился. Он заставлял себя молчать, выучив все плитки пола монастыря взглядом,

опущенным вниз.

- Ни одного проступка у Кристиэна, – подвел итог монах. – Надо же! Но, Кристиэн, запомни, гордыня это тоже грех. Поэтому тридцать ударов ты все равно получишь, чтобы не думал, что лучше других. Но я извещу твоего супруга о твоих успехах.

Кристиэн считал дни до осени, всего две недели осталось. Освобождение от монастыря, от этой равнодушной ненависти к младшим. И брак. Уже навсегда... Рихан – он не знал его, все что связано с будущим супругом – воспоминание об унижении и укусе в храме. Радость – это синие глаза и шрам на щеке.

- Вот заключение. Тут все написано, – протянул монах запечатанный свиток охраннику, приехавшему за Кристиэном. – Юноша здоров. Пусть господин Рихан проверит степень его подготовки и оценит нашу работу.

Юноше вернули одежду и усадили перед охранником, на коня.

- Помни о покорности! – последнее напутствие.

- Кристиэн, что-то нужно? – рука священника легла на плечо и юноша вздрогнул испуганно, дернул плечом, уходя от прикосновения. – Прости. Ты сидишь здесь очень долго. Пойдем, простынешь. Я сварю тебе питья и мы переберем травы. Хочешь? Не надо вспоминать, Кристиэн, все кончилось и никогда не вернется.

Юноша не ответил, лишь плотнее укутался в шерстяную ткань, впрочем, ответа от него и не ждали. Он пошел следом за монахом, заметно прихрамывая на правую стопу.

Священник прав. Ничего не вернется и все кончилось. Все кончилось для него.

Кристиэна привезли из монастыря не в столицу, а далеко в степь, в усадьбу Рихана, что возле Ланки. Именно здесь ему и предстояло прожить всю жизнь.

Пока управлялись с лошадьми, Кристиэн разглядывал двор. Как тут непривычно и голо, по сравнению с приморским городком, где он родился. В садике маленького дома Тэхи всегда были цветы, плющ увивал террасу, деревья. И свежий приморский ветер. А тут пыль крутится по земле и несколько чахлах кустиков, серая выжженная почва. Зато дом большой.

- Пошли! – окликнул его наемник.

Рихана в поместье не было. Задержался на несколько дней в Ланке, готовя свадьбу, так пояснили слуги. Кристиэн даже досадовал – лучше бы казнили сразу, чем томительно ожидать.

- Пока будете жить в комнате для гостей, потом господин Рихан решит сам. Он не оставил нам указаний, – Кристиэну показали его комнату, рассказали как устроен дом и куда стоит ходить, а куда лучше и не заглядывать. На улицу – только по усадьбе и упаси боги младшего, выйти за ворота.

За несколько дней он едва не сошел с ума от скуки. Слуги отвечали односложно и старались увильнуть от расспросов, а книг, кроме молитвенника, ему не дали никаких. А ведь интересно было бы узнать, что за род у будущего супруга, но ему не рассказали даже этого и Кристиэну только и оставалось, что спать и глядеть в окно.

Как-то утром его разбудили стуком копыт во дворе и перекрикиваниями всадников. Рихан приехал. Кристиэн выглянул в окно, во двореке разгружали повозки, всадники крутились рядом, а самого хозяина не было видно. Мальчик стряхнул с себя сон и быстро оделся, умывшись водой из кувшина. Сердце билось часто-часто.

- Сидите тут, – обронил слуга, принесший завтрак. – Господин позовет.

Снова ждать.

Рихан распечатал заключение, что передали из храма, пробежал глазами, вчитался в выводы внимательнее. Настоятель все описал подробно. Да, котенок не без недостатков – болтлив, не всегда послушен и внимателен, если не соблюдать с ним строгость. Но в списке прегрешений нет похоти и рукоблудия. «Ни разу не замечен, разговоров тоже не вел». Вот это просто великолепно, значит имперская новая ересь неглубоко проникла, хотя это можно узнать только после свадьбы.

Кристиэн остановился на пороге кабинета Рихана, не отрывая глаз от рисунка на ковре. Наука не прошла даром, молчать научили.

- Подойди ближе и посмотри на меня, – сухой надменный голос заставил Кристиэна вздрогнуть.

Он сделал три шага вперед и поднял глаза на будущего супруга. Рихан не изменился за лето, все те же холодные глаза и волосы цвета прогоревших углей, худой.

Герцог окинул его взглядом, сверху вниз, изучая, поджал губы. Мальчик изменился, подрос, чуть шире в плечах, но утратил детские черты, ставшие чуть резче – все равно красив, хоть и из глаз исчезло что-то говорившее о том, что их владелец совсем юн.

- Давно не виделись, котенок. Смотрю, обучение пошло на пользу? – усмехнулся герцог. – Ты повзрослел. Совсем хорош.

Хотелось поблагодарить даже за этот сомнительный комплимент, но Кристиэн боялся раскрыть рот, слишком свежи воспоминания о льняной тряпке.

- Молчишь? – догадался Рихан. – Я читал заключение. Язычок, говорят, подвешен хорошо. После свадьбы и проверю. Она как раз завтра, так что утром придется встать рано.

Кристиэн вышел, пот тек по спине, а руки были ледяными. Почему этот человек внушает такой ужас? Змеинный герцог – так хотелось назвать Рихана. А ведь совсем скоро их свяжут навсегда и если даже так боязно взглянуть на супруга, то как же Кристиэн разделит с ним постель? Почему то не верилось, что герцог будет с ним ласков и внимателен. Все, что слышал Кристиэн о том, что происходит на ложе меж двоими, это то, что в первый раз нижнему всегда очень больно. И старшему партнеру нужно быть очень осторожным, чтобы не поранить младшего. Но вряд ли Рихана заинтересуют его чувства и боль.

Утром его разбудили совсем рано, сначала отвели в баню, даже не совсем баню, Кристиэн не знал, как это точно назвать – каменное строение с парной и бассейном. Он и трое слуг с какими-то ящичками и приспособлениями. Кристиэна раздели, вымыли, не давая ему самому взять в руки мочалку. Терли так, что он едва не вырывался, словно хотели содрать кожу, неужто он настолько грязен? Потом промыли волосы, до скрипа, уложили навзничь на широкую скамью и началась пытка. Кристиэн знал о том, что по желанию кого-то из супругов на теле удаляют все волосы, но тут его мнение никого не интересовало вообще, и слуги делали только то, что приказывал им герцог.

Юноша поблагодарил богов за то, что ему подарили почти безволосую кожу и она не покрылась жестким волосом, когда он начал взрослеть. Но стиснуть зубы пришлось – когда пах обернули тканью с горячим воском, рванули. Все тело намазали маслом, но болело нестерпимо, нывшая кожа никак не желала успокаиваться.

Высохшие волосы тщательно расчесали, блестящие как шелк, сплели перед зеркалом в косы, выпустив часть прядей и заколов их серебряными шпильками.

Свадебный наряд был уже не белым, хотя еще более роскошным, чем для помолвки – алые и шафрановые ткани. Пока Кристиэна одевали, он прислушивался к тому, что творится в доме – приезжали гости, с кухни доносились запахи мяса, приправ. Везде царила суета, но ни его, ни Рихана она не касалась, герцог, как выяснилось, с самого утра уехал в Ланку.

Наряд многослоен, тяжел, словно для того, чтобы снимать его долго и с ожиданием подарка, который скрыт под шелком. И кроме этого – бархатная накидка на плечи, с серебряными застежками, вуаль на лицо, и ткань на голову, чтобы не попала степная пыль на вороные волосы. Очень много одежд, а снимать все Рихану или слугам, перед спальней. Слуги рассказали, что подготовили для будущего супруга герцога новую комнату, рядом с личной спальней Рихана, купили одежду, ту, которую указал им господин. Кристиэн вздохнул – ничего своего теперь нет, кроме кос. Подвели к зеркалу, и юноша не узнал себя. Это не он, без своих привычных кос за плечами, без темных рубах и безрукавки – разодетый в шелка молодой аристократ.

Еще чуть-чуть потерпеть, храм, пир и вино, наступит ночь. Та ночь, о которой Рихан Айэ мечтал все те годы, прошедшие со дня смерти Ская и с краткого мига восторга, когда он увидел обнаженным Кристиэна Тэхи. Не нарушил традиций – не коснулся, только поцеловал на помолвке. Даже дома старался не звать и не видеть, чтобы не сорваться. Чем дольше ждешь – тем слаще миг встречи? Теперь никого не будет меж ними – ни цепких родичей котенка, ни имперских еретиков. Все будет как должно.

Венчание было в Ланке. Кристиэна привезли в карете, закрытой, чтобы не наглотался пыли по дороге. Рихан уже ждал, Кристиэн едва не ахнул от восхищения, увидев герцога. Не герцог – князь. Надменен, в алом с золотом плаще, а пепельные волосы прижаты венцом. Тонок и прям.

Кристиэна подвели прямо к нему. Рихан осмотрел его и явно остался доволен, даже чуть губы растянулись в подобии улыбки, протянул убранный кольцами руку:

- Пойдем, котенок! – крепко сжал, сразу свело пальцы.

Из всего венчания Кристиэн запомнил только самый последний момент, так ему было плохо. Духота, жар от свечей и страх. В животе ворочался какой-то ком, хотелось свернуться в темноте и холоде, чтобы никто не нашел. Голос священника.

Он больше не Кристиэн Тэхи – Кристиэн Рихан Айэ. Кристиэн, принадлежащий Рихану Айэ.

Его дернули за руку, заставляя очнуться, вытянуть ладонь и вместо кольца помолвки на безымянный палец надели широкое серебряное кольцо с треугольными узорами – знаком Рихана. Сняли с шеи ленту и горло опоясала серебряная цепь и подвеска – золотой знак Рихана Айэ.

Н-да... Плохо дело. Рихан рассматривал совершенно белое неживое лицо своего младшего супруга. Глаза круглые от страха, котенок перепуган до смерти и если ему не дать вина с

валерианой, то неровен час, свалится от ужаса замертво. Неужто он так страшен мальчишке? Если дать в руки чашу – уронит, так дрожат ладони, спрятанные под прозрачным шелком. Может в монастыре перестарались, слишком нервный. А впрочем, так и должно быть, только тот, кто поумней котенка, постарался бы спрятать страх, а тут – приговоренные к смерти выглядят бодрее, чем юный новобрачный.

- Котенок, неужто я так жуток?

Кристиэн вскинул на него карие глаза с расширенными зрачками. Очень плохо. Не ответит, даже губами пошевелить не может. Но и не ревет. Хоть на этом спасибо.

- Мы скоро приедем, я представлю тебя гостям, чуть посидишь, и я велю проводить тебя наверх. Ты отдохнешь и успокоишься, можешь даже подремать. Если станешь вести себя как должно, все будет хорошо.

Даже не слышит, а если и слышит, то не понимает – абсолютно бессмысленный взгляд. Так они даже до поместья не дотянут, раздраженно подумал герцог, сунув руку куда-то под подушки. Нащупал, слава богам, неряхи конюшенные плохо убрали в карете, и серебряную фляжку не нашли. Отвинтил крышку, принялся – то, что надо, крепковато правда, впрочем, выбора нет, пойдет и такое. Рихан пересел на сиденье к Кристиэну, помертвевшему от близости супруга, серебряное горлышко фляжки коснулось губ.

- Пей! Большой глоток, только сразу глотай!

Сведенное судорогой горло обожгла огненная жидкость, Кристиэн зажмурился и вздохнул.

- Так будет лучше, – отметил Рихан, увидев, как на щеки Кристиэна возвращается краска. Восхитительный румянец. Ну теперь-то можно?

- Котенок, а ты ведь так и не подарил мне поцелуя, – подмигнул ему Рихан, обняв юношу за плечи и раздвигая языком податливые, пахнущие терпким напитком губы. Целовал долго, словно пил, утоляя жажду.

- Ожил?

А в Приморье своему жениху Сэту улыбалась юная красавица Лаисса, сидя за свадебным столом. И про Кристиэна никто даже и не вспомнил, словно его никогда и не было, лишь на чердаке в корзине пылились краски и флейта.

Рихан помог ему выйти из кареты – подал руку, в свой дом ввел, держа за ладонь.

Сколько людей! Кристиэн чуть не юркнул за спину Рихана, за алый плащ, рванулся из руки.

- Тихо! – прошипел герцог.

Накрытые столы, служанки разносят блюда и кувшины, снуют по залу, а гости – одни мужчины, встретили их криками радости.

- Хаие, Рихан! Покажи своего красавца!

Кристиэна подхватили за поясицу и поставили на ближайшую скамью, чтобы всем было видно младшего супруга герцога. Он испуганно окинул зал взглядом, встречаясь с чужими любопытными глазами.

- Вот мой младший супруг - Кристиэн Рихан Айэ! - Громко объявил всем Рихан, обняв за талию Кристиэна, и гости сдвинули кубки, чувствуя супругов.

Отправить Кристиэна сразу наверх не удалось. Гости требовали присутствия младшего на пиру и Рихану пришлось согласиться. Внутренне противилось все, незачем младшему слушать пьяные крики и скабрёзности, на которые неуклонно скатятся гости, когда еще подопьют. Да и котенок не в лучшем состоянии. Их усадили во главе центрального стола и Рихан накрыл плечи младшего своим плащом, чтобы не дрожал, распорядился, чтобы вино для Кристиэна разбавили.

- Хорош! Где ты нашел эту пичугу, Рихан? У него есть брат? - спросил кто-то из гостей, смеясь.

- Есть, - усмехнулся Рихан, - редкостный ублюдок. Пойдешь к нему младшим?

Это он про Сэта? Кристиэн постепенно приходил в себя и вино придало сил. В тарелку он даже и не смотрел, хотя понял, что дико голоден. Но лучше поесть наверху, тут столько людей на него смотрят. А ведь Сэт наверное женился, заплатил за Лаиссу. Заплатил им, Кристиэном. Может они будут счастливы?

Кристиэн хорошо держится, молодец. А широко распахнутые глазищи можно списать на смущение, хотя так оно и есть.

- Он у тебя всегда такой скромник, или смущается только на людях? - гости уже сильно нетрезвы.

- Он не бросается словами, Мельдин. От вас любой покраснеет. Прошу извинения за своего супруга, он устал и лучше бы ему пойти отдохнуть.

- Да мы все понимаем, Рихан. Конечно, не терпится?

Кристиэна проводили наверх, в его новую комнату, в которой теперь ему жить, рядом с покоями Рихана.

- Господин распорядился накормить вас и чтобы вы обязательно выпили вино. До вечера можете отдохнуть.

Хорошо, что его оставили одного! Как же страшно, храм, гости, разглядывают, хорошо что Рихан не раздел его перед ними и не убедил своих друзей в девственности младшего!

Еды принесли много, с пира - яблоки, сладости, мясо, овощи, пироги и вино, небольшой кувшин разбавленного красного. Он съел все, понял, что успокаивается, утомленный дорогой и сытый. Оглядел комнату, небольшая, но странно уютная - ковры на полу, сундук у стены, низкая койка с шерстяным одеялом, стол, кресло, окно занавешено дорогой тканью, камин и зеркало. В ней придется прожить всю жизнь?

Рихан теперь его господин, перед которым Кристиэн не может поднять глаз без позволения, устроил ему унижение в Тэлете. А сегодня даже странно добр, или просто боится слухов?

- Хороша игрушка, Рихан! - пир продолжался, а старый товарищ Мельдин хотел разговора. - Он воспитан в традиции?

- А ты то сам как думаешь? Я бы взял иного? Мне уже хватило один раз. К имперским шлюхам я бы даже не подошел.

- Иного ты уже брал, вспомни, чем это закончилось. Не повтори ошибки с этим, - Мельдин почти трезв. - Сколько ты отдал за него?

- Я дал больше, чем за четырнадцатилетнюю девственницу среднего рода. Хотя просили меньше. На него многие пускали слюни, этим имперцам только покажи смазливую мордашку и все. Но из того, что было в Тэлете - этот лучший.

- Я не сомневался в твоём выборе, но думал, что на этот раз все-таки привезешь девчонку. Однако, или мне показалось, что он до смерти тебя боится? Уже успел провиниться и ты его наказал? Я бы пожалел такого красавца.

- От этого и все твои беды, Мельдин. Майэр из тебя веревки вьет, пользуясь тем, что ты падок на гладкую шкурку. Если Кристиэн провинится, он получит по заслугам. И мало того, он должен будет усвоить урок на будущее, пока не станет идеален. Я устроил осмотр в Тэлете, но мне нужны были гарантии, что он нетронут. Это пить можно из общего ведра у колодца, а брать в постель, то, чем пользовались - я брезгую.

- Может ты и прав... Юный девственник, сладко думать о нем, Рихан?

- Да ну вас, дай лучше спую.

- Рихан, влюбишься, на руках носить будешь. Ладно, пой, ту, про море.

===== Глава 3 =====

Кристиэна разбудили, трясая за плечо, он заморгал сонными глазами, увидев слугу.

- Пир закончился, пора. Идемте.

Оказывается, бывают вещи и унижительней осмотра - процедура, что очищает нутро в купальне. Кристиэн едва сдержал слезы.

- Чтобы ваш старший супруг не испытывал неудобств, - пояснили ему.

Свадебный наряд сняли, одели другой, откровенный, для спальни. Коричневое с золотом великолепно подходит к смуглой коже, полы полупрозрачной накидки очерчивают тело. Волосы распустили по плечам, чтобы плащом укрывали спину до пояса, что-то капнули в глаза, для блеска. И страх снова настиг Кристиэна.

Надежда была, надежда на то, что Рихан устанет на пиру, от вина и еды, захочет просто спать. Ну вдруг?

Но супруг ждал именно его. Трезвый и свежий, словно ранним утром, сидел в кресле. Дверь за Кристиэном захлопнули.

Голос императорского дознавателя был сух:

- Сколько заплатил вам герцог Рихан Айэ за вашего сына Кристиэна Тихэ, восемнадцати лет?

- Шестьдесят тысяч золотом, господин дознаватель, - мать Кристиэна старалась говорить, чтобы не выдать слез.

- Сколько вы просили сами?

- Сорок пять тысяч, господин, но герцог сам предложил нам шестьдесят. Как мы могли не согласиться?

- Действительно, как? – задумался дознаватель. – На что вы потратили эти деньги?

- Мы заплатили сорок три тысячи за жену моего старшего сына, Лаиссу, купили им пир, и оставшееся хранится у нас дома, – чиновника Мая забрали прямо со службы и приказной кафтан выглядел мятым и жалким.

- После помолвки Кристиэна Тэхи и герцога Рихана Айэ навещали ли вы вашего младшего сына в доме его супруга, писали ли письма и получали ли новости о нем?

- Нет, господин, герцог сказал, что сам позаботится о нем.

- Принуждали ли вы Кристиэна к браку с герцогом, угрозами или делом?

- Нет, они глянулись друг другу сразу, – улыбнулась натужно женщина.

- Вы лжете, Мадрина Тэхи, у нас есть сведения, что ваш старший сын, Сэт, побоями и угрозами вынудил своего брата принять предложение герцога.

- Сэт очень любит Кристиэна, он не мог, это наговор!

- Это решит суд. Знали ли вы что-нибудь о герцоге Рихане Айэ до того, как отдали ему сына?

- Слышали, что он богат.

- То есть, можно сделать вывод, что вы получили огромные деньги за мальчика от почти неизвестного вам человека и больше не интересовались вашим младшим сыном? Так?

- Как вам угодно! Мы не нарушили закон! – поджала губы Мадрина.

- Уведите их, – распорядился дознаватель тюремщику, – а ко мне сейчас же Сэта Тэхи!

Вечером дознаватель Элвиан писал письмо самому императору, лично контролировавшему это паскудное дело, и думал о том, что в виновных в истории с Кристиэном Тэхи гораздо больше, чем один.

- Ну, Кристиэн, наконец-то мы одни? Ты ждал этого? – Кристиэн замер у двери, не смея поднять глаз. – Подойди же, ближе.

Он сделал несколько шагов вперед, к креслу. Воплощенный идеал младшего супруга – склоненная голова, зардевшиеся скулы, цепочка на шее со знаком старшего, золотистое тело сквозь шелк и нетронут. Пока. Предвкушение так сладко, что его можно растянуть еще на чуть-чуть, поиграть с котенком, ведь скоро тот станет совсем другим.

- Ты все еще боишься меня, котенок? – голос Рихана в полутемноте, которую рассеивают лишь свечи. – Говори.

- Я совсем вас не знаю, сайэ Рихан, – такой чудный голос, словно никогда не ломался, мягкий и текучий, нежный.

- Я тебя тоже не знаю, Кристиэн, так что же, мне бояться? Это не причина. Запомни самое главное правило, я тебе уже говорил, ты полностью подчиняешься моим желаниям и словам, тогда все у нас будет хорошо, если нет, накажу сурово. Прежде всего ты должен всегда думать обо мне и только. Это для тебя закон. Ты понял?

- Да, сайэ Рихан.

- Хорошо. В эту ночь я узнаю о тебе правду, но уже сейчас могу сказать, что ты больше занят тем, что боишься того момента, когда я коснусь тебя. А должно волновать другое – чтобы я остался доволен и не разочаровался в тебе, котенок. Тебя слишком легко читать. Разденься, Кристиэн. Медленно, чтобы я видел.

Кристиэн стаскивал с себя многослойные шелка, обнажая тело медленно, как и приказал Рихан. Сэт был прав, абсолютно. Он, Кристиэн, действительно всего лишь дырка и рот, по выражению брата и только это от него и нужно. Инструмент для удовольствий.

Теперь это совершенство принадлежит ему. Последний кусок ткани соскользнул к ногам Кристиэна. Никто из мужчин доселе не видел Кристиэна таким, и не увидит, никто, кроме Рихана. Совсем обнажен, только серебро на золотистой шейке. Стоит, ждет, готов к любым приказаниям.

- Повернись ко мне спиной, – хотелось подольше посмотреть. Лопатки, тонкая линия позвонков, видно что гибкий, маленькие ягодицы, длинные аккуратные ноги, легкий, как перышко. Такой должен танцевать, но лишь для одного зрителя. Может еще немного поиграть, с самим собой, на терпение. Ночь долгая.

- Сядь ко мне на колени, – голос охрип.

Как жестко! Кристиэна перехватили за пояс, заставив откинуться на грудь герцогу, так, что Рихан мог шептать ему в ухо. Второй рукой Рихан заскользил по груди юноши.

- Сделай все, чтобы мы с тобой подружались, Кристиэн. Мне бы не хотелось наказывать тебя, но это будет необходимо, если ты будешь своевольничать. Ты очень красивый, так будь же еще и умным. Не уподобляйся имперским потаскухам. Посмотри на мою спальню, что ты видишь?

Кристиэн от волнения, да и еще от неловкости, когда в ягодицы уперлось что-то твердое, едва мог смотреть по сторонам. Спальня как спальня, две двери, одна в коридор, вторая еще куда-то, большое зеркало, которое отражало их, широкое ложе с необычно высокими спинками, кресла, ковер.

- Вторая дверь, Кристиэн, – угадал его мысли Рихан, – это для нас с тобой. И иногда лично для тебя, скорее всего ты ее возненавидишь, но мне на это наплевать. Там небольшое хранилище того, что вряд ли придется тебе по вкусу.

Кристиэн едва не вскрикнул, когда гибкие пальцы Рихана ущипнули его за сосок, выкрутили, не отпуская, он дернулся.

- Давай, поерзай, – рассмеялся Рихан, – это неплохо.

Пальцы Рихана миновали пах, пробежались по члену, яичкам. Кристиэн замер.

- Ну, я пока налюбовался, – его спихнули с колен, как кота, – теперь твоя очередь. Раздевай меня, котенок.

Зачем его мучают так долго? Кристиэн дрожащими пальцами расшнуровывал рубаху Рихана, помог стянуть ее с плеч. Герцог был худым, но не тощим, жилист и крепок, как канат, на груди несколько шрамов, серебряная цепочка на шее, а подвеска – три сплетенных треугольника, символ бесконечности. Со штанами было труднее, долго возился с пряжкой, пытаюсь понять, как расстегнуть.

- Встань на колени, так проще, – голос снова бесстрастен и сух.

Кристиэн подчинился. Нашупал под пряжкой упор замочка и ремень поддался. Рихан переступил через тряпки и повернулся к Кристиэну, так и оставшемуся на коленях.

- Ну так как, Кристиэн Рихан Айэ, я тебе нравлюсь? Как на твой вкус?

- Мне не с кем сравнивать, сайэ Рихан, – тихо откликнулся Кристиэн, – вы, наверное, очень сильны.

Рихан остался доволен ответом. Может котенок умней, чем кажется?

- Не наверно, Кристиэн, – Рихан перехватил тонкое запястье, наклонившись, – а точно.

Юноша вскрикнул от боли, когда руку завернули за спину, на глазах выступили слезы. Отпустил. Кристиэн потер запястье.

- Но тебе лучше не думать об этом сейчас, котенок. Есть кое-что поважнее. Видишь, Кристиэн, я хочу тебя.

Кристиэн уже увидел, побледнев. Милостивые боги, да пожалейте хоть раз! Рихан был возбужден и его налитый кровью орган торчал вперед, такой же жилистый и крепкий, как и его хозяин.

- Ну, Кристиэн, тебе это должно понравится больше всего, – уронил Рихан, – теперь ты будешь видеть это часто, и не только видеть.

Кристиэн не мог оторвать глаз, вот оно, самое страшное. Рихан еще чуть-чуть поглумится, а потом все.

- Не отводи взгляд, котенок, – рассмеялся герцог, – очаровательное смущение. Я не ошибся в тебе, но еще раз напомню, думай лучше о том, какое ты доставишь мне наслаждение. Ну, возьми его в руки.

Рихан не смог сдержать стона, когда слабая нежная ладошка обхватила ствол. Как же он мечтал об этом! Кристиэн!

- Котенок, поласкай, это просто, вверх-вниз.

Кристиэн не знал, куда смотреть, видеть это он не мог, а Рихан словно нарочно поставил его напротив зеркала. Какой же горячий!

Мальчишка совсем прелестен, просто сама невинность, пойти дальше, посмотреть как котенок дойдет до грани?

- Чудно, Кристиэн! – рука Рихана скользнула к его затылку, зацепила в пятерню волосы, – Можешь облегчить себе жизнь, возьми его в рот.

Юноша вскинул взгляд на старшего. Как? Это же не поместится! Это в рот? Он слышал о таком в приморском монастыре, но тогда все казалось далеким и тем, что может и не коснуться никогда.

- Ну, мне долго ждать? – Рихан требовательно потянул за пряди и ткнул Кристиэна лицом прямо в пах, – раскрой губки.

Кристиэн закашлялся, слезы брызнули из глаз, когда в горло воткнули член. Рихан решил не ждать, пока младший проявит инициативу и попросту держал его за волосы, толкаясь в рот.

Ничего, научится. Рихан не стал ждать разрядки, терпение пока еще есть.

- Могло бы быть и лучше! – Рихан сильно ударил зажмурившегося юношу по щеке. – Иди на кровать, ложись на живот. Ты плохо слышишь?

Кристиэн встал, затекшие от долгого стояния ноги едва держали его. Как, уже? Он не решился сделать и шагу.

- Ты оглох, котенок? – притворно ласково прошипел Рихан.

Кристиэн нерешительно шагнул, но его ударили в спину и он упал, больно ушибившись животом о деревянный край ложа.

- Котенок, не выводи меня из себя! – прорычал Рихан и Кристиэн обмер от ужаса, его дернули, подтаскивая на середину ложа, ткнули лицом в подушки. – Раздвинь ноги!

Не пошевелиться, он бы может и подчинился, но не мог.

- Не вынуждай меня наказывать тебя, Кристиэн! – Рихан прижал его спину рукой, вжав в простыни, второй рванул ноги. – Это не лучшее начало семейной жизни!

Тяжелое тело придавило Кристиэна к ложу, но стоило сухим жестким пальцам коснуться входа в тело, как он забился от страха под Риханом.

- Лежи смирно! – рывкнул герцог, ударив его по ребрам. – Ты нажил себе беду, Кристиэн!

Но юноша не слышал его, сосредоточившись на цепких пальцах внутри себя.

- Я не собираюсь заниматься скачками на тебе, котенок! – Рихан отстранился, вставая. – Подожди, я решу этот вопрос. Он хлопнул той самой дверью.

- Ты сам захотел этого, Кристиэн! – Рихан заставил его поднять голову. Веревка и плеть, та самая, что была за поясом герцога на помолвке.

- Не надо! Пожалуйста! – взмолился Кристиэн. Он будет лежать, но сейчас он не властен над своим перепуганным телом.

Рихан наклонился над ним, ухватил за цепочку, сразу врезавшуюся в кожу шеи:

- Я не разрешал тебе разговаривать! – размахнулся, ударил по щеке. – Руки!

Кристиэн в мгновение ока оказался распят на ложе, так вот зачем так высоки борта! Ногам больно, так широко растянуты.

- Котенок, не говори, что я не хотел добром! - плеть взвизгнула в воздухе и Кристиэн закричал.

Пяти ударов вполне хватит, жаль уродовать атласную спинку, но урок будет заучен. Кристиэн позвоночником ощущал, как колебался воздух в комнате, как напряглось все тело. Потом были снова настойчивые жестокие пальцы, но уже не дернуться. Веревки раздерут запястья.

Кристиэн захрипел, надорвавшись от крика, когда головка проникла в тело. Так наверно сажают на кол преступников. Рихан просто разорвет его надвое.

Невероятно! Пусть орет, но какая же жаркая теснота внутри, Рихан застонал, начав двигаться. Да, это именно тот, кого он искал. Пусть котенок пуглив и несговорчив, но пара уроков и он станет шелковым.

- Кристиэн... - Рихан двигался, закрыв глаза от наслаждения, покорное ему распростертое тело, под рукой атлас вспотевшей кожи, черные волосы можно намотать на руку, заставляя вскинуть голову. Обойдется пока без смазки, паршивец.

Он кончал долго, мучительно выплескиваясь внутрь Кристиэна и вытекающее семя мешалось с кровью. Кристиэн уже не кричал, всхлипывал, дрожа. Рихан распластался на нем, обняв за плечи, пропустив руки под грудь, нащупал соски.

- Не реви, котенок. Ты сам виноват, я еще добр к тебе. Когда мы встретимся тут в следующий раз, я не спущу таких вольностей. Вот так, - ноготь герцога вонзился в нежную плоть, заставив Кристиэна резко вздохнуть.

Рихан почувствовал, что желание нарастает снова, а ведь он даже не покидал тесного плена.

Все, что хотел Кристиэн, лишившись даже голоса, это умереть. Есть ли предел этой боли? Так бывает всегда?

Четыре раза. Рихан сыто скатился на постель, не обратив внимания, что придавил тонкое колено Кристиэна. Волшебство. Можно было бы и еще, но Кристиэн уже совсем похож на тряпку, обмяк и затих. Рихан разрезал веревки, освобождая младшего. Даже не шевельнулся. В комнате висел запах крови и семени.

- Иди к себе, котенок, - Рихан рывком оторвал Кристиэна от мягкой постели, поставил на ноги, но тот не удержался, рухнув на пол.

Рихан захлопнул дверь кристиэновой комнаты, втолкнув туда мальчишку, и отправился спать в другую комнату, в своей спальне слишком грязно.

Дознавателю Элвиану было противно копаться в этом деле и грустно. Все так обыденно, почему только сейчас все заговорили об этом? Разве не сотни лет родители торгуют своими младшими детьми, чтобы обеспечить будущее старшим и сохранить фамилию? Из-за одного единственного мальчишки эта гора сдвинулась с места. Или не из-за одного? Слуги поместья Рихана что-то говорили про северный монастырь. Его нашли. Да, все верно, секта последователей старых культов и традиций - воспитывали и калечили жестоко. Но никто не догадался спросить ни слуг, ни монахов разрушенного сразу же храма, куда делись воспитанники и книги, в которые заносили их имена. Кого еще там ломали, кроме Кристиэна Рихана Айэ? Элвиан вызвал помощника:

- Подними мне все, что касается некоего Ская Рихана Айэ.

И это супружество? Это то самое, что так красиво расписывают монахи его ровесникам в своих поучениях? То, о чем поют песни и складывают легенды? То, ради чего он и родился на свет, всего лишь для того, чтобы супруг изнасиловал его? Совсем не похоже на метафоры, типа «нефритовых жезлов»! Мясо и кровь. Кристиэн захлебывался тихим воем, свернувшись в комок на ковре у двери – не было сил доползти до кровати, слишком больно внизу живота. В комнате было холодно, не топили, в расчете на то, что младший супруг не будет ночевать в ней. Он скорчился, подогнув колени, чувствуя, как течет кровь по ногам. Ковер испортит, Рихан будет ругать...

Когда то давно, Кристиэну казалось, что уже совсем давным-давно, он мечтал о том, что достанется человеку, которого полюбит и который будет ласков с ним. Хоть бы теплое слово, даже ради него он бы сделал для супруга все. Он видел пары мужчин, с любовью смотревших друг на друга. Рихана ему не полюбить никогда. Рихана, старшего супруга, ставшего насильником и мучителем. И в мутнеющей памяти сознания всплыл образ – шрам, синие глаза. Харет. Перед Харетом Кристиэн бы расстелился сам, только за то, что воин спросил его имя у него самого. Но наверняка повезло какому то юнцу и теперь он греется в сильных руках.

Глупость, его любовь не нужна Рихану, только покорность.

- Добрый вечер, сайэ Рихан, – лекарь осторожно приоткрыл дверь хозяйского кабинета, заглянул, – как вы и велели, докладываю. Он поранен, есть повреждения, нужно несколько дней абсолютного покоя.

- Я велел тебе лечить, вот и лечи! – в дверь влетела пустая бутылка, лишь брызнули осколки.

Трусливая размазня. У очарования невинности оказался существенный недостаток – звериный страх перед постелью. Поначалу ужас в глазах котенка был забавен, но потом начал раздражать. Как будто ему никогда не говорили, что происходит меж супругами! Имперцы явно вложили в приморскую башку что-то не то, рассказывали сказки небось о любви неземной и боли от соития, а не о том, как ублажить старшего. Ну, а про закрытый монастырь говорить нечего. Но туда попадают в основном те, кто предполагает и знает, что член необходим не только в нужнике. Кристиэн приятное исключение. Если бы еще и мозгов было побольше!

Скай и Кристиэн. Небо и земля. Рихан улыбнулся, вспомнив первую ночь со Скаем, драка была славная, но потом Скай подмахивал так, что держаться было нелегко. Злой похотливый зверь Скай, я ведь не хотел, чтобы ты уходил. Твоя вина на этом мальчике теперь, и не только твоя. Скай никогда не расслаблялся, встречая супруга на ложе как врага, а потом расставаясь на день, устраивал очередную выходку. А Кристиэн, даже после того, как выздоровеет, скорее всего будет лежать под супругом как красивый живой коврик, безвольным. Опять крайность, сколько можно? Что один дурак, что второй.

Его нашли совсем рано утром, когда обнаружили кровь на полу коридора меж супружескими спальнями, лежавшего в обмороке у порога комнаты. На поправку у Кристиэна ушло больше недели, почти все время он пролежал в забытьи. Он все чувствовал, находясь в мутном тумане – мыли, перевязывали, переворачивали, лили настойки и втирали мази. Чужие руки касались бедер, лба, убирали тряпки. Иногда он просыпался, равнодушно смотрел в дощатый потолок комнаты, не отвечал на вопросы, да и не слышал их.

Боль и безнадежность. Все, что его ждет после первой ночи в чужой спальне. И если была надежда, что Рихан пожалеет его, то теперь она умерла совсем. Пройдет время, заживет рана,

его снова разложат на кровати и точно так же будут вбивать в постель, невзирая на кровь и сопротивление. Кто спрашивает разрешения у дырки?

Рихан сделает с ним все, что захочет. Выбора все равно нет, никто не защитит и не спасет. В законах говорится о том, что супругов могут развести, но куда он пожалуется и кто его будет слушать? А еще он солгал на помолвке и за это накажут именно его. Терпеть, жить с нелюбимым.

Рихан пил третий день, погружаясь в почти забытую с тех самых страшных времен, бессильную тоску. Вино и последние дни снова подняли наверх памяти то, что давно было похоронено в пыли времен. Невозможно остановить солнечный диск, он все равно неотвратимо уйдет за горизонт, и сколько не смотри, ты все равно окажешься во тьме.

Там, за стеной, спит Кристиэн, спит на животе, потому что не может сам перевернуться, чтобы не застонать. Кристиэн, который всего лишь бледная тень Мечты, такая же как и Скай. Сокола ему не поймать, одни воробьи в руках.

Дерьмовая вышла у них ночь, но Рихан ничего не мог поделать с собой, слишком истосковался по соседству в постели. И всегда же можно сделать вид, что тебе наплевать на чужую ненависть. Котенок его возненавидит, пусть не так как Скай, но все равно – ничего не меняется.

===== Глава 4 =====

Слава Богам, Рихан уехал. Кристиэн уже начал вставать, ходил по комнате, сидел. Внутри все ныло, но терпеть можно. А когда супруга нет дома, можно даже пройтись по усадьбе, сгрести руками листья, смотреть в серое небо. А можно еще зайти в конюшню, погладить морды коней, шелковистые гривы, сунуть кусок хлеба, припасенный с трапезы. Поговорить не с кем, слуги отвечали односложно и нехотя, а потом и его не потянуло на разговоры. Безделье, вопреки ожиданию, оказалось не так уж тягостно.

Рихан маялся в городе, выполняя поручения наместника, разбираясь в новых имперских законах с трудом, столько наворочено слов! Столица и провинция, ладно Ланка, она лояльна к императору и его законам, но Атора? Та самая Атора, за усмирение которой Рихан и получил наследственный титул и богатство, подписала согласие на строительство монастырей? Мир перевернулся. Жаль. Снова хотелось воевать, окунуться в дороги, разъезды, кровь, только бы снова не вспоминать об оскорблении. Проклятье, столько лет прошло! Он воевал после смерти Скай, стараясь избыть ярость, а теперь вот Кристиэн. Видно на роду написано.

Очень хочется домой. Там котенок, кареглазый красавец, плакса и безвольный трус. Подарок что ли купить? Какой? Уехал же и не попрощался. Положил руку на лоб спящего и вышел.

Если котенок выздоровел...

Сердце испуганно замерло. Рихан вернулся. Нет! Так тихо было, Кристиэн уже полюбил это безмолвие, а теперь его скорлупу разобьют. Но его никто не позвал, день клонился к вечеру, а все шло по заведенному порядку. Но напряжение...

- Все хорошо, господин Рихан, уже нормально ходит, ест твердое.

Игрушку починили, можно снова пользоваться. Рихан смеялся сам над собой. Кристиэн безумно желанен, сладок, но как сдержат себя? Вряд ли стоит надеяться на то, что котенок в

отсутствие хозяина думал только о том, как доставить супругу удовольствие. Снова замкнутый круг, из которого не суждено выбраться ни ему, ни этому Кристиэну.

Рихан приподнял лицо пальцами, заставляя посмотреть на себя. Ничего не изменилось, подумал Кристиэн. Плечи сжали ладони.

- У тебя было достаточно времени оплакать себя, котенок. Самосожаление не лучший выход, Кристиэн Рихан Айэ. Это легче всего.

Котенок не поймет никогда, о чем ему толкуют, он рожден и воспитан как жертва, так и будет смотреть коровьим взглядом.

- Дурак ты, Кристиэн, - хлопнул по плечу Рихан, - ну, кровать там!

Кристиэн уже не плакал, просто сжался всем телом, впился пальцами в подушку. Жесткая ладонь огладила позвоночник.

- Расслабься.

Не получилось, поэтому Кристиэн чувствовал малейшие движения члена Рихана, кусая губы. Пусть, лучше перетерпеть, чем быть распятым и плакать под плеткой от позора.

- Если ты, котенок, думаешь, что твое кислое личико и поза бревна с дырой меня сильно возбуждают, то ты ошибаешься. Что такое, котенок, говори!

- Мне больно, сайэ Рихан.

«Я не строптив, покорен, так что тебе еще надо?!» хотелось закричать Кристиэну.

- В этом доме есть лекари, о тебе позаботятся. Я говорил тебе - расслабься.

Ни слова о том, что было! Кристиэн едва не задохнулся от обиды, Рихан еще ждет ласки от него? Как? Если сам Кристиэн никогда не знал, что это такое!

- Ложь это грех, - осмелился он, - Вы сами говорили, сайэ Рихан. Что вы хотите от меня?

Рихан поднял брови от удивления. Вот как? Котенок осмелел, или решил, что ему совсем терять нечего?

- Догадайся сам, Кристиэн. Или ты уверен, что я оценю твои старания в следующий раз, когда ты с видом страдальца будешь подставлять мне задницу? Чуть огня, котенок. Делай так, чтобы мне было приятно.

- Я... Я не умею, - прошептал Кристиэн, - в том монастыре, куда вы меня отправили не учили такому, а приморские уроки я не запомнил. И мне не удастся подделать лицо, простите.

Кристиэн похолодел от ужаса, что он несет! Но уже поздно.

- Не торгуйся! Ты согласился, что принимаешь правила, там, в храме. Теперь ты лжешь и отказываешься от своих слов. Как ты думаешь, зачем я женился на тебе?

- Не знаю, меня не спрашивали.

- Не дерзи. Мне нужен идеальный супруг, котенок, а не дырка. От тебя не требуется занятий

хозяйством и прочего. От тебя нужно то, что ждет каждый, возвращаясь домой после отсутствия и трудностей. Ты должен скрашивать дни и ночи. В Тэлете ты был самым достойным, не имперской шлюхой, что улыбается мужу лишь за очередное колечко. А сейчас ты разочаровываешь меня, Кристиэн. Спешить сюда и видеть твою постную мордашку? Мало счастья.

- Я не могу улыбаться вам, – прошептал побелевшими губами Кристиэн, – это будет грехом лжи. Вы накажете меня, как и обещали. Вы изнасиловали меня и избили, я боюсь, сайэ Рихан.

- Ты загнал себя в ловушку, глупый котенок. Про грех непокорности я тебе тоже говорил. Как ты смотришь на то, что я расторгну брак и верну тебя родителям с обритой головой? Ты солгал на помолвке, ты отказался делить со мной постель и выполнять свои обязанности. Твои родители отдадут мне уплаченный выкуп, а тебя с почетом сплавят в серый храм для преступников. Будешь там улаживать любого, кто посмотрит на тебя, а потом закончишь жизнь в жертвеннике. Закон суров к таким как ты. А перед ним я чист.

Котенок растерян. Изумление на личике и неподдельный ужас. Конечно же закон империи всем известен, хотя и тому, кто злоупотребляет силой тоже будет несладко, но котенок об этом не думает. Нарушившего клятву младшего ждет лишь судьба тела, которое приносит доход серым храмам. Будет сидеть на ступеньках и ждать, пока кто-то за монетку брошенную на медное блюдо, уведет его за собой в подворотню. Его родители не смогут вернуть выкуп и окажутся на каторге. Старший брат потеряет право на брак.

- Думаешь, не смогу? Как бы не так! Твоих ровесников в Тэлете будет еще очень много в любой год.

Ему никто никогда не поверит, что Рихан жесток с ним, а на помолвке он и вправду солгал. Легко дознаются, подумал Кристиэн.

- Не надо, пожалуйста, – Кристиэн вскинул взгляд. – Я привыкну.

- Ты торгуешься, как столичная блядь, – несильный удар по щеке. – Мне не нужны твои уступки, Кристиэн, либо ты мой супруг по всем правилам, либо сдохнешь под матросней в серых храмах, а твои родители будут на каторге, прокляв тебя.

- Я буду, клянусь! – дрожащий голос. Даже противно, до чего труслив красавчик и предсказуем, лишь бы не били.

- Я услышал твои слова, запомнил. И не приведи боги, тебе нарушить это. Я все равно уличил тебя во лжи и строптивости.

Пусть Кристиэн запомнит и эту ночь! А еще хотелось видеть на лице младшего хоть что-то кроме равнодушной покорности и одолжения, ну хоть боль!

Кристиэна отпустили только под утро, спина саднила от тонкой плетки, а по ногам текло, на шее следы поцелуев-укусов. Рихан снова указал на дверь таинственной комнаты, пообещав, что в следующий раз милосердие его не удержит от того, чтобы не отпереть двери.

- Что, Харет, весной снова в Тэлету? Тысячу хоть еще насобирал? – спросил воина второй капитан заставы. – С таким жалованьем как у нас, даром что старшие, все равно в одиночку сдохнем.

- Нет, не поеду. Не в деньгах дело.

- Приметил кого? – ухмыльнулся пограничник.

- Да, но только его там же и повенчали с Риханом Айэ. У того золота – куры не клюют. А другого мне никого не надо, – вспомнил теплый карий взгляд Харет.

- Ишь ты... Рихан Айэ, – покачал головой Райн-капитан. – Это тот, что Атору почти дотла сжег? Они там мятеж подняли, а он в самое логово влез к ним. Империя ему заплатила, щедро, я слышал. Это мы тут блох щелкаем. А чего ты степняка не хочешь? Дешево, Ир вон женился, доволен, все равно говорит, тоже самое, только парень и сам к нему льнет.

- Иру что в кулак гонять, что в степняка, тоже самое, – сплюнул Харет, – а мне кроме того, никого не надобно. А его нет. Лучше одному тогда.

Рихан откинулся на подушки. Даже не интересно. Все можно предположить сразу, сначала котенок выплачется, как положено, подумает еще раз о своей разнесчастной долюшке, потом поспит. А завтра будет весь день напрягать свои кошачьи мозги, думая как угодить Рихану. Это легко представить, особой фантазии у Кристиэна, скорей всего, нет. Вымученная улыбка, перепуганные глазки, холодные ладошки, которыми он станет трогать супруга в самых невинных местах. Слово его заставило взять в руки жабу. Ложь это грех, Кристиэн? Проверим. Но у меня есть план поинтереснее.

Не везет ему с супругами.

- Кристиэн, а ты умеешь танцевать? – неожиданно спросил его Рихан, когда они лежали в постели. Впервые Кристиэна не выставили за дверь сразу после того, как Рихан остывал со своими забавами.

Мда, набор котеночьих ухищрений и вправду оказался скуден, крайне скуден, лениво размышлял Рихан, перебирая черные прядки волос младшего супруга. Но улучшение налицо, уже хотя бы не расплакался и мордашка не совсем кислая, хотя все равно прячет глазки. Если так пойдет и дальше, то бед с Кристиэном больше и не будет.

- Да, сайэ Рихан, – тихий усталый шепот, – меня учили танцевать в приморском монастыре.

- Надо же, – иронически поднял бровь Рихан, – а еще чему учили?

- Немного рисовать и играть на флейте.

- Твои родичи не говорили мне об этом.

«Можно подумать, ты их спрашивал! Тебя интересовал только мой зад и его целостность!», стиснул руки Кристиэн.

- Значит будешь мне танцевать, – притянул его к себе Рихан.

Не уходить от поцелуев, терпеть, пусть герцог делает что хочет с ним, лишь бы не закричать от боли, не выдать себя!

- Нет, Кристиэн, так тоже не пойдет, – быстрый удар по скуле вывел мальчика из забытья, – твое притворство ничего не стоит. У меня есть встречное предложение. Я усложню тебе

задачку, – Рихан слез с кровати, сел голым в кресло, налил себе вина в кубок, – Ну, котенок, ложись на спинку, – командовал Рихан, – Бери свою ладошку правую и клади на свой член. Как я вижу, мои объятия тебя не радуют, ну так доставь сам себе удовольствие. Поласкай себя, я хочу посмотреть. Ты красивый мальчик и это должно быть тоже красиво. Хотя... Времени не так уж и много, – Рихан взял песочные часы, перевернул их, – У тебя пересып туда-обратно. Если не справишься, догадываешься что будет? Так-то, Кристиэн, время пошло.

Кристиэн замер. Как же так?! Монахи выбили из него всякую охоту к касаниям срама и рукоблудию, за это полагались самые жестокие наказания, а теперь супруг хочет обратного? Непристойно ласкать себя, а под чужим взглядом и вовсе невыносимо.

Так и есть. Это бревно даже такого не сможет. Мордаха красная от стыда, а ладонь так и скорчилась в паху, вот-вот разревется. Как же это надоело уже! Это не парень, это хуже пуганой девки!

- Не вижу действий, котенок, – Рихан развалился в кресле, перекинув ногу на ногу, – что такое?

Кристиэн умоляюще посмотрел на супруга, но в серо-зеленых глазах была лишь насмешка и злость. Чего Рихан от него добивается?

- Это грех, сайэ Рихан. Монахи говорили и в молитвеннике написано, что рукоблудие это страшный проступок, – прошептал Кристиэн, понимая как нелепо и жалко это звучит.

- Я сейчас молитвенник тебе в задницу засуну, – спокойно сообщил Рихан. – Самый страшный проступок это отказ доставить радость своему старшему супругу. Ну, песочек-то вон, сыпется, время уходит.

Он не мог прикоснуться к себе, к срамным местам, там, куда твердые пальцы Рихана проникали без смущения, теребили пах. Он не сможет. Пусть его забьют насмерть, пусть Рихан делает что хочет, но он не коснется себя. Но за что с ним так обращаются? За что? В чем он провинился перед богами?

Все же монахи перестарались, с досадой думал Рихан, это все история со Скаем. Наверно там решили, что и этот такой же. Смотрел на распростертого Кристиэна, вместо того, чтобы просто вытряхнуть имперскую дурь из башки младшего, монахи выбили из котенка все, что относилось к постели, напрочь. И теперь у него вместо ласкового и послушного супруга, сладкий на вид юнец со свернутыми мозгами, рассуждающий о грехах. Ну на кой ему монашек на ложе? Самое страшное в том, что даже если выполнить угрозу после того, как истечет время, то это ничем не поможет делу. Этот малолетний мученик готов терпеть. Ну все же, Кристиэн, я тоже не сдамся, и кроме плетки есть много других способов.

- Ты абсолютно бесполезное создание, Кристиэн, супруг мой, – Рихан встряхнул часы и поставил их на место. – Что с тебя взять? Если ты даже сам себя ублажить не можешь, хотя твои ровесники справляются с этой забавой за несколько минут. Когда я тебя увидел, мне показалось, что ты чувственный. Такие губки, нежные глазки, нервный, гибкий. Я ошибся в тебе, котенок. Сегодня тебя даже противно наказывать, по мешку с дерьмом сколько не колоти палкой, а золото не посыплется.

Кристиэн больше не мог сдерживаться. Да что же это такое?! Слова ранят сильнее плети, «бесполезный мешок», так ты назвал меня, Рихан? Это ты меня сделал таким, ты! Ты!

Кристиэн уже не понимал, что повторяет это вслух, захлебываясь в плаче.

- Да что ты говоришь, Кристиэн? – отрезвил его голос Рихана, герцог все же покинул кресло, подошел к ложу, перевернул Кристиэна на живот рывком и прижал юноше руки, заведя их за спину. – Я? Неужели? Чем? Тем, что взял тебя в свой дом? Тем, что одел в драгоценности на свадьбе, как принца? Заплатил за твое обучение? Не заставляю тебя работать по хозяйству? Этим, да? Я обещал взять на себя заботу и ответственность за тебя и взял ее. Не обманул.

- Не стоило так тратить, – слова давались Кристиэну с трудом, горло сводило спазмами истерики. – Мне не нужно все это, а тем более драгоценности. Ласковое слово дешевле бы обошлось. Почему вы выбрали именно меня?!

Кристиэн свернулся в клубок от удара в правый бок, даже не заметив, когда Рихан успел занести руку.

- А за что тебе эти слова, маленькая дрянь? Может ты покорен, послушен и твое сердце радуется при виде своего супруга? Ты готов терпеть мой член, лишь бы тебя не били? Не был бы таким деревянным, наша первая ночь прошла бы совсем по-другому! Почему я должен уговаривать тебя на ласку, имперская мерзость? Почему я должен прививать тебе покорность кнутом? Ты получаешь ровно то, что заслужил, Кристиэн! Но рано или поздно, мне это надоест и я вышвырну тебя вон! Башку обрею и выкину за порог с голой задницей. Ласковые слова надо заслужить, щенок! Я много раз давал тебе это понять! Но ты трус, малыш, противно смотреть. Вы, имперские мрази, все такие – никто не может вложить в свою тупую голову то, что он живет на радость своему супругу. Вас заботит только собственная дырка, ты такой же, Кристиэн. Ничем не лучше! Сил нет, на твои сопли смотреть!

Удары сыпались один за одним, Кристиэн лишь скулил, прижав руки к животу, дрожал от ужаса и боли. Кажется, под ним мокро и кровь течет из носа. Когда же Рихан остановится?!

- Думал, беру в дом существо, которое будет только моим и думать обо мне! – еще удар, прямо в бесполезный пах. – В монастырь отдал не для того, что бы имперская шлюха рассуждала, что грех, а что не грех! Этим я тут занимаюсь! Перестань выть!

Рихан пнул ногой уже безвольное тело, ярость затмевала все. В голове было мутно и только одно желание – пусть он кричит!

- Я купился на твою невинную мордашку и нетронутую дырку. Думал, ты чище других! Что ты бережешь свою честь для меня, а ты был, значит, готов лечь под любого, кто поманит тебя добрым словом? У каждой бляди своя цена, твоя самая низкая. И если бы не я, ты бы сейчас подмахивал тому, кто скажет тебе ласковое слово? Ты об этом мечтал, Кристиэн? Не молчи, подстилка!

Кристиэн молчал, и лишь когда от очередного пинка он скатился вниз с ложа, ударившись затылком об пол, Рихан очнулся. Больше нет сил. Не выдержать. Он опустился рядом с телом супруга, закрыл лицо руками. Ничего никогда не изменится, лишь повторяется снова и снова. Страшно посмотреть на ложе – вспененные простыни, в кровавых пятнах, а на полу окровавленный комок плоти с черными спутанными волосами – Кристиэн. И снова издевка сознания: «Думаешь, дурак, он полюбит тебя, если ты забьешь его насмерть?»

Как? Как это сделать? Конечно же он не выбросит котенка на улицу, пустая угроза, но зачем ему знать это? Зачем знать то, что Рихан до утра ворочается на своей кровати, представляя, как младший улыбается, просто улыбается. Без плетки. В их первую ночь. Он все испортил. Как они все. Они все виноваты.

Сидеть можно было долго, но Рихан встал, шатаясь от напряжения.

Без сознания, скорчившийся на ковре подросток, с судорожно скрещенными на груди руками, весь в крови. Рихан приподнял легкое тельце, расправил, пощупал ребра. Вроде целы, слабая жилка пульса на запястье. Жив. А ведь он едва не забылся, как тогда...

Как тогда...

- Вы могли убить его, сайэ! – укоризненно сказал лекарь. – Он и так-то не оправился. Но если вы так будете делать дальше, останетесь вдовцом снова.

- Не убил же, – полупьяный Рихан сидел в кресле кристиэновой комнатки, наблюдая, как лекарь прикладывает травы к синякам и перевязывает младшего. Кристиэн так и не очнулся, но ребра слабо двигаются. Дышит. – Как он?

- Если вы не отбили ему нутро, то выживет, – процедил лекарь. – Молодой, может выкарабкается. Делаю, что могу.

===== Глава 5 =====

Мельдин был откровенно ему рад, рад видеть старого друга. Но почему даже не предупредил и нет охраны? А вдруг бы они с Майэ уехали куда?

- Здорово! – облапил ветеран Рихана. – Ну что, новобрачный, где твоя половина? Я уж тут Майэру все уши прожужжал, какого ты скромника за себя взял! Проходи!

Все было как обычно в поместье Мельдина, обильная трапеза, вино, веселая беседа за столом, но Рихан постоянно ловил на себе неприязненный взгляд младшего супруга Мельдина – Майэра. Смешливый блондинчик-потаскуха откровенно его раздражал. Никогда бы даже и не глянул на эту шулерскую харю. Ну, раз Мельдину нравится... Сколько же лет они женаты? Восемь вроде, и никогда Рихан не слышал ни слова разочарования от друга, стоило признать. А Майэр, как и в первый месяц после свадьбы, все так же смотрел на своего супруга с обожанием и уважением, и Мельдин позволял тому все.

- Хренова-то выглядишь, пьешь что ли опять? – пристально посмотрел на него Мельдин.

Рихан пожал плечами, выразительно покосившись на Майэра. Если и есть дело, то обсуждать его при сопляке он не будет, но поговорить с другом, который был дороже брата, хотелось, может выручит чем.

- У меня нет секретов от супруга, – улыбнулся Мельдин, целуя руку младшего, но блондин фыркнул насмешливо и вышел из комнаты.

- Случилось что? – придвинулся Мельдин. – С маленьким?

Рихан замотал головой, уткнувшись глазами в потолок комнаты. Как рассказать?

- Значит, правда. Ну так как? Хороший ведь мальчишка, мне сразу понравился, редкое сокровище ты себе отхватил.

- Да уж, редкое так редкое. И чем он тебе так хорош, Мельдин? – осведомился Рихан. – Мордашка смазливая?

- На смазливую мордашку ни тебя, ни меня ни купишь, Рихи. Он же то, что ты и искал – чистая доска, пиши, что хочешь, глаза ласковые, видно, что не капризный. Только вот на кой черт ты

его своим проклятым жрецам отдал, не понимаю. Эти кастраты изуродуют любого.

- Не богохульствуй. Они служители, им виднее. Так положено по традиции. Там его обучили всему, что надо, даже перестарались, – усмехнулся Рихан. – Он теперь лежит с голой задницей на постели и рассуждает, что есть грех, а что не грех.

Круглое лицо Мельдина расплылось в довольной улыбке.

- Ну, так ты кажется, наступил на собственные грабли! – расхохотался он. – Твой Кристиэн ответственно подошел к обучению.

- Чересчур. И не с той стороны.

- Что ты ходишь вокруг да около, Рихи? Выкладывай как есть, не зря ж приехал! – посерьезнел Мельдин.

- Он не желает подчиняться мне в постели, в первую ночь мне пришлось его связать, – отчеканил Рихан.

У Мельдина брови поползли на лоб, отставной офицер утер пот, присвистнул.

- Это судьба, Рихи. Если твой второй супруг вырывается от тебя в спальне и пытается набить морду, то дело скорее всего в тебе. Надо же, скромник Кристиэн оказался вторым Скаем? Неожиданно. Смешно даже.

- Обхохочешься, Мел. Нет. Все гораздо смешней. Какое тут «набить морду»? Он едва под себя не нагадил со страху. Орал и вырывался так, как будто я его кастрировать там собрался.

- Погоди, – голубые глаза Мельдина сузились, – и ты его связал, так что ли?

- Да, а что, я должен был уговаривать его раздвинуть ножки? Стоять с хером и уговаривать, чтобы не тряся? Как будто он впервые узнал, что его после свадьбы трахать будут!

Мельдин потрясенно молчал.

- Рихан, – тихо сказал он, – опомнись! Что с тобой случилось? Это же девственник. Понятно, что он боялся. Мало ли что ему в монастырях говорили, он же никогда не видел этого своими глазами. Это же его первый раз. Волнуется, боится. Можно же было успокоить, приласкать. Ты же сам говорил, ему всего восемнадцать. Я тебя не узнаю.

- Он раздражает меня, – Рихан казалось не услышал друга. – Приедешь домой, а там это личико скорбное, страдальческое. В спальню придет, в подушку ткнется, мол на, подавись, супруг! Я устал от его страха и тупости. Маленький лицемер заявил мне, что ложь в постели это больший грех, чем непокорность и поэтому мне придется терпеть это бревно.

- Рихан, – пожал плечами так ничего и не понимающий Мельдин, – ты хотел скромного набожного юношу? Ты его получил. Или ты думаешь, что он с улыбкой раздвинет перед тобой ноги, после того как ты связал его в первую брачную ночь?

- Если бы он меньше думал про свою задницу и больше про меня, все было бы хорошо! Лег бы и раздвинул, сделал бы то, что захочу я!

- Твои чертовы жрецы, – начал выходить из себя Мельдин, – кажется, сожгли тебе разум! Я тебе говорил, не связывайся с ними! Нет же! Ты взял себе спутника жизни или куклу в

постель? Тебе жить с этим парнем, а ты сразу уничтожил его! И ты хочешь опоры в доме?

- Я хотел другого, Мел. После Ская, после того, что было перед ним и после, и с ним. После этого урагана. Я думал, что с ним все получится, это же не Скай и не тот... Я делал все правильно, сразу расставив акценты. Я не дотронулся до него до свадьбы, как и следовало по традиции.

- Да причем тут твои сраные традиции? Ты сам не веришь в это! – взорвался Мельдин. – Ты с молитвенником хочешь спать или с живым человеком? Ты хоть раз спросил, что он чувствует и понимает, что он хочет? Почему он боится тебя? По хорошему, ему до брачного возраста еще бы года два, а то и три, чтобы ума набрался. А его небось даже и не спрашивали, пересчитали выкуп и всучили, как щенка. Ты старше его вдвое, а у меня разница с Майэром всего шесть лет, и то я долго за ним ухаживал. Тебе его постепенно надо приучать к себе, а не сразу ставить перед своими фантазиями – он не солдат! Я вот что тебе скажу, Рихи, и можешь плюнуть мне в глаза, если я не прав. Ты сам себя обокрал на этот раз. Свою же первую ночь с супругом новым в дерьмо обратил. Сам. Или тебе было наплевать и главное кончить? Тогда бы ты тут не жаловался, я тебя знаю.

- Какой ты умный, Мельдин, – скривился Рихан, – сразу все расставил по местам. А тогда какого хера ты в первый раз в двадцать семь женился?

- Не нравился никто, – развел руками Мельдин. – Меня не привлекают ни юные бессловесные мальчики, ни оторвы типа Ская. Но зато, когда я сюда из Ланки еду, точно знаю, что меня ждут, будет еда и что-нибудь новое ночью, что за меня молятся, когда я в бурю попадаю. А ты помнишь себя четыре года назад? Когда ты возвращался в усадьбу, только и думал, не случилось ли чего? Не убил ли твой Скай кого, и не перерезал ли себе вены, в очередном приступе злобы к тебе. Теперь у тебя все устаканилось, если посмотреть, а все равно не завидую. Приедешь, нагнешь и отымеешь своего Кристиэна, пусть ревет дальше. Опять не то? Сам виноват.

- Не знаю, – Рихан смотрел в пол, судорожно сглотнул. – Может и нет. Вернусь завтра домой, а он умер. Я избил его позавчера.

Мельдин ошарашено застыл, забыв, что хотел сказать, лишь смотрел на друга, не в силах справиться с изумлением.

- За что? – только и смог спросить.

- За все тоже.

И тогда Мельдин ударил кулаком по столу, на деревянной столешнице подпрыгнули и звякнули тарелки, опрокинулся графин.

- Тебя уже ничем не пронять! Ты безумен, Рихан Айэ, а твои фанатики еще и добавляют масла в огонь! Тебе мало того, что случилось со Скаем? Сколько прошло времени с вашей с ним свадьбы? Половина года? Но это был Скай, сложно судить, кто из вас кого первым угробил бы. По тебе был противник. А этот? Рихан? Ты же раньше не бил детей, да и помню, пленных не пытал. Да, Атору мы потрепали, но за дело, и там такие ублюдки были. Но Кристиэна-то ты за что? Три недельки прошло, а следующего ты убьешь сразу на пороге храма?

- Следующего не будет. Либо этот, либо никто. А того уже не вернуть никогда, – Рихану стало стыдно и почему-то легче. Как баба, приехал, стал плакать в жилетку. Старее?

- Надо же? Я тебе еще восемь лет назад сказал, что если не удалось с тем, то лучше и не надо! Или время залечит или любовь пройдет. Не прошла, значит. А теперь ты свою неудачу срываешь на этих? Юнец Кристиэн платит собой за чужой отказ? Скажи, он тебе то хоть чуть нравится?

- Не знаю, мне кажется я с ума схожу, – криво усмехнулся Рихан, – тут ты прав. Я иногда так его хочу, сил нет, а как морду эту кислую представлю, так убить хочется. Из жалости. Нравится, значит.

- Тогда не сиди тут! Вали живо домой, проси прощения. Как – придумаешь. Твой Кристиэн чудо, он простит, да и молод еще, обиды помнить. Тебе такая удача с неба упала, а ты... Спроси его, нравится ли ему? Езжай.

- *Какой красавец послушник! – офицер-гвардеец восхищенным взглядом проводил юношу, поклонившегося на своем пути священнику.*

- *Забудь о нем! – оборвал монах восторг. – И даже не вздумай приблизиться к нему, Тэльдо!*

- *Что такое, – расстроился воин, – уже просватан? Так ленты вроде нет! Славный мальчик, только грустный очень.*

- *Забудь, я сказал! Если не хочешь неприятностей, не думай даже о нем! Он не просватан, но брака ему уже хватило! И чтобы я тебя около него не видел!*

- *Настоятель, с чего бы такая тайна? Собираете лучших со всей провинции, а даже и не посмотри? – нахмурился Тэльдо.*

Священник замялся, смягчил голос.

- *Смотри на кого угодно, но не на него. Этому мальчику такая доля выпала, что лучшим местом для него будет пока монастырь, пока не заживут раны. Если заживут. Прошу по-хорошему, не надо.*

- *Ладно, раз уж такая история мутная, – покладисто согласился Тэльдо.*

«Но посмотреть то можно?» спросил он сам себя и себе же утвердительно ответил.

Кристиэн почти не вставал с постели. Два дня он не приходил в сознание и лишь на третьи сутки стал чуть-чуть выплывать из забытья. Проснулся от боли во всем теле, даже казалось что дышать больно, а голова болела и вовсе невыносимо. Жарко, повернуться невозможно, тело словно не его, каменное. Но камни не болят. Любое движение несло с собой боль и Кристиэн старался снова уснуть, чтобы не чувствовать ничего, а яма забытья все равно казалась ему вонючим болотом, но это было единственным убежищем.

- Ну, пей, надо выпить, Кристиэн, – откуда-то издали скрипучий голос.

Кристиэн искал в себе силы, мотал головой, не разжимал зубы. Нельзя. В этом доме ничего нельзя пить и есть, чтобы не давать поводов к упрекам. Очень больно избитому телу, а еще больнее на душе, где теснились вопросы и плач. В чем он опять провинился? Рихан его ненавидит, так зачем взял? Почему в монастыре наказывали за то, что супруг приказал ему делать? Кто из них врет? За что?

Жарко. Потратили столько дров на его комнату, а дешевле оставить в покое и дать умереть. Было бы всем лучше. Никто не заплачет и не расстроится, ведь Сэт уже получил свою Лаиссу.

Рихан бросил поводья коня подбежавшему слуге и, не обращая внимания на приветствия и вопросы, прямо в сапогах, прошел через весь дом, в спальню младшего. Он почти не делал перерывов в дороге, торопясь домой, чтобы не услышать страшные слова – «умер». На этот раз не услышать.

- Плохо дело, сайэ Рихан. Я ничего не могу поделать. Он не ест и не пьет, а если и удастся впихнуть обманом, то толку никакого. Живот кажется не принимает. Только успевай таз подставлять. Все же отбили. Может из города кого позвать? – Лекарь семенил рядом, стараясь попасть в широкий шаг герцога.

Рихан едва слушал, поняв только одно слово, самое первое – «плохо», распахнул дверь спальни. Так и есть. Посеревшее худое лицо в подушках, обметанные жаром губы и воспаленные веки, дотронулся до лба. Да он же горит! А в комнате холодно.

- У нас дрова кончились? – плеть опустилась на щеку управляющего. – Или ты эту комнату с псарней перепутал? Быстро!

Безрукие сволочи, кроме синяков ничего залечить не могут, да и те херово! Рихан сдернул одеяло со спящего юноши, поморщился от запаха. Да за кого тут держат его Кристиэна?

- Демир! – заорал Рихан, возвращая управляющего. – Мать твою! Почему тут вонь? Это мой супруг, если кто не понял, а не блядь уличная! Так какого хера грязь и сквозняк в комнате? Я отдавал приказ лечить, а не заморить! У него жар, почему, я вас всех спрашиваю? Что, головы лишние на башке, так быстро исправлю!

- Мы делали все что могли, – взмолился управляющий.

- Белье сменить не могли? Если ты, боров, не можешь, так я сам займусь, а ты уматывай отсюда! Баню, вино, белье, дрова и жаровню. Сейчас.

Досадуя на самого себя, Рихан стащил с Кристиэна ночную рубаху, насквозь промокшую от пота. Все в синяках – живот, грудь, плечи. Да, он же не помнил себя тогда. А еще жар, наверняка же застудили, гниды, даже еду в беспомощного впихнуть не могут. Вот так, хорошо, в бане жарко, а Кристиэн не заметит разницы в тепле.

Кристиэн всего лишь раз раскрыл глаза, но Рихан успел перехватить взгляд, прежде чем веки снова сомкнулись. Так вот, значит, как выглядит кошмар наяву? Котенок наверняка решил, что супруг ему снится и сон этот явно не из приятных.

- Одеял у нас тоже нет? – язвительно осведомился, едва сдерживаясь, Рихан у слуги, но тут же притащили ворох шерсти.

Он закутал Кристиэна в самое плотное покрывало и выгнал всех из спальни. Жаровня, мед, вино и пряности есть. Да, задача не из простых, зря на лекаря наорал – Рихан безуспешно пытался заставить супруга выпить горячего. Подносил кружку к крепко сомкнутым губам, пытался разжать челюсти – пара капель все же упала в горло. Кристиэн закашлялся, задыхаясь.

- Ну что я еще должен сделать? – сам себя раздраженно спросил Рихан. Ладно, к черту.

Улегся на узкой койке, надо будет приказать сменить ложе, прижал к себе шерстяной жаркий кокон. «У нас все наладится, правда, котенок?»

Кристиэн проболел до зимы. Синяки давно сошли, а вот внутри болело по прежнему, да еще и простыл. Рихан отправлял в Ланку охрану за бумагами от наместника и лекарствами, не покидая поместья сам. Сам занимался Кристиэном, уверившись в бесполезности домашнего лекаря, доставшегося ему с поместьем при покупке. Почему-то приготовление отваров, настоек доставляло удовольствие и успокаивало, он читал книги, выписывал оттуда рецепты, не жалел денег на самые дорогие ингредиенты. Но дела больного шли медленно.

Почему-то котенок напрочь отказывался от еды и питья, истязая сам себя, готовили бульоны, но заставить Кристиэна их съесть даже Рихану было иногда не под силу. Он щупал впалый живот младшего супруга – может и вправду что-то повредил? Когда касался правого бока, Кристиэн стонал от боли.

Виноват, да. Рихан был честен сам с собой. Он сам совершил грех, не меньший, чем Кристиэн. Дал сильную волю ярости и позволил злобе превысить справедливость. И Мел прав, можно наказать за проступок, но не бессмысленно избивать, не в силах ответить на слова. Сам оказался дураком, перехитрил самого себя. Скай бы защищался, нападал, а этот даже не закрывался.

Кристиэн метался в беспамятстве, что-то бормотал, плакал, Рихан сначала пытался понять приморский акцент, за которым котенок перестал следить, а потом бросил. Пусть шепчет, что хочет. И так понятно, что ничего доброго не скажет. Зато Рихан сам разговаривал с ним, ничего, что не слушает и не отвечает, зато рассказать можно всякое, как Атору брали, и что после этого снилось. Можно толочь траву в ступке и просто говорить. Не осудит. Рихан почти совсем перебрался в комнату младшего, как любой офицер, он всегда мог отказаться от роскоши. Они уместались вдвоем на ложе, самое главное.

В одну из ночей он проснулся от крика. Кричал Кристиэн, хрипло и надсадно, срывая горло, не очнувшись от сна. Кошмар приснился или вспомнил что-то?

Рихан притянул к себе сверток из одеял и Кристиэна, зашептал тому в ухо:

- Тихо, я здесь. Не бойся.

Он надоел Рихану со своими слезами и страхом и его вернули родителям и серым храмам. Ненавидящий взгляд Сэта, но все по закону. Священники засвидетельствовали, что младший супруг герцога Рихана Айэ не исполняет клятвы, данной при обручении и обрили ему голову. Черные косы упали на серые храмовые плиты. Серебряную брачную цепочку на шее сменил медный храмовый ошейник, где выбито его имя и руна преступления. Он слушал проклятия матери, разъяренный рев Сэта и плач Лаиссы, которая носила дитя, а видел перед собой всего лишь пустой насмешливый взор Рихана.

В храмовой общей спальне, где жили еще полсотни подобных ему, было невероятно холодно. Он мерз, сворачивался на тонком одеяле, брошенном прямо на пол, а утром его вывели на ступени. Он сидел, обняв колени, как другие, а меж ними бродили редкие посетители да матросы, чьего жалования не хватало иногда даже на храмовых рабов. Послышался звон серебряной монетки, упавшей в чашу жреца и Кристиэна потянул за руку мужчина, на которого он даже не посмотрел.

- Пойдем, шлюшка, отсосешь мне в уголке!

В подворотне, где кисло пахло помоями, его поставили на колени, заставляя раскрыть рот. Покупатель со стоном кончил и сжал сильными пальцами челюсти юноши, заставляя проглотить семя.

- Сымай штаны!

- Дрянь у вас, а не шлюхи! Небось не то, что супруг, а даже и приличные храмы то от него отказались? Все дешевите! Дождетесь, - его снова швырнули на ступени, окровавленного.

- Поди сюда, Кристиэн! - подозвал его жрец в серых шерстяных одеждах. Кристиэн пополз к нему, потому что встать не смог.

- Смотри, видишь?! - жрец повернул его лицом к идолу.

В серых храмах были другие изображения богов, нежели в белых. Но в белые святилища допускают только порядочных людей и говорят им о любви и добре, а серые храмы, с оскаленными пастьми богов и проклятьями, для таких, как Кристиэн.

- Смотри! - тряхнул его за плечо жрец, указывая на детородный орган идола, огромный, каменный. - Скоро обряды! И если я услышу еще одну жалобу на тебя, именно ты окажешься там, пока твою дырку в колодец не превратили!

Кристиэн в ужасе вскинул взгляд. У статуи было лицо герцога Рихана Айэ.

Он очнулся к рассвету, но за окном еще было серо, повел тяжелой головой и понял, что выбраться из постели не так то просто. Его закутали крепко в толстое одеяло и прижали к себе. Кто? Кристиэн перекатил голову по подушке, оборачиваясь, чтобы разглядеть и дернулся всем телом. Двумя руками его прижимал к себе, спавший с ним одной постели, Рихан. Герцог, почувствовав сквозь сон сопротивление, еще сильнее сомкнул ладони и Кристиэну не осталось ничего другого, как рассматривать спящего супруга. Надо же, думал Кристиэн, когда спит, похож на нормального, даже красив. Светлые длинные ресницы, лицо спокойное, густые волосы растрепаны, расслаблен. Может Рихану и стоит все время спать? Но почему он тут? Ждет, пока супруг умрет? Боится пропустить? Ох, лучше не вспоминать. До следующих побоев. Что же, если так пойдет и дальше, то недолго останется.

Кристиэн шевельнул рукой, все же стараясь выбраться из шерстяного плена, потрогал шею, не ощущая привычной тяжести цепочки. Похолодел от ужаса - ее не было! «Доплакался!» - первое, что подумал юноша, поняв, что обозначает отсутствие брачного знака. Значит, это был не сон. А Рихан стережет его, чтобы не сбежал. Но как ему сбежать, если все тело болит? Кристиэн сильнее завертелся в одеяле, высвобождаясь. Эта возня и разбудила Рихана. Герцог поморщился, открыл глаза и Кристиэн, которого застигли врасплох, замер.

- Тихо, тихо, - прошептал Рихан, - или надо чего?

Кристиэн в ужасе замотал головой. Ничего мне от тебя не надо!

- Тогда спи, утром поговорим, - зевнул Рихан, снова притискивая его к себе.

До утра Кристиэн протрясся как в ознобе. Забытье, теперь такое желанное, никак не приходило снова, лишь слабость в теле, а Рихан, как назло, сладко спал, уткнувшись лицом ему

в волосы. Наконец, через несколько часов, показавшихся Кристиэну бесконечностью, герцог изволил проснуться. Кристиэн круглыми карими глазами следил, как супруг одевался, к его удивлению – Рихан спал в подштанниках.

- Так что, котенок, выспался? – спросил герцог своим обычным голосом.

Кристиэн спрятался в одеяло. Уходи, прошу! Уйди!

Все ясно. Впрочем, предсказуемо. Если раньше, правда, котенок хотя бы говорил, то теперь вообще пришиблен. «А чего ты хотел?» – спросил сам себя Рихан. Он, удивляясь самому себе, чуть помялся у стола, зачем то перестегнул пояс.

- Вот что, Кристиэн, – герцог присел на край ложа, откинул шерстяное одеяло с зажмурившегося супруга. – Да посмотри ты на меня! Кристиэн, я был неправ.

Рихану тяжело далась эта фраза, но выражение в глазах младшего стоило усилий. Удивление, недоверие, растерянность.

- Я сам нарушил традиции, излишне принуждая тебя. Грех и на мне, я обещал тебе защиту. Давай начнем все сначала, Кристиэн.

Кристиэн потрясенно молчал. Что же случилось за то время, что он валялся без сознания? Кто подменил ему Рихана?

- Ну, что скажешь? – Рихан взял его руку в свою, погладил, а Кристиэн едва не сжал пальцы.

- Хорошо, – тихо прошептал он. Разве у него есть выбор? Кристиэн закашлялся – голос не слышится, но и это сойдет.

Рихан закрыл глаза. Кажется, получилось. Пара нехитрых слов, и он твой, как и предсказывал старина Мельдин. Но сейчас надо думать о другом, с кровати котенок встанет очень нескоро.

- Я снял с тебя пока цепочку, она на столе, – кивнул герцог, – чтобы не мешала. Давай завтракать.

Кристиэн умылся теплой водой, которую подали слуги. Невероятно приятно омыть лицо и руки. Принесли завтрак. Как же? Он поклялся себе, что не притронется в этом доме к пище.

Тэльдо с трудом находил себе место в монастыре. Какого черта настоятель тянет с ответом, дни проходят! Да и молчаливый красавец послушник не давал ему покоя. Какая тайна связана с ним, что его так ревностно охраняют? Цепочки нет, значит ничей, ленты тоже – никому не обещан. Так почему с мальчиком нельзя даже завести беседы? Он не сделает ему ничего плохого. Разве спросить имя не вежливо?

Юношу он встретил в саду, тот собирал яблоки в корзинку, небольшую, как раз по его хромоте. Тэльдо долго наблюдал издали: младший нагибается, рассматривает плод, вертит в тонких пальцах, и только потом кладет в корзинку.

- Не угостишь яблочком? – Тэльдо выступил на дорожку, неожиданно для послушника.

Юноша отступил на шаг, беспомощно оглянулся и только тогда протянул корзинку, смотря карими глазами куда-то мимо офицера.

- Спасибо! - Тэльдо выбрал самый спелый плод, надкусил. - Добрые в этом монастыре послушники. Как тебя зовут, дитя?

Юноша молчал, почему-то испуганно глядя на офицера, нежные щеки побелели.

- Не бойся меня, - эта робость пришлась по душе Тэльдо. Он улыбнулся юноше, подмигнул. - Просто скажи свое имя, чтобы я знал, вдруг посватаюсь?

Юноша вдруг выронил корзинку, яблоки раскатились по земле, вскинул взгляд на Тэльдо и офицер сам вздрогнул, заглянув в карие, полные звериного ужаса, глаза. Так смотрят собаки, прежде чем их ударят люди.

- Ну, что же ты?! - рассмеялся нервно Тэльдо. - Эй! Постой!

Но юноша уходил быстро-быстро, насколько позволяло увечье, почти бежал. Вот и пойми эту молодежь!

- Ну, и почему ты не ешь?

Рихан укусил кусок хлеба с маслом, а Кристиэн просто смотрел на поднос, где была миска с кашей и отвар на меду, большего он съесть пока не мог. Желудок прыгал и вопил, требуя своего, но Кристиэн держался, помня урок. "Ах ты, черт!" - выругался про себя Рихан, наконец-то догадавшись о причинах голодовки младшего. Так вот, значит, в чем дело. Гордый все-таки, раз в даже в беспамятстве отказывался.

- Забудь все, что я говорил и поешь нормально, - спокойно сказал он. - С ложки кормить не собираюсь, но лучше ешь.

Кристиэн проглотил уже остывающую кашу, мягкую, специально для него сваренную.

Он уже ходил по комнате, жарко натопленной, одетый в длинную риханову шерстяную рубаху, грелся у камина, пил отвары. Жар и кашель не желали оставлять его в покое, мучили постоянно, особенно по вечерам. Брачную цепь он так и не одел, но кольцо снова заняло свое место на пальце.

Что случилось с Риханом? Почему человек, еще недавно насилувавший его и бивший, вышвырнувший из спальни в первую брачную ночь, вдруг так переменялся? Просит прощения, выхаживает? Боится потерять? Неужто? Но Кристиэн уже и сам не чувствовал той жгучей обиды, что была до болезни, может ее сжег жар, а может стерло время. Но довериться совсем? Вдруг ударит снова...

Рихан успокоился. По ночам теперь он прижимал к себе младшего, слушал дыхание Кристиэна и думал, что так вообще-то и хотел - уюта.

Герцог подозвал охранника, строгого южанина, сунул тому в руки кожаный тяжелый кошель с серебром, сбивчиво дал указания, а вечером на столик спальни Кристиэна легли листы бумаги, кисти, краски, карандаши и мел. И это были не те дешевые краски, что покупали в Приморье, а яркие, на масле и минералах.

- Мне надо уехать в Ланку. Скоро зимний праздник, надо сделать распоряжения и закрыть все дела. Меня не будет неделю, а это, чтобы ты не скучал, котенок. И не забывай о молитвеннике, - бросил Рихан.

Кристиэн ошалев смотрел на богатство, выложенное на столе и вдруг улыбнулся. Широко и радостно, плеснув жаром карих глаз.

- Спасибо!

Надо же, он даже умеет улыбаться! Красиво, ничего не скажешь.

- Ладно, котенок, не тоскуй, – Рихан впервые за все время болезни, обнял его и Кристиэн сам прижался к нему всем телом.

Впервые он не скучал и не боялся. Как Рихан узнал про краски? Или он сам проговорился? Кристиэн сначала не решался дотронуться до роскошных плотных листов, махрил пальцем беличьи кисти, открывал баночки с красками, принюхивался к волшебным запахам. Нарисовать теперь можно было все, что угодно. Часами он сидел на широком подоконнике, кутаясь в шерсть, всматривался вдаль, в низкое небо, пока не начинали болеть глаза. Скоро ляжет снег, совсем скоро.

А оказывается, он тоскует. В Ланке было уже нестерпимо торчать. Рихан завершал годовые дела, подписывал последние письма, тратил деньги и заказывал все, что понадобится для праздника зимнего солнцестояния. Много гостей не будет, только Мельдин и его младший. Они вчетвером отлично проведут праздники. Рихан не любил чужих людей в своем доме, даже это поместье выбрал из-за того, что оно далеко от города и те друзья-приятели, что досаждают в городе, не поедут в глушь.

Скорее бы домой, там, в комнатке на втором этаже, ждет Кристиэн, в чужой, великой ему рубаше и наверное улыбается. Да уж, слезы ему идут меньше, чем смех. Всего лишь пустячный подарок, Скаю он дарил и золото и дорогую одежду, а тот лишь злобно щурился и портил подарки, а этот улыбается лучше Ская и даже наверное лучше, чем...

===== Глава 6 =====

Кристиэн сидел на своем излюбленном подоконнике, рассматривал охранников Рихана, тренирующихся во дворе. Двое уехали с герцогом в Ланку, а четверо остались, он успел сосчитать, сколько их всего. Молчаливые, суровые воины, они были не то должниками, не то приятелями Рихана, всегда рядом с ним, а Кристиэна для них не существовало вообще. С ним никто не заговаривал из охраны, не здоровался. Но за ними было интересно наблюдать: оружие, рукопашный бой. Сам бы Кристиэн так не сумел бы никогда, слишком слабое тело, да и никто с ними не занимался. Следили только, чтобы был тонким и гибким, упражняя гимнастикой. Он поплотнее укутался в широкую ткань и принялся рисовать – ему понадобятся лишь серые и черные грифели. Туман за окном, голые деревья, мокрые изгороди и фигуры с мечами. За пару дней он сделает первый рисунок.

Рихан вернулся с первым снегом. Чуть припорошило землю и ее новый ковер тут же истоптали копытами коней. Кристиэн впервые вышел встречать супруга. Наверное это не запрещено?

- Ты ждал меня, котенок? – Рихан подхватил юношу, поцеловал. – Все, до весны мы дома.

Они ужинали вместе, впервые за долгое время, в столовой, вдвоем. Рихан с удовольствием ел мясо, запивал вином, а Кристиэн цедил глоточками отвар с малиной, который лекарь варил ему каждый вечер. Он слушал рассказы про Ланку, жмурился от свечей. Из города ему привезли коробку южных сладостей, но он едва притронулся к подарку – слишком пока больно глотать.

Меж ними опять стена, может и тоньше, чем была, но все же она есть. Котенок все равно опасается его. Понять можно – недавно били ногами, а теперь уговаривают съесть конфетку. Не слишком-то он доверчив. Ладно, посмотрим, что будет ночью.

В животе противно, тяжело и холодно. Кристиэн знал, что супруг сегодня захочет видеть его в своей спальне. Ведь он почти здоров и может исполнять свои обязанности. Значит, к утру он снова будет в синяках. Вместо того, чтобы одеваться к ночи, сел на пол, сжав виски ладонями. Рихан, конечно, прав в одном – в постели, он, Кристиэн, бесполезен. Он не хочет ни ласк, ни поцелуев, ни объятий, лишь бы только оставили в покое! Не хочет! Но пора идти. Рихану нравится, когда он выскальзывает из своих шелков, значит, он оденется, как подобает.

Но Рихан сгреб его в охапку сразу, как только юноша переступил порог спальни, прижал к себе, запуская руку в волосы, жарко зашептал в ухо:

- Я тосковал по тебе, котенок! Околдовал ты меня?

Кристиэн уронил голову Рихану на плечо, покоряясь рукам, с которыми все равно не смог бы сладить.

Уговорить Кристиэна просто так вряд ли получится. Рихан гладил спину младшего супруга и чувствовал, как тот напряжен. Все равно дрожит, но и это он предусмотрел. Попробовать одурманить? Может расслабится?

Рихан усадил младшего прямо на ложе, сунул в руки кубок с вином, полный почти всклень.

- Выпей со мной! Это хорошее вино, давно берег, на случай!

Кристиэн сделал сразу большой глоток. Может это поможет ему? Напиться, ничего не почувствовать, может легче пойдет? Ой! Неразбавленное вино ему никогда не давали, а пряный терпкий напиток ожег гортань, остался послевкусием.

- Пей, до дна.

Вино, чуть трав. Действительно, почему он не догадался сделать этого в первую ночь? Или просто хотел сначала увидеть искренность?

Крепкое вино подействовало почти сразу, на того, кто сроду не пил хмельного. Скулы потемнели, еще более подчеркнув нежность смуглой кожи. Кристиэну почему-то стало тепло, легко и радостно, как в детстве, когда он убегал на песчаную косу и подолгу сидел на перевернутых старых лодках, рассматривая корабли на горизонте. Хотелось побыть в этой комнате, красивой и темноватой, поглаживания по колену щекотали и он улыбался. Рихан аккуратно забрал у него кубок, пожалуй хватит вина, прижал к себе, обняв за плечи. Кристиэн смежил ресницы, почти задремывая в кольце рук, под ласковый неразборчивый шепот, но ладонь супруга скользнула под накидку, поглаживая живот.

- Котенок, мы не станем повторять ошибок?

Потом Кристиэн обнаружил себя обнаженным, лежащим навзничь на середине ложа, а в животе странно тянуло.

Надо же, как оказывается, немного было нужно, чтобы расшевелить несговорчивого котенка. Старина Мел опять оказался прав. Лежит, улыбается и возбужден, стоило чуть погладить, глазки затуманены. Рихан пока оглаживал шелковистое тело, смотрел в довольно жмурящиеся

темные глаза и чуть-чуть ускорил темп.

Почему так приятно? В голове мутится, тело горячее и податливое, покорное чужой воле. Это же Рихан, опомнись! Зачем он делает это все? Зачем ласкает? Чтобы потом снова ударить? Но дальше вопросов в голове мысли упорно не текли и Кристиэн просто отдался ощущениям, даже не заметив, как переплел свои пальцы с ладонью супруга.

Рихан быстро разделся и почти всем телом, стальной мощью тренированного воина, придавил Кристиэна к постели, засмеялся, когда тонкие руки скрестились на его спине. Все равно напрягся, тело помнит, вопреки одурманенному разуму. Ничего, котенок, ты потом еще сам просить будешь!

Кристиэн извивался на простынях. Нельзя же так! Он уже не чувствовал ничего, кроме жарких твердых ладоней, везде, куда они успевали достать. Он жалобно просил, но понимал, как лжива его мольба, тело-то говорит супругу иное. Он застонал, выгибаясь, подаваясь вперед, чтобы не томить ни себя, ни старшего и закрыл глаза, вцепившись пальцами в бока Рихана.

Ого! А котенок-то - огонь! Что, Кристиэн, ты не такое бревно, каким был? Нравится, когда ласкают тебя, а в ответ подарить жаль? Делал вид, что тебе ничего не хочется? А если бы сейчас не нравилось, не бился бы подо мной, не царапал бы мне кожу!

Кристиэн вздохнул, как всхлипнул, толкнулся в последний раз, карие глаза изумленно смотрели на супруга, силясь понять, что произошло.

- Вот оно как бывает, а? - усмехнулся Рихан, рассматривая лицо супруга, растерянное и довольное, погладил пальцем щеку, - Расслабься.

Все равно боится, даже после своего первого удовольствия, чуть задрожал, уже инстинктивно.

- Чем больше трясешься, тем это больнее. Сам себя изводишь, - надо сдержаться, уговорить, уболтать, иначе снова вернемся к тому, с чего начали. А терпеть тяжело, когда под тобой лежит юный супруг.

Кристиэн сам раздвинул ноги, закинув их на галию Рихана. Все равно в голове твориться невесть что, а тело не знает, как ему быть, кого слушать, свой страх или тугой комок вниз у внутри, около паха?

- Вот хорошо, умница, хороший мой, - Рихан поцеловал его за ухом, отчего Кристиэн дернулся и фыркнул, - все будет, обойдется.

Теперь можно не торопиться. Кристиэн ведет сам, привыкая заново, смотря в глаза. Странное чувство захлестнуло Рихана. Нежность, о которой он давно забыл, растратил еще в юности. Кристиэн, котенок, младший мой.

Сначала было больно, как всегда, а потом он не различил, когда боль сменилась чем-то приятным. Глухо вскрикнул и прижался тесней к супругу.

Рихан целовал лицо Кристиэна, губы, глаза, скулы, носик, а юноша так и не разжимал рук. Так вот, как оно могло быть после свадьбы, не вырывайся бы он, и не если бы не сорвался Рихан? Тогда зачем было то, что было? Эти вопросы теснились в голове у супругов, но разговаривать не было сил.

Кристиэну не хотелось уходить, почему-то было спокойно, под мускулистой рукой Рихана,

перехватившей талию. Да и не гнали. Юноша уткнулся в грудь супругу и заснул сразу.

Пальцы перебирали черные пряди, дыхание спящего почти неслышно. Надо же, стало сразу уютнее в комнате и в доме, а разве не этого хотелось на самом то деле?

Потом, Рихану понравилось еще многое, что удивляло его. Кристиэну, как и ему самому, оказывается не нужны были люди, общество. Младший не просился в город или в гости, ему хватало прогулок по окрестностям. Молчалив, отвечает, когда спросят, а сам почти не задает вопросов. Попросил о книгах, Рихан поморщился, но сходил в хранилище сам, отобрал, что считал нужным и не вредным. Нечего Кристиэну читать ересь, опасно давать книги с рассуждениями об имперском мироустройстве и вере. Еще одного рассуждения о грехах никто из них не перенесет. Рихан просматривал тома, откладывал то, что не касалось политики и истории. Пусть читает романы о добродетели, слащавые сказки, байки путешественников. Но Кристиэн был рад и этому – истосковался по книгам.

«И тогда богач отдал три монеты нищему», – мягкий голос Кристиэна убаюкивал зимними днями, тек по комнате, потрескивали в камине дрова, а Рихан просто слушал. Слушал голос Кристиэна, даже не вдумываясь в притчи, только голос его младшего супруга, первого настоящего.

Кристиэн робко улыбался гостям, стоя на шаг позади супруга. Это место он выбрал сам, поглядывая на широкую спину Рихана с надеждой. Во все глаза смотрел на гостей. Старшего, Мельдина, он помнил со свадьбы – большой полный мужчина сидел тогда ближе всего к Рихану и, видимо, был одним из самых близких друзей герцога. Не злой человек, сразу видно, морщинки возле глаз, улыбается приветливо. А вот его младший... Кристиэну почему-то раньше казалось, что Майэр, о котором Рихан говорил с плохо скрываемой неприязнью, ненамного старше его, но он ошибся – высокий светловолосый мужчина с серыми глазами был почти ровесником Рихана. Вместо брачной цепочки подвеска на кожаном ремешке, свободно спускается на одежду, смешливые глаза, как у супруга, одет как воин и старший, даже нож на поясе.

Одежду Кристиэну шили на вкус Рихана. В основном то, в чем ходить по дому – умерено нарядное, но из дорогих тканей, прямые накидки, шерстяные и льняные тонкие рубахи, свободные штаны, мягкая обувь. Для улицы – беличья шубка и куртка из оленьей кожи, меховая шапка. Со дня свадьбы он не покидал усадьбы и поэтому единственный выездной наряд пылился в сундуке.

- Здравствуй, Кристиэн! – Мельдин получил молчаливое разрешение Рихана, широко улыбнулся, взял за руку. – Ты, смотрю, совсем освоился?

- Здравствуйте, сайэ Мельдин, – чуть слышно из-за спины Рихана откликнулся Кристиэн, мягко улыбнулся в ответ.

- Так вот, значит, как выглядит тот самый Кристиэн? – тоже пожал ему руку Майэр. – И вправду, юн и очарователен.

Кристиэн не нашелся с ответом, лишь опустил глаза. Молчал. Как ответить на комплимент от чужого человека, да в присутствии супруга?

- Не смущай его, Майэ, – вступился за младшего Мельдин. – Рихи, веди в свои хоромы, я давно тут не был.

Рихан провожал гостей в приемную комнату, незаметно сжав ладошку Кристиэна, шепнул: «Молодец, котенок».

Действительно, есть повод порадоваться. Лучше чем сейчас, никто бы не смог повести себя перед гостями. Для общества – идеал младшего, скромность и стыдливость, признание над собой воли старшего. Незаметен и приятен, оттеняет супруга, не сравним с престарелой паскудой Майэром.

- Ох! Ничего себе! – Мельдин восхищенно остановился перед картиной, портретом герцога Рихана Айэ. – Ты когда успел себе портрет заказать? Кто мастер? Даже лучше, чем в жизни, но, признаться, пугает.

Майэр тоже всмотрелся в картину. Да уж, кто же так смог нарисовать Рихана? Красив, суров, надменен как император, но взгляд – пронизывает до костей, тоскливый и цепкий, словно ищущий. Так наверное смотрит волк, когда рыщет долго за добычей.

Рихан довольно фыркнул. Удивление гостей польстило ему, а Кристиэн снова напряжено замер.

- Да, художник, конечно, польстил мне, но это, он, надеюсь, любя. Я не заказывал ее, кое-кто умудрился нарисовать ее у меня под носом. Когда успел – до сих пор гадаю. Ну, котенок почти посредник, немудрено.

Рихан обхватил рукой талию Кристиэна, поцеловал в макушку. Невероятно приятно смотреть на вытянутые рожи супругов, особенно на майэрову. А что они себе думали?

Впрочем, картина и для него стала неожиданностью.

В традициях праздника зимнего солнцестояния есть правило – обмениваться подарками. От Кристиэна Рихан ничего не ждал, в самом деле, что может подарить мальчишка, у которого нет ничего своего, даже фамилии. Но для младшего были подарки – пояс с серебром и акварели с юга, пусть рисует. Вручил котенку под вечер, как полагается, и как и думал, краскам младший обрадовался больше, чем поясу. Робкая благодарность, смущение, прятал глаза и быстро сбежал в свою комнатку. Когда Кристиэн, с пятнистым от страха и переживания лицом, развернул лист дрожащими руками, Рихан остолбенел.

К рисункам младшего он был равнодушен – пусть играет, сам все равно ничего в этом не понимает. Да, красиво. Но? Рихан выхватил рисунок из рук Кристиэна, резко, так, что юноша метнулся к двери, сжавшись от нехорошего предчувствия, затравленно смотрел.

Все верно. Он, Рихан, его волосы, глаза, лицо – все, что он видит каждое утро в зеркале, когда бреется. Но то, что было в собственном взгляде, Кристиэн не мог увидеть! Не мог! Прятал ведь, как угодно – насмешка, покровительство, снисходительное, похоть. Но не это!

- Как ты это сделал? – Рихан аккуратно положил лист на стол и повернулся к супругу.

Тот попытался сделать шаг назад, но спина уже была вжата в дверь, он беспомощно обнял себя за плечи.

Поднял тонкий подбородок пальцами.

- Отвечай!

Кристиэн сглотнул. Не понравилось. Лучше бы не показывал.

- Долго, когда болел, потом, понемногу. Пожалейте, сайэ Рихан, – взмолился он, – сожгите лучше.

- Я не спросил тебя, когда ты это делал, я спросил – как! Почему ты нарисовал именно это? – смягчился Рихан. – Зачем жесть?

Еще не дай боги, котенок снова в обморок шлепнется со страху.

- Ну если не нравится, просто нарисовал. Как вижу.

- Глазастый какой, – непонятным тоном ответил герцог и молча прижал его к себе.

Портрет повесили в парадной комнате и почти все обитатели дома вздрагивали, когда ловили на себе цепкий, тоскливый, безнадежный взор хозяина дома.

- Так это твоя работа?! – спросил Мельдин сразу у Кристиэна. – Кто учил тебя?

Кристиэн жалобно посмотрел на супруга, не зная опять, что ему ответить. Но Рихан насмешливо пожал плечами, мол, выкручивайся как знаешь.

- Моя, – он уткнулся взором в пол, в ковер, – в первом монастыре научили.

- Ну, ты, Рихи, даешь! – громогласно возмутился Мельдин. – Такое сокровище спрятал в этой дыре! Да его в столице надо учить!

Кристиэн снова пошел пятнами, не зная, куда ему деваться. Он не привык, чтобы его нахваливали на людях, да и наедине как-то не приходилось слушать такого.

- Ученого учить – только портить, – расплывчато ответил герцог. – Пойдемте обедать.

Остальное его не касалось, Рихан и Мельдин говорили о чем-то своем, а Майэр и Кристиэн молчали, но от юного приморца не укрылось то, что на некоторых фразах Рихана младший Мельдина насмешливо кривил губы. Да и держались они меж собой крайне сдержанно, значит, друзья только Мельдин и Рихан.

За обедом старшие разговаривали о каких-то делах, бумагах, пили вино. Кристиэн деловито ел, помятуя о том, что следующая трапеза после полуночи, как полагается по традиции, по истечению самого короткого дня в году. Долгая трапеза с разговорами незаметно перетекла в беседу под вино, и увлекшиеся Рихан и Мельдин сами не поняли, как начали говорить о том, что не стоит слушать другим – о войне, и только Рихан заметил, каким стало лицо Майэра, это и заставило его опомниться.

- Мэл, может, наши парни пока отдохнут от баек наверху? – улыбнулся натянуто герцог, пряча раздражение на самого себя.

Ладно, этот не сболтнет никому, Мельдина слишком любит, но за собой надо следить, а Кристиэн все равно ничего не поймет.

- Котенок, проводи гостя к себе.

Мельдин не стал протестовать.

Кристиэну снова стало не по себе. О чем ему разговаривать с Майэром? Как развлекать гостя, который, оказывается, почти в два раза старше его?

- Прости, я забыл, – повинился Рихан перед Мельдином.

- Да брось, – поморщился друг. – Вы все равно оба это помните и знаете. Как бы не делали вид, что ни его, ни тебя это не касается. Он даже о моих делах в Аторе знает.

- Но командовал-то я. У него тысяча поводов оправдать тебя и столько же, чтобы закопать меня живьем. О договоре он знает. Этого уже достаточно.

- А Кристиэн? – спросил Мельдин. – Ты ему-то сказал, во что его втянул?

- Перед исповедью скажу. Это тебе ответ на вопрос, почему я не привез из Тэлеты девушку! Если у меня будут дети – они не успокоятся и все время мой род будет в заложниках. А так, пусть утрутся нами!

- Зачем ты в это влип, а, Рихи? – горько спросил Мельдин. – Я же тогда предупреждал!

- Уже поздно, Мэл. Узел завязан, главное его сильно не затягивать.

- Ну показывай свою комнату! – Майэру пришлось взять инициативу на себя.

Чертов Рихан оставил его на своего мальчишку, больше похожего на перепуганную куницу. Такой же юркий тонкий зверек. Красив, тут с Мельдином не стоит спорить, но какой то зашуганный, впрочем, от жизни с Риханом таким может стать любой.

- Проходите! – Кристиэн поторопился пропустить гостя в комнату.

- Издеваешься? – осведомился Майэр. – Со мной лучше на «ты». Раз уж нас спланировали, давай веселиться отдельно.

Догадливые слуги принесли горячего отвара, сладостей, разбавленного вина. Майэр уселся в предложенное кресло. Надо же, бывшая спальня Ская, только все другое в ней, сменили обстановку, видать. Почему-то вспомнил, как несколько лет назад, сидел тут же, с северянином Скаем, вместе насмехались над Риханом, пили спрятанное от старших крепкое вино. Скай был веселый и злой, а этот, новый, Кристиэн, явно безответен, но уютный, теплый. Хочется на него смотреть.

- Мне особо нечем развлекать, – повинился Кристиэн, разливая напиток по тонким чашкам, – надо что-то думать.

- С Риханом скромничай, хорошо? Он, кажется, любит, когда перед ним на цыпочках ходят. У тебя же есть еще рисунки, наверняка, покажи, прошу.

Рисунки так рисунки. Кристиэну стало легче, можно потянуть время. Если нравятся, пусть смотрят, ему не жалко. А Майэр уже раскладывал листы на коленях, отставив чашку.

- Ох, ничего же себе! У тебя дар, ты просто чудо!

Небольшой лист с фигурками, Майэр пригляделся – двор усадьбы Айэ, охрана герцога упражняется с клинками. Никаких красок, кроме оттенков серого и черного, но кажется, что застывшие полуголые воины с оружием в руках, сейчас начнут бой. Схвачено каждое движение, все как наяву – мокрый дождь, низкое небо, четверо мужчин. Это вид из окна

комнатки.

Все картины неярки, но от каждой веет чувством и мыслями человека, создавшего их. В каждой из них тоска пленника.

- Все же, почему Рихан не отправит тебя учиться? Ты бы мог стать знаменитым художником и он бы стал сам приложением к тебе.

- Мне не надо такого, – отхлебнул из блюдечка Кристиэн, – мне и тут хорошо. Я хочу просто рисовать, а не быть мастером.

- Неужто? Зачем хоронить себя? В этой глуши никто не разглядит твоих картин, а они достойны императорских залов. Рихан уж точно мало оценит.

- Вы видели, он. Мне достаточно и этого, – отозвался Кристиэн.

- Метать бисер перед свиньями. Ладно, прости. Это невежливо, навязывать. Тебе все равно виднее. Но знай – они прекрасны.

- Спасибо, – поблагодарил Кристиэн, и замялся. – Скажи, а можно тебя спросить кое о чем?

- Ну спрашивай, – снизошел Майэр, аккуратно складывая листы и отдавая их хозяину. Интересно, о чем может спросить этот ребенок? Не было ли больно в первую брачную ночь?

- Как вы поженились с сайэ Мельдином?

Майэр растерялся. Вот оно что. Ну конечно, его же купили: выкуп, смотрины и прочие обряды, чтобы получить младшего или младшую. Вопрос должен был наверняка звучать по другому: «По своей ли ты воле пошел?». Нехитрая уловка.

- Восемь или девять лет назад. Я был помощником переписчика в Ланке. Приходилось зарабатывать, отец умер, а на руках две сестры, которых надо выдать замуж и до того было еще года два. И с братом беда случилась. После войны бумаг было море – кого прописать, кого учесть, а кому сделать копию. Там и встретились, он мне протянул приказ о приписке, я лицо от чернильницы оторвал и все – пропал. Потом встречались, после в храм пошли, вот и вся история. Так и живем, – подмигнул Майэр. – Все обычно.

- Как это, обычно? – не укладывалось в голове Кристиэна.

- У тебя такое лицо, ты бы видел! – рассмеялся Майэр, – Чему ты удивляешься? Мне двадцать один был, староват для смотрин. И монастырей не было, выкупа тоже. Это твой ненаглядный так хотел. Делает все по традиции, – назидательно поднял палец Майэр, копируя голосом Рихана.

- А еще, – Кристиэн вертелся на месте, не зная, как сказать. – Может ты знаешь? Кто такой Скай?

- Я смотрю, вы помирились? – отхлебнул вино Мельдин.

- Да, – кратко согласился Рихан, – ты же картину видел?

- Видел. Мы оба об одном и том же подумали? Тебе сокровище досталось, Рихи, береги его. Чудный мальчик.

- Я ни в какую столицу не отправлю его, - перевел разговор Рихан. - Его там испортят. А так, я привык к нему. Хорошо, уютно как-то стало. Глупостей не болтает, просто рядом сидит.

- Я действительно рад за тебя, друг. Это же он? Ты успокоился?

- Да, он.

Опа! Майер мгновенно подобрался, почувствовав тревогу. А Кристиэн ждет ответа, вот он сидит, тонкий кареглазый подросток со смешными косами, подвернул под себя ноги, сжал в пальчиках фарфоровую чашечку. Как же ему рассказать? Правду? Кому она поможет? Ская не вернуть, а этого ребенка она поранит.

- А откуда ты про него знаешь? - спросил он осторожно.

- Слуги как-то говорили, думали что я не слышу, что в этой комнате другой супруг сайэ Рихана жил.

Значит, Рихан ему не рассказал ничего. Трусливая сволочная мразь. Убийца. Еретик. Ладно, кроха, я пощажу тебя.

- Это первый супруг Рихана. Они недолго прожили вместе, Скай был с Севера и здешний климат ему был хуже, чем тебе. Горячка и все. Как раз поздней весной, после исповеди. Рихан горевал-горевал, потом служил где-то, потом вернулся, а осенью вот тебя привез. Три года уже прошло. Я смотрю в этой комнате очень жарко натоплено, он учел свои ошибки.

- Да, я не мерзну, - кротко улыбнулся Кристиэн. - Рихан горевал?

Неужели? Этот человек, его супруг, любил кого-то другого, а он Кристиэн, всего лишь утешение. Замена. Вот и ответ на вопрос, почему так все вышло меж ними.

- Да, пил даже. А ты настолько веришь в него, что даже не можешь представить супруга в печали? - не смог удержаться Майэр.

- Я просто не видел его таким, - слишком поспешно ответил Кристиэн.

- А на портрете он как раз таков, как будто года два-три назад. Ты провидец получается?

Кристиэн покачал головой, он уже ничего не понимал.

- А ты знал его, ну, Ская?

- Знал, - Майэру до смерти не хотелось продолжать этот разговор. Дитя, что же ты делаешь? Зачем ворошить еще тлеющие угли? И не ответить тебе нельзя. - Мы виделись и с ним и с Риханом, как сегодня с тобой. У соседей всегда так. Тебя может скорее интересует, не напоминаешь ли ты Рихану Ская? - прищурился Майэр.

Кристиэн быстро и согласно кивнул.

- Абсолютная противоположность, - рассмеялся Майэр, довольный увиденным изумлением на хорошеньком личике. - Поэтому наверно тебя Рихан и выбрал.

- А... - Кристиэн заикался, мучительно искал слова. - Они... Они любили друг друга?

Майэру казалось, он идет по канату чужих нервов и мыслей. Как же этот малыш изводил себя!

Оступись - в пропасть недоверия. Нужно ответить, смотреть в эти невозможные вишневые глаза.

- Ну, раз Рихан потом себе места не находил, то да, - нашелся Майэр. - По нему трудно всегда что-то сказать. Скай был слишком взбаламошным, своевольным, а наедине они наверное были другими. Про это я мало знаю. Теперь моя очередь спрашивать тебя, раз уж у нас вечер откровенности. Да, Кристиэн?

Не согласиться с Майэром было трудно, но что такого можно спросить у Кристиэна? Чем он интересен?

- Почему ты так боишься меня, Кристиэн? Я и Мельдин, мы чем-то обидели тебя?

- Я не боюсь! - попробовал возмутится Кристиэн.

- Не напрягайся так, у тебя просто лицо такое, как будто я имперский дознаватель, а ты у меня на допросе. В наших беседах нет ереси. Разве в Приморье тебе не приходилось принимать гостей и беседовать с ними? Наверняка же сватались.

Приморье. Дом. Да, у них были гости - сослуживцы отца или приятельницы матери, друзья Сэга. Никого из них не интересовал тихий черноволосый мальчик, младший сын. Мать лишь обсуждала его иногда с подругами, жаловалась, что для своих лет Кристиэн выглядит еще совсем ребенком и много выкупа за него не дадут - кому нужен костлявый недоросток? А в разговорах с гостями он никогда и не участвовал - сидел в детской, запертый на ключ.

- Нет, - голос Кристиэна звучал совсем тихо, даже обиженно. - Извини.

Майэру стало неловко. Вместо шутки вышла бестактность, непростительная жестокая глупость. Риханов маленький супруг совсем на пределе, праздник ему наверно не в радость теперь. Мальчишку обидел ни за что. Придется исправлять ошибку.

- Ну так получается, я твой первый гость? - улыбнулся ему Майэр. - Тогда для хозяина ты отлично держишься.

- А можно я еще спрошу? - осмелел Кристиэн, обрадовавшись даже такой похвале.

- Конечно можно, но только нас вроде зовут уже. Пойдем? Кажется они закончили свой вечер воспоминаний.

Дознаватель Элвиан уже потребовал себе трех помощников. Такое банальное дело о младшем супруге обросло, как снежный ком, новыми документами, фактами, обвинениями и обвиняемыми. Кристиэн Тэхи уже самое последнее звено в цепи, почти забытое, и ясно, что уже никому не нужно, ценности от него не было в деле ни малейшей. Попытка очередного допроса мальчика снова закончилась ничем, как всегда, да и вряд ли подросток мог знать что-то важное, даже если бы мог снова говорить. Удивило всех другое и осложнило работу судьям.

Они долго готовили указ о признании брака между Кристиэном Тэхи и Риханом Айэ недействительным, назначили подростку опекунов, так как родители попали в обвиняемые, уладили дела с наследством и имуществом. Потом поехали в храм, где несчастный пока живет под присмотром монахов и лекарей. А когда нужна была подпись на брачном документе, где росчерком пера Кристиэн освободился бы от своего старшего супруга,

мальчик отказался. Отказался так, что всем стало ясно – не подпишет, хоть как его ни уговаривай и рассказывай о законах, о том, что он может разделить обвинение наравне с супругом, если суд сочтет это необходимым, о том, что на него ложится позор Рихана Айэ. Опекуны тоже ничего не смогли сделать. Брачная цепочка Кристиэна была потеряна уже давно, видимо с той самой беспокойной ночи, а вот кольцо уцелело и теперь он носил его на кожаном шнурке, повесив на шею, пальцы слишком исхудали. Маленький безумец даже не думает о том, что ему может грозить. Рихан Айэ тоже не стал подписывать бумагу, злобно ощерился оставшимися целыми зубами и посоветовал дознавателям: «Естественнoвать указом друг друга, и императора в особенности», – отяготив и без того огромную свою вину. А то, что на бумаге не оказалось подписи его младшего супруга придало преступнику и еретику сил и духа. И теперь только император и судьи решат, что делать с Кристиэном Тэхи, с этим безрассудным мальчишкой.

Праздник удался. Рихан и Кристиэн расслабились, снова встретившись за общим столом, словно каждый ждал, что супруги Мельдин и Майэр наговорят им поодиночке чего-то лишнего. Они просидели всю ночь, сытый и довольный Кристиэн забрался с ногами в кресло, укутавшись в риханову накидку из волчьих шкур и задремал, убаюканный рассказами старших и теплом меха. Утром распрощались с гостями, пожелавшими все же выспаться дома и сами отправились спать.

- Спасибо, Кристиэн, – серьезно сказал Рихан, когда они наконец-то остались наедине, – ты был великолепен, как подобает традициям и образу младшего супруга. Я горжусь тобой. Спасибо.

Он не ослышался? Супруг хвалит его и благодарит? Рихан ни разу не поднял на него руки с той самой злополучной ночи, но всегда давал понять, кто тут старший и держал расстояние меж собой и младшим. Но чтобы хвалил? Действительно, это великий праздник. Кристиэн хотел ответить, поблагодарить, но лишь улыбнулся, как всегда, тепло и радостно.

- Сайэ Рихан, – спросил он, – а что такое «исповедь»?

Рихан выронил из рук верхнюю снятую рубаху. Кто ему проговорился? Кто посмел?

- Откуда ты услышал это слово? Болтливый Майэр пересказал все ланкские сплетни? – криво усмехнулся Рихан.

- Нет, он просто упомянул, что мы с вами на нее поедem весной, а я ответил, что не слышал от вас об этом. Вот и все.

Лжец из Кристиэна хреновый. Но тут наполовину ложь, ему действительно не рассказали ничего. Неужто у шлюхи Мельдина все же достало мозгов? И не надо ему ничего рассказывать, да и самому вспоминать об этом тоже. Пусть, это все весной.

- Да, – он разделся, обнял супруга, увлекая за собой на постель, едва успевшего скинуть одежду, накрылся одеялом, одним на двоих. – Это просто поездка в храм. Она раз в год на несколько дней весны. Мы там просто расскажем, что с нами произошло за этот год и уедем. Ничего страшного, это просто надо пережить, мой хороший.

Кристиэну наверно показалось, или в голосе супруга, тихом и непривычно нежном, ему послышалась тревога и неуверенность? Не может же Рихан кого-то бояться? Он никого не боится. Он старший.

Рихан как-то тяжело вздохнул, еще крепче прижал к себе младшего, единственное и по настоящему живое существо в этом доме.

- Ну и как тебе мальчик? Правда славный? - Мельдин хотел скрасить дорогу до дома разговором.

Майэр стряхнул снег с гривы своего коня:

- Даже не знаю, что сказать. Но точно, Рихан угробит его намного быстрее, чем Ская. Скажи мне, - он обернулся к супругу, стараясь заглянуть тому в глаза, - зачем Рихан купил этого ребенка? Еще одна бессмысленная жертва? Зачем он вообще снова женился?

- А ты бы смог жить один, под их присмотром? Здесь? - Мельдин махнул рукой в сторону поместья Рихана, - Совсем один? Да так, чтобы не взвять и не повеситься?

- Если Рихан повесится, то я первый заплачу в храм за его поминание. Это будет неоценимый подарок людям. Мне жалко мальчика, он же слишком нежный. Ему бы в самый раз в Тэлету, за аристократа. Его бы любили, баловали, дышать боялись, а когда бы он подрос, то от его чар никто не спасся бы. А тут? Да он задохнется в этой дыре, отупеет или умрет как Скай. У него же дар, Мэл. Рихан сдохнет и его никто не вспомнит, а рисунки останутся. Его же заживо похоронили в этом поместье. И я сильно сомневаюсь, что до свадьбы с твоим разлюбленным Риханом он был таким дерганым и зашуганным.

- Не знаю, - вздохнул Мельдин, - я надеюсь на лучшее. Все же мальчик не такой, каким был Скай. Не зря же Рихи выбрал полную ему противоположность. Тих, ласков, красив, юн, что ему еще надо? Рихан у него вообще первый мужчина.

- И последний, - скривился Майэр. - Рихан мразь и убийца, а мы его покрываем. И если он убьет Кристиэна, мы так же скажем, что он умер от горячки, да, Мэл? Малыш успел поинтересоваться личностью Ская.

- И что ты ему наговорил? - Мельдин сразу подобрался в седле.

- Ничего страшного, чтобы не повредить репутации герцога. Я не идиот, хотя очень конечно хотелось сказать правду. Мальчишку интересуется - его завели в доме, как замену Скаю? Я не понимаю, - зло продолжил Майэр, - как эту гниду Рихана к людям подпускать можно? Он же безумец! Никто не спросил по настоящему, как умер Скай! А ему отдали едва совершеннолетнего мальчика! Кто его родители, почему они доверились Рихану? Ненавижу эту страну, эти законы! Богатому ублюдку и насильнику продали ребенка!

- Май, успокойся, - Мельдин подъехал ближе, взял супруга за руку, - мы все равно ничего не изменим. Но ты знаешь Рихана с одной стороны, а я с разных, и поверь, он не всегда был таким.

- Да, ты говорил о его первой любви! Как трогательно, я расплачусь. Наверное тот паренек правильно и сделал. Хоть жизнь себе спас.

- Не спас, - глухо уронил Мельдин, уже не раз пожалевший, что начал разговор, - супруг убил его. И не как Рихан со Скаем, не случайно. Мальчик же сам выбрал себе старшего.

- Вот даже как? - брови блондина поднялись. - Ну-ка, расскажи. Этого я еще не слышал.

- Я не хотел это никому рассказывать, прости, даже тебе. Ладно, что уж там теперь. Много лет прошло... Годы-то бегут. Мы только только гвардейское обучение закончили весной, я совсем,

получил все нашивки, а Рихану еще три года оставалось в казарме. Представь себе, два красавца, офицер и ученик, но тоже очень ничего. Рихан тогда совсем красивый был. Сын сотника из глухой провинции, но деньги у него были, на выкуп и так, трофейные. Лучшие женихи в Тэлете – это военные, все о нас мечтали тогда, и наша весна казалась нам самой-самой. Молодежи тогда привезли на смотрины, глядеть, не переглядеть. Один другого краше и девчонки такие, что штаны узки. А Рихану на одного мальчишку раз хватило взглянуть, и все. Там оно конечно стоило – вся Тэлета с ума сходила, а уж этот вообще нарасхват был. Волосы что лен, глазища зеленые, личико аристократа, фигурка, а уж манеры... Родители привезли сыночка с условием, чтобы сам себе по душе супруга выбрал, и не иначе, мол хотим дитя второе отдать только тому, кого оно само захочет. Захотело, мать его... На него все как пчелы на мед летели и Рихи туда же. Драгоценности, кони, тряпки – все ему, ничего не жалел, под окнами песни орал, родителям любые деньги совал. Бестолку. Парень как нос воротил, так и воротил. Мы с товарищами думали, все, украдет его Рихи и себя погубит и мальчика. А выбрал мальчишка аристократа, какого-то там советника. Вообще не знаю почему, Рихи и то, в сотню раз лучше был. Но конечно оно ясно было, нас-то убить могут и все такое, а тут сиди себе за спиной супруга и поплеывай. Расчетливый, сучонок...

- И дальше что? – заслушался Майэр.

- А хрен ли дальше? Свадьба, а Рихан в казарме подушку жрал по ночам. Потом, слава богам, война началась, иначе бы он точно того парня выкрал. Потом мы с ним вернулись, не до учебы уже было, в городскую стражу подались. Все обычно – пьянь да ворье, драки. И тут капитан нас отправил в квартал к знати, да не просто, а со жрецами, мол семейная свара, разнять бы надо. Ну поехали мы. Я, Рихан, еще кто-то, – Мельдин замолчал, собираясь с мыслями, не решаясь говорить дальше. – В общем, что от младшего того осталось, в две корзины собрали. Мясо, кости, кровяца по спальне. Топором убивал, в беспамятстве, а Рихан как руку нашел под креслом, так и помертвел. Ты слышал про это дело, громкое было, тут на всех углах кричали. Из ревности, как потом сказал, к каждому первому ревновал. Извелся весь, аристократ-то и порешил супруга, чтобы задницей не вертел. Парня в могилу, советника на каторгу. А с этого, думаю, и с Риханом все началось, он сначала запил, из стражи вылетел, а потом нас помотало. Атора и прочее, это ты уже знаешь, застал.

- Да уж, – поджал губы Майэр, – волосы дыбом встают. Парня жалко, а Рихана нет. Ты мне тогда другое скажи! Почему он начал над Скаем издеваться? Раз его избранника так убили?

Каждый раз беседа о Рихане заканчивалась ссорой и напряженным молчанием супругов. Мельдин стиснул поводья. Что же они его рвут-то на части?! Старый друг и возлюбленный.

- А ты вспомни, откуда он Ская взял! – обронил Мельдин. – Из серого храма! Туда, думаешь, только оговоренных, надоевших ссылают? Скай там смертником был, с приговором на год отложенным, пока свое на ступенях не отработает! Сестру своего супруга обесчестил, вот за что он там. Насильно, между прочим. Зачем его Рихан взял, до сих пор понять не могу! А так, из двоих бешеных зверей все равно один выживает, рано или поздно. Да и не хотел он со Скаем так. Я с ним много потом говорил. Силу не рассчитал, считай приговор исполнил, богов-то не обманешь! Они все видят.

- Да уж, вместо жрецов поработал. Палач он не только в Аторе, он везде палач, – язвительно заметил Майэр.

- Прекрати! Я устал это слушать! – рявкнул Мельдин, но Майэр слишком хорошо его знал, чтобы услышать в голосе мольбу. – Чего ты добиваешься? Чтобы я отказался от друга, который мне хрен знает сколько раз жизнь спасал? Так что ли? Он меня собой закрывал! Дротик мог

быть у меня в груди, а остался у него в плече. Понимаешь ты это? И если ты меня любишь, то скажи ему спасибо хотя бы за это!

Супруги пришпорили коней, торопясь домой, молчали, а недосказанные слова стыли у каждого в горле.

- И все же ты в одном прав, – сдался Мельдин сам, – я боюсь только этих фанатиков. Кристиэн и Рихан в их полной власти, а о том, что будет снова после этой поганой их исповеди, даже думать жутко. Именно за парня страшно. На нем же против их воли женились.

- А Рихан, что, не фанатик? – усмехнулся Майэр. – Он же повернут на каких-то выдуманных традициях.

- Рихан... Они его на этом и заловили. Когда жжет внутри, всегда ищешь чем залить, чтобы перестало. А Атора легла под Рихана, а не императора. Они бы никогда не отдали ключ нововерцу! А ему теперь приходится жить с этой клятвой и верой. Как же я их ненавижу!

- Я слышу от тебя это уже не первый год. Давно уже можно было сдать властям и это проклятое риханово поместье, и фанатиков, которых он заботливо тут сам же и расселил! На костер, и всех делов.

- Как у тебя все просто, – горько откликнулся Мельдин, стараясь не показать, как задела его речи супруга. – Нет, драгоценный мой, сначала на плаху Рихана, затем, скорее всего, Кристиэна, как супруга изменника и еретика, а потом жрецов и монастырь их в костер. А затем вспыхнет снова вся Атора. Они обещали мир взамен на то, что Рихан примет их веру. Он принял, сдержал свое слово, живет по их канонам. Хотя ему не по душе, я это знаю. Не мне тебе говорить, что будет, когда они узнают о том, что человека, который их завоевал, казнили. Снова войны захотелось? Это слишком запутанный клубок, а теперь в нем еще и нитка Кристиэна.

- Который ни о чем даже не подозревает, наивный мальчик, – Майэру пришлось проглотить грубость супруга, ибо он уже понимал, кто на самом деле прав в споре. – Я заметил, они даже охрану заменили?

- Они, – вздохнул Мельдин, – там все слуги их. Рихан мне тут рассказал, как его в прошлом году прямо на исповеди женить пытались.

- На ком? – фыркнул младший. – На аторке?

- На аторце. Я уж не знаю, чем Рихи откупился и как уболтал их, но, по его словам, он бы дал лучше себя кастрировать, чем жениться на том, что ему всучили. С Кристиэном он же старался им угодить, не столько себе, сколько им, по всем же правилам – юн, почти не обучен, покорен, невинен, как в их канонах и написано, Рихан даже досмотр парню устроил.

- Как это, досмотр? – присвистнул Майэр.

- А вот так! – внезапно рассердился Мельдин. – При всех родичах штаны стянули, нагнули и посмотрели в задницу!

- Бедняга. Ну и тварь же твой Рихан! Видно же, что мелкий тени боится! Им наплевать на его юность, он имперец, приморец! Они все сделают, чтобы он закончил как Скай. Это они натравили Рихана тогда!

- Я не хочу думать об этом. Они даже этого Кристиэна обвинят в блуде! – страдальчески свел брови старший супруг. – Но, я предложил Рихи, чтобы он отправил на время исповеди Кристиана к нам, а жрецам бы сказал, что заболел младший. Дескать, в следующем году приедет. Так не выйдет!

- Почему?

- Охрана, слуги, любой потом подтвердит, что Рихан солгал и младший здоров. Ты знаешь, что такое солгать им?

- Нет, ну попросят пожертвование, да и все. Рихан не бедный, – пожал плечами Майэр.

- Нет, там деньгами не откупишься. Они могут забрать Кристиэна к себе, на искупление, например на полгода. Ты сам знаешь, что они вернут обратно. Мы ничем не можем им помочь.

- Да, кроме того, что потом подтвердим очередным дознавателям, что младший супруг герцога Рихана Айэ умер от горячки. Погода у нас такая, – съязвил Майэр, нервно сжимая поводья.

- Ладно, прекратим этот разговор. Надеюсь все обойдется! Кристиэн все же неплох, может и их проймет. Ты, кстати, заметил как он двигается? Словно танцует, плавно, как в храме.

- Да, красиво, с самого начала приметил, – улыбнулся Майэр. – Ты знаешь, что мне в нем понравилось? Ощущение тепла, вот как хочешь понимай, а сидишь рядом с ним и греешься как будто, светлый очень. Красивый, да. Он наверно и без рихановых денег немало стоил.

- Так он специально дал больше всех, чтобы никто из рук не вырвал такое сокровище. Нежный ласковый красавец, что еще ветерану для счастья надо?

- Тогда не знаю, почему ты на таком не женился сам? – подмигнул ему Майэр.

- Сам себя не понимаю, но с тобой со скуки не сдохнешь, а с детьми я возиться как-то не охотник. Поехали, счастье мое, домой уже поскорее.

Кристиэну нравилось, как текла эта зима. Он жил в свое удовольствие, мало о чем думал и сам себе напоминал зверька, впавшего в спячку. Но это его устраивало полностью, его первая зима не в родном доме. В Приморье он бы целыми днями считал отцовские ведомости, выслушивал колкости матери, терпел тычки Сэта и изредка гулял по городу. Странно, но в поместье супруга жилось легче и даже единственное занятие, которым обременял Рихан младшего, изредка переписывать аккуратным почерком старые книги и какие-то военные документы, совсем не тяготило его. Он с удовольствием рисовал буквицы алой краской, выписывал округлые знаки, так, чтобы легко читались. Аккуратности ему было не занимать еще с детства.

Он успел привыкнуть к однообразию и тишине дней с супругом. Вопреки давнему заявлению Рихана о том, что младший супруг должен вставать с рассветом, Кристиэн спал пока не выспался, впрочем, с позволения Рихана, с которым ночевал в одной постели. А целые дни они проводили вместе, почти не разговаривая, Кристиэн рисовал или читал вслух, Рихан дремал, пил вино, рассматривая и целуя своего младшего. Иногда, когда стояла хорошая погода, Кристиэн вынимал из сундука беличью шубку и шапку и Рихан усаживал его впереди себя на лошадь, придерживая. Они не торопясь объезжали окрестности, бродили по редкому лесу, в такие прогулки Рихан и рассказывал что-то о том, что видел в чужих краях.

Впрочем, ошибкой было думать, что Рихан хоть на миг забыл о традициях и устоях веры.

Кристиэн все так же знал, что старший все равно держит дистанцию и отлично помнил, что за словами и даже мыслями надо следить. Он все так же отвечал только когда его спрашивали и задавал вопросы только с разрешения старшего, а ночами кусал себя за пальцы, чтобы не закричать от боли, которую теперь хоть и не всегда, но причинял супруг и все так же с тревогой ждал очередного безмолвного приказа снимать одежду.

Все равно больно! Кристиэн досадовал сам на себя и на супруга, понимая, что вряд ли научится получать настоящее удовольствие от близости. Да, теперь его не били, не унижали и не связывали, но все равно, без вина он почти ничего не чувствовал, кроме желания, чтобы супруг поскорее закончил. И что было самое обидное – в глазах старшего он ловил иногда долгий изучающий взгляд, говорящий о том, что от Рихана не скрылись его настоящие чувства.

Теперь он не мог сказать, что ненавидит старшего супруга, да и ненавидеть не умел, только бояться, но и того, что, по словам певцов и рассказчиков, чувствуют люди при любви, не приходило никак. Была теплота, Кристиэн просто не умел долго хранить в себе обиды, открытость и понимание, что это навсегда, и лучше так, чем снова лежать под плетью.

Когда Кристиэн видел в руках Рихана гитару, он был готов забыть обо всем, кроме этого. Только бы услышать, как поет его супруг негромким хриловатым голосом, увлекая за собой в песню, маня словами и струнами. Он садился на ковер у ног старшего и заморожено слушал. В его доме никто никогда не пел и поэтому любая песня вызывала у него восторг и совершенно искреннее восхищение. Он растворялся в голосе Рихана, слушая про походы, честь, веру и сражения, он был готов любить супруга только за это, за песни и музыку, что дарили чуткие пальцы герцога.

Рихан и сам никогда не думал, что обзаведется таким благодарным слушателем, которым окажется собственный супруг. Конечно, негоже мальчишке слушать песни, в которых иногда проскакивает и то, о чем не все мужчины поют, но удовольствие от созерцания совершенно восхищенного личика Кристиэна было выше угрызений совести. Интересно, он хоть понимает о чем ему поют? Нежный имперский мальчик, чьим ушкам больше пристало слушать сладкоречивые баллады о несчастной любви. Но маленький котенок Кристиэн был готов слушать про пятый отряд и переход реки в сотый и тысячный раз.

Впрочем, после песен он вполне имеет право потребовать свою долю, пусть мальчишка танцует! Можно лениво перебирать струны, наигрывая «Голубку», самый известный имперский храмовый танец, и следить взором за полуобнаженной фигуркой, скользящей по комнате.

Кристиэн почти не касался босыми ногами пушистого ковра, закрывал глаза, словно чуть приподнимаясь над землей, и это завораживало и околдовывало Рихана. Тонкое гибкое тело немисливо изгибается, то почти касаясь затылком ворса ковра, то вытягиваясь к небу и простирая руки, словно раскрывая цветок. А колеблющееся пламя камина и свет свечей только подчеркивали совершенство танца и красоту юного танцора. Юноша танцует для супруга так, словно он в храме, и на него смотрят сами боги.

- Наверно тебе предлагали остаться при храме и учиться танцам? – Кристиэн опустил в последнем движении на ковер, благодарно принял протянутый кубок с водой.

- Да, сайэ Рихан. Когда мне было еще восемь лет, к нам приходили жрецы, но мать отказала им. Да и потом не раз предлагали.

Еще бы! Рихан усмехнулся своим мыслям, жадная Мадрина Тэхи не захотела даром отдавать

сына, для того, чтобы он танцевал и нес в себе благословение имперских богов. Звонкое золото убедительней, чем молитвы. Дура.

Вот значит как. Так ты у нас еще и почти отмеченный богами, котенок?

Храмовые танцоры, единственное, что нравилось Рихану в новых традициях и то, ради чего стоило заходить в имперские храмы. Четыре раза в год, любой, зашедший в белый храм, мог насладиться и передать свои молитвы танцорам, которые посвящены богам, разговаривая с ними через священные танцы. Проводники между силами и людьми, не жрецы, а сродни иконам и храмовой утвари. Совершенно особая каста в империи! В нее мечтали попасть почти все, рожденные младшими в небогатых семьях и понимающие, что продадут их тому, кто даст цену выше. Но кому-то не позволяли родители, кто-то просто не имел таланта и не глянулся жрецам. Везло одному из сотен. Даже в своих храмах они были балованы и любимы всеми: жителями города, священниками, прихожанами. Кто же обидит существо, телом которого говорят боги? Хотя даже им не позволялось все. Как и жрецы, они давали клятвы целомудрия и нестяжательства, постоянно укрощали и тренировали тело и дух, беспрестанно оттачивая свое мастерство. Но старость их была завидной участью для многих – они могли стать наставниками, а могли поселиться в любом доме своего города, от хижины бедняка до дворца аристократа и везде им были бы рады, считается удачей получить под свой кров отмеченного милостью богов.

Все в империи строится на противоположностях, думал Рихан, рассеянно перебирая косы заснувшего Кристиэна. Серые и белые храмы. Любимцы людей и богов – храмовые танцоры и, ненавидимые всеми, сидящие на ступенях серых храмов, преступники. Одни проживают счастливую жизнь, купаясь в любви и благословении, а другие умирают рано от чужой похоти и своих грехов. Не стоит думать об этом, хотя уже поздно окорачивать себя. Он растревожил рану и на ум пришел тот день, когда он встретил Ская.

Он только-только вернулся в Тэлету из очередного похода, опустошенный и одинокий. Все, кто выжил из отряда Рихана, разъехались еще перед столицей. Рихан оставил лошадь и мешок с походным имуществом на постоялом дворе и отправился бродить по городу. Он давно не был в Тэлете, не по делам, а просто так. Начало осени, можно пройтись по улицам, посмотреть товары в лавках и через пару дней возвращаться в поместье, под бдительный присмотр аторцев. Рихан усмехнулся сам себе – его заставили поселить монахов даже в собственном доме, навезли своих женщин, для кухни и уборки. Один лекарь из старых только и остался. Брат Найгер намекал на то, чтобы герцог непременно женился, на той, что ему укажут.

- И когданибудь твой сын станет наместником Аторы, как должно, – убеждали Рихана, вручая сердце провинции.

«Не будет у меня сыновей», – тогда уже знал бывший сын десятника, а ныне двадцативосьмилетний герцог Рихан Айэ. Он сам себе найдет спутника. Хотя бы на этот час.

В Тэлете испокон века, как и в других городах, шла беспощадная и бессмысленная борьба со шлюхами обоих полов, и как назло, на улицах никого, значит недавно была облава. Ни мужчины, ни женщины, с кем славно поскрипеть кроватью в гостинице. Поэтому Рихан свернул в проулок к серому храму. Идти не очень хотелось, но какая разница, где молиться? В белые его и не пустят, танцоры и жрецы, которые дежурят этим днем, наверняка учуют кровь и убийства – не оберешься скандала.

Здесь, как и положено, на ступенях безмолвные люди в медных ошейниках, меж ними солдаты

и нищета. Этим ему не надо, а в храм надо зайти, обходя всех. Он поднимался по ступеням, обходя храмовую собственность.

- Эй, красавчик? Никак выбрать не можешь? Дороговато, что ли? – окликнули его справа.

Рихан оглянулся. На ступеньке, облокотясь, развалился парень лет двадцати, с медной полосой на шее и слишком дерзким для осужденного взглядом светло-зеленых глаз. Светлые короткие волосы, тощее исцарапанное лицо.

- На тебя хватит! – фыркнул Рихан, сам не зная, зачем отвечает нахалу.

Догадка пришла ему в голову моментально, едва он заглянул в глаза осужденного. Он даже засмеялся, от того, что задумал. Вот он и нашел, чего искал.

- Не побрезгуешь? – спросил парень, но Рихан уже не слышал, взлетая по ступеням.

Он нырнул в прохладную темноту храма, ища распорядителя.

Жрец вытаращил глаза, услышав просьбу прихожанина, поняв, о чем ему толкует господин офицер.

- Но, господин, это невозможно! Этот мальчик, Скай, он настоящий преступник! Он обесчестил сестру своего супруга, насильно!

Рихан довольно улыбнулся. Тем лучше. Брату Найгеру на исповеди будет с кем поговорить о грехах, в лице этого Ская будет замечательный собеседник, а его наконец-то оставят в покое. Наверное. А если парня отмыть, вылечить, подкормить, то, наверное, с ним можно будет даже спать. А нет, так нет.

- По-моему, брат, не знаю как вас там, безгрешных девственников на ваших ступенях нет. Мне нужен этот Скай, по закону я могу выкупить его и нести ответственность за него. Я увезу его из Тэлеты.

Торг был недолгий и сотня монет перековывалась в храмовую казну, жрец-распорядитель послал слуг за сидящим на ступенях.

- И все же не могу вас не предупредить, сайэ герцог, – задержал его распорядитель, – у этого юноши гнилая душа, осторожней с ним!

Документы Рихану отдали почти незамедлительно, расковали донельзя удивленного и онемевшего от неожиданного счастья преступника и игрушку вручили новому владельцу.

- Если благородный герцог думает, что я собираюсь вкалывать на его усадьбе, то он ошибается. Зачем я понадобился тебе, красавчик? – Скай ожил, поняв, что пока ничего ему не грозит.

- Считаю что влюбился, – парировал Рихан, – и заткнись! Я не люблю когда попусту языком мелят. Теперь ты подчиняешься мне.

- Как прикажете, мой господин! – передразнил его парень.

Рихан едва не поседел, пока довез свою добычу до поместья. Храмовый преступник был строптив, ленив, глуп и к тому же, крайне неопрятен. Герцогу, даже когда он не был герцогом, всегда казалось, что когда долго живешь в дерьме, то есть два варианта – привыкнуть или искать возможность вымыться. К его ужасу, Скай видимо выбрал первое.

Рихан уже начал сожалеть о своей, казавшейся такой прекрасной вначале, идее – ведь мог бы выбрать весной себе любого по сердцу! Он едва сдерживался, чтобы не выхватить плеть и не проучить паскудного юнца за бесконечную болтовню и сальные шуточки. Радовало пока только одно – Скай, когда его почти насильно отмыли, оказался довольно миловиден.

- И как же ты докатился до серого храма? – Рихан уже не обращал внимания на манеры Ская, решив, что не злиться постоянно дешевле самому. – Говорят, сестру своего старшего насильничал?

- Было дело, – меланхолично откликнулся Скай, трясаясь на купленном ослике. – А что прикажешь делать, если она постоянно задницей вертела перед носом? Я тоже не железный, куда мне-то деться? Да и врет она, ей понравилось!

Рихан счел за лучшее промолчать.

- Богатенький домишко, – снисходительно оценил Скай, переступив порог поместья. – Так ты его за Атору получил? Говорят, пожег людишек, а император домики и звания отвалил, никто же больше за такое дерьмо не взялся! Кому мараться охота?

- Заткни пасть! – рявкнул Рихан. – Не нравится – уматывай! Только тэлетский храм далеко, а в ланкском мало кто по полгода живет! Места у нас суровые...

- Я подумаю.

Рихан не поленился съездить в Ланку, зарегистрировать документы на Ская, получившего теперь имя Скай Айэ, и не имевшего право использовать имя Рихан. Официально он не считался младшим супругом, а был чем-то вроде подопечного преступника, которого добрый человек взял в дом.

- Что это на тебя нашло? – Мельдин успел познакомиться с новым обитателем поместья друга и пришел в ужас. – Мерзость какая...

- Ну твоему супругу, кажется, нравится, – не преминул уесть Майэра Рихан, – вон как щебечут.

- Май с любимым найдет общий язык, но, Рихи, что все это значит. Я не поверю, что ты возьмешь ЭТО в постель! В Тэлете полно младших, а ты подобрал самое дерьмо!

- Зато не я один его жрать буду, смекаешь? – сощурился герцог. – Все не так обидно.

- Ну как знаешь...

Рихан старался не замечать Ская в своем доме. Закрывал глаза на жалобы слуг, которые терпели от новой игрушки хозяина, на испорченные вещи, на подначки того, кого сам ввел в свою жизнь. Именно тогда он начал снова пить.

Тоскливые вечера коротались с бутылкой вина и воспоминаниями о Кайсе, бередились раны, так и не затянувшиеся даже через войну.

Трудно выбирать самому, если не знаешь, будет ли твой выбор верным, что сердце не солжет. Кайс просчитался, выбрав богатого и казалось бы, надежного чиновника, а не ветреного гвардейца Рихана. Золото и звание против любви. Кайсу хотелось богатства и почета, но Рихан так поздно все это завоевал и слишком дорогой ценой. Ничего не повернуть назад и не успеть.

Смех Кайса бисером рассыпан по комнате, юнец хохочет, глядя на протянутый серебряный браслет, льняные волосы падают на высокий лоб, тонкая рука поправляет пряди:

- Рихан, зачем ты опять пришел? Разве тебе не передавали моего письма? Нет? Ну так сам скажу – через две недели у меня помолвка. Ты вредишь моей репутации!

Браслет покотился по паркету, но никто не стал поднимать уже бесполезной и никчемной безделушки.

- Кто он? – глухо спросил Рихан, рука сама легла на рукоять кинжала.

- Неважно, но у него хорошая охрана! Ты так и будешь стоять? Мне пора ехать!

Это был последний раз, когда они виделись. Нет, не последний. Но разве можно назвать встречей с любимым тот вечер? Чья-то спальня залита багровой, уже липко-пахнущей кровью, под сапогами стражников скользко и белая кисть руки под бархатным креслом. Тогда в первый и последний раз Рихан плакал.

- Что сидишь в темноте? – Скай даже и не думал стучаться. – Фу, ну и духан тут! Знаешь ли ты, дорогой мой почти супруг, что пить в одиночку – верный путь на дно!

- Ну ты нашел более короткий! – парировал Рихан, которому до смерти захотелось запустить в наглеца бутылкой, но на дне еще виднелось вино, а идти за третьей было лень. – Уйди в задницу!

- Ходить в задницу твое дело, о мой спаситель! Но моей ты почему-то брезгуешь, – безмятежно улыбнулся Скай, разваливаясь прямо на ковре.

Рихан издал неопределенный рык, но было похоже, что над ним смеются.

- У нас даже брачной ночи не было! – глумился Скай.

- А ты напрашиваешься? Что, в храме не натрахался вдоволь, дрянь? – уже с интересом посмотрел Рихан.

Точно, мальчишка напрашивается, сам набивается, чтобы его отымели, бляденыш. После двух-то бутылок и этот ничего, сойдет. Морда смазлива, задница тоже вполне себе.

- Это следует понимать, как упрек в неисполнении супружеского долга? – скривился Рихан.

- Вот сразу видно офицера, – воодушевился почему то Скай, – пьяный вдрызг, а говорит складно! Э, ты чего?

- Будет тебе сейчас первая брачная ночь, готовься. Жаль, правда, что не целка, – Рихан сально улыбнулся, распахивая рубаху, – давай, раздевайся и на кровать. Сейчас все выплачу, что должен.

- Что, по пьяни на любовь потянуло? Вино вроде хрену не друг! – Скай рассмеялся, настороженно следя за Риханом, встав с ковра и отступая к двери. Но он недооценил тренированного гибкого воина, Рихан успел раньше, захлопнуть на замок.

- На попятную, шлюшка? За свои слова надо отвечать, щенок вонючий! Быстро! – рывкнул Рихан, оказавшийся менее пьяным, чем предполагал Скай. – Чего телишься?

- Да пошел ты! – Скай все еще отступал к спасительной стене, и намерен был стоять до конца. Рихан неожиданно оказался страшен

- узкие губы кривятся, а змеиные глаза смотрят сквозь, хищник играет с добычей, прежде чем когтить.

- Стоять!

Скай ударил просто наугад и противники покатались по ковру, стараясь ударить друг друга. Желание наравне с яростью зверя против подзаборного вертлявого щенка. Но куда Скаю? Он отбивался, тыкал кулаком куда мог, но Рихан, когда утомился игрой, просто перевернул его на живот и рванул рубаху с тощего тела, лишь клоки ткани полетели в сторону.

- Ну? – Рихан сидел на поверженном. – Что-то ты стал нерешителен...

- Твою мать! – зашипел Скай, когда Рихан вторгся в него. – Ну держись!

Было ли этой взаправду, или Скаю просто нравилось дразнить своего хозяина, Рихан так и не подумал, ни тогда, ни после. Но уже через пару движений Скай подхватил ритм так, что Рихан только крепче вцепился ему в талию, чтобы не потерять власти.

Они лежали на многострадальном ковре, старались отдышаться после бешеного слаженного танца, Скай только и смог отрывисто сказать:

- Ну ты и мразь. Не зря люди про тебя говорят, кровопийца.

- А ты шлюха, – пихнул его голой ногой Рихан, – или ты рассчитывал на императора? Скажи спасибо, что я тебя купил, до жертвенника. Понравилось все же? А люди тоже вот говорят, что из блядей лучшие супруги выходят. Врут.

Распущенная ленивая дрянь Скай. Рихан не мог сказать ничего – в их отношениях смешались животная ненависть, похоть и обреченность. Вся зима со Скаем прошла как дикий, шальной угар – они встречались как лютые враги, приговоренные жить в одной камере, прощались как любовники, что рвут любовь в злобе и желании уязвить друг друга.

Потом Рихан стал получать письма с настойчивым требованием приехать в жреческий старый предел вместе со Скаем и покаяться в грехах, отправить младшего на обучение. И как только чуть высохли дороги, они отправились на Исповедь.

===== Глава 8 =====

Нежность утра разбил стук в дверь спальни. Рихан не сразу понял, откуда шум, недоуменно прислушался, понимая, аккуратно, стараясь не задеть Кристиэна, выбрался из кровати. Не удосужился намотать набедренной повязки и открыл дверь, потирая лицо.

- Сайэ Рихан, – дежурный охранник смотрел на герцога так, как будто за воротами усадьбы стояло вражеское войско, – там это! Жрецы имперские приехали! Монахи! Внизу ждут.

Рихан недоуменно помотал головой:

- Какие жрецы?! Здесь?! Карс!

- Жрецы, говорю, – терпеливо повторил воин, – из Ланки, говорят, хотят посмотреть, как вы с молодым живете, проверка мол, – воин сально ухмыльнулся.

И только тогда до Рихана начало доходить.

- Мать твою! Не ори так, иду уже, – он захлопнул дверь перед носом охранника.

Только их не хватало! Чертов обычай, лезть в постель ближнему своему! Что у старых, что у имперцев, провались они все! По закону, действительно, белые храмы, что вели документы всех супругов города, имели право проверить, как живут недавно поженившиеся, не обижают ли младших зазря, довольны ли старшие. Но в случае Рихана эта проверка была крайне некстати, да и за котенком следят, как за посредником. Ишь, упустили, а теперь караулят...

«У котенка великолепная возможность отделаться от меня! Где они были, когда убивали Кайса!!!»

Рихан поправил одеяло на младшем, но Кристиэн сонно заворочался, просыпаясь, разлепляя ресницы, не понимая, почему в комнате возня.

- Спи! – шепнул Рихан. – Я сейчас, скоро вернусь. Еще рано.

Кристиэн не стал протестовать, свернувшись на угретом месте.

- Доброе утро, герцог Рихан Айэ, – склонили головы два брата в светлосерых одеяниях, на поясах, однако, ножи. – Храм Ланки дал нам поручение, навестить вас и вашего младшего супруга.

- Чем все-таки обязан? – сухо спросил Рихан, не давая незванным гостям пройти в приемную. – Я вас не звал, у нас все хорошо. Разве вы слышали какие то жалобы?

- Это обычная процедура, герцог, – так же в тон ответил монах. – Вы заключили брак осенью, по документам и разговорам ваш супруг совсем еще юн, вы старше его в два раза. И вы ни разу не привозили его в Ланку, ни на зимнюю службу, ни на вечеринки ваших знакомых. Мы забеспокоились. Да и зачастую у таких молодых юношей есть вопросы, которые они стесняются обсуждать со старшими, но могут доверить священникам. Вашему же Кристиэну, так вроде его зовут, нет еще и девятнадцати.

- Скоро будет. На все его вопросы я могу ответить ему сам, не стесняясь.

- И все же, – жрецам совсем было не по нраву сопротивление Рихана, – мы бы хотели побеседовать и с вами и с Кристиэном Риханом Айэ.

- В моем присутствии, – подчеркнул Рихан. – И к вопросу вечеринок – ему там делать совершенного нечего. Я берегу его от подобных компаний, набраться всякой гадости он еще успеет. Вам придется ждать, он спит.

- Сайэ Рихан, вы кажется знаете правила, он имеет право говорить с нами наедине. Вдруг ему нужна какая-то помощь?

Рихану больше всего на свете хотелось отдать приказ охране вышвырнуть наглых монахов на мороз. Но нельзя, на вряд ли они приехали просто так, из служебной надобности, наверняка напел кто-то, что герцог Рихан прячет от мира своего младшего. Интересно, кто из гостей, что были на свадьбе, сдал его? Кристиэна нельзя оставлять с ними наедине! Ни в коем случае! Пусть котенок кается при нем, пусть предает, глядя в глаза, пусть унижается перед имперцами. Эта плакса наверное спал и видел, что приедут добрые священники и спасут его от злого супруга. Не он, конечно, позвал их, но ему повезло. Теперь все расскажет – и про первую

ночь, про побои, пусть, лишь бы не шепнул про исповедь. Только не это.

- Нет! Разговаривать только при мне. Я не оставлю мальчика ни с кем чужим, пусть это хоть император. Мне не хочется потом его успокаивать, если обидят. Напомню, он спит. Но если он сам захочет, то я выйду.

- Вы заботливы, сайэ Рихан, – смягчился монах постарше, – не всегда встретишь такое. Но все же придется разбудить его. У нас еще дальняя дорога до ваших соседей. Проводите нас. Мы поговорим прямо в спальне.

Рихан скривился. Козлы вонючие, не терпится посмотреть на юное тело? Нечестивцы.

Герцог первым открыл дверь в спальню, молясь, чтобы Кристиэн все же спал, прикрывшись одеялом получше. Может, обойдется?

Кристиэн действительно спал, сладко и умильно подсунув руку под щеку и свернувшись под одеялом.

- Кристиэн, котенок, просыпайся, – позвал Рихан, нарочно не делая тон ласковым, чтобы юноша успел насторожиться, – у нас гости.

Кристиэн застонал, просыпаясь, раскрывая слипшиеся ото сна ресницы, испуганно прыгнул, увидев, что супруг не один в комнате.

Еще обошлось, некстати подумалось герцогу, что в спальне нет плетей и других игрушек, но это было бы проще оправдать, чем старые книги, которые, впрочем он тоже всегда убирал в стол.

- Не бойся, юноша, – голос монаха был приторно ласков, – доброе утро тебе. Меня зовут брат Юлий, а второго брата – Йорген. Мы из Ланкского белого храма, нас отправили навестить вас.

- Доброе утро, – пискнул Кристиэн, закрывшись одеялом до носа.

- Мы хотели бы побеседовать с тобой. Твой супруг хочет присутствовать при разговоре, но если ты пожелаешь, он уйдет и мы поговорим наедине.

Кристиэн смотрел только на Рихана, не понимая вообще ничего. Монахи в их спальне? Из белого храма? Боги услышали его плач, но как быть теперь?

Рихан немедленно воспользовался замешательством мальчика:

- Кристиэн, по закону нас могут застать в любое время, чтобы спросить, как мы с тобой живем? Элита Ланки беспокоится, что я спрятал тебя тут, вот братья и приехали узнать, не съел ли я тебя живьем. Мое мнение по этому визиту мало кого волнует, и ты хочешь поговорить с братьями наедине?

Кристиэн не мог понять, что же происходит, слишком с утра много необычного, разбившего уже устоявшуюся, кажется, жизнь. Ясно только, что монахи именно его хотят спросить, как живется ему с Риханом? И что им ответить?

Давай, гаденыш, сдай меня с потрохами!

Брат Йорген, что был моложе своего спутника, нарушил паузу:

- Кристиэн, а не мог бы ты встать перед нами, чтобы мы убедились, что твое тело чисто. Не стесняйся нас, мы для того, чтобы в случае чего помочь тебе.

Кристиэн вздрогнул, с ужасом слыша эти слова. Еще один осмотр? Неужто и эти полезут к нему? Зачем? Зачем Рихан их пустил?

- Господа, вам не кажется, что вы превышаете свои полномочия! – не выдержал герцог. – Или вам просто любопытно посмотреть, так ли он красив, как говорят? Ему не очень хочется стоять голым перед чужими людьми!

- Каждый мыслит о том, что сделал и помыслил бы сам, сайэ Рихан, – кротко ответил брат Юлий, показывая, что оскорблен до глубины веры. – Нет, нас больше интересует другое, нежели прелесть вашего супруга. Мы хотим удостовериться, не злоупотребляете ли вы своим старшим положением. Иначе говоря, не бьете ли мальчика незаслуженно и чрезмерно жестоко?

Взгляд Рихана, как заметил Кристиэн, полыхнул такой злобой, что ему стало страшно. Звезды встали на сторону котенка, ну пусть.

- Ну же, юноша? – подбодрил растерявшегося вконец и не знающего куда себя деть от смущения Кристиэна, брат Йорген.

- Простите меня, братья, – тихо сказал юноша, – но если мой супруг не желает этого, то я покорен его воле.

Он не ослышался?! Вместо того, чтобы взвыть, как любит котенок, и заплакать, Кристиэн перечит жрецам? Сам?

- Встань, Кристиэн, – Рихан взял себя в руки, – пусть любуются.

Как не залюбоваться? Длинные стройные ножки, кончик богатой косы касается копчика, очарование смущения и стыдливости. Рихан смотрел на монахов победителем, не у каждого в Ланке под одеялом такое чудо! Даже в глазах имперцев невольное восхищение. Но вдруг Рихан замер, пропустив удар сердца, душа ушла в пятки.

- Повернись, пожалуйста, – попросил брат Юлий.

Шрамы от плетки и небольшой шрам, в ту злополучную ночь Рихан распорол кожу Кристиэна кольцом, около бедра. Шрамы почти зажили, но еще видны.

Оба монаха стали похожи на гончих псов, наконец-то учуявших богатую добычу. Вцепились взглядами:

- Скажи, дитя, – вкрадчиво обратился брат Йорген, – откуда эти раны? Не бойся, говори. Если не хочешь тут, мы отвезем тебя в Ланку, в белый храм.

Рихан скрестил руки на груди, ничем не выдавая своих чувств, равнодушно смотря на всю сцену, что игралась перед ним. Если уж пропадать, так с честью и достоинством, а не с плачем и жалобами, как любят некоторые. К тому же обвинение в жестокости гораздо лучше, чем в ереси.

Кристиэн опустил глаза, отступил от брата Юлия, едва не обнимавшего его в порыве жалости, протянувшего руку, чтобы удостовериться в шрамах. Передернул плечами от холода и

волнения.

- Эти следы были у меня до свадьбы, благочестивые, – едва слышно говорил Кристиэн, – эти наказания за проступки я привез из дома.

Рихан потом, когда миновало первое изумление, мог поклясться, что монахи были разочарованы – из пасти вытащили добычу. Но сам он помотал головой, чтобы понять, привиделся ему ответ или нет. Невозможно поверить!

- Вот, значит, как... – улыбнулся брат Юлий. – Можно только порадоваться, дитя, что боги послали тебе любимого супруга, который так ласков и внимателен к тебе, наверняка прощает тебе многое.

Кристиэн промолчал, благоразумно сжав губы и прикусив язык, чтобы не расплакаться от досады на самого себя. Йорген встрепенулся, заметив его смятение:

- Или ты что-то скрыл от нас? Если ты смущаешься, то мы поговорим наедине? Или тебя готовили к нашему визиту?

- Нет, мне нечего скрывать.

- Что вы привязались к нему! – рявкнул Рихан, уже не сдерживая злость. – Вытащили из койки ни свет, ни заря, едва в задницу не залезли и еще допрашиваете!

- Верующий всегда должен быть готов ответить храму и его слугам! – возвысил голос Юлий. – В любое время! Поучитесь смирению, герцог, и уважению! Мальчик, ложь это грех, не забудь об этом, на всякий случай. Большой грех.

- Я не лгал вам, – вскинул голову Кристиэн, отступая к Рихану, как к единственной тут защите, супруг взял его за руку.

Все-таки дрожит. Пусть думают, что от холода и стыда, лишь бы убрались скорее! Рихан готов был уже сам выкинуть монахов в окно, ко всем демонам.

- Ладно, мы не станем задерживать вас и себя, к вечеру надо поспеть бы, – заторопились братья, понимая, что разговор с ними закончен.

- А может, вы позавтракаете с нами? – ощерился Рихан, являя собой карикатуру на гостеприимного хозяина. – Сегодня вроде постный день, но у нас хороший стол.

- Нет, увы, – развел руками Йорген, – миряне могут себе позволить больше, чем мы, слуги богов. Пусть нас проводят. Мы рады, что тут живет счастливая пара. До свиданья.

«Уматывайте!!!»

Рихан подождал, пока внизу хлопнет дверь за непрошеными гостями, испоганившими все утро. Нервно перебрал пальцы Кристиэна, все еще держа его ладонь.

- Ты не сказал им правду... – почти шепотом сказал Рихан, обращаясь даже не к Кристиэну, а больше к себе, не отпуская младшего.

Кристиэн выдернул руку с неожиданной для него быстротой, словно отбросил змею.

- Я совершил грех, сайэ Рихан! Ложь это великий грех!

Накинул на себя рубаху и вышел из комнаты, а Рихан даже не остановил его, так и оставшись стоять посреди спальни.

Кристиэн запер дверь на небольшой засов, едва удерживая рукоять в руках, так они дрожали, стащил с себя рубаху и не глядя кинулся в бадью с нагретой водой. Ее грели утром, готовясь к пробуждению обоих герцогов, старшего и младшего, наливали невысокую широкую бадью. Опустился почти на дно, обхватив себя за плечи.

Я совершил грех снова! Почему?! Почему не сделал того, о чем думал эти месяцы, о чем плакал под плетью и ударами супруга?! Ведь он же хотел, чтобы кто-нибудь сжалился и забрал его из этого жуткого дома с жестоким хозяином! Предал сам себя, не зная, как объяснить себе самому, чем оправдаться перед собой. Да и солгал он уже второй раз перед ликом храмов, кто же из богов простит ему такое святотатство? За что ему такое, в чем он провинился?!

Заперто! Рихан еще раз дернул дверь на себя – тренькнул замок. Что он там может делать?!

- Кристиэн! Открой, живо! – приказал Рихан, снова дергая дверь, уже трещавшую. – Быстро! Кристиэн!

Казалось, голова разрывается от вопросов и тревоги. Почему он солгал?! Ведь слепому ясно, что котенок не привык и не привыкнет к своему супругу, не говоря уж о любви. Ведь за грубое изнасилование и чрезмерное избиение младшего могут наказать по разному, вплоть до развода и тюрьмы, котенок отлично должен об этом помнить. Наверняка имперские жрецы напели ему это в очаровательные ушки. А ведь он тогда едва не убил мальчишку, теперь Кристиэн повел себя так, словно сам принадлежал старой вере, соблюдая все каноны и подчинившись супругу по доброй воле. Или...

Рихан даже дышать перестал от страшной мысли. Нет! Не позволю! Не сместь, гаденыш!

Он с размаху, со всей бешеной силой просто вышиб дверь купальни.

Жив. Герцог остановился, чтобы дать поверить своим глазам, успокоиться. Рихан потер разбитое плечо. Жив. Маленькая фигурка с прилипшими к спине черными прядями скорчилась в бадье, плечи вздрагивают. У котенка просто истерика, очередная истерика. Неужто уже сожалеет?

- Ну, что ты снова реवेशь? Они еще недалеко уехали, если быстро побежишь, то нагонишь! – Рихан постарался, чтобы голос звучал спокойнее.

Кристиэн расслышал это и сердце вновь зашлось от жгучей обиды. Ничего и никогда не изменится – над ним снова лишь насмеются.

Мальчик вскинул голову и в мокрых, заплаканных насквозь глазах Рихан увидел то, что боялся больше всего – разочарование. Если сейчас не сделать ничего, то будет поздно. Котенка не вернуть.

Он опустился в воду в чем был, в уже остывающую, отвратительную воду.

- Не плачь, не реви. Ну? – он неловко прижал к себе Кристиэна, чтобы тот уткнулся лицом в намокшую рубаху, обнял за плечи, чувствуя, как дрожит младший. – У тебя был шанс, а ты его упустил. Неужто я настолько тебе омерзителен? Стараюсь, видишь, как оно получается, котенок? Мне нравится, что ты со мной, но как угодить – не знаю. Ты слишком холоден, когда со мной ночью, наверно и я виноват. Да и надо же мне было выбрать из всех, именно храмового

прирожденного танцора! Ты же был предназначен для этого, нежен, целомудрен, а твоя тупая мамаша с ненасытным братцем не разобрались. Маленький посредник. Для имперцев хорошо, когда они живут у них и не жалуются. А у меня ты все время плачешь. Один из вас ненавидел меня, второй как чужой. Что же тебя так пробрало то, а?

Рихан уже говорил сам для себя, не думая о том, слушает ли его младший и понимает ли? Хватит ему считать, что старший бесчувственен, просто он не ноет, а терпит.

Рихан бесполезно пытался согреть супруга, ощущая как содрогается в спазмах Кристиэн, юношу трясло от рыданий.

Словами тут уже не оправдаться. Рихан вытащил мокрого и бессильного Кристиэна из воды, укутал в простыню.

- Срыв. Бывает, – пожал плечами лекарь. – А уж тем более с ним. Он у вас, господин Рихан, и без того нервный чересчур. Сейчас пусть выспится, я ему покрепче настойки дал, и лучше не тревожить пока.

- Истерик. Почему? – спросил Рихан, озабоченно рассматривая спящего супруга, которого едва удалось привести во вменяемое состояние. Измученное личико, под глазами покрасневшая от слез кожа.

- Это вы меня спрашиваете? – изумился лекарь.

Жуть. Рихан чувствовал себя так, словно объездил дикую лошадь. Сел в кресло, чтобы самому успокоится, и подумать. Выпил горячего меда. Кристиэн бился у него в руках, рыдал, сбивчиво икал от судорог в горле, вырывался, что-то кричал о грехе и молитве. Хорошо, лекарь подоспел вовремя, истерики герцог успокаивать совсем не умел. Котенок учудил, так учудил. Еще бы понять – зачем? Явно не из-за любви к супругу. Боится своих богов? Возможно, слишком набожен иногда, через край. Вспомнить только тот злополучный спектакль с самоублажением. Котенок может и бояться развода. А что? Тоже версия. В самом худшем случае для Рихана, если его лишат Кристиэна – идти котенку некуда. Сыновней любовью он не блещет, письма домой ни разу не отослал, ну впрочем и ему не писали. Чертова семейка. Не ждут его там, явно, кому он нужен нищим. Хотя Кристиэн не из тех, кто задумывается, откуда берутся деньги. Котеночьи нужды крайне скромны для положения младшего герцога, тут не придерешься, но вряд ли он даже знает, сколько стоят его краски, не говоря, например о бархатных сапожках. Тогда зачем ему это было надо? Малыш вряд ли знает о том, что возможно спас супруга от тюрьмы или виселицы. Быть еретиком в империи гораздо хуже, чем подонком.

Рихан все же выехал в лес. Не мог сидеть взаперти – умом тронуться можно от этих мыслей. Будь прокляты эти монахи!

Теперь бы им пережить исповедь...

Кристиэну незаметно исполнилось девятнадцать. Незаметно, так как точного дня рожденья он не знал, только то, что в конце зимы появился на свет, так рассказывал ему отец. А праздники по этому поводу устраивали только аристократы. Поэтому Кристиэн стал старше, сам не заметив этого.

После визита злополучных монахов в их с Риханом жизни изменилось немного, но Кристиэн стал чаще ловить на себе изучающий взгляд супруга. Серо-зеленые глаза герцога подолгу смотрели на него, словно спрашивая, что еще таится в младшем супруге такого, о чем не

догадывается старший. Что прячет Кристиэн Рихан Айэ в своей хорошенькой головке?

В один из дней супруг вдруг преподнес ему подарок – невероятной красоты шелковый платок. Такие уборы носили младшие мужчины юга империи, закрывая голову от палящего солнца и нескромных взглядов. Кристиэн ласкал пальцами нежную ткань, улыбаясь и представляя, как алый с золотом шелк укроет его косы. Рихан так и не смог изменить своему характеру, ехидно заметив при вручении подарка, что кроме роскошных волос, изнеженные южные юноши прячут под платком еще и лица, чтобы солнце не старило кожи и прохожие не глазели на чужую красу.

- Вот. В довесок дали, – Рихан протянул золотую заколку. – Примерь, попробуй. Полностью только.

Кристиэну не составило особого труда обернуть на голове ткань так, чтобы она легла, закрыв косы, красивыми складками украсила плечи, подчеркнув золото кожи, уголки он заколол около виска, закрыв и лицо, так, чтобы оставить среди шелка только карий взгляд.

Рихан затаил дыхание. Да, с подарком он не ошибся, но с Кристиэном в этом подарке лучше из дома не выходить. Вещь, чье назначение подчеркнуть скромность, сыграла с супругами злую шутку. Разве что-то может быть притягательнее и возбуждающе, чем эти темные глаза в обрамлении блестящей струящейся алой ткани с золотыми всполохами, длинные ресницы, отбрасывающие тень? А как не тронуть плечика, которое ласкает волна шелка?

- Слов нет. Снимай все, кроме этого, – хрипло приказал Рихан.

Кристиэн едва слышно вздохнул под шалью. Кажется, Рихан хочет его постоянно в последнее время – весне еще всего лишь несколько дней, а старший уже не знает удержу в постели. Наверное к лету Кристиэн не будет успевать даже одеваться.

- Будешь носить только дома, при мне! Или просто закрывай косы, когда я прикажу! – велел Рихан, стискивая ему плечи под тканью. – Откинься на спинку! Осторожней! Смотри на меня!

Герцог и сам дивился тому, что с ним происходит. Толи на котенка действовала весна и он стал еще краше, войдя в самый сладкий возраст юности, но один его вид вызывал нестерпимое желание, постоянное. Жаль, не обоюдное. Рихан гнал от себя мысли о том, что младший лишь терпит его в себе, с радостью ждет, пока супруг удовлетворится и отстанет. Делает в постели только то, что прикажет и в голову даже не придет мысль поцеловать самому. Сколько можно? Кристиэн никогда не простит ему первой брачной ночи, но ведь и его вина в том есть, слишком пуглив и несговорчив. Словно не знал, зачем его взяли в супруги. Простить, может и простит, но забыть никогда не сможет. Вспоминает каждый раз, когда старший касается его. Рихан с тех пор несколько раз напаивал Кристиэна вином, но это не лучший способ пробудить в котенке чувственность. Так и спойть недолго. Но результат был – забывшийся хмельной мальчик был очарователен и отзывчив.

- Ты сумеешь нарисовать себя? Таким? – Рихан толкнулся глубже, наслаждаясь теснотой узкого тела, стоном, что выдохнул Кристиэн. Вынул заколку из ткани и она скользнула по плечам, стекла на пол.

- Я попробую, – кротко улыбнулся Кристиэн. – Других рисовать проще.

- Не попробуй, а сделай! Летом мы снимем дом в Приморье. Не у твоих родичей. Хочешь?

День ото дня Рихан становился все мрачней и мрачней. Он заставил Кристиэна перечитать

весь молитвенник наново, заучивать текст наизусть и проверял, открывая толстую книгу наугад.

- Это не так произносится! – резко оборвал герцог очередной урок, Кристиэн постоянно путал старые и новые имена богов, да и от волнения в голосе юноши мельтешил приморский акцент.

- Но так же говорят в храмах! – редко возражал Кристиэн.

- Не твое дело, что там говорят! Запомни, как надо говорить правильно! И не думай даже об этом! Завтра нам рано ехать, успевай собрать вещи. Одежду возьми темную и без узора.

В эту ночь они не занимались любовью, вернулись из бани, Кристиэн лишь расчесал свои и рихановы волосы и супруги легли спать. Рихан сгреб младшего себе под одеяло, уткнувшись подбородком в черную макушку

===== Глава 9 =====

В дороге Рихан молчал, сидел прикрыв глаза. Кристиэн же опасался лезть с вопросами, сначала смотрел в окно, но там не было ничего интересного – всего лишь чуть тронутая еще слабым теплом снежная целина. И дрема вскоре смежила ему веки. Он возился, силясь уснуть в неудобной карете, но Рихан молча обнял его и помог устроиться, Кристиэн положил голову на колени супругу, подобрал под себя ноги и уснул.

Постоялый двор тоже не произвел на юношу впечатления, они приехали поздно ночью и полусонный и измятый Кристиэн отказался от ужина, мечтая вытянуться на кровати и отдохнуть. Рихан велел проводить его в нанятые апартаменты, распорядившись охране, чтобы за комнатой был самый пристальный надзор и заказал себе ужин.

До смерти хотелось повернуть домой, в усадьбу, наплевав на все. Но, ему не простят, Рихана грызло дурное предчувствие, тянуло грудь, он хмуро ковырял жаркое. Муторно на душе. Герцог оставил так и не доеденное мясо, купил кувшин горячего вина с медом и поднялся к себе. Наверное котенок еще не спит, можно поговорить хотя бы с ним, а если спит, то просто погреться рядом, слушая живое дыхание. Интересно, он чувствует беспокойство или просто покорно, не думая, едет в ту бездну, в которую тащит супруг?

Завтра у нас будет трудный день.

Удача улыбнулась ему. Кристиэн вертелся на мятых простынях, не в силах уснуть, сон в дороге все-таки не прошел даром.

- Вот и отлично, что не дрыхнешь. Хватит ерзать, – сказал Рихан, зажигая свечи принесенным огарком, – иди сюда.

Вино он плеснул щедро, сдобренное пряностями и медом.

- Выпей со мной. Сегодня не праздник, но можно, – сказал герцог, подавая супругу глиняную чашку.

Кристиэн с удовольствием проглотил пряную жидкость, принялся.

- Можно ли мне спросить, сайэ Рихан? О чем вы так тревожитесь? – едва улыбнулся Кристиэн, катая на языке вино.

- Какой у меня воспитанный котенок стал, - рассмеялся Рихан. - Скажу тебе больше, я боюсь.

Кристиэн замолчал и вино сразу потеряло свой вкус. Как реагировать на такое признание? Но Рихан успел раньше:

- Знаешь, котенок, когда из тебя будут вынимать душу, любой испугается. Тебе может и будет легче, на тебе грехов немного, взять то толком и нечего. Да может и ты найдешь, что им ответить, ты у нас монахов хорошо успокаиваешь. И так почему же ты не сказал правда им, кстати? И мне не раскрыл потом.

Рихан был непривычно спокоен и тих, и Кристиэн опасался все больше, наверное лучше бы супруг сердился.

- На мне есть грехи, сайэ Рихан, - мальчик чувствовал, что пьянеет и слова текли сами собой. - Я пытался исправить один из своих проступков. Я дал вам клятву в храме, тогда не веря в нее. Но я признал вас старшим, и теперь стараюсь ее сдержать.

- Ты расчетлив, котенок, - опостылевшее прозвище резало Кристиэну ухо. - Так ты пытался одним грехом замазать другой? Какой больше перевесит? Торгуешься с судьбой или мной? Немного выгадаешь, - Рихан приподнял лицо Кристиэна, запыхавшее от вина и стыда, кончиками пальцев, заглянул в глаза. - Ты уверен, что не просчитался, выбрав жизнь со мной, а не свободу? Что стоило рассказать им о том, как я первый раз овладел тобой?

- Я не знаю, что такое свобода, - ответил Кристиэн, отводя взгляд. - Я даже не знаю, чем отличаюсь от раба. Я принадлежу вам полностью, вы заплатили за меня немалые деньги, вы вольны наказывать меня и миловать. И я сам прилюдно на это согласился.

- Вот даже как, - невольно присвистнул Рихан. - Ничего себе, речи у нас! Но говори, мне интересно уже. Твои родители считают, что выгодно тебя пристроили. На твоём месте мечтали бы оказаться тысячи, по всей стране. Ты сыт, одет, обут, твои ручки не измараны работой, да и звание младшего герцога тоже чего-то стоит.

- Но выбрали вы не их, тех, кто мечтал, а меня. Я бы хотел спросить, чем так привлек. Если можно.

- Ты идешь по самой кромке, котенок. Но с тобой интересно разговаривать стало, не только плачешь. Я, по-моему, это уже тебе говорил, почему выбрал тебя, и не раз. Из тех, что предлагались той весной - ты лучший. Не вешался ни на кого, а ждал своей участи. Юн, девственен, весьма хорош собой, да и на личике так и написано: «Ах, не обижайте!». Ну разве такой ублюдок, как я, мог пройти мимо? Откровенность за откровенность, котенок. Я тебе совсем отвратителен?

Кристиэн испуганно прынул в сторону, уже понимая, что его ждет, в любом случае, промолчит он или ответит.

- Мнешься, Кристиэн, да? Думаешь, как бы сторговаться, чтобы не огрести по роже? Или снова разреешься как баба? По-моему, боги, когда творили тебя, думали о девке.

- Вы мне все равно не поверите, - насупился Кристиэн, уже действительно, готовый расплакаться, допил вино и Рихан подлил ему еще. - Когда вы выбирали меня, вряд ли вас интересовали мои чувства к вам, моя любовь. Но у меня нет никого, кроме вас, так получилось. И я должен исполнять клятву, раз дал ее вам. И... - Кристиэн замялся. - Вы защищали меня перед монахами, а потом утешали. Значит, может между нами не все так совсем плохо.

Рихан едва не выронил весь кувшин с вином, чуть плеснул на пол.

- Сколько правды в твоих словах, Кристиэн? – от удивления, сдавившего почему-то горло, он назвал супруга по имени, что делал редко.

Рихан забрал у младшего чашку, уложил на спину, как куклу и навис, вглядываясь в лицо. В полутьме лицо герцога было серым от усталости и тревоги, показалось Кристиэну каким-то открытым, без привычной маски.

- Ровно столько, во сколько вы хотите поверить. А ведь все равно, если я потеряю вас, то мне будет гораздо хуже, а вы всего лишь выберете в Тэлете другого.

Воистину, жрецы не ошибались, когда метили Кристиэна в танцоры-посредники! Рихан дернулся – словами младшего говорила его тревога, его мысли. Откуда он их знает? Завтрашний день будет отравлен неизвестностью, а сегодня у них последняя спокойная ночь.

Рихан очнулся от свистопляски зимы лишь к весне, когда осталось чуть-чуть дней до ненавистной исповеди. Да и то, не сам вспомнил – чертовы наемники растревожили, принеся письмо от монахов.

- Собирайся, поедем, – он пнул пьяного в дым Ская, развалившегося в кровати.

- Нахрена еще? Куда? – лениво откликнулся уже прижившийся в доме бывший преступник.

- В грехах каяться.

- Да ты и кайся, – расхохотался блондин, – а мне не хер. Я уже свое откалялся, теперь мое время!

Потом Рихан несколько месяцев не мог вспомнить ничего, что же говорили ему жрецы, но лютую, бешеную ненависть к Скаю, с которой он вернулся с исповеди, ему не забыть никогда.

- Твоими устами да мед бы пить. Дай я попробую, какие они сладкие? – Рихан потянулся к Кристиэну, обдавая запахом вина. – Давай ты сегодня представишь, что ничего не было? А, котенок? Ну, расскажи мне, что сказал сегодня, но собой. Так я лучше разберусь, где правда. Может и подскажу чего дельного. Тебе понравится.

Рихан словно пил его, лаская губы, пробуя как сладкий настой. Кристиэн отвечал, всем теплом и юностью, подогретой зимним вином, расслабленный. Ему и самому уже хотелось снять настороженность с супруга, так изумившего его этим вечером, приоткрывшего совсем другое лицо, даже и серо-зеленые глаза, стали не привычно, змеиными, а всего лишь цвета травы, что растет на камнях. Значит Рихану не все равно, что думает он, Кристиэн! Рихан же словно заново узнавал его тело, пробуя на вкус и ошупь каждое местечко. Кристиэн уже неосознанно раскрыл колени, подпуская ближе, раскрываясь для старшего.

Он мог по пальцам одной руки посчитать, когда получал удовольствие от близости с Риханом, обычно просто терпел, пока старший закончит возню на нем. Рихан слишком заботился о себе, а в нежелании младшего видел лишь непокорность. Но теперь тоже стало иначе. Кристиэн вскрикнул, замерев, а потом, когда Рихан отпустил его, сердце забилося часто-часто.

- Вот так бы всегда, – Рихан слизывал пот с его шеи, заставляя морщить носик от щекотки, –

странный ты, котенок. Все может и будет хорошо...

- О чем вы говорили на этой, так называемой, «исповеди», Рихан Айэ? – голос дознавателя был сух, как старое русло, а на лице едва заметное отвращение при слове «исповедь», – Что у вас спрашивали монахи?

Рихан сплюнул кровь прямо на пол, к ногам Элвиана, сырой подвал давал о себе знать.

- Так, о жизни беседовали, о том, что произошло за год. Не больше. Вопросы храмовников везде одинаковы, что у старых, что у новых. Их хлебом не корми, дай погонять шкурку под чужие откровения.

- Ваше ехидство неуместно, герцог. Вас уже поставили в известность, что вы лишены этого титула? Приказ императора. Все же я задал вам вопрос, вы намерены на него отвечать по существу?

- Я отвечал уже, что ничего не помню. Помнил, не сидел бы тут. Что с моим супругом, господин Элвиан?

- Ваш супруг, очень странный юноша, или не очень умный. Другой бы сразу подписал все бумаги и забыл о кошмаре. Можете гордиться, он хранит вам верность. Бедное дитя.

Глядя на усадьбу, к которой они приближались, Кристиэн никогда бы не сказал, что она похожа на храм. Обычные каменные дома за крепким забором. Но засовы на воротах и наружная стража убеждали, что не все так просто. Рихан велел накинуть капюшон на голову. Подал руку Кристиэну, помогая выбраться из повозки.

Никто не приветствовал их. Охрана взяла сумку с вещами, небольшой кожаный мешок Рихан взял сам. Их провожали двое юношей из стражей. Тусклые темные коридоры, безлюдные, словно в монастыре никого не было. Кристиэну казалось, что в свете настенных факелов у них с Риханом исчезли тени. Перед ними отворили дубовую крепкую дверь, посторонились, пропуская, супруги перешагнули порог.

- Ты едва не опоздал, Райханэ Айэ, – негромкий бархатный голос из глубины покоя пробирал до нутра. Кристиэн от любопытства едва не скинул капюшон, чтобы рассмотреть комнату.

Богато отделанный кабинет – малахит, дорогое дерево, кожа, за столом человек, – мужчина с тяжелым, словно выбитым в камне, лицом. Толстые мясистые губы, глубоко посаженные глаза и абсолютно безволосая голова. Лысина монаха тускло блестела в неровном свете восковых свечей, колеблющемся и зыбком, словно гости принесли с собой холод.

- Простите нас, брат Найгер. Мы попали в непогоду.

Голос Рихана показался Кристиэну извиняющимся. Разве такое может быть?

- Я слышу ложь, Райханэ, – равнодушно ответил монах, не сводя с супругов тяжелого взгляда, – но ты успел. Каяться в грехах нужно с чистым сердцем, а не начинать с вранья. Юнец, который прячется за тебя, и есть твой новый супруг?

- Да, брат Найгер, его зовут Кристиэн.

- Хм, – монах прищурился, словно плохо видел, – подведи его ближе и пусть снимет капюшон. Я

хочу взглянуть, что ты на этот раз выбрал, Райханэ.

Почему он коверкает имя Рихана? Этот неприятный храмовник говорил так, словно, он, Кристиэн, вещь, никчемная и бессловесная. Стоило ожидать, что Рихан грубо сдернет с него капюшон, но вопреки этому шерсть мягко скользнула на плечи. Он шагнул в круг света от настенных свечей.

- Ну да, ничего другого и не стоило ожидать. Райханэ, ты туп, как бревно. Дрянное похотливое бревно, – брат Найгер подвел итог впечатлениям. – Твоя страсть к смазливym мальчикам тебя погубит. Разве жизнь уже не учила тебя? По моему, ты должен был выучить, что есть более ценные вещи, чем нежная попка и сладкие губки.

Рихан дернул плечом, Кристиэн уже знал этот жест, – супруг на взводе гнева.

- Мне не в чем упрекнуть моего младшего, – возвысил голос герцог, – Я взял его чистым, до меня он не знал никого. Набожен и целомудрен.

- Я уже сказал тебе, что не годится начинать исповедь со лжи, Райханэ. У меня есть заключение из монастыря, где ты обучал его и другие сведения.

- Это какие же? – немедленно взвился Рихан, забыв о самообладании.

Кристиэн остолбенел. Его всемогущего супруга отчитывают, как нашкодившего послушника? Что же это за люди такие, почему Рихан им позволяет?

- Неважно. Исповедь не сейчас. Но, чтобы вам ничего не мешало, лучше побыть порознь. Твоему младшему отведут келью, позаботятся о нем и примут его грехи, как полагается. С тобой тоже будут говорить наедине.

- Нет! – Рихан выступил вперед, заслоняя собой Кристиэна. – Брат Найгер, он еще совсем юн и слаб сердцем, я бы сам смог направлять его.

- Мне не нужно разврата в монастыре, – оборвал его монах. – И не перечь мне! Тебе вернут мальчишку после исповеди, если ты, конечно, рад будешь его увидеть.

Что значит, «рад будешь его увидеть»? Что происходит? Кристиэн беспомощно смотрел на супруга, ну сделай чтонибудь, Рихан! Зачем мы сюда приехали?

- Не надо, брат Найгер, – Рихан уже мягко просил, – он боится.

- Если он так добродетелен, как ты его нахваливал, то ему нечего бояться. А если боится, то виновен. Уведите.

Ни Рихан, ни Кристиэн не заметили, как в комнату вошли еще монахи, безмолвные и темные, как тени, в охраннических одеждах.

- Сопроводите младшего, имперца, в одиночную келью. Сделайте все, что надо.

- Сайэ Рихан... – взмолился Кристиэн. – Пожалуйста.

Но его грубо дернули за руку, приказав идти.

- Осторожней, ты! – зарычал Рихан, бросаясь на защиту. – Если на нем хоть синяк появится! Котенок, так надо. Все будет хорошо.

- И сколько вы не видели вашего супруга, когда его увели? – дознаватель продолжал заполнять бесконечные бумаги череды допросов.

- Не помню. – Рихан смотрел равнодушно, сквозь Элвиана, куда-то в серую некрашеную тюремную стену. – Не знаю.

- Три, четыре дня, неделю? – допытывался дознаватель.

- Не помню.

- Хорошо. Что, по-вашему, могли делать с ним в ваше отсутствие?

- Не знаю, я не спрашивал.

- Наверно даже потом не спрашивали? Даже после того, как уехали? Как выглядел мальчик? Его били? Опаивали? Морили голодом?

- Не знаю. Я не спросил у него.

- Ну да, вам наверно не до расспросов было, некогда, – не смог сдержаться следователь. – А как он себя вел?

- Не помню. Наверное плакал.

- Наверно или плакал?

- Не помню...

Элвиан в бессилии откинулся на жесткое кресло, когда еретика увели. Ну почему так получилось? Верхняя канцелярия теперь в раздумьях. Что им выгоднее в этом процессе? Как они повернут дело? Выяснить надо все досконально – является ли малолетний Кристиэн еретиком или невинной жертвой?

Кристиэна заперли в келье, полусыром помещении с крохотным окошком под потолком, забранном решеткой. По книгам он помнил, что так выглядят камеры тюрьмы для преступников. Но он же не преступник? Деревянная койка с соломенным матрасом, ведро и кувшин на полу, молитвенник. Кристиэн повернулся, чтобы спросить, что ему тут делать, но в замке уже повернулся ключ.

Эти люди разлучили его с Риханом! Каким бы ни был супруг – злым, жестоким, насмешливым, но с ним Кристиэн мог быть спокойным и не бояться никого. Рихан его защитит от любого обидчика, никому не позволит посягнуть на собственность. А тут... Почему они распоряжаются даже Риханом и его именем? Каким богам они служат?

Кристиэн разулся, забрался на койку, подобрал под себя сразу начавшие зябнуть ноги, и уткнулся в подушку из мешковины, набитую той же соломой.

Не вышло. Глупо, конечно, было надеяться на то, что его оставят с Кристиэном вместе на время исповеди. Рихану было не по себе – мало ли, что случится! Кристиэн и дома-то дрожит как мышь, а тут, не дай боги, с ума сойдет. Куда же они его увели? И ведь никто не скажет...

- Ты плохо начал, Райханэ, мы так надеялись на тебя, – брат Найгер и не думал отпускать его,

хотя бы дать передохнуть с дороги, – Ты снова не послушал нас и взял имперца. Можно было бы понять, если бы это была женщина, она может родить нам наместника. Но ты тешишь свою плоть с юношей. Ты больше думаешь об удовольствии, чем о том, что нам надлежит делать.

- Я являюсь гарантом мира в Аторе, я принял вашу веру. Я даже женился на неопытном щенке, которого пришлось связать, прежде чем поиметь. Он стоил мне дороже, чем любая девушка в Тэлете. И почему нужно лезть ко мне в постель?! – Рихан старался сдерживать гнев, прорывающийся в нем, как пар из плохо прикрытой крышки котелка.

- Потому что твоя вера складывается в основном из постели! Ты всегда думал лишь о том, как завалить к себе смазливую парня! Помнишь, с чем ты пришел к нам? Аторе нужен свой человек в империи, звено между нами и еретиками. Мы вдохнули в тебя жизнь заново. Полководец-неудачник, ты помнишь, как хотел прыгнуть в огонь? Мы дали тебе веру и указали на верный путь. Мы даже подобрали тебе супругов на твой вкус и выбор, женщину и юношу! А ты купил приморца!

- Чем вам мешает мальчик? – Рихан уже решил не стесняться себя, что уж там. – Он может принять веру, он еще молод.

- У него глаза шлюхи. Обычной имперской потаскухи. Ты наверно думаешь о его ротике чаще, чем о молитве! Он примет веру, ему никуда не деться, но разве он не сможет разболтать родичам?

- Не разболтает. Котенок не очень-то разговорчив. Его семейка получила мои деньги и забыла о нем навсегда. Я легко научу его всему, что надо.

- Думаю, что трахаться ты его уже научил. Бесплезно, Райханэ, мы с тобой говорим на разных языках. Давай отложим до завтра. Тебя проводят в покои, – внезапно сдался монах.

Но Рихан так просто уходить не собирался. Никому и никогда он не оставлял своей добычи.

- Где мой супруг?

- В келье для послушников. Он останется цел, никто тут без нужды не притронется к имперской мрази. Ступай.

Кристиэн проснулся от боли, нещадно затекло тело на жесткой постели и холода. Кельи видимо и не думали отапливать или утеплять. Он сначала не мог понять, день или ночь, оконце было тусклым и темным, то ли ночь, то ли совсем раннее утро. А может и вечер, кто знает, сколько он проспал? За ним так и не пришли, ни супруг, ни монахи. Его просто оставили тут, чтобы не мешал. Нестерпимо хотелось есть, но в кувшине на полу оказалась лишь тухлая вода, словно из старой садовой бочки. Про него просто забыли?

- Ну, что ты мне расскажешь, Кайо? – мрачно поинтересовался брат Найгер у командира охраны герцога, что был вызван к настоятелю для беседы. Черноволосый крепкий мужчина сидел напротив монаха. – Как ты допустил эту свадьбу?

- А что я мог сделать, настоятель? – развел руками воин. – В этот раз Райханэ соблюдал обычаи и даже устроил осмотр мальчика. При всех. Кривился конечно.

- Это мне все известно давно, у меня есть копия отчета монастыря, что обучал этого щенка, –

оборвал его Найгер, – но что ты сам можешь мне рассказать про него?

- А про него нечего и сказать, – пожал плечами охранник. – Ну приморец, да и все. Но и для многих наших мог бы быть примером. Набожен как старуха, поперек никуда не лезет, подарков не требует, побрякушки не носит почти, Райханэ боится до дрожи в коленках. Слова поперек не скажет.

- Я слышал, что герцог едва не убил его в начале, – не поверил рассказу настоятель, разглаживая руками бархат обивки стола.

- Так как раз за набожность едва и не прибил, – хмыкнул командир охраны. – Ему, видите ли, в постели побаловаться взбрело по особому, а мальчишка возьми и заяви, что мол грех это, господин мой, в монастыре наказывают за такое. За это и огреб. Месяц, кажется потом лежал.

- Непокорность тоже грех, – рассудил брат Найгер, внимательно слушая рассказ. – Что же, тоже зацепка. Что еще?

- У них не все ладно, парни болтают, что мальчик неохотно дает Райханэ. Не сопротивляется, но и с восторга не орет. Герцог бесится, это даже я знаю. Еще он хвалился кому-то о том, что этот Кристиэн выбран был белыми, как танцор-посредник, но родители не отдали его в храм.

Брат Найгер привстал, стукнул по столу кулаком, так, что разлетелись бумаги.

- Что же ты сразу молчал?! Почему никого не послал сюда, сказать о таком?! Ты хоть понимаешь, что это? Мэррет... Проклятье... Теперь все придется делать по другому.

- О чем вы, настоятель? Мальчик вроде действительно нам не мешает. Его дело лишь раздвигать ноги и постель греть.

- А наследника Аторе он родит?

- Но ведь в прошлый раз мы тоже предлагали Райханэ парня. И что с того, что этот танцор? Его же не взяли.

- Ты дурак, Кайо или тоже засмотрелся на ублюдка? Что с того, что его не взяли! Его не отдали! – брат Найгер был в бешенстве, лысина покраснела, стала почти багровой. – Он посредник! Даже не обученный! Или ты думаешь, туда отбирают тех, кто просто ловко пляшет? Дурость! Они рассматривают каждого, ищут дар, искру, и даже если танцор не попадает в храм, то за ним все равно следят! Если они вступают в брак, то монахи ездят и смотрят, как те живут, что у них в доме и не угас ли дар.

- Но ведь посредники хранят целомудрие, а в браке это затруднительно, – не верил воин, – тогда зачем это надо?

- Имперцам всегда нужны посредники в храм, чтобы они не стали приманкой для богатеев и врагов! Про целомудрие сказочка, чтобы посредники своим делом занимались! Они почти их богатство, белые берегут их, а серые, противоположность, берут преступников и делают из них блядей. Так вот, если к вам недавно приезжали монахи, то их меньше всего интересовал Райханэ. Мальчик у них на контроле, они помнят о нем, а значит, провернуть старую игру у нас не получится. Тут загадка сложнее. Но от имперца нужно избавиться.

Кайо нахмурился. По совести говоря, младший супруг герцога весьма неплох, даже по суровым аторским меркам.

- Ну приехали, посмотрели. Малец целый, накормлен, обут-одет, в хозяйской постели дрыхнет под шелками. Может, успокоятся?

- О боги! С кем приходится иметь дело, простите моего единоверца! – взвыл монах. – Ты хоть знаешь, бестолочь, что надо для дара посредника? Нет? Ну так я тебе расскажу! Монахам было велено проверить, счастлив ли щенок в браке и любит ли старшего! Если все так, то дар работает и живет, а если нет, то затухает. Пустой и никчемный человек не может говорить с богами! Чем лучше посреднику, тем ярче горит его искра, тем больше милости и молитв можно получить и передать через него! Поэтому-то имперцы и селят их у себя в домах, когда те уже не могут танцевать. Понятно тебе?

- Понятно, – буркнул Кайо. – Только любовью-то у них и не пахнет. Мальчишка ревет постоянно, а раньше и в синяках ходил. Правда что-то такое сказал монахам белым, что Райханэ от радости его едва на руках не таскал. А кстати, почему бы это не обратить в нашу пользу? Пусть был бы посредником для нас.

- Тебе что в лоб, что по лбу! – Найгер был уже заведен. – Он будет видеть мир, так как его научили, как его воспитали, в ереси и грехе! Его посредничество принесет нам только горе! Он как отрава! Но от ока белых его не скрыть. Нужно убить дар, а он пусть живет, если захочет.

- Жалко, – не сдержался Кайо, – не злой же вроде мальчишка. Вреда от него почти никакого. Да в нем наверно и осталось уж немного, само умрет.

- Хватит жалеть грешника! Потом подойдешь к распорядителю, он скажет, что тебе нужно сделать, чтобы таких мыслей и не возникало. Мы не сможем сделать то, что сделали со шлюхой Скаем. Ненужное внимание. Райханэ и так вдовец, а Скай странно умер. Этот же щенок должен просто стать тенью. Он просто станет не нужен Райханэ, я слишком его хорошо знаю. А тот вернет его белым или родичам. Они не должны быть вместе, сеть имперцев не должна коснуться моего поручителя. Завтра исповедники узнают, сколько искр в этом Кристиэне.

Если они что-то сделают с котенком, я разорву договор и пропади империя хоть в бездну! Уже восьмой раз Рихан приезжал на исповедь и никогда ему не было так тяжело, как в этот раз. Груз грехов и поступков сам тянет на дно, как камень, и намного было проще, когда приезжал один. Одному всегда дешевле платить. А теперь с ним ни в чем не виноватый и даже не подозревающий о том, что его ждет, котенок. Он им сразу не понравился, а ведь именно этого и боялся Рихан. Кристиэн плох только тем, что имперец, да и все. Куда же они его запрятали?

Рихан уже сотни тысяч раз успел проклясть себя за то, что ввязался в эту игру. Лучше бы он сдох от тоски и ран там, в горящей жаркой от войны и солнца Аторе, лучше бы был простым десятником, как отец. Не нужно ни этого титула, ни богатства, и пусть провалятся все наместники вместе с императором, лишь бы вернуть Кайса и освободить котенка. Он бы сам, наверное, повинился в неверном выборе и отпустил супруга, сохранив ему доброе имя. Но почему-то образ Кайса уже мерк, тускнел и исчезал, словно плохие витражные краски со стекла, омываемого дождем. Яркое другое лицо – юноша с длинными черными косами, карими ясными глазами. Котенок сделал то, что никто никогда не делал для Рихана – сам выбрал его. Мог ведь получить свободу, но остался с ним. Какую цену теперь взыщут с них обоих?

===== Глава 10 =====

Тогда, много лет назад, жарким летним месяцем, они наконец-то взяли столицу Аторы – грязный пыльный городок Истер. Был получен приказ из Тэлеты – казнить мятежников и

получить городские грамоты, дающие власть, и главное, разорить все монастыри. Второе поколение императоров изменяло обычаи, смягчая давление храмов и жрецов, упрощая обряды, и самое главное, что не простила им Атора, в которой всегда были самые строгие ревнители традиций, разделила храмы на белые и серые. До этого, издавна суд и радость жили в одном доме, преступники сидели на тех же ступенях, по которым легко взлетали танцоры, оберегаемые судьбой и людьми. Да и брачное обучение превратилось у имперцев лишь в то, что младших учили быть приятными и любезными компаньонами.

Рихану было все равно наплевать на все тонкости тогда, вокруг все горело, умирало, но он упорно шел вперед, не щадя ни себя, ни врага. Он жалел лишь о том, что война заканчивается, а значит, если его не убьют, то придется возвращаться домой, жить дальше. Как? За эту кампанию он смог достичь звания командующего армией Аторы, начав карьеру с тысячника. Но он даже не дочитал до конца алую грамоту, доставленную из столицы, прямо в самое военное пекло. Плевать было и на ропот старых офицеров, которые были возмущены, что такая честь оказана мальчишке.

В Истере его встретили молитвами, когда он вошел в главный городской храм. Уже никто не сопротивлялся, было ясно, что война проиграна. Жрецы внимательно слушали императорские распоряжения, а потом предложили другое. Они отдадут грамоты и ключи только тому, кто примет старую веру и отречется от обычаев, оскорбляющих богов. Иначе все будет сожжено, и империи достанутся лишь трупы и руины, обгорелые корешки книг, вместо мудрости. Еще три дня назад, услышав такое, Рихан не думал бы ни минуты, отдав приказ на разграбление. Но с ним говорили долго, очень долго, незаметно он рассказал любезному брату Найгеру всю свою нескладную жизнь, и ему снова захотелось жить. Разве брат Найгер не прав – Рихан молод, у него блестящая карьера, так стоит ли ломать себя и мешать грязь дальних провинций, а избранные, действительно, наживное дело. «Все пройдет, верь нам и богам, мы поможем тебе и направим», так утешал его брат Найгер и его единоверцы и Рихан поверил.

«Такое решение выгодно всем, сайэ Рихан, – убеждали его, – ты привезешь в империю все бумаги, а мы останемся живы, у вас много земли, неужто не найдется местечка под усадьбу беженцам?»

Он принес Атору императору в зубах, как верный пес, но Рихан еще не знал, одевая под рубашку ритуальные серебряные треугольники, каким кошмаром это обернется для него.

Кристиэн тоскливо сидел в почти полной темноте, в отчаянии. Холодно, хочется есть, узнать, что с супругом и когда его выпустят из этой норы? Не оставят же тут навечно!

В двери звякнул засов и мальчик очнулся от оцепенения. В келью вошел молодой монах, едва ли старше самого Кристиэна.

- Здравствуй, скажи пожалуйста, – светло улыбнулся Кристиэн, который уже был рад увидеть любого человека, – когда...

Хлесткий удар по губам оборвал вопрос, Кристиэн охнул, схватился за лицо, закапала кровь.

- Замолчи, имперская дрянь! – гортанно ответил послушник, ставя глиняную миску прямо на пол. – Заткнись и жри!

За что? Ему даже не дали спросить! Кристиэн задохнулся от обиды, слезы сами собой текли из глаз. Почему его ударили? Что тут за люди и почему ему постоянно напоминают, что он имперец, что в этом такого? Да, он родился в Приморье, что из этого? Разве оно хуже, чем эта

злая земля?

Голод уже не мучил его, да и трудно есть разбитыми губами, даже умыться нечем, не тухлой же водой.

В этом году, действительно, все было по другому, Рихана слушали без особого интереса, даже рассказ о том, как ему удалось списать казенные деньги за землю храмовой усадьбы, вопреки надеждам герцога, не произвел на монахов никакого впечатления.

Монахов, казалось, не интересовало ничего, словно выводы о грехах и делах герцога Рихана Айэ ими были уже сделаны. Попытки Рихана узнать о том, что с Кристиэном, были пресечены в самом начале исповеди, но когда речь зашла о свадьбе, то братья, во главе с настоятелем Найгером аж заерзали от любопытства и нетерпения, ловя каждое слово герцога. Все, что касалось непосредственно Кристиэна, Рихана просили уточнять, повторять, рассказывать все, с того дня, как он заприметил будущего супруга на смотринах.

- Смотрю, а середь толпы мальчишка, чудный такой, тоненький. Он другой был, сразу видно, глазки в пол, будто не в столице. Ну и пришел я потом свататься. Все по обычаю.

- Ты устроил ему осмотр. В столице это запрещено, говорят, имперцы слишком развращают младших. Так как? - поинтересовался брат Найгер.

- А что мне было делать? Иначе бы вам обязательно донесли о том, что я снова женился на шлюхе! - съязвил Рихан.

- Это и так очевидно, - не понял иронии настоятель. - Так как это было, понравилось тебе?

Рихана передернуло. Какой идиотский вопрос! Пунцовый от стыда котенок, его алчный братец, что готов был вывернуть младшего наизнанку перед щедрым покупателем, распластанное на столе тощее тело, жалко дрожащее от чужих слов и взглядов, в которое лезут настойчивые пальцы лекаря, и ведь нужно было играть свою роль. Наверное именно тогда котенок возненавидел его.

- Кому приятно, когда при всех в задницу лезут, да и смотрел без удовольствия.

Отвратительный разговор, даже про Ская они не спрашивали такого. Ведь они выведывают все, вплоть до того, в какой позе он имел Кристиэна, с их настоек разум сам плавится, ложась словами на язык.

Настоятель белого монастыря вздохнул с облегчением, только что уехали очередные дознаватели. И снова ни с чем. Что же верхняя канцелярия хочет от калеки? Эти бессмысленные допросы, где спрашивают, а допрашиваемый молчит, едва ли не с жалостью смотря на дознавателей. Даже если произойдет чудо и Кристиэн сможет заговорить, то вряд ли от него что-то добьются. Их расчет предельно ясен и очевиден любому, кто знает о деле - вызнать все, про Рихана Айэ и о том, что связано с Аторой. Свидетели и обвиняемые, а их теперь несколько, все как один, подтвердили, что Кристиэн не знал ничего про заговор и еретиков. Но теперь канцелярии зачем-то понадобился и сам несчастный мальчик. Ясно как день, что никакой ереси в нем быть не может, они принимают за нее то упорство, что непонятно мирским людям, и очевидно тем, кто верит и направляет верующих. Юноша поступает абсолютно верно, отказываясь предать своего супруга, какой бы мразью тот не был. И может его упрямство и молитвы хоть чуть помогут еретика раскаяться? Настоятель даже смел спорить с дознавателем Элвианом по сему поводу:

- Ну хорошо, представьте себе, что вам удалось вырваться от подонка, насильника, от которого никогда не видели ничего доброго. Правосудие вступилось за вас, арестовав негодяя и тут, вы отказываетесь от защиты, просите снисхождения к преступнику. Как это понимать?

- Вы все передернули, уважаемый, – рассмеялся настоятель, – мальчик никого не просил и не сказал не слова. Он даже не защищает своего супруга. Он просто отказывается подписать развод и документы, подтверждающие вину Рихана в ереси. И тут он прав – о том, что Рихан Айэ еретик и предатель мальчик не знал, про договор ему было неизвестно, его просто ставили перед неизбежным. Разве он мог отказаться от обучения в монастыре еретиков? Нет. Мы сами виноваты в этом – воспитываем младших зачастую бессловесными слугами, которые не знаю о тонкостях веры и о политике. Вы же сами допрашивали его родителей и брата – темные люди, глухие, даже странно, как у них мог появиться Кристиэн с его светом. Потом, главное обвинение – политическое, а не семейное. По-моему, мало кто помнит, что первое обвинение было в жестокости к младшему, в страшной жестокости. Кому теперь это интересно, на фоне сговора с аторцами? А этот мальчик чист и благороден, несмотря на пережитое. Он дал клятву быть с супругом в любой ситуации и соблюдает ее, а не бежит прочь, бросив старшего. Счастья им не выпало, а вот горя предостаточно. Я даже боюсь подумать о том, что будет, когда вынесут приговор.

- До приговора еще очень долго, мы не все выяснили и не всех потеряли, настоятель, – усмехнулся Элвиан, – но вы весьма романтичны и наивны. Сами подумайте, какой смысл мальчишке держаться за супруга? Тот будет осужден и казнен, это уже, конечно, очевидно. А если канцелярия посчитает и Кристиэна еретиком, то он разделит наказание с супругом. Хотя даже мне жалко его. Рихан его выгораживает всеми силами – мол, невиновен «котенок», и все тут! А бил за то, что отказывался жить по старым обычаям. Получается, что они стоят друг за друга.

- Вы еще скажите, что они сговорились, – хмыкнул настоятель, – если бы комиссия захотела, она бы сама признала брак несостоятельным. Кристиэн же признан потерявшим рассудок, хотя на мой взгляд, он умнее многих, и ему назначены опекуны. И тогда не потребовалась бы подпись ни того, ни другого. Но зачем то требуют от них самих этого. Корысти в Кристиэне нет, вы читали документы, он все равно наследник, в любом случае и имущество Рихана Айэ переписано на него было еще в начале зимы, когда они поженились. Об этом, кстати, мальчик тоже не знал. Никто не знал, кроме поверенного.

- Предатель все предусмотрел... Расчетлив.

- Это было еще до исповеди. Таким людям, как Рихан Айэ, всегда есть чем рисковать. Рихан защитил его хоть так. Хотя, если с Кристиэном все обойдется, на такое богатство найдутся охотники и нужно будет оберегать мальчика. Кстати, вот еще предположение, почему канцелярии нужен Кристиэн, раз развести их нельзя, а над имуществом и Кристиэном опекуны, то выгодно убрать его совсем. Согласитесь, Рихан Айэ совсем не бедный человек, а конфисковать имущество уже не получится и они проделают это с Кристиэном. Не думаю, что ему самому так уж нужны деньги супруга и я был бы рад, если бы, когда все закончится, он остался бы тут. Пусть опекуны управляются, этот Мельдин, кажется, хороший человек.

- Да, тут нам повезло, он верный государству слуга, несмотря на близкую дружбу с Риханом Айэ. Он не поддастся ереси, правда и не донес на герцога. Он хорошо заботится о мальчишке?

- Да, кажется это единственное для него утешение и радость, когда приезжают эти люди, Кристиэн привязан к ним. А Рихан Айэ требовал свидания с супругом?

- Конечно, – рассмеялся Элвиан. – Но кому интересны его требования...

- А зря. По закону супруги могут примириться. Скажите только, что обвинению это крайне невыгодно, тогда меньше поводов обвинять Рихана в жестокости, хотя он конечно изувер. Обвинение не сможет использовать Кристиэна.

- Если они мирятся, то уже никто не будет сомневаться в виновности младшего, вы забываете и об этом. Хотя мальчик остался калекой по вине старшего.

- Она не прямая, – возразил настоятель.

- Это неважно, но хорошо, что вы не судья, брат, иначе бы заседания длились сутками, с вашими доводами.

- Но тогда бы и не осуждали невиновных.

У Рихана постоянно кружилась голова. Он отвечал на бесконечные вопросы, повторял все заново, начиная путаться и распутывать клубки речей и слов. Когда же они прекратят?

Кристиэна привели в какой-то зал, он изумленно осматривался по сторонам, прежде чем его одернули и велели выйти в центр. Такие же, как в келье, каменные стены, несколько кресел и ледяной пол. Трое монахов. Он стоял лицом к ним, в мятой одежде, с полурастрепанными косами – ему так и не дали возможности даже умыться, голодный, ту кашу, что ему принесли, он так и не смог съесть – плотная, комковато сваренная чечевица просто не глоталась. Зато пить воду из кувшина он притерпелся, жажда была невыносимее голода.

Брата Найгера среди монахов не было.

- Как твое имя, юноша? – спросил самый старший из них.

- Кристиэн Рихан Айэ, – ответил Кристиэн, вспомнив, что нужно опустить глаза к полу.

- Фамилия от твоего отца, до свадьбы?

- Тэхи.

- Приморец... Ну что, ты готов рассказать нам о своих грехах и проступках? И о том, как любишь своего супруга?

Все были ласковы к нему и внимательны. В тихой обители Кристиэн стал общим любимцем и событием. Но вряд ли сам заметил это, как и все остальное, что происходило вокруг него. Ему не помогало ничего – ни добрые слова, ни молитвы, ни утешения, приправленные успокаивающими настойками. Он словно угасал, понимая, что надежды почти нет. Оживал лишь тогда, когда приезжали опекуны, Мельдин и Майэр, встречая их вопрошающим, молящим взглядом: “Какие вести вы привезли мне о нем?!” – но новости были неутешительны, Мельдин и Майэр просто сидели рядом, молча сочувствуя ему и жалея, что-то рассказывали, пытаясь отвлечь, но Кристиэн снова уходил в себя, в свою бессильную вину. Но ведь у него не было другого выхода, тогда он не думал, что может произойти, просто спасался, как мог. А сейчас, постоянно возвращаясь памятью к весне, понимал, что мог бы потерпеть. Рихан был бы на свободе.

Он уходил в монастырский сад, прятался в самой глубине, в тени, избегая всех и просто сидел целыми днями напролет, думая о чем-то своем.

- Пойдите, так вы назвали его Кристиэном? – перебил Тэльдо настоятеля, – а не тот ли это Кристиэн, о супруге которого теперь все говорят. Я почему-то думал, что он должен быть другим.

- Что ты думал? – настоятель был неожиданно строг. – Это он. Я же просил тебя не приближаться к мальчику. Мы едва-едва выходили его, а ты снова добавляешь нам забот!

- Что, мальчишка успел наобедничать, что я подошел к нему в саду? – съехидничал гвардеец и осекся, увидев лицо монаха.

- Если бы он даже и смог говорить, то уж точно бы не опустился до жалоб. Так что ты сам себя выдал! Что ты сказал ему в саду?

- Просто, спросил его имя и свободен ли он, пошутил про сватовство, а этот ваш драгоценный Кристиэн шарахнулся от меня, как от чумного.

- Если бы я не знал тебя, Тэльдо, то отправил бы вон, сейчас же. Но ты сам не знаешь, что сделал. И если я еще раз застаю тебя около Кристиэна Рихана Айэ – снисхождения не будет! Твоя шутка для него не смешна.

- А если я попрошу прощения? – Тэльдо еще не терял надежды.

- Того, что сотворено, не изменить. Просто оставь его в покое.

Тэльдо пристыжено замолчал. Вспомнился недавний спор при дворе, среди офицеров, когда только-только стало известно, что военный герцог и ветеран Рихан Айэ арестован за жестокость по отношению к младшему супругу.

- Я видел мальчишку, он смазлив и молод. Наверняка начал в Ланке крутить хвостом направо и налево и глазки строить. Уверен, огреб по справедливости. Там есть на что посмотреть.

- Ничего ты не знаешь, – оборвал белобрысого гвардейца другой, постарше. – Они живут-то в усадьбе, далеко от людей. Там романы только с волками заводить можно. А у Рихана и с предыдущим, которого он из храма брал, была мутная история, помните, сомневались еще, то ли сам помер, то ли Рихан помог.

Тогда Тэльдо был на стороне первого из спорщиков. Действительно, мало ли юных потаскунов и потаскух, что наставляют рога супругам? А этот, Кристиэн, о котором рассказывали, еще и сотворил такое... Хорошо, что не получилось.

Но теперь, припоминая лицо Кристиэна в том злополучном саду, Тэльдо понял, что ошибся, рассуждая заранее. Юноша был похож на статую в храме, на одного из белых младших богов, что приносят людям добро и готовы заступиться за провинившихся перед грозными Громом и Молнией. Строгое, отрешенное лицо и неподдельное душевное страдание, превратившее карие глаза в озера темной воды, единственное, что отличало его от тех, кому Тэльдо молился

На четвертый день Рихан едва осознавал, что начинает сходить с ума, казалось его вывернули на изнанку, как следует протрясли, словно пыльный ковер и забыли о нем. Ему не давали

спать, истязая беседой, язык немел от слов, а голова превратилась в тряпку, из которой отжимали грязную воду. Сознание держалось только на отварах, что давали ему жрецы, и все реже и реже он спрашивал про Кристиэна.

- Он не любит тебя, Райханэ, - таков был итог, подведенный братом Найгером. - То, что ты рассказал, только подтверждает это. Тяжкий грех для твоего супруга.

Рихан молчал, когда говорили они, каждое слово давалось ему с трудом.

- А ему особо и не с чего любить меня, - нехотя признался он. - Я насиловал его, бил, а котенок у меня нежный, да и оттаивать все же начал.

«Если бы не вы, все было бы хорошо»

- Ты лжешь даже сам себе, утешаешься напрасными надеждами на милость имперской подстилки, - скривился настоятель. - Твой щенок начал исповедоваться. Тебе никогда не везло с семьей, Райханэ... И не повезет.

Это было намного страшнее и ужаснее, унизительнее, чем осмотр перед помолвкой. Теперь бы Кристиэн с радостью согласился раздеться хоть на городской площади перед всеми лекарями империи. Оказывается, нет ничего хуже, чем когда лезут в душу. Он давился слезами, топтался почти отмороженными ступнями на полу, а его все не отпускали.

- Что ты чувствовал, когда супруг впервые брал тебя? - Кристиэн мог поклясться, что уже не раз и не два отвечал на этот вопрос, но сил спорить не было.

- Мне было страшно и больно, - повторил он снова, уже зная, что они спросят потом. Неужто еще не понятно?

- Чего ты боялся?

Каким словами он должен сказать, чтобы его услышали? Так не трудно вспомнить, что было с ним тогда - в чужой спальне, наедине с почти незнакомым человеком, ставшим его супругом и хозяином, с неласковым, злым Риханом? Рихан внушил страх еще с первой встречи, с зала смотрин в Тэлете.

- Я повторяю вопрос, - монах не оставлял его в покое. - Почему ты боишься своего супруга, Кристиэн Рихан Айэ?

- Он был жесток со мной, - это Кристиэн тоже много раз говорил. - У нас, в Приморье, не принято устраивать осмотр вместо обычного сватовства, а он потребовал этого. При всех.

- Но твои родичи согласились, хоть они и приморцы.

- Они согласились бы на все, чтобы отдать ему меня, за те деньги. Рихан...

- Господин Рихан, для тебя он господин и твой бог, - поправил его монах, который вел исповедь, юноша чуть постарше Кристиэна.

- Он, - Кристиэн так и не смог повторить, - он просто купил меня, как вещь, как тело. Я сам не нужен ему.

- Какая самоуверенность! - рассмеялся монах, Кристиэн вздрогнул от этого смеха, так неожидан он был в этом унылом зале, пусть даже и издевательский. - Ты всерьез думаешь, что

ты нечто большее? Что у тебя есть еще? Ничего. Ты всего лишь тень своего старшего, предмет для утоления его желаний и прихотей. Боги дали тебе смазливое лицо, но не одарили ни разумом, ни плодородным чревом. Ну, – монах посерьезнел, – дальше.

Лицо алело от стыда и унижения. Что за допрос! В приморском монастыре никто бы из монахов не позволил бы себе спрашивать такие вещи, задавать такие вопросы и еще делать выводы! А тут... Голова начинала кружиться, Кристиэну не хватало воздуха и он едва-едва стоял на ногах от усталости и напряжения. Но его мучители были безжалостны.

- Так что ты чувствуешь к своему господину, кроме страха?

- Так мальчишка вызывает у тебя только желание и все?

Рихан едва не скрипел зубами от бессильного гнева. Сколько можно талдычить одно и то же? Одни и те же вопросы, его тут за дурака что ли держат?

- Вы издеваетесь? – спросил он. – Я уже, мать вашу, сотню раз сказал, что если бы хотел просто дырку, то купил бы очередную шлюшку, типа Ская. А в этом я хочу видеть своего супруга и опору, он носит мою фамилию! Потому и взял непуганого девственника!

- Непуганого? – Брат Найгер даже не скрывал издевки. – Да твой щенок дрожит от страха, как только видит твой срам. И зачем ты, кстати, отходил его в первую вашу ночь? Тебе было наплевать на опору и фамилию и ты просто хотел добраться поскорей до начинки? А теперь ноешь, что он тебя не хочет.

- Как это не хочет? – взвился Рихан. – Мы помирились. Потом, котенку даже и понравилось. И мы целыми днями были вместе.

- Ну да, а как приходила ночь, так он мечтал оказаться подальше от тебя, ты так ненасытен, Райханэ?

- Что вы про одно и то же заладили? – не выдержал Рихан, стиснув кулаки до белизны в костяшках. – Задрали уже. Я рассказал вам уже все, что можно. Да, мне нравится его трахать, и я даже жду взаимности. Но я иногда слишком резок с ним, а котенок нежный и злопамятный, как назло. И нервный. К тому же, ваш такой любимый осмотр не добавил ему счастья. Но это мы уже сами какнибудь управимся, своими силами, – подытожил Рихан, злорадно улыбаясь.

- Ты слишком разошелся, Райханэ. Герцогу теперь и море по колено? Ты жестоко ошибаешься, – настоятель Найгер покачал укоризненно головой, словно сокрушался о проступке любимого ребенка. – Поговорим завтра. Иди.

- Кроме страха? – задумался Кристиэн, уже на грани от паники. – Не знаю. Мне очень неловко говорить об этом с кем-то.

- Неужто? Ты всего лишь боишься своего господина, как раб, и тебе нечего сказать ничего кроме этого. Потому что ты равнодушен.

- Нет! – вспыхнул Кристиэн, в ослеплении обиды не заметивший ловушки. – Когда он не сердится... Мне нравится, когда мы вместе, делаем что-то, читаем, гуляем, переписываем бумаги. Он тогда совсем другой, спокойный, мне хочется оставаться рядом с ним... А когда

сайэ Рихан поет, я бы все сделал...

- Я слышал, он дает тебе вино, чтобы не было так противно по ночам и чтобы хоть по запаху отличить тебя об бревна? – словно и не заметил ответа Кристиэна монах.

Кристиэн задохнулся от обиды. Да почему же они сводят все к постели?! Он же рассказал все честно, ничего не утаил – ни тайком взятой лодки, еще в Приморье, ни сомнений при клятве в храме, ни потайного любования тренировками охранников супруга. Но эти грешки словно и не интересовали его собеседников, лишь только то, что супруги делают вместе в спальне.

- Все пока с тобой ясно, – вздохнул монах. – Отведите его и позаботьтесь покормить. Мертвым он совсем никому не нужен.

Тэльдо метался по монастырю в нетерпении, раздиравшем его надвое. Документы, необходимые для государя, никак не могли собрать – то не хватало подписи, то не сходились цифры. Уже хотелось в столицу, к друзьям, дому, веселым посиделкам в трактирах, и одновременно с этим манила тишина монастыря и кареглазая загадка, охраняемая в этих стенах от мира.

Кристиэн Рихан Айэ. Тэльдо пробовал это имя на вкус, сладко-терпкое «Кристиэн» и неприятно-горькое «Рихан Айэ». Кристиэн, принадлежащий Рихану Айэ. Уговоры настоятеля Амардина и доводы собственного разума были бессильны перед жаждой увидеть юношу. Он отлично понимал, что мальчик едва ли его замечает, если конечно не считать той постыдной выходки офицера в монастырском саду. Надо же было оказаться таким недотепой! И на вряд ли супругу опального герцога сейчас нужны поклонники и воздыхатели. Но Тэльдо не мог не наблюдать издали за Кристиэном, как бы невзначай встречать его в переходах каменных палат, но юноша жил какой-то своей жизнью, отрешившись от всего, что окружало его. Тэльдо узнал, что иногда Кристиэна навещают опекуны, и он явно ждет их приезда, встречает с нетерпением и блеском в глазах. Еще были не званые гости, в мундирах верхней канцелярии, дознаватели, и им Кристиэн был нужней, чем они ему. В один из таких визитов, дознаватель Элвиан, которого Тэльдо знал еще по разгонно-почтовой работе, попросил быть свидетелем в одной процедуре.

Когда гвардеец узнал, в чем предстоит участвовать, то отказался сразу, скривившись от отвращения, но сам настоятель Амардин неожиданно вступился за дознавателя, поддержав просьбу.

- Тэльдо, это надо. Ну пусть они убедятся наконец... А так, может ему будет легче, хоть еще одно знакомое лицо. Лучше уж ты...

Один из способов проверки на ересь и то, не лжет ли тот, кого могут обвинить – отвратительный и унижительный. И Кристиэна в чем-то подозревают? Какой же он иноверец, он не выходит днями из молельной монастыря, и Тэльдо не раз видел его за книгами, и на коленях перед статуями тоже заставлял не раз и не два!

Офицер и староста соседней деревни, которого вызвали в монастырь ради такого случая, ждали в полутемной комнате, в подвале храма, потом пришли серые монахи. Тэльдо узнал их – двое служителей из центрального столичного храма серых. Надо же, ради такого случая не поскупились! На простом деревянном столе нехитрые приготовления – жаровенка, длинная игла и два куска льняного полотна, белое и черное.

Кристиэна, испытуемого, привел сам настоятель, за руку, помогая спуститься по крутым

ступенькам.

- Не бойся, это быстро. Придется чуть-чуть потерпеть, – уговаривал настоятель Амардин своего подопечного, будто ребенка, усадив на деревянное кресло.

Но Кристиэн посмотрел на всех собравшихся, в глаза каждому и Тэльдо показалось, что в вишнево-карем взоре осуждение и усталость, бесконечная и давняя. И жалость, жалость ко всем, кто собрался в этой комнате.

- В присутствии свидетелей, офицера гвардии его императорского величества, Тэльдо Дэвир, и старосты деревни Ивовой, почтенного Геланвара, я, дознаватель верхней канцелярии Элвиан Оссил, и братья Бедор и Раиль, из серого храма Тэлеты, хотим узнать у тебя, Кристиэн Рихан Айэ, до брака носивший фамилию Тэхи, не вступал ли ты в сговор с врагом из Аторы, не впускал ли в свое тело чародейских трав, не участвовал ли в ритуалах еретиков? На твоём теле есть отметины, которые могли оставить и боги и демоны, и лишь живая кровь докажет нам, что ты не поддался скверне, а если таковой не будет, то тебя передадут в распоряжение канцелярий и дознавателей.

Согласно процедуре, испытуемый должен дать ответ, но юноша молчал и в молчании не было ни капли вины или протеста. Он бы и ответил, но каждый, кто был в комнате знал, отчего сомкнуты тонкие губы и утрачен голос. Кристиэн в упор рассматривал дознавателя, словно видел его впервые и Элвиан почему то поежился.

- Ты услышал нас, – все, что он смог сказать.

Тэльдо не раз представлял себе Кристиэна Айэ без одежд, без этих уродливых послушнических балахонов, стройную фигурку с плоским юношеским животом, нежную кожу, но теперь бы отдал все, чтобы не видеть ничего и не участвовать в этом действе.

Пленник дернулся, пытаясь вырваться, когда с его плеча приспустили широкий ворот рубахи. Слава богам, взмолился Тэльдо, что родимое пятно всего лишь на плече, совсем крохотное, такие на его родине называли звездной россыпью, если они были часты по телу.

- Осторожней! Я прошу вас! – вступился настоятель. – Вы пугаете его, а он и так много вытерпел от чужих рук.

- Мы не сделаем ничего, кроме того, что необходимо, – равнодушно отозвался серый Бедор.

- Свидетели, видите ли вы это пятно? – обратился к Тэльдо и старику Геланвару дознаватель Элвиан.

- Вижу, – хмуро подтвердил Тэльдо.

- И я даже вижу, ох... – откликнулся старик. – Совсем ведь молоденький парнишка, какая на нем вина? Не нажил еще...

- Мы выясним, какая, если она есть, – не сдержался Элвиан.

Тэльдо думал, что сердце остановилось, так мучителен был следующий миг. Кристиэн коротко застонал, когда в плечо, ровно в середину крохотного пятнышка вонзили длинную тонкую иглу. Монах Раиль чуть нажал на ранку, и в комнате повисла звенящая тишина.

Тэльдо забыл как дышать, пока смотрел, как крохотная, алая капля крови выступила на

золотистой коже плеча, драгоценным рубином на злате. Еще одна. И белое полотно украсила красная точка, словно простыню новобрачной, подтверждая ее честь.

- При всех свидетелях, при настоятеле Белого Храма Вериции, я, дознаватель Элвиан Оссил и братья Бедор и Раиль, из серого храма Тэлеты, подтверждаем, что Кристиэн Рихан Айэ чист и в теле его – живая кровь.

- Трудно было думать обратное, – проворчал настоятель, торопливо прикрыв плечо своего опекаемого, только зря измывались.

- Не зря, благочестивый, – улыбнулся Элвиан, тоже довольный результатом, – у нас теперь кроме слов есть и бумаги, а не мне вам говорить, что они значат.

- И поломанный человек, на которого всем там наплевать, тоже есть, – настоятель Амардин был зол. – Давайте, распишусь, где надо и закончим этот стыд.

Тэльдо с облегчением поставил свою подпись на протоколе, еще раз обернулся на Кристиэна, который безучастно сидел на своем кресле, и гвардейцу стало стыдно, как после памятного разговора с настоятелем. Гадко. Он, взрослый мужчина, воин, офицер, смотрит как мучают безответного калеку, ведь это же настоящая пытка. Как ее не назови и во имя какой бы цели ее не устраивали. И как теперь посмотреть в глаза мальчику?

- Пойдем, Кристиэн, – настоятель Амардин помог подняться юноше, и по лицу Кристиэна прошла едва заметная судорога боли, ему было трудно опираться на правую ногу, – пойдем, хороший мой. Видишь, ничего страшного, неприятно правда. Осторожно, не сильно наступай. Вот так.

- В чем его обвиняют, настоятель? – Тэльдо увиделся с Амардином только вечером, когда уехали посторонние. – Ведь все же знают...

- Ничего, никто не знает! – нежданно взорвался настоятель, сверкнув серыми, не утратившими яркости за многие годы жизни, глазами. – А он виноват лишь в том, что был рожден для Храмов и радости, а им распорядились по своему, нарушив предназначения и волю богов. Ведь приморцы же не раз просили Мадрину и Мая Тэхи, его родителей, отдать мальчика танцором в храм, нет, польстились на деньги и отдали убийце. Такого боги не прощают, кто бы ни был виноват.

===== Глава 11 =====

- Все гораздо сложнее, чем казалось мне вначале, – брат Найгер собрал старших монахов у себя в покоях, – но от мальчишки все равно придется избавляться по тихому и аккуратно.

- Что вы имеете в виду? – брат Орнар даже оторвался от дел, связанных с обучением молодежи. – Я помню мальчишку, ничего интересного, кроме личика и фигурки. Глупенький зверек.

- Вы бы лучше занимались воспитанием как следует, а не подростков разглядывали! – грохнул по столу кулаком настоятель. – К вам лично у меня много нареканий, брат Орнар! Особенно по Кристиэну Рихану Айэ!

- Я сделал все, что мог и что просил Райханэ! – развел руками провинившийся воспитатель.

- Об этом позже. Итак, мы разговаривали с ними обоими. Райханэ утекает из наших рук, как вода в решете, теперь его больше интересуют прелести супруга, чем безопасность Аторы! Он

начал перечить мне, своевольничать и его не просто влечет похоть, а кажется, там все серьезно, хотя, как всегда, Райханэ этого в упор не видит! Он всего лишь думает о том, как расшевелить щенка на постели, похотливый осел! Перестал думать головой совсем! Его, видите ли, расстраивает, что паршивец не хочет его.

- Так в чем опасность, брат Найгер? В том, что мальчишка несостоявшийся танцор и бревно? – перебил кто-то настоятеля, нарушив правило. – Так его никто и не спрашивает, нагнул и все. Притерпится раздвигать ноги, а там во вкус войдет, Райханэ успокоится. Он же как гончая, раз догнал добычу, то все, она ему неинтересна.

- Дурак. Как только щенок ответит взаимностью и распробует хозяйский хер, то мы потеряем Райханэ! Вспомни, с чем он к нам пришел! Он только и ищет, кто бы смотрел на него, как на господина и возлюбленного! На этом мы его поймали, помнишь историю, с его первой любовью? Ему отказали, даже шлюха и колодезная дыра Скай ненавидел его. Это самое главное, мальчишка и должен трястись от страха и соплей при виде своего хозяина!

- Ну, Райханэ станет его так трахать. И хорошо, если не прибьет с перепоя, как предыдущего. За этим же следят, имперским цветочком. А он не сдержит себя и что – второе вдовство с мутной историей? Кто ему поверит, кто поверит, что и этот сдох от горячки?

- Поэтому-то я и собрал вас! Наконец-то, догадались! – возвел глаза к небесам настоятель Найгер. – Мальчишка сам должен понять, что он ничтожество и пыль, что он виноват во всем и нежеланен. А наша задача, не зевать и выбрать нужный момент и ход, чтобы Рихан сплавил его в храмы, неважно в какие. Пусть белые подавятся им и забудут про Райханэ, а мы подберем наконец-то ему подходящую партию.

- Но, настоятель, зачем так усложнять все? Не проще ли найти другого достойного на место Райханэ?

- Да что ты говоришь? А не Райханэ ли остановил пожар? Не он ли спасал книги и сдержал свое слово? Он. Каким бы он ни был, а сейчас он нам нужен и я пока не намерен тратить время на поиски того, кто мог бы заменить его и на поиски струн, нужных для игры. Для Райханэ музыка подобрана. Главное, сравить его со щенком, хотя запасной план есть всегда, и на этот раз мы им воспользуемся.

Кристиэн свернулся на лежанке в своей каморке. Было всего два вопроса-исповеди, но оба об одном и том же, как они с Риханом делят ночи. Он уже терпел насмешки, тычки в темноте переходов от послушников-ровесников, презрение. Почему они все время напоминают ему, что он имперец и что в этом плохого? Страна велика и всемогуща, и быть ее крохотной частичкой приятно. Приносили еду, уже не капусту, а кашу с малым количеством мяса, но Кристиэн ел с трудом, только чтобы поддержать силы. Если бы еще дали вымыться! Он с отвращением трогал волосы – слипшиеся от грязи и пота, ведь он с самого приезда не мыл свое тело и голову, чистоплотному приморцу и думать об этом страшно, а терпеть вовсе невыносимо.

В Приморье, кстати, ему всегда говорили о том, когда обучали в монастыре, что он должен стать правой рукой супруга, опорой, отрадой и помощником во всем, и быть всегда рядом, в горе ли или счастье. А в этом странном монастыре, не очень даже и похожем на имперские, ему доказывают, что его место только в спальне, как принадлежности ложа старшего. Молодые монахи смеялись над ним, ведь на последнюю беседу пригласили всех, от послушников до стариков, кроме Рихана, хотя законы запрещали подобное. Выставили на позор перед всеми. И разве ему без разницы, под кем лежать вниз лицом? Неправда! Будь

Рихан чуть ласковей, он бы и не желал и не думал бы об ином, да впрочем, он и так не думает... Мысль о неверности и не закрадывалась в голову Кристиэна. И скорее бы очутиться дома, вернуть вечера, где они вместе, где можно дремать, пригревшись о жесткий, но теплый бок, где можно смеяться и переписывать книги, показывать свои рисунки и слушать истории о войнах, да и просто сидеть в тишине. А если Рихан будет петь, то благословите его, боги! И как поверить монахам, что он не нужен Рихану?

Завтра домой. Рихан наконец-то понял, что исповедь закончена и, как всегда, после нее пустота в душе, тишина, подобная той, что бывает перед бурей. Жестокий монах Найгер умеет расставить все по своим местам, больно, но справедливо открывая беспощадную правду.

- Садись, Райханэ, - Найгер указал на кресло рукой, унизанной жреческими перстнями, - садись. Мне есть о чем тебе сказать напоследок.

Рихан послушно сел, отметив взглядом несколько густо исписанных бумаг на столе настоятеля.

- Измучился за неделю? - непривычно заботливый тон.

- Ваши бездельники мертвого замордуют, - не очень вежливо ответил герцог.

- Ладно, все закончилось. Но я не доволен, Райханэ. Ты вступил на неверный путь и снова ошибся со спутником, в третий уже раз.

- Я устал слушать про это, - отмахнулся Рихан. - Сам уже не знаю, что делать.

- Устал слушать? - настоятель пододвинул к Рихану листы. - Тогда читай. Здесь записано каждое слово твоего поганого имперского щенка. Вся его исповедь. Слово в слово.

У Рихана потемнело в глазах, когда он прочитал первые строки, написанные мелким убористым почерком. Вглядывался в каждое слово, откладывал страницы, снова возвращался к прочитанному, а настоятель Найгер, чистокровный аторец, наблюдал за ставленником, скрывая довольство. Как же легко с тобой играть, Райханэ....

Злопамятный маленький лицемер.

«Я боюсь».

«Мне было страшно».

«Неприятно, когда трогает спину».

«Я бы не желал иного, если бы он был ласков».

Все растрепал, змеиное отродье! И про осмотр, про первую ночь, про побои, про вино! Ничего не утаил, набожная дрянь! И самое, самое главное:

«Я не люблю его и не знаю своего будущего. Мне трудно будет сделать это, но я же должен соблюдать клятву и слово. Так что же вы еще спрашиваете?»

Я не люблю его... Почему эти строки режут как нож? Ведь он и так знает это, котенок и вправду не любит его. Восхищается, когда Рихан поет, слушает рассказы, греет когда дремлет. Только потому, что дал клятву? Терпит, потому что куплен большой ценой.

- Я дам ему свободу, пусть убирается куда хочет...

Элвиан перебирал бумаги в толстой кожаной папке, что помечена надписью «История Кристиэна Тэхи» – бесценные документы, которые могут убить как одного, так и обоих супругов Айэ.

Запись допроса-исповеди юноши Кристиэна в монастыре мятежников. Странный документ, от содержания которого тошнило. Староверцы не брезговали ничем, спрашивая несчастного про самое сокровенное, искусно загоняли его в ловушки словоблудия, как охотник гонит добычу. Бедный мальчик! И было бы действительно лучшим оставить его в покое. Несколько месяцев брака и человек, щедро одаренный богами – талантливый живописец, изящный танцор, искалечен и поломан, по чьей-то злой прихоти и в политических интересах. Просто потому, что мешает всем, потому что жив и связан с Риханом Айэ. Мешает аторцам и империи и все только ищут способ, как выгоднее его использовать в своих интересах, но его смерть станет подарком для всех.

Элвиан перечитывал исповедь и небольшой свиток, найденный в доме изменника – «Заключение об обучении Кристиэна Рихана Айэ в монастыре Ад-Аторра». Какие же они творят мерзости! Даже выдавший многое, Элвиан содрогался от отвращения. Под мусором высокопарных молитв и наставлений ломали молодежь, юношей и девушек, лишая воли и личности. Кристиэн же как-то сумел сохранить себя хоть немного, судя по «Исповеди».

Мальчишку допрашивали профессионалы, не будь они еретиками и врагами, то Элвиан не отказался бы от таких в своем ведомстве – они умудрились написать допрос так, что читать и понимать его можно было по разному, в зависимости от нрава и совести читателя. Элвиан специально попросил трех помощников прочесть «Исповедь» и сделать выводы, не советуясь друг с другом. Помощники и написали разное: что опрашиваемый Кристиэн уцербен умом с рождения, что брак с герцогом был обречен с самого начала из-за бесчувственности одного из супругов и настойчивости другого, а от третьего вывода хотелось плевать. Сам же дознаватель ничего кроме жалости к юноше не испытывал.

Интересно, а что прочитал в «Исповеди» Рихан Айэ?

- Нет, Райханэ, – дружески улыбнулся ему Найгер, – ты снова сдаешься. Пасуешь перед мальчишкой, которые пачкал пеленки, когда ты держал в руках оружие. А потом снова будет другой или другая, которые снова будут шараться от тебя? Ты же умный, нас слушать не желал, когда мы предлагали тебе хорошую партию. А теперь ты сам все прочел, видишь, мы не обманываем тебя.

- И как быть? – растерялся Рихан. – Смириться с тем, что он никогда ничего не сделает сам?

- Почему же? Маленькая шлюха скоро повзрослеет, поймет, обучится своему ремеслу и может быть даже начнет стонать под тобой, якобы от удовольствия. Будет улыбаться и льстить. Он же рано или поздно смекнет, что так будет проще, чем терпеть твои кулаки. Ты будешь таять от него, а он будет ледяным. Вот и все.

Рихану сразу пришли на ум первые недели после свадьбы. Кристиэн с перепуганным бледным личиком, судорожно сжатыми губами, безмолвно ложится на ложе, вниз лицом, чтобы супруг не видел гримас отвращения и слез. Найгер прав, котенок уже понял, что его нытье лишь раздражает и рано или поздно он начнет притворяться. Это ему будет совсем нетрудно.

- Не стоит сдаваться, Райханэ. Как ты сделал это после Ская и Кайса. Война, выпивка, а на душе все так же погано? Сейчас пока у тебя в руках мягкий комоч глины из которого ты можешь вылепить все, что угодно. Главное, что бы он не взял над тобой власть своим

очарованием и красотой. Пусть будет искренен и ненавидит тебя открыто.

- Я знаю, но так уже было со Скаем. Я слишком сильно ударил. А этот...

- Ты мыслишь как воин, что все можно решить только силой. Он легко тебя обведет вокруг пальчика. Бери умом и властью. Он должен забыть о своей воле. Вторые именно для этого и рождаются. Стать чьей-то тенью. И как бы ты перед ним не прыгал и чтобы не делал, чтобы его умилоствить, он будет пока бояться тебя, а потом обнаглеет и начнет лгать. Всю жизнь в обмане, Райханэ... Пусть он уплатит свою цену. Ладно, я вижу ты хорошо меня понял. Приходи вечером на ужин. Попрощаемся.

Благодарю вас, милостивые боги! Анхар, покровитель младших, завтра наконец-то домой! Тогда, осенью, он думал об усадьбе Рихана едва не с ужасом, но теперь стремился туда всей душой. Они снова окажутся вдвоем с супругом и никого не будет рядом, только безмолвная охрана, которая почти незаметна в доме. Интересно, о чем жрецы говорили с Риханом? Тоже убеждали, что младший для него только игрушка в постели?

Сэт не был монахом, но с самого начала своего взросления Кристиэн слышал от брата тоже самое. Те же слова, с теми же нотами издевки. За что, их, младших так ненавидят? Или так только в семье Кристиэна? Ведь именно им, Кристиэном, куплена надежда для семьи Тэхи, надежда на продолжение рода и фамилии. Но почему-то ему досталось мало хорошего от родных. Почему-то вспомнилось о том, что перед тем как уехать на смотрины в Тэлету, в дом Тэхи пришли несколько мужчин, от наместника, чтобы познакомиться с Кристиэном, слухи о красоте которого дошли до владетеля города. Первые смотрины в его жизни, а Кристиэн вел себя как перепуганный ребенок. Те, от наместника, были не злы с ним - пытались шутить, восхищались, о чем-то спрашивали, но ничего не добились. Кристиэн краснел и молчал, настороженно глядя сквозь полуопущенные ресницы. Когда они уходили, один из них, высокий огненноволосый, укоризненно обронил матери:

- Что же вы, сударыня, так парня-то уходили? Он теперь может, даже и не каждому аторцу подойдет...

Потом Кристиэна конечно ругали за неуместную стыдливость и молчание.

«Слабоумный болван, что вы от него хотите? Даже монастырь не помог, зря только деньги выкинули!» - пожал плечами Сэт.

А в жизни Кристиэна это были первые люди вообще, которые посмотрели на него ни как на мальчишку, а как на будущего супруга.

Он бы обязательно научился очаровательно улыбаться и играть своей красотой, вить из мужчин веревки, давать надежды и ломать их, но ему не дали времени.

Кристиэн грустно улыбнулся сам себе, лежа на койке в келье. Светские романы о любви и приключениях и столица, так наверное и останутся для него сказкой и мифом. А ему жить в степном доме с Риханом, у которого переменчивый, как ветер, нрав, рисовать одни и те же виды из окошка спальни, и медленно-медленно стареть вместе со своим супругом. Или, если Рихана, а он говорил сам об этом, призовут на войну, то умирать от одиночества и тоски. Лучше им быть вместе.

Рихан удивленно поднял брови - сейчас не праздник, но стол высшего руководства монастыря

накрыт как в лучшие дни. Мясо, печеные овощи, яблоки, вино, и женщины. Женщины, которые вообще не могут быть вхожи дальше молельного зала! Рихан рассматривал красавицу, на которой не было брачной цепочки, да даже и ленты не было! Синие глаза на безупречно красивом лице, легкая полуулыбка, ямочки на щеках, русые волосы – даже не под платком, свободно падают на спину. Не аторка, этих коренастых баб Рихан повидал немало, совсем юная, может чуть старше Кристиэна. От напоминания о супруге сердце заныло, бередя рану. Завтра им отправляться домой... Как быть?

- Садись, Райханэ, чего задумался? – окликнул его настоятель Найгер. – Я вижу, ты очарован нашей гостьей? Это дочь одного из моих знакомых, прекрасная... Она остановилась у нас, совершая путешествие.

Девушка улыбнулась Рихану и он забыл про все.

Кристиэну принесли умыться и завтрак, напоследок, перед отъездом. Один из наемников Рихана стоял все время у него над душой, пока Кристиэн умывался и ел. Юноша торопливо ополоснул лицо и руки. Сердце ликовало. Они едут домой!

Кристиэн почти улыбнулся, увидев супруга и поняв, что соскучился, но улыбка умерла, едва родившись, стоило ему поближе рассмотреть старшего.

Не спутанные, но чистые волосы, не заострившиеся скулы, не изогнутые в обычной язвительной усмешке губы не остановили бы Кристиэна, но взгляд супруга – змеиные холодные глаза Рихана, стали точно такими же, как тогда, когда они впервые встретились. Кристиэна словно сунули в ледник, а Рихан скомандовал, вместо приветствия:

- Чего встал? В повозку живо!

Кристиэн сжался на сиденье. Что произошло? Когда его уводили от Рихана, тот чуть не бросался в драку, защищая младшего, а теперь равнодушно смотрит в окно, на всадников, сопровождающих повозку. И охрана почти вся новая. Так хотелось спросить, почему, но Кристиэн благоразумно смолчал, понимая, что ответа все равно не получит.

Так и есть. Котенок аж побелел, когда увидел своего суженого. Нечиста совесть? И не чувствовалась радость встречи, все то же раздражение, что и после свадьбы, от пугливой отчужденности младшего.

А она? Рихан сыто потянулся, он наверное единственный из мужчин, кто может похвастаться тем, что провел ночь с женщиной в аторском монастыре. Как она смотрела, вздыхала и стонала под ним. Хорошо, что в покоях были толстые стены, хотя наверное их шум все равно обеспечил монахам-послушникам бессонную ночь. Разве можно сравнить ее желание и страсть, с которой она отдавалась, с полудохлым Кристиэном? И где были его глаза раньше?

По какому-то странному совпадению им в гостинице дали те же покои, что и по дороге в монастырь. Рихан распорядился по поводу ужина, все так же не разговаривая с Кристиэном и мальчику кусок в горло не лез.

- Еще подготовьте баню, на двоих, – коротко приказал герцог.

А Кристиэн ликовал – наконец-то горячая вода!

Но сначала пришлось обслуживать Рихана – помочь раздеться, поливать воду, тереть спину и

обтирать полотенцем. Кристиэн, помня, чем обычно заканчивалось совместное с супругом мытье, предусмотрительно взял с собой пузырек с маслом, но Рихан оделся, отжал волосы, и бросил, уходя:

- Давай быстро! Никто ждать не будет! И тщательней!

Кристиэн подавился ответом от обиды и возмущения – первый раз его попрекнули нечистоплотностью! Впервые в жизни! Никто, никогда не мог по этому поводу придрататься к нему – ни брат, ни мать. Кристиэн никогда не забывал умыться, а если была доступна купальня, то мылся и утром и вечером, меняя белье. Разве он виноват в том, что в монастыре ему давали воду, которой едва хватало напиться.

Рихан оставил охранника, чтобы младшего сопроводили по двору гостиницы до покоев. А тот, раздраженный приказом, едва не подгонял юношу пинками:

- Давай шустрее, парень! Господин сказал, что ждать не хочет!

Рихан лениво разделся, улегся в постель. Скорее бы погасить свечи, но неумеха Кристиэн еще чего свернет себе в темноте. Что он там копается, его кости сполоснуть водой – минутное дело. Скрипнула дверь, Рихан подвинулся на ложе, давая место супругу. Холодное с улицы и мокрое тело скользнуло под одеяло.

Змееныш...

Рихан чувствовал себя так, как будто его обманули, после того, как прочел исповедь Кристиэна. Маленькая бесчувственная себялюбивая дрянь.

А Кристиэну хотелось нежности, предыдущая ночь в этой комнате была чудо, как хороша. Он немного согрелся под одеялом, растерев тело, прижался к супругу, положив голову ему на плечо, силясь постичь запах Рихана, мужской, терпкий.

Того, что его грубо оттолкнут, а плечо отдернут едва ли не с отвращением, Кристиэн никак не ожидал, и не спросить уже не смог:

- Что с вами случилось, сайэ Рихан?

Голос окатил ледяной водой:

- Со мной? Ничего. А ты слишком много болтаешь в последнее время. Я распустил тебя совершенно.

Сильная рука ухватила Кристиэна за затылок, собирая в горсти влажные волосы, потянул вниз:

- Давай, примени свой ротик для дела...

===== Глава 12 =====

К удивлению Кристиэна, они вернулись не в усадьбу, а в Ланку. По дороге супруги молчали, Кристиэн обиженно и недоуменно, а Рихан с нескрываемым раздражением.

Что же такого произошло за неделю исповеди, что супруг резко переменялся от нежности к грубости? Что наговорили ему монахи, почему Рихан бесится? Кристиэн был бессилён ответить на эти вопросы, да и задать было некому.

Городской дом Рихана ему понравился сразу – трехэтажный особняк в тихом квартале, светлый с небольшим садиком. Летом много тени наверняка. Но дом явно отделан напоказ, это Кристиэн почувствовал сразу – слишком много роскоши, дорогих безделниц, картин с пейзажами, мебель обита шелком, и блестящий паркет.

Из разговора Рихана и командира охраны он понял, что они задержатся в Ланке на несколько дней. Кристиэну отвели комнату, которая хоть и располагалась рядом со спальней господина, но Рихан словно забыл о нем. Ночью его никто не позвал.

Герцог развернул приглашение, которое принес курьер утром. Тонкая бумага шуршала в пальцах.

Ваша светлость, герцог Рихан Айз!

Наконец-то вы изволили навестить город, в котором не были с осени. Мы соскучились по Вам, и слухи донесли, что вы приехали вместе с вашим очаровательным супругом. Его личность столь таинственна и овеяна слухами, что пол-города изнывает от любопытства. Вы прячете его у себя в поместье, но надеюсь, сегодня вечером Вы, вместе с юным Кристиэном прибудете на весенний прием в городском собрании Ланки. Не дайте надеждам умереть! Всегда Ваш друг Мевир Фейрос

Рихан откинулся на спинку кресла. А что? Хороший способ проверить себя и котенка, посмотреть чужими глазами.

- К вечеру приведи себя в порядок! Мы едем на прием в городское собрание, наместник прислал приглашение. Ты едешь со мной, хотя не заслужил такого подарка. Оденься так, чтобы соответствовать своему титулу, а не как городская проститутка!

Снова ни за что обидели. На этот раз Кристиэн грустно улыбнулся сам себе. Рихан сам себе противоречит, ведь вся одежда Кристиэна куплена старшим и по его вкусам.

Но он еще никогда не бывал на приемах. Рихан не брал его с собой, так почему сделал на этот раз исключение? Сердце подпрыгивало от волнения – времени осталось немного. А нужно еще столько успеть! Вымыть волосы, найти того, кто поможет заплести волосы во что нибудь получше, чем привычные косы, подобрать одежду и украшения.

Слава богам, что Рихан тщательно позаботился о том, чтобы младший имел достаточный выбор, в любом из домов герцога – шкаф около кровати был забит одеждой, слуги не зря получали жалованье. Но что же выбрать, чтобы не получить снова трепку?

С нижним было просто – несложного покроя легкая рубашка. Чуть расшнуровать ворот, чтобы было видно брачную цепочку. Наверх – скромная, но тонкой шерсти серая рубаха с легкой строчкой серебром по рукавам и подолу, широкий ворот. А дальше проще всего – черного льна брюки, узкие, чтобы можно было заправить в сапоги и зашнуровать до колен. Широкий пояс. Брать платок или нет? Кристиэн колебался. Герцог может потребовать, чтобы волосы были закрыты в дороге, а может и рассердится. Не угодишь. С волосами Кристиэн так ничего и не смог придумать, а слуги отговаривались и ссылались на занятость. Пришлось заплетаться самому и юноша просто распустил их по спине, сделав несколько небольших кос. Но как закрыть это платком? Кристиэн решил просто набросить его на плечи. Серое к серому.

Мда... Кажется котенок слишком буквально понял приказание. Чересчур уныло, хотя со вкусом и фигурку подчеркивает, особенно если смотреть сзади, между поясом и вышивкой на подоле

рубахи. Скромный крой ему к лицу. Но...

- Ты на прием собрался или в монастырь жертвовать? – строго спросил Рихан. – Сейчас нет времени менять тряпки, но в следующий раз выбери что-то ярче! Покажи руки!

Кристиэн недоуменно протянул ладони. Это-то зачем? Руки уж точно чистые! Брачное кольцо блестело на пальце.

- А почему ты не надел украшений? – тихо задал вопрос герцог. – Мне это как понимать? Как твою неумелость и забывчивость, или как то, что тебе наплевать на мои подарки?

Кристиэн не сразу нашелся с ответом. Действительно, это даже не пришло ему в голову, а ведь на виду стояла шкатулочка с браслетами и прочим. Дома он не носил украшений, а в монастыре они неуместны и шкатулка всю поездку провела на дне сумки.

- Я просто не подумал, – пискнул он.

- Почему я не удивлен этим? – развел руками Рихан. – Небось засунул подальше и забыл! Быстро наверх! Чтобы сверкал, но с умом, не забудь глаза подвести чуток, а то рожка кислая, все не так тошно будет. Если будешь с таким лицом на приеме – прибью!

Браслет, несколько колец, пара тонких шпилек в волосы и фибула на рубашку, все серебряное, филигранной старинной работы. Вещи нравились Кристиэну, но герцог подарил их не ему, а предыдущему супругу, это лишь наследство от покойного Ская, своих, даренных этой зимой украшений было совсем немного, только шпильки и пара колец. К Скаю Рихан был щедрее. Зато краски и бумага несравненно приятнее, чем побрякушки.

Тонким карандашом, что стоил немислимых по меркам Кристиэна денег, он подвел уголки глаз, почти невидимой линией. Зачем Рихан потребовал еще и это? Накинул платок на голову и вышел.

- Ну ничего, сойдет. В столице, конечно, сразу было бы видно, что провинция. Поехали, – снизошел Рихан.

Кристиэн действительно оттенял супруга. Юноша из под полуопущенных ресниц рассматривал наряд супруга – бордовый, полной окраски шерстяной плащ, шитую шелком шапку, дорогой шелк рубах, отделанных золотом, а не серебром. Все стоит денег и основательно, как и положено для герцога. Всего на шаг позади – Кристиэн в неброских цветах, украшение сам по себе.

- Не вздумай мне там хвост поджать и скулить! Никто тебя не тронет! – предупредил супруг в обычной своей манере, перед парадным крыльцом роскошного особняка.

Кристиэн спрятал улыбку, даже такие слова успокоили его волнение за себя и почему-то за Рихана.

Они прибыли едва ли не последними. Слуги забрали у них плащи и проводили в зал, где собирались гости.

- Герцог Ланки Рихан Айэ и его младший супруг Кристиэн, – объявил встречающий камердинер и гости обернулись к прибывшим.

Рихан царственно кивнул, словно государь вассалам, а младший, по этикету следующий на пол шага назад, поднял голову, разгибаясь из полупоклона, положенного ему по статусу. Супруги очутились в самой гуще приветствий.

- Здравствуй, Рихан! – первым был человек в мундире гвардейского командира. – Наконец-то, соизволил! Ты выбрался из своей берлоги и привез нам саму весну! Слова жалки, по сравнению с вашей красотой, юноша! – он обратился уже к Кристиэну, улыбаясь именно ему. – Могу поздравить вашего супруга!

- Благодарю вас, – тихо сказал Кристиэн, улыбнувшись в ответ, но не поднимая глаз, чтобы соблюсти приличия.

И в течении получаса Кристиэн устал краснеть и улыбаться – комплименты, ласковые слова и новые знакомства сыпались на него постоянно, он чувствовал себя неловко, так как едва поздоровавшись с Риханом, гости сразу обращались к нему. Но деваться было совершенно некуда. Совсем юный и доселе таинственный супруг Рихана Айэ стал новостью для всего высокого собрания Ланки.

Рихан же снисходительно принимал поздравления и восхищения, он тоже был доволен. Пусть все эти аристократы и светские чиновники, духовники, увидят, чего достиг сын десятника, пусть завидуют и восхищаются котенком, не видя под смазливый личиком пустышки. Зато все будут знать, что Кристиэн живет хорошо, это отведит непрошенных любопытных гостей-монахов. А котенок-то, кажется вошел во вкус, еще даже быстрее, чем об этом предупреждал Найгер, письмоводитель наместника едва вон не лапает мальчишку, а тот только губы растягивает. Отродье шлюхи.

- О! – Мельдин протиснулся сквозь любопытствующих, и не стал размениваться на приветствия, – Старый волк вышел посмотреть стаю шакалов? Рад тебя видеть! – он облапил друга и Рихан повеселел, искренне отвечая единственному, кого считал за брата. – Чудно, здравствуй, ребенок!

Кристиэн ничуть не обиделся на «ребенка», разве на такого хорошего человека, как сайэ Мельдин можно обижаться? Но где же Майэр?

- Ты чего такой хмурый? – спросил Мельдин Рихана. – Не ожидал, что мальчишку затискают?

- Ну кажется ему это нравится, – скривил рот герцог.

- Брось, не ревнуй по пустякам. Он же тоже не может их послать, но он у тебя скромник, я помню. Впрочем, – подмигнул друг, – сейчас я позову Майо и он вытащит твоего Кристиэна из своры. Потом выпьем?

Кристиэн сам не заметил, как Майэр подхватил его за локоть, и с улыбкой, и просьбой расступиться, вытащил из толпы чужих людей. Рихан куда-то подевался.

- Не пропадет, не золото, – заметил его беспокойство блондин. – Здравствуй, я все же был прав, Рихан посовестится и возьмет тебя с собой сюда!

- Здравствуй! – подарил самую искреннюю улыбку Кристиэн, обрадовавшись знакомому, так ловко избавившему его от навязчивых чужих старших.

- Пойдем, я познакомлю тебя с нашим кругом, это важнее, чем павлины. Пусть Рихи и Мел пьют и болтают, мы найдем, чем заняться.

В другом конце зала, действительно, собрались те, кто носил брачную цепочку младших – юноши, девушки и женщины. Родившие детей держались отдельно, особняком, презрительно поглядывая в сторону девушек, еще не рожавших и с нескрываемым отвращением в сторону юношей. Элита мира младших – матери детей, увешанные драгоценностями, оберегаемые от всего, восхваляемые всеми. Они показались Кристиэну полубожествами, и он с горечью ощутил, как жалок по сравнению с ними, бесполезный и бесплодный, взятый из милости и чтобы господину не было скучно в постели.

- Ну, чего притих? – дернул его Майэр. – Не обращай внимание на жаб. Наши ланкские парни тоже не из худших! А ты умудрился только похорошеть за зиму с Риханом!

- А должен был наоборот? – удивился Кристиэн, не понявший замечания.

- Ну... Всякое бывает, – замешкался Майэр, понимая, что сказал лишнее, – впрочем, так только спокойнее за тебя.

Молодежь Ланки встретила Кристиэна настороженно и слишком откровенно его разглядывала, словно оценивая, какой опасности ждать от кареглазого приморца. Но стоило Кристиэну рассказать, что почти все время он живет в усадьбе супруга, как существенно потеплело и его начали расспрашивать обо всем, о Приморье, о свадьбе и о том, как он ухаживает за такими длинными волосами и почему в столь юном возрасте он уже в браке. На последний вопрос, правда, Кристиэн счел наиболее разумным промолчать.

Время шло, гостей приглашали в зал для танцев, старшие же не торопились, обсуждая свои дела.

- Я слышал, Рихан, что ты отдал за него кругленькую сумму? Да и просили немало? – спросил один из помощников наместника.

- Да, немало. Просили сорок пять тысяч, – равнодушно дал ответ Рихан, ожидая пока слуга поменяет бокал.

- Ничего себе, больше чем за семнадцатилетнюю девственницу из среднего рода! Мальчик конечно красивый, но это очень большие деньги.

- Да ничего страшного, – остановил возмущение другой пожилой чиновник, – я бы отдал и больше, если бы мне по душе пришлось! Посмотри на него, сразу же видно, что характер золото и покладист, хорош собой. Он украсит собой дом и любого, Рихан у нас орел, а мальчик как ласточка. Он действительно стоит любых денег, не слушай никого, Рихан.

Герцог тянул вино, не останавливая собеседников, позволяя обсуждать своего младшего супруга. Интересно...

- Мне или показалось, или он у тебя слегка диковат? – тот, что пытался взять Кристиэна за руку, теперь спрашивал Рихана.

- А ты поменьше лапы к нему тяни! – отрезал герцог. – Он к тому не привычный, это первый его выезд, и надеюсь, последний.

Собеседники заволновались.

- Ты хочешь спрятать от нас это чудо? Рихан, мы клянемся, что будем восхищаться молча! Хотя это конечно трудно, он действительно заслуживает похвал! Прекрасное воспитание, вкус! Это

твоя работа или родители вложились в него?

- Моя, его родителям хотелось только денег и побольше, но я не хочу, чтобы он был выставлен напоказ, не считаю нужным хвастаться, – пожал плечами Рихан, – так что завтра мы едем в усадьбу, любуйтесь, пока есть время.

- А я не знаю, что вы все в нем нашли, пусть он совершенен, но он мужчина, – в разговор вмешался отставной чиновник, чьи регалии на мундире напоминали о том, что даже отставной таможенник может многое. – Юн, красив, не более того. Вот ты, Рихан, ты получил наследственный титул, неужто тебе не хочется передать его сыновьям и основать новую династию, чтобы о тебе помнил каждый, кто носит фамилию Айэ? Ты богат, так почему бы не оставить все наследникам? Ты не из черни, что берет парней за себя из бедности, чтобы не плодить еще нищеты. Но даже самая страшная баба может то, что никогда не будет способен этот чудный мальчик – она родит детей! Да и на ложе с женщиной совсем по другому, что привлекательного в плоском и костлявом мальчишке? Не понимаю и не пойму никогда. Вы только даром растрчиваете свое семя, пусть даже ваши наложники затмевают красотой небо! Еще раз, Рихан, не обижайся, но он мужчина и не способен дать тебе счастья и рода!

- Это, кстати, заметно, что Кристиэн мужчина, – довольно зажмурился Мельдин, большинство здешних юношей похожи на страшных девиц, а он даже с его личиком ясно какого пола. И одет не как курица, а как и подобает младшему герцогу, отличная работа, Рихи! А вам, уважаемый, я вот что хочу сказать: во-первых, женщин мало, семьи, где из двоих-троих детей хоть одна девочка, совсем немного, такова уж воля богов, а что делать тем детям, что по закону оказались младшими? Умирать с голоду? Поэтому их и отдают тем, кто может взять себе спутника, чтобы хоть как-то спасти. Это я как раз про ту чернь. Или что делать средним семьям, где тогда найти денег, чтобы заплатить выкуп за девушку для старшего сына?

- Ну у вас-то, Мельдин, хватало средств, чтобы жениться нормально, а не в подобие семьи, и у герцога Рихана они есть, – возразил отставник.

- Нехорошо считать чужие деньги, впрочем, ваш род занятий не предполагает такой мудрости. К тому же, учитывайте личные предпочтения, кто-то любит юношей, а кто-то девушек. Мне по душе больше мужчина, с которым я могу быть везде и дома и на войне. Для меня слишком очевидны причины, по которым герцог Рихан Айэ выбрал Кристиэна из тех, что были в Тэлете в эту весну. Часть из этих причин сегодня уже озвучили. Что касается моего выбора, то я люблю своего Майэра и не женился на женщине еще потому, что не могу себе представить того, что буду торговать своими детьми. А как распорядиться наследством я соображу.

- Вы говорите опасные вещи, господин офицер, – предостерег ветерана один из советников.

- Что в них такого опасного? – вскинулся Мельдин. – Ах да, конечно же это не торговля, а просьба выкупа или дара на свадьбу, как же я мог забыть! Но суть не меняется.

- Но ведь на эти деньги вы обеспечиваете будущее старшего сына!

- И возможно, калечу жизнь младшего. Помните притчу про пальцы, ведь какой не отрежь, все равно болеть будет одинаково.

Согласитесь, удачный брак для обоих супругов – это счастье, которое дано не всем. Я бы не хотел любить только за кров и пищу. И несчастны те, кого выдают насильно, за того, кто больше заплатит...

«Заткнись!!!», – едва не заорал Рихан другу, слишком хорошо понимая, к кому обращены

последние слова Мельдина.

Но Мельдин имел в виду что-то другое и поэтому продолжил:

- Вот, Риха уплатил за своего Кристиэна шестьдесят тысяч, немислимые деньги и хорошо, что юноша обладает покладистым и ласковым нравом, послушен и не хочет никого знать, кроме своего супруга, но это такая редкость, и все могло быть иначе. Да и бывает.

- Даже так? – кто-то несказанно удивился. – Тогда вас, герцог, можно действительно только поздравить и позавидовать.

“Мел, как же ты ошибаешься... Не видишь очевидного. Но, так же ошибся и был слеп я.”

- Рихан совсем тебя забросил! – Майэр считал своей обязанностью позаботиться о младшем супруге герцога Айэ, который терялся в незнакомом обществе, впрочем, это было весьма приятно. Сейчас ему завидуют очень многие – внимание юного Кристиэна принадлежит лишь ему. – Да и Мельдин, впрочем, не лучше! Ну танцевать он все равно не умеет, так что составишь мне пару? Ты не против?

Кристиэну очень хотелось потанцевать, ведь никогда еще он не видел настоящего бала с таким чудесным залом для танцев, музыкантами и великолепным паркетом.

- Нет, я не против. Это ведь можно?

Этикетом предписывалось, что составлять пары в танце могут или супруги, или младшие с младшим, кроме женщин, которые обязаны танцевать только с мужем и не иначе. Юношам же закон делал послабление.

Майэр оказался отличным партнером и Кристиэн смог отдаться своему телу и музыке, которые нашли друг друга в восторге танца. Он закрыл глаза, безошибочно чувствуя музыку и пространство, каждое движение партнера и соседей. Он был почти пьян от смеси ощущений – восторга смотрящих на них с Майэром, от легкого касания руки блондина, что держал его за талию, теплоты паркета и почти невесомого аромата восковой мастики.

- Смотри, Рихи! – Мельдин отвлек друга от очередного собеседника и разговора о налогах на землю, бесцеремонно развернул за плечи к танцевальному залу. – И чтобы мне сдохнуть, если они не лучшие тут!

Рихан встряхнул головой, чтобы поверить тому, что он увидел, но картина осталась неизменной. Танцующие пары и среди них одна, выделяющаяся сразу, на которую смотрели все, кто не был занят в танце – юноша в сером, с длинными темными волосами, чьи глаза были закрыты, а каждое движение грациозно и отточено, безупречно, как у лучшего храмового танцора и высокий светловолосый мужчина, который бережно держал своего юного партнера.

Но Рихан смотрел только на Кристиэна, на его счастливую улыбку, на блаженно сомкнутые ресницы и на то, как он прижимался к Майэру. Пусть им можно танцевать вместе, как равным по положению и полу, пусть Майэр просто вежлив и заботлив, но Кристиэн забылся!

- У меня, Рихи, есть какое-то подозрение, что ты мне соврал про Приморье. Думаю, что просто выкрал храмовую драгоценность в Тэлете! Он же даже не глядит! Совершенство!

Рихан уже собрался ответить другу, все рассказать, что он думает по поводу «совершенства»,

но музыка закончилась и танец остановился. Кристиэна и Майэра немедленно вытащили из середины зала, поставив их около музыкантов:

- Примите наше восхищение, Кристиэн Рихан Айэ и Майэр Мельдин Рионтур, – сам наместник обратил внимание на юношей-младших, что само по себе было удивительно, – я думаю, что вы не откажете нам, если покажете свое мастерство еще раз, специально для гостей вечера?

Майэр выступил чуть вперед:

- Я благодарю вас за добрые слова и большая часть мастерства принадлежит Кристиэну Рихану Айэ, это не я вел его, а он меня. Но ваши слова – большая честь и мы не откажемся!

Круговой ход был хорошо знаком Кристиэну и он был уверен, что после речи Майэра специально подобрали такую музыку, чтобы на первом виду был именно он, а не более старший партнер, но, впрочем, при зале, где кружились только они и знакомой музыке, было еще легче. Кристиэн скользил по паркету, едва касаясь его, обходил своего партнера, позволяя поймать за руку, словно бы случайно и так же не открывал глаз. Ведь это почти его мечта, почти храм и почти настоящий танец. Почти...

Нельзя ничего показывать, нельзя, чтобы остальные знали, как невыносимо видеть эту пару, пусть вся Ланка знает, что Рихан Айэ спокойно смотрит на то, что его супруг затмил на этом вечере своего старшего. Но никто потом не потревожит покой усадьбы и не узнает, чем отблагодарят младшего за такое удовольствие.

- У тебя точно все ладно? – шепнул Майэр в черные волосы Кристиэна. – Вид уж больно настороженный, что-то с Риханом?

- Нет, все хорошо! Просто я в первый раз на таком большом приеме! – даже не открыл глаз Кристиэн. – Не волнуйся за меня!

- Все-то у тебя в первый раз, – Майэр вспомнил праздник зимы в усадьбе Рихана и разговор в комнате Кристиэна. – У тебя все еще будет! И сохранят тебя боги только для хорошего! Но, – голос блондина стал чуть тише, чтобы его слышал только Кристиэн, – вот что я хотел сказать, на всякий случай. Если что-то случится или тебе будет плохо, дай нам знать или беги к нам, это дорога на северо-восток от вашей усадьбы, ты не пропустишь! Хорошо?

- Что может случиться? – карий взор был безмятежен.

- Ну мало ли... – смутился Майэр. – Это я просто так сказал. Мы с Мелом всегда тебе рады!

- Хотел бы поменяться местами с тем белобрысым! – мечтательно обронил кто-то рядом с Риханом. Герцог стремительно обернулся. Старый ланкский собутыльник, один из начальников городской стражи, ответственный за дороги.

- Сохрани меня Гром от такого! – ужаснулся Мельдин. – Не-не-не, я так не согласен!

- Нужен мне ты больно! А вот с красавцем Рихана я бы потанцевал, даже такой ценой! Рихи, а ты сам чего упускаешь?

- Слюной не захлебнись, Идульв, но, впрочем, если желаешь, то спроси у него сам. Если что, я разрешил, а там, уж не обессудь, если что.

- Да ты что? - толстый Идульв опешил от неожиданности. - Щедро, конечно. Но этикет?

- По моему, если с разрешения, то ничего, - вспомнил Рихан Уложение, сощурился, красноречиво положив руку на рукоять парадного ножа. - Но ты же его лапоть не будешь, правда?

- Что я, самоубийца? - прынул Идульв. - Только один танец и тот самый скромный!

- Сайе младший герцог, - бородатый мужчина протянул Кристиэну огромную ладонь, - не окажете ли милость тому, кто денно и ночью стережет ваш покой? Всего один танец!

Кристиэн не знал что сказать, пойманный врасплох. Перед ним чужой старший, а правила слишком крепко вбиты в голову с детства.

- Простите меня, сайэ, но мне не разрешено выходить в круг ни с кем, кроме равных и моего господина, - юноша отступил чуть назад от горы в мундире стражи.

- Приятно слышать, что молодежь свято соблюдает правила, - похоже стражник не собирался отступить, - но твой супруг внял моим мольбам и дал соизволение на один маленький танец.

Кристиэн заколебался, как поступить? Что скажет Рихан? Теперь уже и невежливо совсем отказать, если это друг супруга и дано позволение, а вдруг это приказ для него самого? И не рассердится ли потом герцог?

Несмело протянул руку.

- Ну вот, теперь я самый счастливый человек во всем этом городе! Ну, не считая конечно, вашего супруга!

Идульв держал Кристиэна в паре так, словно тот был хрупкой стеклянной статуэткой, но для Кристиэна было удивительным узнать, что такой большой человек может так ловко и хорошо танцевать.

- Благодарю за любезность и щедрый дар, - Идульв поцеловал Кристиэну руку, - надеюсь, я не очень надоел вам!

За котенком занимательно наблюдать. Вот Идульв подходит к нему, мальчишка мнетя, морщит лобик, все взвешивает и наверняка думает, что ему за это будет. Жирная бочка все-таки уговаривает его, ссылаясь на герцога, и, все же, котенок соглашается. Немного же ему надо, чтобы дать себя уговорить. Что же, снова разочарование и гаденькое удовлетворение от того, что сомнения были не напрасны.

Кристиэну преподнесли цветы, роскошную корзину с гиацинтами, слуга не назвал имя дарителя и им мог оказаться любой, кто восхищался юношей. На карточке, что была внутри, всего лишь написано летящим почерком: «Для юного очарования, которое наконец-то посетило наш город! Не прячьтесь больше...». Кристиэн улыбнулся, опустив лицо к цветам, может теперь Рихан увидит, что не такой уж он и неумеха?

- Ну ладно, Рихи, летом свидимся! Может на охоту? - Мельдин пожал ему руку на прощание.

- И не раз, Мел! Я был рад встретить вас тут.

- Да мы тоже, все не с этими индюками про столицу лясы точить, а ты, Кристиэн, не скучай!

- Хорошо, - ответил юноша. - До свидания!

- Ну? - Мельдин спросил своего супруга, о том, что было понятно лишь им двоим.

- Не знаю, - вздохнул Майэр. - Я предупредил его как мог, чтобы не напугать, но, кажется, он и взаправду верит в своего Рихана и надеется на хорошее.

- Наверное и нам тогда следует поступить так же, а Майо? - Мельдин приобнял супруга, поцеловал.

- Давай попробуем...

Рихан не сказал ему ни слова, Кристиэн улыбался в подаренные цветы - так ему понравился вечер. Надо же, его никто не высмеивал, никто не попрекал тем, что он приморец и даже не заметили акцента, а столько комплиментов и теплых слов он не слышал за всю свою жизнь! И ни разу не знакомился с таким множеством людей, которые сразу приняли его в свой круг! Как же чудесно, что Рихан взял его с собой! Но отчего супруг так мрачен?

Котенок просто счастлив, столько довольства на мордашке, что с трудом верится в то, что он пуглив и недоверчив. Однако, значит испуг и недоверие он бережет для законного супруга. Он такой же, как Кайс, один к одному - падок на лесть и внимание, на подарки. Стоило, действительно, один раз вывести его в свет, чтобы в этом убедиться. Разница лишь в том, что Кайс сделал свой выбор сам, а за этого безмозглого все решили. Жаль, что котенок не знает, чем закончил Кайс...

Кристиэн поставил цветы в вазу, жалея, что нельзя их забрать в усадьбу, завянут в пути. Едва он успел сменить одежду на ночную и снять украшения, как в дверь постучали.

- Поторопись. Господин Рихан приказал явиться к нему.

Сердце ушло куда то в вниз, скатилось в ноги, такой приказ явно не сулит ничего хорошего! Судя по молчанию Рихана, он снова чем то не угодил. Но что на этот раз?

- Иди сюда, маленькая потаскуха! - стальной голос старшего поймал его, едва он отворил дверь спальни. - Ну, пошустрей! Я не знал, что ты так скоро опозоришь меня.

Голос был убийственно тих и Кристиэн замер на середине комнаты, как кролик, застигнутый лисицей, но не понимающий, куда ему бежать. О чем он, что он говорит?

- Сайэ Рихан, - начал Кристиэн, ибо молчать он не мог и не хотел, - я не давал вам поводов к таким обвинениям. Я ничего не сделал, что могло бы опорочить вас.

- Как по писаному говоришь, - Рихана не тронули его объяснения, - но, тогда ответь мне, умница, как понимать то, что ты обжимался у всех на глазах с любим, кто позвал тебя?

- Я не понимаю... - пролепетал Кристиэн, который и вправду не понимал, о чем идет речь.

- Откуда тебе понимать очевидные вещи? Стоило чуть отвернуться, и вот, мой красавец-супруг едва ли не отдается любому, кто протянет руку!

- Но, сайэ Рихан, - Кристиэн по горькому опыту знал, что спорить нельзя, что будет еще хуже и он раззадорит старшего, но такой напраслины снести не мог, - даже законы разрешают мне танцевать с младшими, а Майэра я знаю.

- Законы может и не запрещают, - неожиданно согласился Рихан, - но ты висел на нем как пьяная девка! И этот ваш танец, кажется это называется - распутством, тебя позвал чужой старший! Я не ожидал от тебя такого!

- Вы сами дали свое согласие, а я не мог послушаться вашего слова! Что бы было, откажи я вашему другу! Что мне оставалось делать?

- Скажи мне, тварь, ты слышал от меня это разрешение тебе? А если бы он сказал, что я велел тебя оттрахать на глазах у всех, ты бы тоже согласился?

- Я думал...

Ударом его сбило с ног. Тело само вспомнило, что следовало за первым ударом и Кристиэн мгновенно сжался в комок на ковре, закрыв лицо руками и подтянув колени к животу.

- Думать - это не твоя привилегия! Думаю тут я, а ты исполняешь!

- Тогда я ничего не понимаю! - Кристиэн стиснул зубы, чтобы не закричать от несправедливости. - Ты сам разрешил ему, тем самым обязав меня для друга! Так за что? За что?

- Встань, потаскуха, когда с тобой разговаривают! - заорал Рихан.

Этого приказа Кристиэн послушался. Он еще крепче втиснулся в ковер, ожидая очередного удара. Охнул, когда ногой пришлось в ребро, а потом его подняли за шкуру, как нашкодившего котенка, просто дернули вверх и швырнули на что-то мягкое.

- Дрянь! Теперь из дома не выйдешь! Без моего позволения даже до ветру нельзя! - Рихан рвал на нем одежду, а Кристиэн вцепился зубами в подушку, когда руки резко рванули врозь.

Все именно так, как Найгер и говорил, будь он проклят! Жалкое трусливое животное, раб, который боится хозяйской плетки. Значит и обращаться с ним надо как с рабом, раз он не захотел по другому.

Снова избит и изнасилован. Как быстро закончилась спокойная жизнь и сказка бала. Сказочный принц превратился в тень... Они вернулись в усадьбу вчера, а с этого утра Кристиэн превратился в пустое место для своего супруга. Рихан просто не замечал его.

Что теперь делать, из-за этой перемены. Исповедь снова развела их, и Кристиэн был уверен, злобный Найгер и воспитатель Остин - это они виноваты. Рихан поверил им, а не ему, хоть он ни в чем не виноват. А он, он же почти смог понять, забыть, что было, надеялся, что Рихан никогда больше не поднимет на него руку и не возьмет силой, после той ночи на постоялом дворе. Так где же он настоящий? Какой из них его супруг - тот, что утешал в купальне и тот, что защищал его перед монахами, или тот, что бил его ногами и обвинял в распутстве?

Вопреки собственным словам, Рихан не обращал внимания на то, что младший ходит по дому и усадьбе, туда, куда ему вздумается. С Кристиэном никто не разговаривал, никто не останавливал, но он знал, что чуткие Рихановы стражи постоянно следят за ним. И хотя старший днем не замечал его, просто проходя мимо, но каждую ночь, хоть поздним вечером,

хоть в глухую предутреннюю темень, Рихан сам приходил к нему, молча заворачивая руки за спину и брал, не смотря. Уходил, хлопнув дверью. Потом Кристиэн долго лежал без сна, до самого рассвета, мучаясь от унижения и никак не мог отделаться от мысли, что для Рихана дверь в его спальню, все равно, что в уборную. Просто зашел по пути, точно так же, как на задний двор.

Днем, чтобы поменьше встречаться со старшим, Кристиэн рисовал, экономя краски, ведь не приходилось надеяться на то, что ему подарят новые. Поэтому рисунки выходили тусклыми и бледными. Еще он молился.

Молельная комната была последним местом, куда мог зайти Рихан. Герцог, любящий рассуждать о добродетели и ереси, не жаловал места, где можно говорить с богами. Тут Кристиэна совсем никто не видел и не трогал и можно было быть самим собой, и брать грифели и листы, чтобы рисовать в свете ламп и теней на полу. Юноша усаживался прямо на мраморный пол, перед статуей-образом Анхара, младшего супруга Грома, покровителя таких, как Кристиэн. Он долго-долго смотрел в лицо бога, безмолвно спрашивая - чем же он провинился, что его оставили своей защитой.

А потом Кристиэна постигло открытие, которое стало для него ударом, посильнее, чем немилость Рихана.

===== Глава 13 =====

Не будет большим грехом, решил Кристиэн, если он во время молитвы чуть порисует, его смогут простить за такое небольшое преступление? Он занял уже обжитое место у ног Анхара, положил на колени листы и дощечку для удобства, выбрал грифель. Руки пели от радости, создавая картину: камень стен, почти красный, блики от ламп (с некоторых пор Кристиэн взял на себя обязанности следить за лампами, подливать масло, менять фитильки), лики богов. Ему боязно было изображать Грома - высокого бородатого, с гневным взглядом и копьем, разящим зло. А вдруг бог разгневется на недостойного младшего, что посягнул на его лик? Дела и так плохи. Про то, чтобы сделать на бумаге образ его жены, Молнии, плодородной и величавой, он даже и не думал, не дело худородному и бесплодному навлекать на себя кару богини, если она, конечно, обратит на него внимание. Молния - олицетворение женщины, чья власть в доме непререкаема, когда появится первенец. Мадрина Тэхи была бы наверно ее любимицей - властолюбивая мать Кристиэна. Поэтому он и выбрал поверженного соперника Молнии - Анхара. Гром увлекся земным юношей и взял его в небесный дом, но тот не пришелся по нраву Молнии и поэтому бог вернул его на землю, наделив своей защитой и лишь изредка навещал. Поэтому, когда слышен Гром, младшие радуются, но они боятся молний, потому что богиня в ярости ищет их, чтобы отомстить разлучнику. Положение младших-мужчин и поэтому самое низкое, отголосок традиций, когда можно было брать не одного супруга, а двоих и самый младший, юноша, утешал старшего, если женщина была в тягости. Всего лишь неловкая замена настоящему.

Немилости Анхара Кристиэн не то, чтобы не опасался, но что может сделать ему бог, который сам боится старших? Да и что страшнее того, что уже произошло? И не слышит Анхар его молитв, иначе бы замолвил словечко Грому, а тот вразумил бы Рихана.

Котенок наконец-то нашел отличных слушателей для своего нытья. Статуи вынесут это спокойно, в отличии от человека. А своим скорбно-обиженным видом Кристиэн не будет портить ему дни. Пусть хоть поселится в молельне, хотя, конечно ему это мало поможет. С мальчишкой не хотелось даже видаться и разговаривать. Что он есть, что его нету - едино. О

чем говорить? Снова слышать, что сам виноват, потому что, видите ли, груб. Надоело. Слишком обидчив. Хорошо, что можно просто прийти ночью, утолить нужду, не взирая на слабый писк из под одеяла, и главное, что темно, не надо видеть это лживое красивое личико храмового танцовщика.

Кристиэн тщательно прорисовывал все, работа, аккуратная и крайне кропотливая, дарила забытие и радость от любимого дела, серым и черным грифелем он творил чудо – растушевывал тени на стенах, полумрак между светом и полутьмой, тонкими линиями вел черты лица бога. Анхар смотрел на него с жалостью и состраданием, и Кристиэну казалось, что он слышит шепот: «Я ничем не могу тебе помочь»...

Труднее всего было отрисовать кудри, Кристиэн любил точность во всем, а каждый завиток требовал немалого усердия и усидчивости, как и складки одежды.

Что-то никак не давало ему покоя, когда он делал набросок, и лишь вспомнив, как выглядит статуя Анхара в приморском храме – он понял. Постамент. Небольшой мраморный куб, на котором и стоит образ. Надпись-имя, всегда изображается витиеватой вязью, все пять искусно выточенных буковок. Пять. Пять, а не семь, как на том образе, который он сейчас зарисовывал.

Он никогда не глядел на постамент, когда молился или что-то рассказывал и если бы не рисунок...

АНХАРЭН

АНХАР

Старое имя и новое. Его всегда учили, что длинные имена богов, в нариском и аторском произношении, есть мерзкое богохульство, ересь, которую надо искоренять и жечь. Это было запрещено много лет назад, когда Империя начала объединять земли, ставшие провинциями. Анхарэн – общая форма, объединяющая все начала бога, его белую и темную сторону, но по новым книгам, Анхару нечего делать в серых храмах, он не защищает изменников и заблудших, его стезя – покровительствовать и сострадать тем, кто в браке и честно исполняет свою клятву, или был обижен старшим, всем невинным и тем, кто верит в любовь. Серые же – жертва для Грома, пусть он карает.

Значит, у Рихана «неправильная статуя»? И другие... Кристиэн растерянно обводил взглядом святилище. Так и есть. Они все – запрещенные. Но как же так?

Затем его как ударило – он вспомнил про молитвенник, выданный ему супругом перед поездкой на исповедь. Тот, что Кристиэн привез с собой из дома, из Приморья, был подарен ему давным-давно, когда ему только исполнилось восемь лет. Тогда его впервые пригласили на обучение в белый храм, седой жрец погладил ласково по голове, укоризненно вздохнул, в ответ на отказ матери, и дал мальчику книжечку в тисненой обложке. Кристиэн очень берег этот молитвенник и хорошо, что ни мать, ни Сэт, никогда не покушались на него, Рихану тоже было поначалу все равно, по какой книге сверяет свои молитвы его младший, но потом, во втором храме ему дали другой. Слава богам, что никто не забрал старый, а потом, что теперь казалось Кристиэну очень важным, Рихан выдал третий, по которому сам направлял его перед исповедью, когда младший ошибался в названиях. Как же все это понять?

Кристиэну было уже совсем не до рисунка. Он свернул лист, собрал грифели в футляр и едва не помчался в свою комнатку. Приглашение в кухню, на обед он даже не услышал, когда достал все три молитвенника.

Нет! Как такое могло произойти? Истинный из трех книг-молитвеников, только один, со знаком приморского монастыря, а два вторых... Кристиэн едва не швырнул их в окно. Ведь за это и на костер можно угодить! Еретические книги, самые настоящие, те самые, которыми его пугали в Приморье. Одна из них – риханова. У него тоже есть молитвенник, свой, в спальне – кристиэн помнил богато сделанную книгу. Роскошный том в золоте, когда у них все было хорошо – он читал оттуда вслух. Читал ересь, сам. Но ведь, Рихан герой войны, герцог империи, верноподданный и свадьба у них была в имперском храме. Но ведь потом, его отправили в монастырь. Вопросы просто разрывали юношу.

Откуда монастырь с еретиками взялся посреди империи? Почему Рихан так часто говорил про имперскую ересь, монахи во главе с Найгером. Ездили на исповедь к еретикам, которые задавали такие вопросы, что никто бы не задал в белом храме.

Вывода Кристиэн боялся, но он был неотвратим и безжалостен, как рука старшего супруга. Рихан – еретик. И он, Кристиэн – тоже, поэтому боги не щадят его, кому нужен отступник?

Злобный настоятель Найгер, Рихан, мысль Кристиэна вилась дальше и дальше и он был не рад догадке, что они все связаны какой-то тайной. А Кристиэн чужак и имперец.

Но ведь война давно закончилась. Чужеземцы и еретики-староверы повержены, мятежи остановлены, даже Кристиэн слышал о том, что Рихан сам победил мятежников где-то, как верный солдат государя. Но что-то в мыслях не сходилось, ясно лишь одно, беда, что случилась в день свадьбы стала еще страшней. Теперь он не нужен даже богам.

Мельдин навещал опустевший дом герцогов Айэ в Ланке, усадьбу в степи, одинокие и заброшенные, со скучающими солдатами, что охраняли непонятно уже чью собственность. Кристиэн еще не вступил в права наследования, ведь Рихан жив. К чести государства, ничего не было разграблено или украдено, даже безделушки на своих местах – приставы подробно описали все имущество. Мельдин брал вещи для Кристиэна, искал то, что просил Рихан, им разрешали видаться и передавать нужное – одежду, лекарства. Он следил за порядком, но горько было глядеть на стены – оттуда забрали все картины Кристиэна, по требованию дознавателей, которые так же изъяли многие книги, статуи из молитвенной. Никто не послушал возмущения Мельдина, когда он пытался отстоять рисунки и доказать, что их хозяин не давал дозволения брать его вещи, все увезли в столицу.

Ни Рихи, ни Кристиэн не вернуться сюда. У Рихана теперь одна дорога, путь к плахе всего лишь вопрос времени, которое рано или поздно наступит. А Кристиэн, даже если судьба смилуется над ним, наверняка не вернется в дом, где все будет напоминать ему о пережитом. И все же, почему Рихи почти сразу после свадьбы переписал на супруга все имущество и не смотря на дальнейшее, не изменил решения? Откуда он знал? Разве он рассчитывал на такой исход? И эта приписка – «По истечении трех лет, что минуют с моей смерти и по достижении времени для самостоятельности, Кристиэн имеет полное право принять руку любого, кто будет любезен его сердцу, если таковой, конечно, сыщется». Что это значило тогда?

Мельдину было жалко обоих до слез, до неистового желания напиться. Один дурак попал в расставленные силки из-за гордости, одиночества и глупости, а второй оказался без вины виноватым, заплативших за всех.

Когда все закончится и все отстанут от Кристиэна, они с Майэром заберут его к себе. Монахи, конечно, наверняка будут против, но мальчику нечего делать в монастыре. Может

время и уход все исправят? Голоса и легкой походки не вернуть, но главное, чтобы не умерла душа. И еще, то, что несказанно раздражало Мельдина – еще жив Рихан, а вокруг Кристиэна уже вьется какой-то столичный хлыщ. Бессовестный пройдоха.

Мельдин посидел именно за эти лето-весну, от случившегося и от постоянных ссор с Майэром. Все чувства младшего из Рионтуров разделились на ненависть к Рихану и сострадание к Кристиэну, а Мельдину приходилось разрываться на части. Бросить друга, да даже больше, чем друга, брата, он не мог, как и не мог простить ему сделанного с Кристиэном. Пусть Рихи тысячу раз еретик, и...насильник, убийца, изувер, но Мельдину никогда не забыть плеча, закрывшего его от смерти. По другую сторонку души – Кристиэн, с его непонятной никому верностью, упрямый, безмолвный и искалеченный.

Мельдину разрешали видеться с узником в тюрьме, он навещал Рихана, приносил нужное, говорил с ним наедине и при страже, о том, о чем было можно. А можно было только о младшем из Айэ, любое слово Рихан ловил с жадностью. Казалось, это единственное, что волновало. Ни страшное обвинение в государственной измене и ереси, ни грядущий суд не тревожили его так, как судьба Кристиэна. Рихан раскаивается, раскаивается искренне, ужасается тому, что натворил, но ему уже ничего не вернуть назад. Даже не встретиться. Мельдин как-то заикнулся при дознавателях, о встрече супругов, может это что-то решит? Но против были все. Кристиэна берегли от потрясений, а Рихана сочли опасным для младшего.

- Мел, делай что хочешь, как хочешь, что угодно... Но чтобы он ничего не видел, чтобы его ТАМ не было! – все, что сказал Рихан о своем будущем.

Ему нужно попасть в домашнюю библиотеку. Кристиэн уже не спал вторую ночь, страшная догадка не давала покоя. Даже ночные визиты Рихана уже не тревожили его, он перетерпел, вцепившись зубами в руку.

- Бревно...

Кристиэну было все равно, лишь бы добраться до книг. Наверняка там есть много ответов на его вопросы – в историях и описаниях, сказаниях о богах. Но разве его пустят в хранилище? И он решил.

- Сайэ Рихан! – удалось столкнуться с супругом на лестнице. Кристиэн собрал все свое мужество. – Сайэ Рихан, разрешите мне бывать в библиотеке, пожалуйста! – выпалил он.

Рихан остановившись, молча, сверху вниз посмотрел на него, Кристиэн обмер под взглядом узких глаз, а кончиками пальцев ему приподняли лицо, жестко.

- На книжки потянуло? – непонятно усмехнулся Рихан. – На здоровье.

Кристиэн не поверил своему счастью. Так легко? Даже не спросив, зачем? Наверное Рихану даже наплевать на то, что супруг может начитаться «имперской пакости», хотя раньше это было серьезным поводом, чтобы Кристиэн не бывал в библиотеке. Юноша быстро скрылся за дубовой дверью хранилища, пока супруг не передумал.

А маленькая дрянь не унывает. Котенка, кажется, совсем не трогает холодность старшего, зато он был удивлен, получив разрешение на библиотеку. Интересно знать, чего он там ищет? Ледяная бесчувственная кукла, неблагодарная, пусть хоть сгинет в книгах, лишь бы не попался на глаза, не напоминал о несбывшемся.

Рихан снова начал пить по вечерам. Спальня, в которой теперь не было котенка, после бутылки-другой, не казалась такой пустой и холодной, а если везло, то можно было быстро заснуть, прежде чем пустота на постели станет невыносимой.

Кристиэн листал уже восьмой том «Истории империи», ровно там, где говорилось о вере и расколе. Большая часть империи быстро приняла новшества и законы, кроме двух провинций, Аторы и Нариссы, Рихан воевал там, когда Кристиэн был еще ребенком. А ведь Найгер говорил, о каком-то деле, и он аторец, судя по всему и отдельно выловленным словам. Есть тайна с молитвенниками, Риханом и монастырями, что скрываются в бесконечных степях страны. Боги, как болит голова и сколько всего неясного! Кристиэн поставил на место толстую книгу и заплакал.

===== Глава 14 =====

Дороги уже устоялись. Весна постепенно вступала в свои права, предвещая новое, пыльное лето. По ночам было холодно, а днем еще ходили в накидках и теплых плащах, но жмурясь от солнца. Рихан же подумывал о поездке в столицу. В Ланку пока соваться не хотелось, чтобы не отвечать на бесконечные вопросы о Кристиэне, которыми неминуемо замучают придурочные франты: «Ах, ваш юный супруг прекрасен и очарователен!». А в столице можно встряхнуться от зимы, забыться в кругу старых приятелей, уладить кое-какие дела.

- Вы не берете с собой супруга, сайэ Рихан? - домоуправитель записывал все поручения герцога.

- Нет! Только мне его там не хватало! Пусть сидит дома и дальше двора не выпускать! Потом мне все доложишь.

- Слушаюсь.

Рихан уехал. Интересно, куда? Впервые не попрощался с ним. Кристиэну почему-то снова было больно, им пренебрегали, непонятно за что. Он вещь, которая когда нужна - пользуются, а если наигрались, то кладут на дальнюю полку и забывают. Он словно чужой стал, наказан без вины. Как тоскливо! И даже не осталось ничего, кроме старенького молитвенника, страшно идти в молельную, где хоть как-то согревалось сердце. Анхар прекрасен и милостив, но можно ли поведать о своих бедах Анхарэну? Не слишком ли может быть дорога цена откровенности?

- Юноша стоял перед дознавателями и жрецами серых. Ему было холодно в сыром тюремном покое, но монахи равнодушно смотрели на своего пленника. Еретик.

- Ваш супруг полностью подтвердил, что вы, Кристиэн Рихан Айэ, проводили свои дни в молитвах образам, что богохульны и запрещены Советом Белых. Вы взывали к Анхарэну, вместо истинного имени, чем навлекли на себя гнев и немилость вашего старшего.

- Но ведь это его дом и его статуи!!! - закричал Кристиэн.

- Никого не волнует, ведь молились вы. Именно вы. На костер.

Демоны бы забрали эту верхнюю канцелярию! Элвиан получил с нарочным срочное приказание явиться в императорский дворец по делу герцога Рихана Айэ, со всеми бумагами, лично к государю. Дознаватель отложил шелк с приказом, тяжело вздохнув. Хоть бы один

раз спокойно провести вечер! Отдохнуть с женой и дочерьми, повидать внуков. Так нет же!

Император был относительно молод, чуть за тридцать. Холеное, породистое лицо, и уверенность в каждом жесте. Закрытое совещание в рабочем кабинете, только государь, дознаватель, начальник канцелярии и настоятель белого храма.

- Итак, Элвиан, что вы можете сообщить по делу герцога Рихана Айэ? Оно очень затянулось.

Недоволен. Элвиан подобрался, словно готовясь к прыжку.

- Ваше достоинство, дело длинное, потому что выяснилось много новых обстоятельств и причин, которые требуют работы над ними. И оно раздвоено, как жало змеи.

- Вы имеете в виду те два обвинения, что можно предъявить герцогу? – поднял брови император.

- Три, – поправил начальник канцелярии, – ересь, измена стране и жестокое обращение с младшим супругом.

- Давайте детально про каждое, – кивнул государь.

- Итак, – Элвиан обстоятельно разложил бумаги, заблаговременно рассортированные, – у нас есть все доказательства к обвинению в ереси: по допросам задержанных монахов, Рихан Айэ исповедовал и проводил запрещенные ритуалы, такие как добрачный осмотр супруга, например, он же отправил юношу в монастырь на обучение, хотя тот закончил белый храм в приморье, в моленной комнате были изъяты статуи старого канона, в библиотеке множество книг еретического содержания. Но, так же установлено, что его отчасти принуждали по договору, сам Айэ не производит впечатления верующего, скорее он выполнял все это потому, что его обязали и в доме было полно соглядатаев Аторы, которые регулярно доносили обо всем Найгеру. Например монахи утверждают то, что идея осмотра супруга была принята герцогом с бешенством, и он лишь играл свою роль. Что правда потом не помешало ему истязать мальчишку. С этим еще разбираться и разбираться, потому что мера вины измерима по разному. По поводу измены – есть показания брата Орнара, так как Найгер успел покончить с собой, а часть разбежалась, и сеть еще наверняка крепка. Я бы усилил охрану герцога, они могут попытаться убить его, хотя ничего ценного он сам не сказал. Там все основывается на документах, денежных делах. Это очень нудно и на всю ночь, если приводить все документы.

- Ладно, с этим более-менее ясно пока, подробности обсудите с канцелярией, а что там с этим, как его там, Кристиэном?

Самое больное место. Элвиану так не хотелось говорить об этом.

- Тут гораздо все хуже и тоньше. На самом деле тут можно говорить тоже о двух обвинениях, о возможном убийстве Ская, преступника из Ланки, и точно доказанном проститутки Иши, из Тэлеты, и, собственно, о том, что было сотворено с Кристиэном Айэ.

Как вам известно, господа, Рихан Айэ взял под расписку в храме Ланки юношу по имени Скай, обвиненного в измене супругу и совращении девушки. Справедливо обвиненного. Через полгода жизни с Риханом Айэ, Скай неожиданно умирает, официально о его смерти есть все

документы, причиной стоит – горячка. Но на самом деле история крайне смутная. Покойный, увы, не был высоконравственным и безвинно осужденным, настоятель ланкского храма рассказал всю его историю. Вор и насильник. В доме Рихана Айэ слуги говорили о попойках и драках между любовниками. Однако, похоже, что это им обоим нравилось, и кажется, они нашли друг друга. Но, после небезызвестного вам ритуала, так называемой «исповеди», герцог резко поменял свое отношение к любовнику, и если верить слухам, в одной из драк просто напросто пришиб парня. Это косвенно подтвердили кастелян и повара. Но точно они не знают. Ближайшие соседи – Мельдин и Майэр, точно так же не знают ничего, однако подтверждают, что да, Скай болел. Но судя по похожим результатам и отношениям с Кристиэном Айэ, которые после поездки в храм так же изменились, смерть Ская весьма вероятно была все же от руки герцога. Сам он молчит, если спрашивать его об этом, ухмыляется.

- Ладно, будем пока считать, что Скай был проходимцем и с этим ничего не сделаешь, – развел руками настоятель, – клеймо серого храма неизбежно ведет к смерти.

- К смерти ведет вся жизнь, даже без клейма. Так вот, Кристиэн Тэхи, уроженец Приморья, второй сын чиновника Мая Тэхи. Взят в брак младшим, восемнадцати лет от роду, в Тэлете. Мы проследили все события. На смотре Рихан Айэ дал небывалую цену за юношу – шестьдесят тысяч таев, но с правом осмотра супруга лекарями. Лекари подтвердили, что мальчик невинен и не развращен, здоров, и родители юноши получили деньги, сразу уехав домой, и оставив мальчишку герцогу.

- Их не было на свадьбе? – удивился император.

- Нет. Мы арестовали Мадрину, Мая, Сэту Тэхи, так как точно установили то, что они принудили Кристиэна побоями и угрозами вступить в брак. Сэт Тэхи неоднократно бил младшего брата и угрожал ему ложными обвинениями сплавить в серые храмы, если тот не согласится на брак с Риханом Айэ или любым, на кого укажут родители. Так же они не возражали против осмотра, хотя это запрещено. Попросту говоря, они просто продали мальчишку, чтобы купить Сэту невесту. Очень важно сказать и о том, что Кристиэну неоднократно предлагали стать посредником в белом храме Приморья, у него хорошие способности к молитве и танцу. Ему предлагали обучение, уговаривали родителей, но те были против. Настаивать у белых храмов не принято.

- К сожалению, – вмешался настоятель, – у юноши были действительно потрясающие способности, а отобрать силой его было нельзя. Он великолепный танцор, очень одаренный человек, открытый. Я слышал слова настоятеля приморского храма, ланкской знати, да многие говорили. Он был на учете в наших документах, мы старались следить за его судьбой. К сожалению, не уследили, в том, что произошло, есть и наша доля вины. Если бы мы получили его ребенком, это была бы огромная удача для всех.

- Была бы? – император с интересом посмотрел на настоятеля, словно рассказ Элвиана его утомял, а настоятель вернул живые слова.

- Да, он пережил слишком много потрясений, но как утверждает настоятель, может быть не все совсем потеряно. Время лечит раны, но не тело. Танцовщиком ему уже не быть.

- Сейчас не об этом, – невежливо перебил его Элвиан. – После помолвки Рихан увез супруга в Ланку, а оттуда на север, в усадьбу, которая на самом деле была монастырем. Там учили молодежь аторским обычаям семьи – быть покорным наложником. Туда бы надо было отправить Ская. Но Кристиэна там ломали. Характер противоположный первому

любовнику Рихана. Юноша кроток, набожен, красив, сплошные достоинства.

- Тогда почему Рихан поступил с ним так? – задал вопрос император.

- Это и есть головоломка в деле. Начнем с того, зачем Рихан вообще женился на этом юноше? Он недавно получил титул и в его прямых интересах было передать его наследнику, то есть взять себе женщину. Но он берет мужчину, хотя богат.

- Может он просто предпочитает мальчиков?

- Кого бы он не предпочитал, а титул есть титул. Увы, скорее всего он просто не хотел наследников, хотя это не укладывается в голове. Это он сказал, сам, что сыновья ему не нужны. Вернее всего, что он прельстился красотой и юностью Кристиэна. Уверяю вас, там есть от чего потерять голову, мальчик и вправду хорош. Особенно если учесть обстоятельства первой любви юного Рихана Айэ, сына десятника. Драматическая история.

- Что за история? – вскинулся полусонный император.

- Вероятно вы помните историю, что случилась лет так двенадцать назад. Громкий скандал был. Некий аристократ изрубил своего супруга, обезумев от ревности.

- О да, я помню этот кошмар, ведь только-только одел корону и тут такое. Несчастный мальчик. Но как это связано?

- Напрямую. Уверяю, в отличие от Кристиэна Тэхи, мальчик сам выбрал свою долю. Он пошел за аристократа с радостью, отказав перед этим Рихану Айэ, с насмешкой. Тогда и сравнивать было нечего – Рихан был всего лишь будущим воином, а аристократ богат и знатен. Но Рихан Айэ не тот человек, который поймет и простит обиду, тем более, что он был действительно влюблен. Отказ его задел очень глубоко, а потом, как назло, он оказался в том отряде, который был послан в дом после убийства. Все видел своими глазами. Представляете, как это могло на него подействовать? Дальнейшее вам известно. Итак, после истории со Скаем герцог видимо решил начать все заново, с Кристиэном Айэ. Юноша совсем неискушен, неопытен, очарователен и у него совсем никакого выбора. Рихан хотел воспитать Кристиэна так, чтобы тот только и жил супругом и даже не думал ни о чем другом и ни о ком, это изначально. А как дальше получилось – известно. Способ жестокий и сомнительный.

- Он хотел покорного раба?

- О нет! Он искренне считал и считает, что Кристиэн обязан его любить, и любить с радостью.

- Тогда способ и вправду сомнителен.

- Ну тем не менее, ему это удалось, потому что Кристиэн отказывается подписывать брачные документы о разводе. Сейчас о другом. Установлено, что в первую брачную ночь Рихан Айэ сам себе все испортил. Вместо того, чтобы уговорить неопытного мальчика, он попросту его изнасиловал и избил. Не терпелось, говорит. Дальше так и пошло. Кристиэн стал его бояться, а Рихана это бесило. Через месяц произошла крупная ссора и Рихан Айэ снова избивает своего супруга до беспомысленности, до полусмерти.

- О боги! – взмолился император, потирая лоб. – У вас еще много этого? Какая мерзость!

- Этого много, - твердо ответил Элвиан, - до утра хватит.

- Тогда, господа, перерыв...

Почему вы ничего не кушаете? - Кристиэн вздрогнул, обернулся. Он сидел на подоконнике, подобрал под себя колени, смотрел в окно, где ничего не было кроме двора и степи.

- А? - пропустил он вопрос, потом запоздало понял, что от него хотят. - Нет, я ем. Мне достаточно.

- Нельзя так, сайэ Кристиэн, - покачал головой управляющий, - за два дня яблоко и кусок хлеба. Может у нас невкусно готовят? Скажите, сделают, что вы хотите.

Кристиэн опешил от неожиданности. Его впервые спрашивают о том, что он хочет, в этом доме, да и почти впервые в жизни. Обычно прислуга общалась с ним только чтобы принять просьбу и дать необходимые ответы, приказывать он никому не посмел бы. А тут его сам управляющий спрашивает. Разве он не знает, кто тут Кристиэн?

- Спасибо! Все вкусно, просто нет желания, - улыбнулся юноша.

- И все же, съешьте хоть обед, у вас нездоровый вид. Нельзя же так.

Если бы не болела дочка, то управляющий Девир взял бы расчет давным-давно и со всех ног бы бежал прочь из поместья герцога Айэ, забыв туда дорогу. Но Ивиет была нездорова с рождения, а денег на лекарей и микстуры требовалось немало, плата же за работу была более чем щедрой. Но как можно жить в этом проклятом месте? Вечно недовольный герцог Айэ, его тупые наемники, деревенские дурочки-прачки, вся прислуга набрана незнаемо откуда, лишь бы молчали о том, что творится в поместье. И еще маленький пришибленный супруг герцога, об которого все вытирают ноги, который больше похож на тень. Дело конечно, семейное, чужое, но что же с ним творит старший, если парень мрачнее тучи? Где же они поссорились, ведь уезжали голубками, любо-дорого посмотреть. Да и пока герцог в отлучке, парень должен был успокоиться, а он чуть не плачет, голодом себя изводит. Было бы переживать из-за кого! Из-за герцога этого драного, ведь такой молодой красивый мальчишка, что же ему получше кого родители не нашли?

Надо бы приказать приморское что-то сготовить да подать, хоть этому может порадует. Больше и не поможешь никак. Но как только Ивиет выздоровеет, так сразу надо брать расчет.

Жаль парня, но ведь потом не оберешься...

Есть и вправду не хотелось. Но если не съесть салат с морской капустой, который специально для него принесли в серебряной тарелке, как на праздник, то будет совестно перед управляющим и поварами, перед человеком, проявившим участие. Хоть кто-то в этом доме сказал ему доброе слово.

Целыми днями Кристиэн сидел у себя в комнате, сжимая старый молитвенник, не хотелось ничего, ни спать, ни есть, ни гулять, только забыться и не вспоминать ничего. Чтобы не было смотрин, свадьбы, исповеди, даже чтобы не было тех сильных добрых рук, обнимавших его в зимние ночи. Он не обижался на Рихана - за что? Да и какой смысл в обиде, если они не смогли стать близкими друг другу. Ненависти тоже нет, но ненавидеть Кристиэн и не умел. Только терпеть. О, в этом он преуспел, можно наверное и уроки давать! Еще он умел бояться. Сначала брата и мать, потом супруга. Просто сменил хозяев, а теперь еще он боится богов, потому что виновен перед ними тоже. Он не сумел стать танцором-посредником, потом пустил

в сердце ересь. О будущем он тоже не думал, вернется Рихан, и снова будет безразличие днем и насилые ночью. Почему-то теперь было все равно.

Но спокойствие слетело с Кристиэна, как плащ на пороге жарко натопленного дома, едва он увидел знакомую повозку и всадников. Рихан вернулся!

Кристиэну стало душно, хотя окна растворены с самого утра, а сердце запрыгало так, что стало больно. Но большая боль пришла потом, когда он разглядел, что супруг, выходя из повозки, кому-то подал руку. Приняв любезность, из возка выбрался юноша, белокурый и в ярко-зеленом плаще, он оперся не только на руку герцога, но ухватил того за талию, совершенно бесцеремонно, почти повиснув на нем. Кто это?

Кристиэн проводил странную пару взглядом, пристально разглядывая светловолосого чужака, уже было видно, что у того яркие губы и накрашенные глаза, не так, как делал Кристиэн, не тонкой черной линией, чтобы только подчеркнуть ресницы, а броско – веки были ярко-синими, что придавало юноше сходство с ярмарочной куклой. Зачем Рихан притащил ЭТО в дом? Какая мерзость!

Кристиэн никогда в жизни не сталкивался лицом к лицу с теми, кто продает свое тело, но волей-неволей был наслышан, о том, что они ведут себя развязно и ярко красят лица, гораздо ярче, чем дозволено приличием и этикетом. Значит, юноша из этих... Кристиэна обожгло новым, почти незнакомым чувством – гневом и досадой. Рихан совсем с ума сошел! Привезти в собственный дом продажного! Явно не исповедовать его будет, а значит... Меж его спальней и спальней Рихана всего лишь одна стена. Всего одна. Он бессилен это остановить, хотя такое против всех законов. И, Кристиэн горько понял, что в Тэлете Рихан не скучал по нему. Легче легкого, наверное, уехать, оставить младшего, и пить вино со шлюхами. Он, Кристиэн, законный супруг, хоть и младший, а Рихан привел того, кто видел в своей жизни наверно больше мужчин, чем Кристиэн весен.

Ему было горячо, он чувствовал, что пылают уши, все лицо и тело, обессилено опустился на кровать.

В доме было слышно, как гремят посудой, накрывают в столовой, топот охраны. Смех Рихана и визгливое хихиканье незваного гостя резало слух. Наверно Рихан еще и пьян.

В дверь постучали. Кристиэн вздрогнул, нехотя открыл. Супруг и его наемники не стучались никогда, только прислуга, но за дверью топтался управляющий, смотря куда-то мимо младшего Айэ, виновато сказал:

- Сайэ Рихан приказал вам к ужину готовиться, спуститься вниз. Требуется даже...

- Требуется даже, – почему-то повторил Кристиэн. – Скажите, он сильно пьян?

Управляющий издал звук, больше похожий на стон:

- Не совсем пока, но навеселе. Кажется, не первый день закладывают. И этот с ним... Тьфу, пакость какая. Смотреть противно! Тарелки потом выкинем! А вас... Храни вас боги, сайэ Кристиэн!

- Спасибо! – серьезно поблагодарил Кристиэн.

Ну что же, он приготовится. Так, как должен быть готов младший герцог Айэ к встрече с

супругом после долгой разлуки. Он намерен соблюдать свою часть клятвы. А побоями уже не удивить.

- Мой дражайший супруг снизошел до нас и отвлекся от взываний к богам? – издевательски приветствовал его Рихан.

Герцог развалился в кресле, придвинутом прямо к столу, а рядом с ним, сидел тот самый юноша, что так нахально вцепился в чужого супруга. Вблизи он был еще омерзительнее и старше Кристиэна лет на пятнадцать точно – краска плохо скрывала дурную кожу и ранние морщины. А запах!!! Как только Рихан-то терпит?! Отвратительная вонь сладких дешевых духов, которые Кристиэн не выносил.

- Добрый вечер, сайэ Рихан! – Кристиэн склонился в полупоклоне, не садясь за стол. Главное – соблюдать все каноны, которыми раньше так яростно пичкал его сам супруг.

- Добрый, добрый... – рубаха Рихана была полурасстегнута, по шее скатывались капельки пота. Унизанные кольцами пальцы нетерпеливо барабанили по бокалу с вином. – Что встал столбом? Почему не здороваешься с гостем?

Кристиэн сел напротив Рихана, хотя и полагалось рядом, но место было занято, да и вонь не так будет мешать.

- Мне казалось, сначала гостя должны представить, чтобы знать, кого приветствовать, – искоса глянул Кристиэн, выпрямив спину до невозможности.

- Ах, да... Ты же у нас ревностный поборник обычаев. Святее белого настоятеля. Так вот, знакомься, это Иши. Он из Тэлеты, погостит у нас. Ты, надеюсь, не возражаешь?

- Ни в коем разе, мой господин, но буду счастлив, если в доме будут проветривать почаще в этом случае, – улыбнулся Кристиэн как можно более любезней. – Надеюсь, вам понравится у нас. Меня зовут Кристиэн Рихан Айэ.

Получилось даже лучше, чем задумывалось! Рихан ликовал в душе. Ожидал, что котенок скорчит кислую мордочку и разревется, в своей манере, начнет ломать руки. Но это превзошло все ожидания! Какой сюрприз! Мальчишка прямо на глазах ожил. Котенок выпустил из мягеньких лапок коготочки, пока еще слабенькие, и вздыбил шерстку. Еще не хватает прижатых ушек и хвоста, бешено мотающегося. Надо же, он умеет злиться!!! Подергаем за хвост еще?

Подали ужин. На стол поставили свежие графины с вином и настойками, личный слуга Рихана разлил вино всем, не забыв Кристиэна, но юноша сменил бокал и потянулся за водой.

- Ты не хочешь выпить за мое возвращение? – вскинулся Рихан, наблюдая как младшему наливают воды.

- Прошу меня извинить, я неважно себя чувствую. Мне лучше не пить сегодня хмельного, – опустил глаза Кристиэн. – А вашего возвращения я ждал.

- Выглядишь ты недурно, заканчивай кокетничать. И пей!

- Хорошо, – покорно согласился Кристиэн, – ваше здоровье!

«Этот ход я выиграл», решил Рихан. Ну, котенок, что дальше?

- Вот, таков мой дорогой супруг, – доверительно сообщил Рихан Иши, который буквально ел взглядом Кристиэна, – как тебе? Нравится?

- О да! – неожиданно тонкий резкий голос неприятно резал слух Кристиэну. – Он действительно красив, но так суров... Он даже не поцеловал тебя, Рихи!

Кристиэн сдвинул бокал в руках так, что побелели костяшки пальцев. Что оно себе позволяет!!! Обсуждать его как вещь и указывать на, якобы, ошибки?! Да и еще называть Рихана так фамильярно – Рихи. Так его зовет только Мельдин, которому герцог позволяет все. Но этот Иши совсем не Мельдин!

- Поцелуй у нас по большим храмовым праздникам только, – покачал головой Рихан. – Но, вправду, котенок, ты даже не прикоснулся ко мне. Что скажешь, Кристиэн?

- Я не уверен, сайэ Рихан, – Кристиэн намеренно подчеркнул обращение, – что в столовой уместно целоваться, да еще и при посторонних. Для этого есть спальня и уединение для двоих.

Котенок просто молодчина! Как будто Кристиэна подменили ему, пока он был в отъезде! Или маленький лицемер так хорошо прятал свои коготки, притворяясь невинной овечкой? Понадобилось такое испытание, чтобы увидеть другого котенка? Кажется, он имеет тысячу лиц, которые теперь кружатся перед взором Рихана, как в бешеной пляске танцоров.

- Ах, милый Кристиэн, – сладко улыбнулся юноше Иши, – Ваши представления о добродетели так не вяжутся с вашим юным видом. Странно слышать от совсем молоденького юноши то, что обычно говорят матери шестерых детей и старики. Времена изменились, но наверное вам этого не сказали.

- Зато, я вижу, вы отлично разбираетесь в новых веяниях и нравах, – Кристиэн не задумываясь отвечал, дивясь сам себе. – Я и вправду не знал, что они настолько стали свободными, что люди перестали носить знаки своего брачного статуса и при этом поучать других. Позвольте мне спросить, в реестрах вы записаны как младший или старший? Я боюсь, вдруг оскорблю вас и нарушу расстояния, что стоят меж нами...

Иши обескураженно замолчал. Зато Рихану перепалка доставляла удовольствие, которое он даже не считал нужным скрывать. Котенок даже взбешен, небывалое творится! Так вот как это выглядит! Таким бы он был в постели! Чуть тронул и тихоня превратился в злоязыкого надменного мальчишку. Однако, драки нельзя допустить. Не сейчас.

- Я вижу, Кристиэн, ты и вправду нездоров. Можешь идти к себе, если желаешь. Отдыхай, будешь нужен – позову.

Кристиэн отложил прибор. Поднялся, надменно качнув головой:

- Прошу меня извинить.

Дорога наверх, в спальню, была гораздо легче...

- Вот, вот это он и есть. Я, правда, сам его не узнал, уезжал, оставлял труса и плаксу, – подмигнул Иши Рихан, подливая себе и гостю еще, второй графин был уже пуст и герцог дал знак слуге. – Котенок сегодня грозен. Обычно он ревет или жалуется.

- Надо же, - Иши погладил герцога по бедру, - он совсем не похож на того, о ком ты рассказывал. Ревнивый злой мальчик.

Балованный.

- Смеешься? Он ревнивый? - расхохотался Рихан. - Да скорее диван к этому креслу ревнует, чем котенок меня! Ему абсолютно все равно, даже если я перетрахую всех шлюх в Тэлете и Ланке. Даже небось вздохнет с облегчением - ему не надо ноги раздвигать! Он просто вывернулся, от молитв отвлекли! Он мне всю молельную уже обтер собой, ползает там...

- Мне так не кажется, - Иши стал серьезен. - Он вел себя как ревнивый аристократский сынок, так чтобы не уронить своей драгоценной чести. Так старательно уел меня, что даже странно. Как тебе выпад про статусы?! Но ревнует он отчаянно. Поверь мне, я навидался таких. Но как же он красив!

- Не верю. Но впрочем, неважно. Ты помнишь, о чем мы говорили? Об уроке. Я хорошо оплачу это представление.

- Дорогой мой, ради тебя я согласен и не на такое! Да и этому ледышке неплохо бы вернуть должок. А может ему понравится? Обычно такие чопорные юноши из хороших семей творят такое...

Рихан рассмеялся так, что вздрогнул даже Иши, помотал белокурой головой, а герцог расплескал вино.

- У тебя бурная фантазия, Иши, котик. Ну в любом случае, ему будет полезно.

Какая же дрянь!!! Кристиэн захлопнул за собой дверь, устало прислонился к стене. Рихан хотел показать его, законного супруга, этому накрашенному! Хвастался, как вещью! Юноша раскрыл створки окна еще шире, чтобы не осталось и напоминания о ненавистном запахе. Рихан, значит, исповедовался и теперь ему можно все? Ему можно все, а Кристиэну ничего нельзя, его даже лишили права молиться тем, чьи имена истинны! Обратили в ересь, даже не спросив!

- Пожалуйста, скажите, чтобы приготовили малую купальню, - он нашел управляющего Девира.

- Конечно, - кивнул головой управитель дома, - сейчас отдам распоряжение. Вам нехорошо? Вы очень бледны.

- Этот запах! - Кристиэн закусил губы. - Он ужасен. А так все в порядке.

Скорее бы добраться до купальни! Но ведь пока подогреют воду, пока принесут полотенца... Скинуть с себя липкую вонь чужака. Пусть Рихан с ним хоть упьется, но потом, Кристиэн сделает все, чтобы герцог даже не дотронулся до его тела. Хотя как это возможно? Он не смеет, не должен даже противиться воле супруга, это не по закону! Но разве разрешено старшим приводить в дом тех, кто продает свое тело на улицах! Да еще и заставлять младшего развлекать их! Но в любом случае, герцог всесилен и спорить с этим бессмысленно.

Вода была счастьем. Кристиэн долго терся мочалкой, отдирая ненавистный запах от себя, промывал волосы и долго сушил их, растирая полотенцами - не хотелось спать с мокрыми. Снова одел чистое, домашнее - легкие штаны и просторную рубаху с тканым пояском, мягкие шерстяные туфли. Скорее бы спать, пусть все это закончится!

Он уютно устроился в кровати с книжкой, поставив на столик рядом свечи. Можно почитать «Историю», чтобы быстрее потом заснуть. Но при таком шуме за стеной, в Рихановых покоях, ему будет трудно это сделать. Там звенела гитара и грубая песня рвала тишину дома.

Он пьян, с ужасом подумал Кристиэн, даже не просто пьян, как обычно, а до остервенения, да еще и напоил своего гадкого гостя. Это он визгливым голосом подвывает скабрезной песне! Эту песню Рихан никогда не пел для Кристиэна, про «нарисский кабак и девок». Кристиэн задул свечи, и улегся, закрыв голову подушкой. Если повезет, то у Рихана назавтра будет похмелье и старшему будет не до юнца.

Музыка кончилась, Кристиэн вернул подушку обратно под голову. Неужто утомонились? Только не это! Даже сквозь деревянную стену слышны недвусмысленные звуки чужого соития. Это просто издевательство, пытка! Его старший на том же ложе, где насиловал и ласкал Кристиэна, теперь с другим, отлично зная, что младший недалеко!

Спать здесь он уже не сможет. Надо бы найти управляющего, спросить ключи от гостевой спальни, что далеко от господских комнат.

Он нащупал домашние тапочки, сунул в них босые ноги, нашарил накидку, но выйти из комнаты не успел. Грубый голос наемника, без спросу отворившего дверь в спальню младшего герцога:

- Не спишь? Господин тебя зовет, говорит, скучает мол, не может, – как-то гаденько хмыкнул охранник, молодой рыжий парень.

- Скажи своему господину, что я плохо себя чувствую и никуда не пойду, – откликнулся Кристиэн. – Закрой за собой дверь.

Рихан завтра убьет его.

- Ну тогда велено было тащить тебя силой, – осклабился рыжий.

- Я никуда не пойду, – повторил Кристиэн.

- Пойдешь, красавчик, – охранник ухватил юношу за локоть и Кристиэн вскрикнул от боли, – как миленький пойдешь, к своему-то ненаглядному.

От наемника несло перегаром и потом, Кристиэн дернулся в его захвате:

- Убери лапы!

- Ой-ой, неженка сердится? – загоготал рыжий. – Пошли, крысенок.

Его втащили в риханову спальню, за локоть и охранник прикрыл дверь, оставшись тоже в комнате. А Кристиэн, забыв о боли в руке, смотрел на ложе.

Сбившиеся простыни, одеяла и подушки на полу, там же, где разлито вино, а рядом стоит едва початый стеклянный кувшин. Рихан и этот Иши не просто пьяны, точнее Иши пьян, глаза шальные, блестящие и краска размазана по лицу. А вот герцог сошел с ума, так показалось Кристиэну. Голый, всклокоченные волосы прилипли к плечам, что изрезаны шрамами, уродовавшими белую кожу. На шее следы поцелуев, словно кто-то хотел выпить жизнь из его супруга, улыбка на бессмысленно кривившихся губах, тонких и злых. Ужасный, жуткий взгляд змеиных очей.

- О мой ненаглядный мальчик! Вы простите, что я приказал вас разбудить? Однако дело не терпит отлагательств, – Рихан говорил нараспев, не отрывая от Кристиэна взгляда. – Я случайно вспомнил, что про кое-что забыл, когда отдавал вас в обучение. Теперь я исправлю ошибку и преподам вам урок, а то ваши прорехи в знаниях меня весьма огорчают. Вы даже не представляете себе моего горя!

Брак. Кристиэн метнулся глазами к правой руке супруга. Точно, кольцо на месте. Даже не постеснялся!

- Вы пьяны, сайэ Рихан, простите меня за дерзость. Может вам лучше лечь поспать? А я попрошу, чтобы нашего гостя проводили в дальнюю спальню.

- Не смей мне указывать, что делать, дрянь! – Рихан потянулся за пустой бутылкой, но не смог, покачнулся и вцепился в Иши, чтобы не упасть, – Так вот! – сменил герцог тон. – Я не учел особенности вашего воспитания, Кристиэн Рихан Айэ, которое вы получили, в частности, в заведении, куда отправил вас я. Из вас сделали лицемерного набожного лжеца, от которого совсем нет проку, а тем более в постели. Вы неопытны и неумелы. До брака вы не видели ничего, что дало бы вам представление о том, что творится меж супругами в постели. Раньше я считал это благом...

Кристиэн, замерев, слушал этот невозможный, не укладывающийся в его голове, бред, который так, на удивление связно, излагал Рихан. К чему он клонит и почему так гнусно подмигивает Иши?

- Что вы хотите сказать, сайэ Рихан? – прервал он речь супруга.

- Я не позволял тебе говорить! Ты забываешься! – поправил юношу герцог, а Нур сдвинул сильнее локти и Кристиэн вскрикнул. – Но я отвечаю тебе. Иши и я, дадим тебе наглядный урок, о том, что следует делать, чтобы доставить мужчине удовольствие. Потом проверим!

Кристиэну показалось – он спит и видит кошмар, так чудовищно то, что сказал Рихан! Смотреть, как они будут совокупляться? На кровати, где Кристиэн провел столько ночей, сладких и страшных? Никогда!

- У меня не было столь пьяных учителей! И мне не хочется, чтобы для меня стала примером вон то раскрашенное пугало! – Кристиэн вспомнил про ужин. – Когда вы протрезвеете, поймете это сами и вам станет противно, сайэ Рихан!

Главное не заплакать от бессилия и унижения, не доставить радости мучителю и этому Иши!

В котенка словно бесы вселились! Но так лучше, чем слушать нытье и видеть слезы. А за дерзость мальчишка потом заплатит.

- Рихи, кажется я ему не нравлюсь! Вообще, ощущение, что в спальне монах! Этого бесполезно учить! – пропел тоненько Иши, сладко улыбаясь и лаская Рихана в паху. – Это же «История Анхара» живая просто, с нравоучениями, а не сладкий мальчик!

- Поверь, он у нас живой, сейчас сам убедишься, котик! – принял ласку Рихан. – Ну, Кристиэн, драгоценный мой, брысь на кресло, смотреть! Потом нам покажешь!

Юноша даже не двинулся. Локти давно отпустили, но он даже не заметил этого.

- Сайэ Рихан, ну прекратите же это! – попросил он. – Вам же потом самому совестно будет! Вы

не понимаете!

- Чего я не понимаю, бревно? Того, что ты швыряешь мне по ночам себя, как собаке кость, чтобы я подавился? Если тебя не бить – ты даже не шевелишься! Не умеешь – попроси, научил бы! Я устал тебя ждать. Теперь изволь... Терпи.

- Вы ждете, что я стану похож на ЭТО? – Кристиэн, не стесняясь, ткнул пальцем в Иши, не ожидавшего такой семейной ссоры, но до сих пор пьяно улыбающегося. – Тогда вам надо было взять не меня, а преступника из серых! Им все равно, где умирать! Они уже приговорены!

Кристиэн отшатнулся сам, почти упав на Нура, так и не покинувшего комнату, так страшен стал Рихан. Худое лицо посерело, сузились глаза, превратившись в щели. Сейчас Кристиэна убьют наверное.

- Ты понял, что ты сказал? – очень четко, разделяя слова, спросил Рихан, и Кристиэн ощутил, что тот не настолько пьян, как показалось вначале, скорее напряжен, как механизм арбалета. – Если не понял, то твое счастье и моли своих обожаемых богов, чтобы тебе никогда не узнать ступеней! А теперь, дрянь, ты будешь смотреть! Даже если тебя придется связать!

- Нет! – Кристиэн не чувствовал ног, но повернулся, чтобы уйти. – Не буду! Простите!

- Будешь! Нур, держи его! Так, чтобы он видел все! Будет сопротивляться – знаешь, что делать.

Кристиэн отбивался, дергался в руках наемника, извиваясь – все, что угодно, лишь бы не видеть мерзости, противной законам людей и богов. Но тягаться с воином ему было не по силам и его просто перехватили за грудь, накрепко сдавив.

- Если будет закрывать глазки, бей, – разрешил Рихан.

- Ты готов, лапочка? – мурлыкнул Рихан, разворачивая к себе Иши.

- Всегда готов, – хихикнули ему в ответ.

Кристиэн не смог извернуться и вцепиться зубами в руку Нура, тайком от хозяина, цапнувшего его за ягодицу.

- Не дергайся, неженка, а то похуже будет! Оттрахаю, никто и не заметит! – обдавая перегаром, зашептал охранник.

Глаза Кристиэн теперь не смог бы закрыть, если бы даже и захотел, невозможно не смотреть на двоих на кровати. Лучше бы сразу ослепнуть! Рихан и Иши целовались, лаская друг друга, словно бешеные, Кристиэн не успевал следить, так быстро они извивались на кровати, так мгновенно перемещались руки любовников по их телам, в каком-то безумном танце, который Кристиэн никогда бы не сумел повторить. А потом Иши застонал, глухо и долго, и для Кристиэна этот звук стал одной из частей кошмара, который мучил ему голову, чем-то отвратительным, чему не было названия. Запах перегара, разлитого вина, пота, семени, вонь дешевых духов, жар от натопленного камина, цепкие похотливые руки, уже без стеснения шарящие по его бедрам и юноша не выдержал.

Даже Нур обескураженно выпустил его, когда Кристиэн вздрогнул всем телом и осел на пол, буквально выскользнув из рук – его тошнило. Теперь он ничего не видел, кроме ковра и грязи на нем, следов от сапог, которые герцог не снимал на пороге. В горле было горько, он сплевывал остатки на ковер и только потом, почувствовав, что муть в голове исчезла, осознал,

что все смотрят на него, жалко стоящего на четвереньках. Он нашел в себе силы встать, утереть лицо рукавом ночной рубахи.

- Я же предупреждал, что нездоров. Ваш урок был очень некстати, сайэ Рихан.

Никто не стал задерживать его.

===== Глава 15 =====

Мельдину, наконец-то, удалось застать русого гвардейца на месте преступления. Совсем, хлыщ столичный, совесть потерял! Ничего, стоило потратить несколько минут и вспомнить, что когда-то был разведчиком, выследить паршивца! Мельдин с Майэром, притаившись за кустами, смотрели, как Тэльдо хочет пересечь дорожку сада, прямо перед Кристиэном, куда-то шедшим и не видевшим ничего, кроме узкой полоски вытоптанной земли перед собой. Якобы нечаянная встреча. И вдруг Майэр сдавленно охнул. Кристиэн споткнулся, наступив на корень, торчащий из земли – с его хромотой не упасть невозможно! Они не успеют! Но успел другой. Офицер метнулся, подхватив юношу за руки, удержав на ногах.

- Осторожней! – Кристиэн не вырвал рук. – Ты хоть иногда под ноги гляди!

Юноша не смотрел на Тэльдо, опустив взгляд, и тот бы ни за что не отпустил его, если бы не Мельдин с Майэром.

- Дойдешь, или тебя проводить? Давай провожу! – предложил Тэльдо.

- Спасибо, мы сами проводим! – Мельдин словно вплыл на тропинку, за ним торопился Майэр.
- Майэ, иди с Кристиэном, а мне с господином офицером потолковать надо!

Сообразительный блондин успел увести Кристиэна, не понявшего, что происходит вокруг него, раньше, чем Тэльдо взъяриться:

- Позвольте! Разве нам есть о чем говорить? Вы бы хотя бы представились, для начала!

Лукавил. Конечно же, он видел опекунов мальчика, но зачем им-то об этом знать?

- Мельдин Рионтур, тысячник в отставке, – степенно представился Мельдин, – думаю, мое имя вы не раз слышали. А, вы, посмотрю, недавно в гвардию поступили, а до этого были адъютантом в военной канцелярии?

- Вы хорошо осведомлены для отставника, – не сдержался Тэльдо.

- Положение обязывает, особенно если дело касается моего подопечного, Кристиэна Рихана Айэ. Скажите мне, молодой человек, почему вы так часто около него крутитесь?

- А в этом есть что-то предосудительное или незаконное? Юноша не послушник, и я не делаю ничего, что могло бы обидеть или навредить ему.

- Вообще-то, если вам еще не сказали, – веско сказал Мельдин, – он в браке. А ваши настойчивые попытки привлечь его внимание к себе не делают чести. Он нездоров и даже не сможет позвать на помощь. Держитесь подальше от него.

- Я учту это, в том случае, если он снова, например, споткнется. А если он при этом разобьет себе лицо или сломает руки, так и быть, издали позову на помощь, чтобы не

обвинили в домогательстве. Вас устроит это, как ревнителя его чести? – Тэльдо начинал бесить этот разговор с толстяком: “Забеспокоился, жирдяй! Приедет раз в две седмицы и вхохчет, как курица, силу показывает!”

- А вы умеете защищаться! – не смог не улыбнуться Мельдин. – Я благодарен вам, что вы уберегли его. Но что вам надо от юноши?

- Мне? Ничего. Я вижу грустного хромого паренька, который целыми днями один. Тоже маюсь от безделья, вынужден ждать нужных бумаг. Почему бы нам не скучать вместе? Говорите, он в браке? Мне казалось, что семейные люди живут в своих домах, не хромают и не смотрят как брошенные. И их старшие находятся рядом, а не под надзором верхней канцелярии. Говорят, дела герцога Айэ крайне плохи.

На это Мельдину возразить было нечем. Но хлыща надо отвадить от Кристиэна, пока не случилось новой беды. Пока не стало хуже, чем есть. Но гвардеец продолжал:

- И я всего лишь хотел скрасить ему одиночество. Он целыми днями в саду, как приклеенный, на него смотреть-то жалко.

- Что же ты тогда в монахи не подался, утешитель страдальцев? – сощурился Мельдин, сокращая расстояние и переходя на «ты». – Отстань от мальчишки! Он сам знает, что ему делать, и настоятель Амардин считает, что ему лучше быть одному, чтобы выздороветь!

- Понимаю вашу заботу, господин опекун, но сколько тут живу, ни разу не видел, чтобы ему стало лучше. Вы приезжаете изредка и он вам рад, но это не значит, что ему хорошо! Удобно устроились! Спихнули парня в монастырь, настоятель его раз в день по головке погладит, не скучай, мол, Кристиэн, а он сидит, в одно место смотрит, на какую нибудь ветку и все! Он же с ума сходит, не видите? – уже орал Тэльдо, не заботясь, слышат ли его. – Как он может выздороветь, если все время о чем-то думает, об одном и том же, видно же! Наверно о подлеце своем вспоминает! Он у вас просто с тоски рехнется! Его же тормозить надо, к людям, делом занять каким, чтобы забыл поскорее! Ему и двадцати-то небось нет, а вы уже на нем печать поставили. Оправится, куда он денется, если люди рядом будут, и не постылыми рожками, а живые!

- Ему девятнадцать, – невпопад сказал Мельдин.

- Сколько? – Тэльдо подумалось, что он ослышался. – Что ты сказал?

- Так! – Мельдин решительно пошел вперед. – Поехали!

- Куда?

- Не знаю! Есть в этой дыре кабак какой? О таких делах на сухую не говорят, а ну, пошли!

Кристиэн выбежал из дома в ночную мглу, весенняя ночь обдала холодом, но это и было нужно ему – свежий ветер в лицо. Во дворе никого, даже охраны нет, все или пьют, или спят. Сумасшедшее время. Он медленно дошел до того, что тут по недоразумению считали садом, но главное – там есть скамья, широкая. Он забрался на нее с ногами, дрожая от холода и гнева.

Ну почему, каждый раз, когда случается что-то подобное меж ним и Риханом, кажется, что хуже и быть не может? Оказывается еще как может! За что?! Кто поверит, что брезгливый и чистоплотный Рихан притащит в дом ЭТО и уложит в свою постель? Урок? Кем надо быть,

чтобы измыслить такую насмешку над собственным младшим?! Почему с ним просто не поговорили? Да, он не умел на супружеском ложе, но откуда взяться этому умению? От нетерпеливого и жестокого старшего, что не сдержался в первую брачную ночь? Был бы сам хорошим и терпеливым наставником... Когда было учиться? Между побоями? Откуда быть искусственным? Если сам не знаешь, что это такое...

Но неужели Рихан доведен до такого отчаяния, что даже хочет эту шлюху, что сейчас с ним? Я правда хотел быть тебе хорошим младшим, но ты не дал мне времени. Я не могу понять, чего ты хочешь от меня? Чего?! Хотелось взять камень и швырнуть в окно рихановой спальни, может там опомнятся?

Кристиэн не плакал, слезы даже не подступали, сам себе дивился, но душила обида. Обида на самого себя, таким отвратительным способом ему еще раз напомнили о ненужности и никчемности. Зачем тогда брали?

Ночью он не вернется в дом. Лучше ночевать тут, на улице, в саду. Лишь бы не видеть и не слышать. Если бы еще не было так холодно.

Рихан не смог не восхититься. Котенок выиграл сражение вчистую, если конечно, не считать ковра. Ах, это возмущение в вишневых глазках, насмешка в звенящем нежном голоске, томная надменность – так котенок совсем великолепен, его хочется до скрипа в зубах, когда он осознает свое достоинство.

- Рихи... – тихо позвал его Иши, – наверно это была дурная идея. Думали, шутка, а вот оно как. Он же совершенно не ждал такого, я и не думал, что заденет его так! Мне страшно стало.

Иши не врал. Впервые, выполняя такое поручение, ему было стыдно. Стыдно от того, что унизил невинного и любящего. Мальчишке же было больно, стоило посмотреть ему в глаза, когда рыжий держал его. Вся неприязнь к надменному красавчику растаяла сразу. Юнец всего лишь... Сейчас наверно плачет где-то. За что герцог так мстит ему?

- Не твое дело. Тебе достаточно заплатили, чтобы ты не думал и не рассуждал, – равнодушно откликнулся Рихан, – могу еще добавить, чтобы язык держал за зубами. А сейчас я хочу спать, тебя проводят в гостевую.

Рихан закрыл глаза, оставшись один. Кристиэн почти не отличим от Кайса стал. Такая гордость своим браком, откуда что взялось? Теперь придется с ним, как с взрослым, котенок совсем незаметно и так быстро повзрослел. Рихан всегда ценил хорошего противника.

- Сайэ Кристиэн! – его теребили за плечо. – Боги, да что это такое? Простите. Просыпайтесь же! Кристиэн!

Отчаянный голос управляющего. Кристиэн сел, удивившись холоду утра, а перед ним стоял управитель, тревожно всматриваясь в юношу, стаскивая с себя теплую вязаную накидку.

- Сайэ Кристиэн! Насилу вас разбудил! Идемте в дом, я уложу вас в теплой комнате. Питье вам согрели! Пока нашел вас тут... Что же вы мне-то не сказали, неужто я подальше бы не устроил вас на ночь? Едва отыскал, да чтобы еще и этих демонов не будить...

- Спасибо, – Кристиэн постепенно приходил в себя, разминая затекшее тело, – а...

Управляющий Девир сразу понял его:

- Сайэ Рихан спит, и думаю, сегодня его точно можно не будить и не ждать. А этого, охрана проводила. Уж не знаю, куда там... Хоть бы заблудились да сгнули, погань аторская! Идемте, вы же продрогли! Да что же вы делаете-то...

Спать хотелось невероятно. В натопленной комнате и с чашкой теплого питья Кристиэна разморило донельзя, но нужно было сделать два важных дела – помыться и поесть. В желудке резало от голода.

- Вот так, идемте, – его провели в гостевую вторую спальню, помогли улечься, набросили сверху пуховое одеяло и Кристиэн сразу провалился в сон. А управитель решил будить остальных слуг, чтобы быстрее избавить дом от следов ночного непотребства.

Трактир был вполне приличным и пока еще пустым. Хозяин покосился на ранних гостей – отставника и гвардейца, и распорядился, чтобы посетителей обслужили.

- Ну так, продолжай, – Рихан сдул пену с пива, – что тебя так удивило?

Ни вина, ни пива Тэльдо не хотелось, но ничего другого не было, кроме сидра, так что пришлось согласиться на темное.

- Ему девятнадцать. Когда же он успел? – растерялся гвардеец. – Ведь, по хорошему, раньше двадцати и не отдают никого, разве только девушек.

- Ну так вышло, – Мельдину совершенно не хотелось оправдываться за чужие глупости, – неважно. Уже совсем неважно.

- Важно! – не согласился гвардеец. – У него вся жизнь впереди, а вид, как будто он уже умирать собрался. Его вытаскивать из могилы надо, а не толкать в нее! Сделать что-то, чтобы он забыл и жил дальше.

- Такое не забудешь, даже если сильно захочешь, – хмуро сказал Мельдин. – А как ему жить-то, по твоему? Ты думаешь, один такой умный тут? Мы все добренькие, особенно когда за это платит другой. Он калека. Вот ты сейчас потешишь свое милосердие, будешь возиться с ним, а потом тебя в столицу вызовут, а он-то тут останется! Еще одна рана.

- Ему разве некуда пойти, кроме монастыря? Кто его запер тут? А вообще, я хотел предложить ему свою руку, – сознался Тэльдо, наконец-то самому себе, а не Мельдину, – если, конечно, добьюсь взаимности. Если он согласится. Впереди суд и три года траура. Все уже знают. А так... Я хотел, если опять же, Кристиэн хоть очнется и услышит меня, предложить пожить ему у моих родителей, у них дом, около Приморья. Они будут рады. А когда минет срок, пойдём в храм. Ты чего?

Мельдин смотрел на него так, словно раздумывал, ударить или не стоит трогать сумасшедшего? Но Тэльдо мог поклясться, что видит в серых глазах еще и сочувствие.

- Даже так? Ловок, ты парень, за других-то решать! Рихан еще жив и суда не было! А в этом мире всякое бывает. И ответь мне на вопрос – зачем тебе калека? Ты смотрел ему только на лицо? Он потерял голос, хромает, а зимой, скорее всего, сляжет до весны, так как болеть все будет. Там уход нужен и очень-очень много денег. Лекарши, знаешь ли, жадноваты, а жалованье у тебя не ахти.

- У меня есть средства, если вопрос только в этом, - с достоинством ответил Тэльдо, - и есть что продать, если не будет хватать. Не знаю, что у него с голосом, но может хромоту поправить еще можно? В доме моих родителей будет хороший уход - они так жаждут детей и внуков, а у моего брата дарованное право старшего и он далеко живет. Я же могу жениться только на юноше, таково условие дара. Мой брат лучше меня и пусть род продолжает он. А Кристиэн может и калека, но он в разуме, и это главное. У него есть глаза, сердце, что-нибудь, да скажет, без голоса проживет, а ездить будет в карете, чтобы не трудить ног. Я не знаю, мне нравится он... Я никогда не видел никого подобного. Ни в столице - нигде!

Мельдин вздохнул, словно ему предстояло объявить трудное для него решение, хотя так оно и было.

- Жаль мне тебя, парень, если все так, как говоришь. А если ты не врешь, а я вижу, что не врешь, то ты крепко влип.

В доме было тихо. Кристиэн очень любил это время года, когда рождается настоящая весна. Уже появлялись первые ростки зелени, вот-вот деревья снова станут приглядными после долгой зимы. В Приморье это происходит намного раньше, там уже яблони в цветах и всюю теплое солнце, если набраться храбрости, то можно даже купаться, Кристиэн часто так делал, тайком от матери. Но тут пока тоже было неплохо - Рихан и часть охраны уехали в Ланку. Было так покойно, словно в этом доме никогда не случалось попок и скандалов.

С отъездом Рихана Кристиэн перестал подчиняться устоявшемуся распорядку и вставать рано, как привык. Он долго нежился в постели, не желая ничего и понимая, что впереди еще один бессмысленный, никому не нужный день. Можно сидеть в библиотеке и читать книги, не ограничиваемым супругом, но что это даст? Знания, которые некуда применить? «Многий ум приносит горести», - так написано в одном из молитвенников. Кристиэн был склонен согласиться с этим, что ему принесло осознание того, что он еретик? Ничего хорошего, кроме слез и тоски. Сколько он так еще выдержит? Ведь он тоже живой! Неужто и Рихану это нравится? Наверняка нет, Кристиэн готов был поспорить на что угодно, кроме старого молитвенника! Пусть Рихан жестокий, несправедливый, равнодушный, но так жить никто не сможет. Это не брак для них обоих! Наверняка его брали не для того, чтобы похоронить живым в дальней усадьбе и забыть. Даже если предположить самое жуткое, что Рихан выбрал не того, что ошибся, сколько они протянут? Рано или поздно, это как-то закончится. Кристиэн хорошо помнил законы о разводах, расставание нелегко для обоих супругов. Почти во всех случаях правота на стороне старшего, но есть и исключения, если младший сможет привести достойные доказательства о том, что с ним были незаслуженно жестоки, что почти невозможно. Кто же будет слушать никчемного? Он не девушка. Но есть и случай, когда старший сам понимает, что совершил ошибку, тогда возвращает младшего в дом родителей или ищет ему опекунов до нового брака, если тот не достиг совершенных лет, уплачивает родителям или белому храму сумму половины выкупа, признавая свою вину. Но так бывало очень редко, куда как проще обвинить младшего в преступлении и вышвырнуть к серым. Каким путем пойдет Рихан? Кристиэн ведь и голоса не сможет подать, ему не у кого искать защиты. В храме еретик станет желанной добычей для дознавателей и жрецов. Никто не заступится за него, кроме Майэра, да и то, тот такой же младший, вся разница - один любим, другой нет. Но Мельдин - лучший друг Рихана. Все будут на стороне старшего.

Кристиэн не мог, не хотел представить себя на ступенях серого храма. Лучше костер! Кристиэну хотелось заплакать, но что это даст, ведь это самое легкое! Сколько уже можно? Он и так слезами умывается. Как все глупо - он рожден быть любимым и желанным, приносить тепло и радость, согреть своего супруга, а стал ненавидимым и ненужным, камнем на шее.

Рихан не берет от него ничего – ни красоты, ни нрава, а теперь даже и телом не пользуется. Найгер сломал все мостки между ними. Но ведь Рихан не так уж набожен, он даже не бывает в молельной да и по утрам, вместо полноценного славословия кинет небрежно наговор и все. Никто от него не требует большего. Кристиэн же ревностно соблюдал и соблюдает еретические каноны. Что же теперь делать?

Вставать все равно пришлось. Солнце уже непозволительно высоко стояло за окном. Кристиэн наскоро оделся, обычно утренние дела были долгими – нужно было умыться, вымыть волосы и тело, просушиться и расчесаться, выбрать одежду на день, чтобы не повторить вчерашнего наряда и не нарушить условностей этикета. Все как требуют правила хорошего тона. Теперь ему все это ни к чему, некого радовать своей красотой и аккуратностью. Быстренько сполоснуться, сплести волосы в косы, рубаха и давешняя сойдет, где ему пачкаться? От завтрака юноша отказался, лишь прихватил кусок хлеба – сходить до конюшни.

Выучиться верховой езде Кристиэн мечтал всегда, сколько себя помнил. Но для приморского чиновника покупка лошади и найм наставника для младшего сына было бы слишком дорогим удовольствием, Мадрина никогда бы не позволила. А Рихан обещался когда-то, что научит его летом и сам подберет смирную лошадку, но обещание навверное так и умрет словами. Можно пойти в конюшню, угостить любимцев, взять гребень и почесать им гривы. Никто из конюшенных никогда не возражал против присутствия Кристиэна. Каковы ни были бы отношения между супругами, а младший герцог, есть младший герцог.

Кристиэн мыслями ходил по тому же, истоптанному им кругу: ересь-Рихан-одиночество, как проклятый, и никак не получалось разорвать петлю.

- Очаровательно! – резкий, до боли, в буквальном смысле слова, голос, вывел юношу из раздумий. Рихан вернулся. – Может мне определить тебя конюхом? С паршивой овцы хоть шерсти клок. А ну, марш с глаз моих, в дом!

Прекрасный момент! Рихан рассмеялся так, что лошади занервничали в денниках, прислуга успела смыться сразу, как только заметила хозяина. Застал котенка врасплох! Ну и испуганный видок у младшего, словно призрак увидел, а не нежно любимого старшего! Не ждал, значит, стервец, расслабился.

Поездка в Ланку удалась. Более чем. Конечно ему попеняли за то, что он не привез супруга, но потом поутихли. Рихан проверил все новости – в провинции тихо, как в болоте, а в Аторе даже возвели имперский храм, навверное Найгер со злости обгадился. Правда, никто и не знает о том, что под порогом храма кое-кого прикопали, как в тех местах по обычаю водится, чтобы дом стоял. Ну пускай теперь ждут от богов милости, хоть всех посредников перетаскают из столицы, не дождутся. Да еще оказалось, что деньги, вложенные Риханом, по странной прихоти, в строительство городских бань, были потрачены не зря – назло тем, кто злословил по поводу сына десятника, его герцогства и бань. Прибыль превзошла все ожидания. Надо же, он сначала и не поверил толстому купчишке, так яро убеждавшего его дать денег под прибыль. Но идея оказалась прекрасной – понастроить дешевых бань, чтобы за монетку помыться горячей водой, побриться, выдрать зуб и пустить крови при нужде. Народ повалил толпами, особенно зимой, за медяк можно было купить два ведра горячей воды, четыре холодной и много тепла в общей парной. А после баньки не грех и в пристроенном трактирчике посидеть, после того, как погрел тело, погреть и душу.

А самое главное, что радовало больше прибыли, ибо к деньгам Рихан был равнодушен, тратя их на то, что ему нравилось, а не копя на старость, так это то, что на руках были все документы, что кругленькая сумма дохода законна и честно получена. В народе это зовется – «отмывать

деньги», а тут они и вправду отмыты. Главное, нажито благим делом, а там уж мало кто будет копаться в долях прибыли, и думать, почему не сходятся колонки цифр, никому же не обязательно знать про Атору.

Постель всю неделю в Ланке согрел паренек из заведения на Собачьей улице, неприхотливое, но горячее создание. Жаль, что такие не становятся младшими. И печально, что котенка и парнишку нельзя поменять местами и мордашками, хотя Кристиэн бы наверное вылетел из веселого дома пинком под зад сразу же, уж равнодушных ледышек там точно не любят. А паренька с Собачьей улицы монахи бы уж совсем не потерпели, был уже один такой. В сердце кольнуло. Зря он вспомнил про Ская, настроение, взлетевшее птицей, упало теперь камнем под ноги. Рихан даже не заметил сам, что ссутулил плечи, побрел в дом.

“Как неожиданно он приехал! Как всегда, впрочем. И зачем сам ставил коня, будто в доме помощников нет?”

Котенок, однако, сдал. Стоило чуть отпустить вожжи и на тебе: косы растрепаны, одежда мятая и отоштал так, что кости просвечивают через ткань. Это с кого спрашивать?

- Так он ничего и не ест, сайэ Рихан, - оправдывался управляющий.

“Ох, подвел мальчик, ну разве ж трудно покушать было?”

- Готовим исправно, приморское тоже. А толку-то? Не ест, кусок какой если в день перехватит и все. Тоскует он у вас, болеет, совсем же бледный стал.

- Не твое дело!

Значит котенок решил уморить себя голодом? Он же гордый, не будет жрать, лучше сдохнет. Проходили уже. Но так просто он не отделается от супруга. Насильно кормить не получится, да и не кормить тоже нельзя. Надо думать. Ибо смерть от голода младшего герцога Кристиэна Рихана Айэ означала бы катастрофу. Это совсем не та цель, к которой стремился Рихан. Почему-то снова тянуло напиться, даже в горле был вкус терпкого «черного лекаря», любимейшего мускатного вина.

- Ужин на двоих в мои покои и несколько бутылок, - распорядился герцог.

Приказ явиться в покои Рихана не стал неожиданностью, но сердце вздрогнуло - какое еще измывательство уготовано ему?

- Плохо выглядишь, - сообщил Кристиэну Рихан, - я кажется, говорил о том, что ты должен соблюдать этикет в любом случае, даже если меня нет. И еще, почему ты не ешь? У нас плохо готовят или это очередной каприз приморской цацы? Отдельно готовить не будут, так что жри что дают.

- Мне не надо отдельного стола, сайэ Рихан. Я просто не хочу есть, вот и все. Мне хватает совсем немного. Прошу меня простить за внешний вид, больше такого не повторится.

- Закатай рукав! - неожиданно приказал Рихан. - Ну, что застыл?

О, да! Его супруг мастер удивлять. Кристиэн, удивляясь, подчинился. Хорошо, что рукава широки.

Рихан стремительно выскользнул со своего места, дернул юношу за рукав, к себе, поднимая руку и рассматривая запястье и локоть.

- Вот эту палку ты считаешь рукой мужчины? – Рихан даже потряс его ладонь. – Когда я брал тебя в брак, она была похожа на руку более или менее, а теперь что? Или ты считаешь, что я обязан теперь ночами набивать себе шишки об твои мослы? Мне не нужны лишние неприятности от того, что ты собрался подохнуть голодной смертью. Надо мной потом же все смеяться будут, скажут, не смог прокормить приморца. Так что придется жрать, котенок. Я лично буду это контролировать. Сейчас подадут ужин, садись давай.

- Это же очень много, мне столько не съесть! – не на шутку испугался Кристиэн, увидев свою тарелку. Но на этот раз Рихан прав, отощал он изрядно, стыдно сказать, одежда сваливается.

- Боишься разжиреть? – хмыкнул Рихан. – Тренируйся, а не дрыхни до полудня. А я сейчас проверю, как ты ешь. Надо же хоть раз отужинать с супругом-то.

Мясо с грибами, земляные яблоки, хлеб – тарелка придвинутая к Кристиэну была слишком большой. Такой порции ему бы на три дня хватило. И такой большой бокал с вином! Кристиэн пристально следил за тем, как Рихан наливает его до краев, сам, отослав прислугу. Обычно, когда ему давали вино, потом было не так плохо, если конечно не считать последней выходки Рихана с Иши. Но никто и не поручится, что это не очередной обман.

- Если управляющий не может решить вопрос о том, чем кормить тебя, то я буду заниматься этим сам.

Как назло, есть не хотелось совсем. Кристиэн растерянно смотрел на тарелку, не решаясь ткнуть вилок в кусок. А медлить было нельзя. С Рихана станется и разозлиться.

- Признаться, в последний раз ты не разочаровал меня, – степенно начал разговор Рихан, как и полагается старшему супругу за ужином. – Решил исправиться за выходку на приеме? У тебя получилось, правда весьма своеобразно.

- Как мог. Извините, – Кристиэна словно снова щекотали под ребрами, провоцируя на дерзости. – Я не хотел испортить вам ковер.

- Не отвлекайся, мети давай. Вино не забывай, – Рихан взглядом проследил за Кристиэном. – Если честно, мне скучно пить в одиночестве. Может и ты сгодишься. Ну, половину.

Кристиэн с трудом смог выпить половину бокала, вино было крепким, неразбавленным. «Лишь бы не опозориться», – жалко подумал он. Второй такой выходки Рихан уже точно не стерпит. Интересно, к чему же ему нужен такой собутыльник? Неужто не с кем выпить из охраны? Тот же противный Нур, который, кстати сказать, теперь прохода не давал Кристиэну, дразня неженкой.

Опьянел Кристиэн почти сразу – голод и страх сделали дело.

- Ты когда пьяный, хоть чуть-чуть на живого похож, – усмехнулся Рихан, рассматривая румянец на лице юноши.

Нет. Конечно же, красив. Длинные ресницы прячут обманчивые карие глаза, нежные персиковые щечки, а изящные пальчики, что сжимают бокал украшает только одно кольцо – брачное. Так и не носит подарков, хотя сколько уже ругали за это?

- Чем ты целыми днями занимаешься?

Ой! Кристиэн покраснел еще гуще. Не дай боги, герцог прознает о том, что ищет в книгах его младший супруг. Ой, что тогда будет! Хотя, вот как раз Рихан-то и знает ответы на все мучащие вопросы.

- Я живой, – запоздало обиделся Кристиэн, – только этого никто не замечает. А днем мне есть чем заняться. Я ухаживаю за святилищем, читаю книги, рисую, вы же видели, и на конюшне вот.

- О да, я был в молельной, как языком вылизано. И охота тебе была... А впрочем, таких как ты и приучивают, чтобы в истуканов верили. Куда? Пей до конца!

Интересный вечер намечается, решил Рихан и снова не забыл подлить себе. Мальчишка все равно все забудет, а поговорить хочется. Ну не с Нуром же, в конце-то концов...

Кристиэн все равно был настороже, хотя тревога чуть притихла, задавленная вином и сытостью. Рихан так мирен сегодня на вид, рубаха расшнурована, домашняя одежда, а волосы даже спутаны, как у самого Кристиэна. Только, кажется, Рихан стал седее, или это только кажется?

- А в кого верите вы сами, сайэ Рихан? – осторожно спросил Кристиэн, выпив еще половину, как было приказано.

- Рискованный вопрос, котенок, но ценю. Ты начал меняться. Я даже и не знаю, во что верю. Или в кого? Да ни в во что и ни в кого. Или ты всерьез принимаешь байки про Грома и Молнию? Человечки склонны приписывать свои поступки и мысли богам и оправдывать тем самым свои поступки. Видишь, как по-писаному говорю! Чего не могут понять, в то и верят. Вот ты например, любить не умеешь, не хочешь и не стараешься, а красивую сказочку про Анхара всегда рад послушать. Тебе-то откуда понять? Ну что ты так смотришь?

Кристиэн онемел. Это даже не ересь, это... Это отрицание! Его супруг не принимает богов вообще, ни белого учения, ни еретического. Никакого. Он не верит. Как же они живут?

- Ну да, с твоей слабой головкой это трудно принять. Вот для таких как ты, все это и придумали. Боги основываются на законах, которые управляют нами? Кажется, законы все же придумали какие-то древние правители, а потомки приписали их богам и все. Но рано или поздно, найдется тот, кто придумает новые и назовет старые ересью. Ничего не напоминает? Вот поэтому храмовники в каждой дыре и строят храмы, таких как ты обучать, чтобы не дергались и думали, что все так и надо. Стадо баранов! А приходится делать вид, что ты веришь во все это... Один большой балаган, котенок.

Он пьян. Кристиэн сквозь туман понимал, что на самом деле пьяны они оба. Рихан успел приложиться и до ужина, а Кристиэну и пробки понюхать хватит. Но то, что он говорит, даже под пытками повторять нельзя!!! Нет!

- Я не могу это слушать, сайэ Рихан! Пожалуйста, не шутите так, нас же всех сожгут! Умоляю!
- взмолился Кристиэн.

Рихан рассмеялся, глухо и страшно, словно сквозь кашель.

- Ты только что подтвердил мою правоту, котенок. Впрочем, тебе и вправду лучше думать, что я шучу, а то еще и с ума сойдешь, он и так невелик. Я этого не вынесу, дурачок мне не нужен!

Если тебе так нравится, хоть живи в своей молельной. Скай бы тебе порассказал о храмах, очень много, но таких, как ты, к Скаю и близко не подпускали. Правильно и делали. Хотя... Может быть и ты чему-нибудь выучился бы. На денек бы на ступеньки посадить...

Что за бред? Кристиэну было неловко за себя и супруга, но и безумно интересно.

- Почему?

- Потому, – рявкнул Рихан, потянувшись за вином, алая жидкость полилась в бокал Кристиэна.
- Знал бы ты, как мы со Скаем тут кувыркались! Тебе такое в самом разэдаком сне не приснится. Для тебя же верх разврата – поцелуй! Тебе такого танца никогда не станцевать... Ледышка.

Рихан обхватил рукой свой бокал и Кристиэн увидел, что ладонь герцога дрожит.

- Это смотря какую музыку вы играть будете, для танца. Из под палки мне плохо удастся танцевать, простите, – Кристиэн улыбался, говоря неслыханную дерзость, уже без понукивания прихлебывая вино, неожиданно ставшее вкусным.

- А ты за словом в карман уже не лезешь. Не устаю восхищаться, котенок! Но ты и без палки огнем не горишь! – веско сказал Рихан, глядя на юношу в упор, не мигая. – Ну, научили тебя рисовать, плясать и молитвы твердить, а больше ничему. Ты украшение, а не человек. А Скай, хоть и преступник, так в нем хоть жизнь была! О, как он ненавидел меня! Аж искры летели, а подмахивал так... А ты только реवेशь и ныкаешься по углам, задницу свою драгоценную бережешь! С тобой в свет выйти может и не стыдно, а вот в постель по хорошему лечь, так с души воротит. Найгер сказал, что ты скоро врать научишься, будешь ласковым, лживая тварь. Но только притворством меня не возьмешь. Я таких молокососов как ты, сотнями повидал!

Кристиэну от обиды сдавило горло, он едва мог говорить.

- Но, вы, вы же знали, когда в Тэлете выбрали! Видели, что берете! И неправда, я не ледышка!
- на едином дыхании, словно боясь, что прервут, выпалил юноша.

- Да, я ошибся... – губы Рихана скривились, и Кристиэн с ужасом понял, что тот не разозлен, что было привычно, а растерян. – И когда выбрал тебя и когда назвал ледышкой. Лучше бы я еще одну шлюху у серых подобрал. Он может бы и недолго снова прожил, зато было бы по ком потом плакать. А тебя как и нету, пустое место.

- Тогда, – Кристиэн дрожал голосом, – тогда может быть, вам лучше поговорить с зеркалом?

Он встал из-за стола, аккуратно поставив бокал, выпрямив плечи. Он уйдет. Вот сейчас. Главное, дойти до конюшни, дойти ровно, так чтобы никто ничего не заподозрил, а потом он уйдет так далеко, что никто не сможет его вернуть и никто не найдет. И больше никогда не будет так больно.

Кувшин врезался ему в плечо, Кристиэн охнул, от боли и от того, что вино было холодным и пролилось на него. Кувшин разбился на несколько частей.

- Я тебя не отпускал, сучонок! Сидеть! А ну, подлеи еще! Ты уйдешь отсюда только тогда, когда я прикажу это, и никак иначе! Ты стал забывчив, Кристиэн!

- Вы и имя мое вспомнили? – Кристиэну казалось, что эта пьяная ночь никогда не кончится, но он все успеет сказать. – Что я вам сделал? За что вы меня так мучаете? Я старался, с самого

начала!

- «Я, я, я!» Одно «я», а ты хоть раз спросил, каково с тобой мне? Скай понимал меня с полуслова, с одного взгляда! Если уж трахались, так до утра, а дрались до крови!

- А вы его тоже в первую ночь изнасиловали, так же, как меня? – вдруг спросил Кристиэн, отделяя каждое слово от другого и наступила тишина.

- Дурачок! – Рихан вернулся в себя, словно и не было бешенства миг назад. – Ну ты и дурачок! Маленькая мстительная тварь, гаденыш. Я теперь великолепно твоего братца понимаю, мало он тебя бил! Хорошо, что, котенок мой, ты мне в сапоги не гадишь! Хотя на ковер уже научился. Если ты своим умишком еще не понял, то я расскажу тебе. Ская я взял из Ланкского серого храма. Смертника. Но трахаться его там научили знатно. Может мне туда тебя на месяц-другой сплавить? Повод бы нашелся. Если что потом широкогато будет – ушьем! – Рихан нервно засмеялся.

Четвертая бутылка. Кристиэн сам поставил ее под стол. Такова традиция.

- Ну чего? Испугался? Я полгода прожил со Скаем, лучшие полгода из всех лет, что были. И вспомнить жутко и еще хочется. А с тобой как в склепе. Что тебя трахать, что твоего Анхара каменного – без разницы, думаю.

- А разве вам только в постели я нужен, только этого хотите? – Кристиэн наклонил голову на плечо.

- Да неплохо было бы! Когда у голодного перед мордой куском мяса машут, всякий озверевает! Сам понимать должен! Я когда брал тебя, думал, привезу к себе, все ему расскажу, может поймет, а за ночь простит. Не сдержался я, как тебя увидел. А ты что тогда тряса, что сейчас. А ты ничего не понял, вообще ни хрена! А на ложе вообще отвратителен. Ну хоть сейчас, разденься, хоть на тебя так посмотрю. Ну же, скидывай тряпье!

Голос у Рихана заплетался и Кристиэн понял, что супруг невменяем, а ему самому почти дурно, ничуть не лучше. Но дикое желание доказать, что он не пустое место, что не надо так с ним! Не надо так говорить с ним!

- А... – юноша яростно сдирал с себя рубаху, штаны, запутываясь в широких рукавах и шнурках.
- Да хоть обсмотрите!

Дернул за косу, срывая черную шелковую ленту, тряхнул вырвавшимися на свободу волосами, повернулся...

- Сайэ Рихан!

Рихан медленно заваливался на стуле вправо, ужасающе медленно, его руки цеплялись за край стола, роняя посуду, а глаза не видели, лицо посерело.

- Ты... – едва шептал он. – Ты...

Кристиэн кинулся к нему, едва не споткнувшись на тряпках, но успел подхватить, принять на себя тяжесть герцога.

- Дурно... Окно открой...

Слава богам, в сознании!

Кристиэн одной рукой оперся об пол, чтобы не упасть самому, а второй крепко обхватил супруга, удерживая, не давая соскользнуть окончательно. Было очень тяжело и как назло, мешались распущенные волосы.

О боги! Кристиэну еще никогда не приходилось сталкиваться с пьяными приступами, а тем более ухаживать за кем-то, кто болеет ими, и все же он сообразил. Подсунул меж собой и герцогом глубокое блюдо, стряхнув с него еду прямо на многострадальный ковер и велел, как мог:

- Давайте же, быстрее!

Нужно будет вынести, - отметил про себя Кристиэн, помогая герцогу дойти до кровати, точнее таща его на себе, и еще внимательно смотря, чтобы никто не наступил на осколки.

- Надо позвать лекаря.

- Я тебе позову! Твою мать, так, что сидеть не сможешь! - прохрипел Рихан.- Не шуми!

Так. Уложить набок. Кристиэн где-то краем уха слышал, что так нужно поступать с пьяными, чтобы не случилось беды. А еще нужно вынести блюдо, обязательно и принести воды, в его комнате есть кувшин со свежей. А ведь самому трудно идти, шатает и в голове мутно, ноги как вата, но Кристиэн кое-как натянул штаны, ухватил блюдо.

- Куда?- прошипел герцог. - Не смей!

- Я воды принесу и это выплесну! Я сейчас же вернусь! - пискнул Кристиэн.

- Только посмей удрать!

Да куда же он удерет-то?

- Что, неженка, снова опозорился? - Нур с ухмылочкой, перекосившей рожу наемника, перегородил Кристиэну дорогу, - Не слабо, однако, котенок ты наш...

Кристиэн все-таки не удержал блюда, вывернув его прямо на аторца.

- Убью сучонка!!! - вопль потряс дом, а Кристиэн уже успел шмыгнуть обратно в герцоговы покои, сюда никто не посмеет ворваться. Но потом Нур его убьет. И воды теперь не принести...

Но какой-то странный человек, видимо новый слуга, еще не знакомый с нравами герцога, поставил на дальний столик кувшин для умывания и небольшую миску. Как же вовремя! Кристиэн надеялся, что Рихан уснул, должен был.

- Ты забыл? Я, кажется, приказывал тебе раздеться... - тихий голос с ложа все же убедил Кристиэна, что супруг не спит.

Рихан лежал на кровати и было видно, что он бледен и слаб. Но этот человек наверное даже при смерти будет думать об одном.

- Сейчас, сайэ Рихан, - взмолился уже вконец измученный Кристиэн, смачивая полотенце, - только оботру вас, чуть спокойно полежите!

Рихану даже не захотелось спорить на этот раз. Надо же, однако года подбираются все ближе и ближе... Никогда с ним такого не случалось.

«Это вас боги за хулу наказали», – думал с досадой Кристиэн, аккуратно обтирая плечи, лицо и грудь супруга.

Протянул стакан с водой.

- Выпейте, это просто вода.

- Да пошел ты! – стакан разлетелся об стену осколками. – Быстро сымай штаны!

Кристиэн почему-то улыбался, муть в голове не проходила, и он сам хотел стереть со своего лица эту ненужную и нежеланную улыбку. Со вздохом стащил штаны. Отвратительно отдаваться пьяному. Лег сам. Привычно сжался, напрягая тело, ожидая боли и грубости. Но Рихан всего лишь обнял его обоими руками и Кристиэн вздрогнул от холода пальцев.словно с улицы. Рихан же прижал к себе, подминая, просунул руку к груди, прямо к сердцу. Жарко шепнул прямо в ухо:

- Я бы тебе сам вырвал его... За все... Котенок... Чтобы ты отпустил...

Лучше бы этого утра не было. Рихан проснулся от того, что нестерпимо болела голова, в комнате было холодно, а сам он мерз, даже закутанный в одеяло. А откуда тут взялся котенок? Спит. Рихан задержал взгляд, даже забыв о заслуженно больной голове.

Вытянутое по ложу медовое тело, от линий которого сразу трезвеешь, длинные ноги, маленькие ягодицы, такой нежный изгиб спинки и подоткнутые под грудь руки, словно котенок спрятал лапки. Так откуда же тут Кристиэн, если в постель его очень давно не приглашали, а сам он придет вряд ли. С трудом, но Рихан вспомнил вечер накануне. Так, теперь понятно, почему одежда разбросана, окно раскрыто, на полу тряпки. Надо же было так ужраться! Котенок, кажется, на себе его дотащил, обтер и спать уложил. Странно, что не бросил подыхать и не сбежал. Истинно посредническое милосердие.

А еще, вспомнил, перепуганное лицо Кристиэна, когда тот обернулся. Беспокойный.

Хм, а если... Рихан уже наслаждался утром, еще бы глоток пива и было бы все прекрасно. А котенок рядом так расслаблен и сладок, пахнет приятно. Что не говори, а супруг конечно хорош собой, да и следит за телом тоже тщательно. А откормить – плевое дело. И, ох, этот изгиб, от талии к ягодицам, даже не прикрылся ничем, паршивец. Хотя чем, все одеяла у Рихана. А как этим не воспользоваться?

Кристиэна разбудила резкая боль вторжения, незваного и нежеланного, тяжесть чужого тела. Частое сбивчивое дыхание и резкие толчки.

- Я, кажется разбудил тебя? – шепнули ему в ухо. – Извини, не хотел. Не думал, что почувствуешь.

Отвратительная вонь перегара и боль. Снова семейное утро. Кристиэн стиснул зубы. Не будет слез.

- Проследи, чтобы прибрались, – Кинул Рихан супругу, уходя, – а когда вернусь, чтобы ты был в этой же постели, как положено! Может хоть грелка выйдет. Я проежусь.

Голова болела так, что впору было разбить ее об стену, Кристиэна шатало. Он кое-как оделся, проскользнул в свою комнату. Всего несколько часов до нового мучения. И теперь больнее от того, что бьют словами – «пустое место», за что его так? Рихан сам объяснял, что он должен стать тенью. Как все сходится. Вчерашний вечер всплыл в памяти, еще бы вспомнить то, что говорил Рихан!

- Как вы, сайэ Кристиэн? – взял его за локоть управляющий. – Вам лекарь нужен?

- Нет, спасибо, – через силу улыбнулся Кристиэн. – Распорядитесь, пожалуйста, чтобы там прибрали и если можно, пусть принесут завтрак.

- Да что вы все просите да спрашиваете? Вы тут почти хозяин, – всплеснул руками управляющий. – Сейчас вам все принесут. Олады или омлет?

===== Глава 16 =====

Мельдин вернулся в монастырь в глубокой задумчивости, уже поздно вечером. Тэльдо уехал из трактира чуть раньше. Ветеран нашел комнату Кристиэна, они наверняка с Майэром там, волнуются.

- О, Мэл, наконец-то! – кинулся к нему младший супруг, – Ты куда пропал? Все хорошо? А мы смотри, что делали!

- Зачем? – опешил Мельдин, увидев то, о чем говорил Майэр.

Кристиэн сам встал с кресла, опершись на протянутую руку Майэра, потрянул волосами, обрезанными чуть ниже плеч. Оказывается, они чуть вьются, пришло на ум Мельдину открытие. А казалось, совсем прямые. Кос не было, а в обрамлении локонов, теперь не сдерживаемых ничем, лицо казалось совсем юным, даже и не дать кристиэновых полных лет. Совсем мальчишка, только грустный. Большие печальные глаза, постоянно сомкнутые теперь губы и резкие скулы, и как будто стал выше ростом, хотя и так довольно высок.

- Правда, красиво же?! Так лучше! – Майэр приобнял Кристиэна за плечи.

А тот смотрел на Мельдина, с только ему одному понятным укором. «Ну где же ты был! Я так жду вестей!». Это Мельдин читал без труда и без слов.

- Да, – собрался он с мыслями, – и вправду, красиво, тебе, Кристиэн, очень к лицу! Это твоя работа, Майо?

- А то! – Майэр гордился работой. – Сидели мы, сидели, ждали тебя, а я смотрю и думаю, что если косы состричь, то и не так плохо будет, все равно они тяжелые были. Кристиэн согласился.

Мельдин вздохнул, предчувствуя еще один скандал. Ну как объяснить Майэру, что он иногда забывается, что Кристиэн не живая кукла, с которой можно делать все что угодно, раз она не сопротивляется и безразличен ко всему! С одной стороны понятно, Майо хотел отвлечь Кристиэна и перевести его внимание хоть на чуть-чуть, на что-то другое, но с другой... Ведь, по большому счету, младшему Рихана все равно то, что происходит кругом, если дело не касается конечно герцога Айэ, ему бы с самим собой и своей бедой разобраться. А Майо, наверняка, даже и не спросил его, заболтал и все, решив поиграться с кристиэновыми косами. Впрочем, может и Майэр прав, Мельдин уже сам во всем запутался, и Тэльдо этот еще, тоже отчасти дело говорил. Рихан, который за решеткой плюет на все и на всех, но

исправно пытается отвести любые обвинения от имени Кристиэна.

- Красиво. А тебе самому, Кристиэн, нравится? – спросил он юношу напрямую, помогая ему снова сесть в кресло. – Вы ужинали?

Кристиэн склонил голову набок, он теперь так и отвечал, кивком головы, глазами, если конечно отвечал, что бывало не всегда.

- У меня нет новостей, маленький, – пришлось сказать правду. – Все дознаватели копаются, дело основательно затянули. Рихи хорошо себя чувствует, чего и тебе желает.

Жадный блеск в карих глазах. Мольба: «Расскажи дословно, что он сказал?!».

- Мы минутку всего поговорили. Сегодня Элвиан дежурил. А Рихи допрашивают об одном и том же. Я же тебе говорил, теперь камера другая, хорошая комната, даже с книгами. Вот и все. Ничего нового. Я увижу его, скажу, что ты косы остриг и теперь даже еще лучше стало.

Кристиэн мотнул головой, протестуя. «Не надо! Не говори!»

- Ну как хочешь. Ему бы понравилось.

Мельдин осекся. Зря он это сказал, малыш снова скис. Ну почему им не дадут хотя бы одной встречи?

- Ладно, маленький, время позднее, мы поедем. Ты уж извини, устав тут тоже строгий, а тебе еще к лекарю надо, меня предупреджали. К празднику, он скоро, мы вернемся. Ты уж потерпи, хорошо?

Опустил ресницы. Услышал.

- Не скучай! – Майэр обнял Кристиэна, поцеловал прямо в густые волосы.

Нехорошо получилось. Рихан перешел на неторопливую рысь, ослабил поводья. Сколько он еще так сможет жить, разрываясь?

Однажды, давным-давно, когда он еще был горячим нетерпеливым юнцом, кто-то из наставников сказал ему: «Хочешь узнать, насколько ненавидишь? Представь своего недруга мертвым и познаешь эту меру. Так ли хочешь этого?».

Не стоило применять этот совет сейчас. Рихан содрогался от той боли, что возникла только от одной мысли о том, что котенок умрет. Хочет ли он, чтобы Кристиэн умер? Хоть от горячки, хоть как Кайс? Он бы избавился от досадливого мальчишки, а Найгер был бы счастлив. Нет! Не хочу! – все в нем сопротивлялось этим рассуждениям. Он не хочет смерти котенку. И этот вечер, что был у них – внимательные обиженные глаза, капелька вина на губах, и испуг от того, что старшему стало внезапно плохо. Котенок не оставил его, держал, вытирал, не брезговал и не плакал. Не испугался.

Стоп! Рихан даже осадил коня. Не испугался? Это что-то совсем новое, это не про котенка. И ведь не в первый раз изменения удивляют. Совсем он нюх потерял, котенок ведь страшно изменился после исповеди, что там наговорили ему? Он ведь почти перестал бояться, стал дерзить, и он выиграл схватку против двух – Рихана и Иши. И вчера не завыл от страха. Как это понимать? Котенку уже совсем все равно, что с ним делают? Или он устал бороться? Но если

ему помочь?

Найгер хочет, чтобы он отказался от котенка, и не просто вышвырнул вон, а поучил уму-разуму. Последнее, конечно, всегда полезно, но аторцы не отстанут, пока котенок в доме. Что же делать? Сладкий Кристиэн пусть и холоден, но хочется его нестерпимо, это Рихан сумел признать для самого себя, хочется аж до боли в паху. Этим утром в комнате пахло сонным теплом, а потом обидой. Наверное котенок весь исплакался в недоумении. Да он и сам хорош, протрепался все-таки про Ская, зачем? Зачем выпустил это наружу, дав мальчишке оружие в руки? Трепло старое.

Нельзя так жить. Рихан понимал, еще совсем немного и он не выдержит, сорвется, сделает что-то с котенком или с собой. Наверное лучше с собой, хватит смертей. Вокруг него уже трое – Кайс, Скай и Иши. Шлюху дешевле было убить, чтобы не болтал чересчур длинным языком. Но и с Кристиэном ему не жить, скорее всего тот тоже на пределе сил. Расстаться? Нет сил, как отказаться от такого самому, добровольно? Твареныш сводит с ума.

Рихан резко повернул коня. Как это сразу не пришло ему в голову? Решение возникло, словно молнией сверкнуло. Именно так он и поступит. Так будет лучше для всех. Брак – расторгнет, до первого года со дня свадьбы. Вернуть котенка родителям? Рихан аж сплюнул от воспоминания о семейке Тэхи. Да и еще им денег дать? Нет! Этак они с него вытянут и котенка снова продадут повыгоднее. Но ведь можно назначить опекуна, при его согласии, конечно, ну к примеру, Мельдина. Мелу потерпеть два годка, пока котенок подрастет, а потом пусть пристроит его в заботливые руки, на такого красавца найдутся желающие. Так он себе развяжет руки от одной веревки, а от второй – можно снова вернуться в войска, в бой, наняться и уехать, с его списком заслуг это нетрудно. А когда он вернется, если конечно, вернется, рана заживет и тогда пусть Найгер подкладывает кого-угодно, будет уже наплевать. Да и то, в течении трех лет с развода он свободен от выбора. Всем будет хорошо. Котенок спит и видит, наверное, свою свободу и себя вдовцом. Рихан готов был поклясться, что навряд ли Кристиэну захочется в веселый дом или к родителям, поэтому на Мела он согласится. Мельдин должен выручить. А ведь котенок еще не знает, что богат, что все имущество принадлежит ему, и Мелу он точно не будет обузой. Малость только в одном – нужно сделать так, чтобы Кристиэн ненавидел своего супруга, чтобы согласился на развод, с этого святоши ведь может и статья, вспомнит про свою клятву и упрется, чтобы гаденыш быстрее забыл все что было, чтобы нашел того, кто разложит его по постели так, как нужно.

Сейчас конец весны, а свадьба у них была вначале осени, значит еще есть время, чтобы побаловать себя приморским красавчиком.

А за ненавистью дело не станет.

Теперь домой, к сладкому котенку.

Кристиэн с наслаждением вымыл и высушил волосы, переоделся в чистое. Даже, впервые за долгое время, поел с удовольствием – оладьи с яблочным вареньем. На этом все приятности и закончились. Нужно возвращаться в комнату к Рихану, ждать супруга, пока он соизволит вернуться.

Еще ни разу он не был в этой комнате один, без хозяина. Из окон просматривалась дорога и Кристиэн решил пока не ложиться в постель, а получше рассмотреть жилище Рихана, интересно же, как живет старший. Он ощущал себя ребенком, которого оставили одного в доме и он бродит, раскрывая шкафы и с восторгом и страхом, заглядывает в буфет, где таится

заветная банка с вареньем.

На кресле небрежно брошена одежда, куртка, перевязь, в стойке, из дорогого дерева – оружие. Кристиэн слабо разбирался в этом, но саблю от меча отличить, конечно, мог. Какое все красивое и опасное! Хотелось потрогать хотя бы рукоять, а о том, чтобы поддержать оружие в руках он и мечтать не смел, но так и не коснулся даже наверхия. Это личная вещь Рихана, воина и не его, рукам младшего, касаться оружия.

Еще книги на забавном шкафу, без стенок и дверок, но с полками. Молитвенник, еретический, Кристиэн скривил губы, еще заметил толстые романы, явно не читанные, купленные или от скуки или для того, чтобы не выглядеть безграмотным мужланом в глазах аристократии, ну или потому, что автор был в фаворе у публики. Неважно. Краткая История, те же тома, что и в библиотеке, только поменьше и явно новее. Значит, те книги, что в хранилище, Рихан покупал не сам? А кто? Достались от предыдущего владельца дома? Задавать вопросы и рассуждать Кристиэну было интересно всегда, даже если он вел разговор с самим собой. Да чаще с самим собой, чем с кем-то другим, не все снисходили до глупого мальчишки-младшего. А Рихан, зимой, часто пояснял ему многое... Эх. Где же та зима? Ого, какая большая книга! Что это? Кристиэн мельком кинул взгляд за окно – никого, и потянул том к себе. Не поверил своим глазам – «Книга наставлений к забавам супругов». Какое интересное название.

Картинки! Таких Кристиэн не видел никогда, а лицо и уши мгновенно залила краска смущения.

Мужчины с мужчинами, мужчины с женщинами, в разных позах соития. Кристиэн даже не думал, что человек может так изогнуться. Так вот о чем вчера толковал Рихан! О танце, который танцевал Скай... Скай, который почему-то, по словам старшего, был из серого храма. Разве Рихан взял бы такого?

Кристиэн захлопнул книгу, устыдившись, и увидел, что из нее выпала бумага, вдвое сложенный листок. Он наклонился, поднял потерю и развернул, не думая, что это неприлично. И едва не выронил снова.

Наверно Рихан был на каком то совете, скучном, и, как часто водится, от скуки марал пером бумагу. Рисовал разное, завитушки, значики и имя – «Кристиэн», написанное витиеватыми буквами, много раз оттененное, на это явно затрачено немало сил, украденных у страны, которая ждала действий и решений от Рихана Айэ. Кристиэн рассматривал рисунок, не веря своим глазам. Его имя. Рихан думал о нем?

Услышал голоса в коридоре, торопливо всунул листок меж страниц, не глядя, поставил книгу на место.

Люди прошли мимо. Но, Рихана хоть и нет, но рисковать больше не стоит. Кристиэн наконец-то разделся, в комнате было хорошо натоплено, забрался с ногами в кресло, уж на кровать перебраться он успеет всегда.

Он не мог сам себе не сказать о том, что было внутри. Вчера он увидел снова другого супруга – совершенно незнакомого. Этот новый Рихан не был ни злым, ни жестоким, ни насмешливым, он был несчастным, абсолютно точно. До сих пор тоскует по Скаю? Слишком откровенен – сказал, что до Кристиэна супругом был отступник со ступеней. А он так, всего лишь замена, обида снова царпнула по сердцу. Он, которого в чистоте хранили до супруга, знающий многое, из хорошей семьи, стал для своего старшего хуже преступника. Рихан любил Ская, это даже Майэр сказал. А его, Кристиэна, никто не любит. Потому что любят то просто-так, а не за что-

то. Рихану до сих пор больно, что Скай погиб, а если умрет он, то наверное все вздохнут с облегчением. Рихан наверное уже раскаялся в своей откровенности. Но все равно больно! Зачем судьба свела их вместе?

Но что значит этот листочек? Почему супруг так тщательно прятал его и так старательно вырисовывал имя? Думал о нем, как тогда, когда утешал в купальне? Или просто действительно маялся от безделья?

И Кристиэн понял еще одно, что, кажется, Рихану нравится его сопротивление и дерзости, что он чаще готов бить за слезы и крик, чем за наглость. Может Рихану хоть как-то интересен строптивец? Но иначе Кристиэн уже не мог. Он устал от плача сам, от бессилия и тоски. Да и что с ним могут сделать? Избить? Изнасиловать? Это будет в любом случае, даже если он будет презрительно молчать. А еще Рихан говорил, что у Ская был другой нрав, что Кристиэн слишком слаб и труслив. Может этот Скай не боялся своего старшего?

Но развить эту мысль Кристиэн так и не успел.

- Ты, кажется, перепутал, - голос Рихана заставил Кристиэна сжаться, - я велел тебе ждать в кровати. Впрочем, есть шанс исправиться - помоги раздеться.

Кристиэн был изумлен переменой в облике супруга - куда девалась усталость и похмелье? Ни следа ночного разгула, герцог подтянут, бодр и свеж. Вот что значит хорошая прогулка! А когда-то Рихан брал его с собой.

Юноша снял с супруга легкую куртку, повесил ее на спинку кресла, туда же положил и рубахи. Но стоило ему расстегнуть пояс, как сразу вспомнилась первая брачная ночь, он, дрожащий от страха, стоящий на коленях. Теперь же раздевать Рихана было привычным делом.

- А другой бы на твоём месте догадался б не только штаны стянуть. Ну в принципе, трудно было ожидать, что что-то большее тебе придет на ум.

Обида снова вспыхнула ожогом.

- Я не Скай, сайэ Рихан, простите меня за это, я Кристиэн.

Его ухватили за подбородок, грубо, не щадя нежных щек.

- Я знаю это, котенок. Мне думается, ты слегка обнаглел. Мне тебя словно подменили. Что скажешь?

Кристиэн едва справился с набедренной повязкой. Ой, что будет... Рихан уже взбешен.

- Скажу, что у меня тоже такое ощущение. Вы тоже стали другим, раньше били за дело, а теперь и просто так. И какая мне разница, в этом случае, плакать или наглеть?

Кристиэн выпрямился, встал, глядя в лицо супруга.

Ого! Рихан умел ценить смелость. Мальчик и вправду пока не лжет. Сколько же он собирался? Значит, мысль о разводе была верной, это правильный путь для обоих. Но пока, есть время на удовольствие.

- Тебя надо чаще поить вином, язык становится шустрее, а завтра может и весь зашевелишься. Марш на кровать!

Рихан и так еле сдерживался. Желание было животным, нетерпимым. Он вдыхал запах свежего, юного тела, ласкал мягкие, еще влажные волосы. Сейчас паршивец все свое получит! А раз стал такой храбрый, то пусть не орет!

Жесткие пальцы до крови впились в затылок, притискивая голову к паху, Рихан нетерпеливо двигался вперед.

- Ну же, поласковой! Вот так... Хорошо... – застонал он. – Ложись на спинку, котенок.

Супруг был неистов, Кристиэн помнил, что его давно не брали с таким остервенением, даже когда насиловали. Сейчас же, когда он прожил почти год в браке, супругу все равно было мало, трудно было противостоять похотливому бешенству Рихана. Его не целовали – кусали, за плечи, шею, грудь, он вскрикнул, когда прихватили зубами сосок. Обычно Рихан хоть что-то шептал, хоть ругательства, а теперь же он просто рычал. Кристиэн давно усвоил нехитрую мудрость, которая известна хоть храмовым служкам, хоть изысканным женам аристократов – не получаешь удовольствия, так хоть расслабься. Он просто растекся по кровати, предоставив свое тело супругу, а потом уже сам обхватил талию Рихана коленями, делая проникновение доступней. Может скорее насытится?

- Ого, а тебя стоило почаще злить! – Рихан довольно откинулся, не отпуская своей жертвы. – Но если ты думаешь, что так легко отделаешься, то жестоко ошибаешься. Я намерен развлекаться долго, только вот винца прихватчу и еще кое-что.

Зря он заглянул в эту книгу, горько подумал Кристиэн, теперь он будет лишь знать больше о том, на что рассчитывает Рихан, а незнание этого было легче.

- Отпей, котенок, – в бокале оказалось немного белого вина. Кристиэн покорно глотнул.

Откуда у Рихана столько сил? Да, он и вправду настроен на долгие игры. Кристиэн сдавленно застонал, когда сдавили яички.

- Ничего, котенок... Сейчас будет веселее.

- Передохни, сладкий, наберись сил... – улыбнулся Рихан такой усмешкой, словно предвкушал что-то особенное.

Рихан открыл ту самую, заветную комнатку, которой грозился еще в первые дни их брака и вернулся оттуда с небольшой сумкой и шкатулкой. Кристиэн наблюдал за супругом, тело горело, болели плечи, зад, грудь, скоро появятся синяки.

Раньше Рихан не курил при Кристиэне дурных трав, хотя юноша несколько раз чувствовал странный запах в комнате, когда приходил на ночь. Траву эту герцог купил самолично у южного торговца за бешеные деньги, но курил нечасто. Она помогала забыть о многом и обрести хорошее расположение духа, но давала слишком сильное возбуждение телу. Но котенку следует дать совсем чуть-чуть, пусть его разум постарается остаться ясным, пусть запомнит все.

Кристиэну не нравился запах, слишком сладкий, а Рихан как назло, поднес плошку с трубкой прямо к нему.

- Затянись, несильно. Это приказ. Тебе будет лучше, ну же? – серьезно сказал старший. – Посмотрю потом, как ты сам отсюда уйдешь.

«Меня унесут», – отрешенно подумал Кристиэн, следуя приказу.

- Ну котенок, раньше мы играли с тобой на одной флейте, а теперь я покажу тебе разные инструменты. – Рихан откинулся на подушки, подтянул к себе сумку, – Дай лапку сюда.

Кристиэн, наконец, увидел содержимое сумки. Он слышал о таких игрушках, что применяют старшие в постелях, но никогда не видел их своими глазами. А Рихан показывает ему каждую и еще объясняет ее назначение, и что он будет делать! Кристиэн почувствовал испуг, хотя трава делала свое дело, помимо воли он ощущал возбуждение от слов и вида, тело предавало его.

- Сайэ Рихан! Я никогда не делал этого, не надо! Прошу!

- О! Котенок сдался без боя? Где же твоя гордость, Кристиэн? А? – Рихан пощекотал ему ребра. – Ты еще много чего не пробовал, ну ничего, мы наверстаем упущенное. Приподнимись!

Рихан сдержал свое слово. Кристиэн плакал со связанными руками, от боли и возбуждения, совершенно ему ненужного. Рихан безошибочно находил на его теле чувствительные точки, а ниже пояса было что-то болезненно-напряженное. Кристиэн покорно принимал все то, что брал из, казалось, бездонной сумки, Рихан, кусал губы в кровь, когда супруг хватал его за самое нежное место, словно за игрушку. А потом он просто не выдержал, того, что с ним делали, смеси похоти и боли, своих чувств.

Рихан плеснул водой на Кристиэна, неожиданно обмершего в самый торжественный момент. Уф, всего лишь обморок! Переутомился с непривычки.

- Я тебя, котенок, досуха выжму!

Рихан аккуратно похлопал Кристиэна по щекам, брызнул еще водой. Юноша открыл глаза, едва-едва и провалился в сон.

Крови было удивительно немного, но Рихан все равно вызвал лекаря, а слугам велел перестелить белье в спальнях обоих супругов.

- Да уж, – скептически заметил лекарь, подозрительно приюхиваясь, – Нельзя же так, в в самом-то деле! И несколько дней не тревожьте. Пусть отдохнет.

- Да ты обезумел! – Рихан еще никогда не видел друга в таком гневе, сколько помнил за все время знакомства. Даже в юности Мэла приходилось защищать от соказарменников, так не любивших толстоватых наивных провинциалов. А в бою Мельдин всегда сохранял спокойствие.

- Как тебе такое в башку то придти могло! Я не понимаю! – Мельдин сам отправил Майэра прочь из дома, прогуляться, когда услышал просьбу Рихана. – Слов нет.

- А что тут понимать? Мэл? Еще одну исповедь с ними я и сам не хочу пережить. Я пытался сделать что мог, нашел такого, к которому придраться нельзя, воспитали как следует, но оказывается, итить, и тут нашли! Приморец, оказывается! Да и я с ним не могу уже, никогда не свяжусь больше с мальчишками! Он меня ни любит, не нужен я ему, как есть посредник. Ему самая дорога в храмы была. А теперь мне куда его деть прикажешь? Вернуть родителям? Платить им еще раз и чтобы они его снова продали, как мне? В Серых храмах он не выживет и не заслужил.

- Я сам бы убил тебя в этом случае, – как-то уже спокойно сказал Мельдин, – если бы узнал, что

ты отдал Кристиэна серым. Ну так как, Рихи?

- Я не могу так больше жить. Если бы я тогда, в Аторе знал! Думал, буду давать деньги, оборачивать их, построят себе храм и отвяжутся, ну в кривляниях поучаствую. А оно вот куда зашло, жрут с потрохами. И скинуть с горба их не скинешь – тут же подставят под верхнюю канцелярию. Вот я думаю, пристрою парня и подамся на юг, в наемники. Все заново. Не впервые. Мне действительно его некому доверить. Что ты так дергаешься? Он не объест тебя – я переписал на него все, что есть и ты опекуном и распорядителем, до полной самостоятельности. Случится ведь чего – он с голоду не умрет, но и разобраться не сумеет, да и шакалье набежит. А потом, пусть живет, как захочет или найди ему кого получше, чем я. Возни с ним немного, краски, молитвенник и все.

- Какой же ты дурак стал, Рихан... – покачал головой Мельдин, рассматривая друга, как будто узнавая заново. – Что с тобой стало? Все же было совсем не так. Ты так долго ждал счастья, а теперь сам отказываешься от него. Я же тебе говорил – Кристиэн это подарок. Такие очень редки. Да и неравнодушен он к тебе, просто молод еще, неопытен. Мне так показалось.

- Тебе показалось, вправду. Я ему противен. Он совершенно не приспособлен для семьи, только для белых храмов. И только из-за жадности своей мамаша им не достался. К тому же, лжив насквозь.

- Эти бредни тебе Найгер наплел? Я поверить не могу. Взять мальчишку, как игрушку, а как разонравилась – выкинуть? Так?

- Если бы я хотел его выкинуть, вернул бы родителям. Но туда он вряд ли захочет вернуться. В конце лета я подпишу все документы и возьму вину за развод на себя, уплачу положенное. А он избавится от меня. Я прошу тебя об опеке. Если не хочешь селить его у себя, то найми людей, пусть он живет в нашей усадьбе.

- Я не о том. Если надо, я приму его в свой дом. Нам такое солнышко не помешает ничуть. Но Рихи, неужто ты потом возьмешь аторца?

- Никого я не возьму, ты оглох к старости? – нервы начинали сдавать, Рихан предполагал, что разговор будет тяжелым, но не думал, что настолько. Уже несколько часов они перемалывают одно и то же. – Хватит мне! Я уеду на юг, без возврата. Совсем не вернусь слышишь? Только так от них избавиться можно. Не в петлю же лезть, в самом то деле...

- О боги... – сдавленно простонал Мельдин. – Скажи-ка мне, Рихи, ты ведь снова бьешь его?

Ну конечно, вечно всем сострадающий добряк Мельдин не может не задать такой вопрос. Ясное дело, мальчишке все умиляются.

- Я стараюсь его не замечать. Чтобы они видели и в своих письмах Найгеру писали это. И мне каждую неделю письмо. Мэл, каждую! Они ему все докладывают.

- Мне кажется, что я разговариваю с ребенком. Что такое, Рихан Айэ? Ты взрослый мужик, а тобой вертит куча прохвостов, на которых, ты кстати и валишь свои грешки. Ты бы слышал себя...

- Что ты можешь понять...

- Да уж куда мне! Не я ли в том доме был, где мы с тобой Кайса собирали?! Вот ты мне отдашь Кристиэна, а ты хоть подумал, каково ему будет? Ты ему честно скажешь, за что выбросил

через год после свадьбы? Или совершь? Не скажешь, что струсил?

- Нет. Зачем ему это? Пусть он меня ненавидит и забудет как дурной сон. Чем быстрее, тем лучше.

-А ты уверен, что он ненавидит тебя? Что-то я помню совсем по другому. Зимой он смотрел на тебя как на божество.

- С зимы много воды утекло, очнись, – Рихан уже сам не рад был, ну почему с Мэлом так трудно? – Я не хочу сейчас расставаться с ним. Но осенью, разведусь, запру дом и уеду.

- Значит уехать от Найгера ты можешь? А отстоять мальчишку нет? Что-то не сходится...

- Им важно, чтобы я избавился от Кристиэна. Хорошо, нам все равно нет житья вместе, но они не могут заставить быть меня на одном месте, а уж тем более против указа императора не пойдут, если я выблю приказ на себя, о направлении на юг. Кристиэн будет в хороших руках, я буду спокоен. Найгер утрется.

- А почему ты не уедешь вместе с ним? Закон позволяет брать в поход супруга, если тот мужчина и подданный императора.

- Мел, ты совсем отупел? Потому что они отстанут ровно тогда, когда я и котенок будем на расстоянии друг от друга!

Мельдин снова тяжело вздохнул, утер пот.

- Я не знаю, Рихи. Конечно, я приму Кристиэна, но неволить его не буду. Но все это очень дурно пахнет.

Рихан больше не приходил. Кристиэн очнулся у себя в спальне, заботливо облепленный повязками с мазью, замотанным в одеяла. Но выздоравливать ему не хотелось. Да и вообще ничего уже не хотелось. Он лежал целыми днями, отвернувшись к стене, чувствуя себя самым несчастным на свете. Когда Рихан не сможет остановиться вовремя в своей неведомой мести? Но потихоньку все ж приходилось вставать, ходить. Заставлял Девир, больше никто не навещал Кристиэна. И через несколько дней он стал снова посещать молельную. Анхару ведь наверно все равно, что люди убивают друг друга из-за того, что не знают, как писать имя бога? И правильно, глупцам незачем жить, как говорит Рихан.

В молельной все-таки хорошо. Кристиэн с любовью протирал лампы, менял в них масло, а потом даже попросил воды и мыльного корня и невзирая на протест управляющего, который не мог допустить, чтобы младший герцог сам мыл что-то, оттер статуи, которые стали намного белее и чище. Ничего, скоро будут цветы, отрешенно думал Кристиэн, хоть какие-то здесь же должны быть? Хоть одуванчики. Можно будет принести их сюда. А если удастся уговорить управляющего, то в городе купят семян и можно будет разбить хоть крохотную клумбу. Земли бы привезти. Но лишь бы рихановы наемники не потоптали, с них станется, особенно с Нура. Рыжий аторец просто не давал прохода Кристиэну, норовя уцепить за одежду и обещая всяческие пакости. Рихан этого не замечал, то ли потому что раньше наемники Кристиэна не трогали, то ли герцогу было все равно.

Тэльдо до отъезда оставалось три дня. Бумаги были собраны, заверены надлежащим образом, подписаны настоятелем, за исключением нескольких, которые как раз за три дня и будут готовы. Придется тогда расстаться и с монастырем, в котором почти прижился и с

Кристиэнном, о котором он не мог перестать думать. Каким же он был глупцом, что не понял, о чем в самом начале предупредил его Амардин! Его же предостерегали! Кристиэн Рихан Айэ по настоящему безумен. Он блюдет брачную клятву, что дал насильнику и живодеру, и любит своего убийцу. Того, кто истерзал своего юного супруга меньше чем за год брака. За что подонку герцогу такой бесценный дар – верность и любовь этого юноши?

- Я был бы рад тебе помочь, – тогда, в таверне, Тэльдо серьезно признался Мельдин, – действительно, рад. Но прости. Это беда какая-то. Ты бы действительно любил и берег его. Но Рихан мой друг и он поручил мне сам Кристиэна, а не чиновники. Он конечно знал, как оно может быть и просил найти ему супруга в будущем. Но пока он еще жив и мне как брат, я не могу предать его. Если была бы надежда и на то, что Кристиэн забудет, очнется, переживет, я сделал бы все, чтобы и он был счастлив. Но Кристиэн, он все же нашел себе зацепку, за что-то же вот любит так... Я не могу отнять у него этого и не буду. Может ему и вправду так легче? Хотя казнит он себя люто. Я сам запутался в них. И я сделаю все, чтобы они хотя бы увиделись, пока они оба тут, с нами. Им должны дать хотя бы попроситься, Рихи больше ничего и не нужно уже другого. Прости.

Рихана Айэ скоро не станет, а несчастный мальчик сойдет с ума окончательно от тоски и горя. Вот так это закончится, с гневом думал Тэльдо. Почему нельзя даже попробовать разбить оковы, в которые Кристиэн, оказывается, сам себя заковал. Неужели никто не видит, что ему только хуже и хуже?

Уехать так просто он не мог, причины затянуть дела тоже не находилось никак, Амардин так и выпроваживал, едва ли не прямым словом. Тэльдо хоть подарок нашел для Кристиэна – легкую трость из красного дерева, с серебряной рукоятью, под маленькую руку юноши. Пусть хоть такая опора будет. Только как подарить? Вдруг не примет, помстится, что напоминают о хромоте? Снова незадача...

===== Глава 17 =====

Управляющий Девир был близок к отчаянию. Сил нет работать в этом проклятом доме! Вечно гогочущие жеребцы-аторцы, на которых пахать надобно, пьяный хозяин дома, превратившийся уже совсем в тень, младший герцог, который уже по дому ходить опасается. Другой на его месте уже бежал бы, просил помощи, а этому, видать и деваться некуда. Бедный приморский мальчик. Дом далеко. Но наверняка белые бы защитили. Девир сам видел следы на теле младшего, любой монах скажет, что это сделали ради забавы, а не наказания. А за такие забавы храмы карают сурово. Маленький приморец угасал на глазах и если бы не Ивиет, то Девир уже писал бы письмо в ближайший храм с просьбой о помощи. Но какая-то надежда все же была. Цветы. Кристиэн недавно просил, именно просил, купить рассаду и землю, а ведь имел право на приказы, но юноша слишком кроток и забит.

- Прошу вас, будете в Ланке, купите рассады, не знаю какой, что тут выживет? Я сам ухаживать буду, у нас в Приморье уже море теплое и черешня...

Как же он, бедный, тоскует. Что же его не отдали-то кому-то из приморской знати? Там народ богатый, могли бы уж сторговаться.

Управляющий добросовестно выполнил просьбу, привез два ящика неприхотливых желтых многолетних цветов и возок земли. Пусть возится. Трата невелика, а мальчику радость и хозяйству польза, все приглядней будет. А, вообще, парень с руками, хороший был бы хозяин, не чета своему старшему, которому все равно, что косо, что криво, без разницы. В дом столько

было вложено, и будь на месте Девира кто другой, уже все разворовали бы начисто. А Кристиэн красоту бы навел, клумбы аккуратные получились, в молельню любо-дорого зайти, хоть и идолы еретические, и картины рисует. Правда, Рихана своего так сотворил, что в гостиную без страха не зайдешь, смотрит как с зеркала. Жалко, одним словом, парня. Лучше бы кому другому достался.

Анхар Маэ! Пощади! Кристиэн даже из глубины дома слышал Рихана. Снова пьян. Да когда же это закончится? Почему Рихан просто не скажет ему правды, трезвым? Чем же его так привязали к еретикам? Сегодня опять не будет ничего хорошего...

Вот Кристиэн слышит, как супруг отпускает охрану. Из шестерых в Ланку снова едут четверо. Зачем? Ах, да, за вином конечно же. Свои припасы наверное уже кончаются, а из ланкского дома забыли забрать. Плохо, что, кажется, остались Нур и его дружок, аторец, который всегда провожал Кристиэна тяжелым взглядом, но не трогал и ничего не говорил.

Лучше наверно грозу пересидеть тут. Кристиэн давно уже перетащил в молельную половики, найденные на чердаке, очищенные слугами и оказавшиеся весьма необычными – тканями из полос цветного льна. Повесил побольше ламп, и даже слепил из глины, которой в усадьбе было в достатке, небольшую площадку для свечей, подсвечники там уже были, металлические, но почему-то эта площадка нравилась ему больше всего. Стало гораздо уютнее и теплее, что навряд ли может помешать молитве. Жаль только оконца никакого нет. Можно было бы вставить стекло, как в больших храмах и расписать его красками. Хотя... Можно попросить старые рамы с чердака, вырезать из них стекла, чтобы не покупать новые, расписать, а потом куда-нибудь пристроить в доме, ну например в дверь между коридором и молельной. Вечером будет очень красиво – постоянно горящие светильники будут подсвечивать стекла и на полу коридора окажутся затейливые тени. Если взять серые и алые краски, чуть размешать с водой... И полутона. Да любые пойдут, а если дадут шесть стекол, то можно нарисовать сцены из Истории Анхара и Грома.

Кристиэн торопливо набрасывал на листе эскизы, идея захватила его полностью, он растянулся на ковриках, у ног статуи и больше не отрывался от карандаша.

Удар двери был как гром. Дерево стукнуло об стену так, что зазвенели лампы. Запах перегара заполнил комнатку.

- О! Вот он, мой красавец! – Рихан пьяно покачивался. – Что ж ты не приветствуешь меня? Или здороваться уже не надо?

Кристиэн не успел встать, Рихан знаком приказал ему оставаться на месте.

- Простите, я не услышал, как вы приехали, тут слишком далеко до входа, – едва ли не впервые в жизни соврал Кристиэн.

- Ты просто снова не рад меня видеть, котенок, – нервно засмеялся Рихан, – прячешься тут.

- Я не прячусь! Вы же знаете, я постоянно тут, и я рад вам, если вы трезвы и не сердиты на меня, непонятно за что.

- Так значит, – Рихан с трудом уселся на корточки, – я люб тебе только добреньким и приятно пахнущим? Да уж, не дай боги, на войне если меня превратят в развалину, сдохну и никто не подойдет ведь...

Кристиэн все же встал, отложил листы.

- Вам, кажется, очень нравится, сайэ Рихан, приписывать мне то, чего я не говорил. Я давал вам брачную клятву и намерен ее соблюдать, несмотря ни на что. Однако, позвольте узнать, почему вам так нравится унижать меня? Потому что я, по сути, ничего не могу вам сказать в ответ, а тем более сделать? Потому что принадлежу вам безраздельно, но тогда, может вы просто убьете меня? Вы же воин, а не палач! Так сминитесь надо мной, что же я такого вам сделал? Аторцы хотят, чтобы мы расстались, я сам слышал это от них, но я не прошу у вас развода, я просто молю о пощаде. Я больше не могу так, слышите! - Кристиэн говорил тихо-тихо, заставляя вслушиваться в каждое выстраданное им слово. - Я не враг вам.

- Ты не враг, ты хуже, сладкоречивый мой Кристиэн. И я даже уже не знаю, что с тобой нужно сделать, чтобы ты это понял, - Рихан отлично все-таки услышал супруга. - Я никому не хочу отдавать тебя, даже Мельдину, даже убивать не хочу. И с тобой не быть. Ты как огонь, тебя не ухватить голыми руками и далеко не уйдешь, сразу холодно станет. А что ты заладил про клятву? И на что ты готов, ради того, чтобы доказать, что исполняешь слово?

- А что еще надо? Я ваша собственность, я говорил, что буду с вами, и я вашем доме. Боги слышали меня.

- Ты в этом уверен, котенок? - Рихан сощурился и в блеклом свете ламп его пьяное лицо казалось Кристиэну какой-то жуткой маской. - Ты точно знаешь, что они нас слушали, а не отвернулись в этот миг? На кого-нибудь, кто был подостойней тебя. Ну так докажи делом!

- Что же вы еще желаете от меня? - встревожился Кристиэн, потом уже махнул рукой, конечно же, наверняка очередную постельную забаву. Не впервые.

- Я всего лишь хочу снова поиметь тебя, котенок, - Рихан криво улыбнулся, едва удерживая равновесие, - что ты так расстроился? У меня полное право на это. Но, видишь ли, душа моя, Кристиэн, я хочу этого именно тут и сейчас. Чтобы уж твои разлюбозные боги видели, что ты свое слово держишь, теперь-то им не отвертеться. Ты признаешь меня тут, перед ними, а осенью получишь развод в свою пользу и неплохое содержание. Я сам отвезу тебя к Мельдину и подпишу все бумаги. Ты внакладе не останешься, а потом, как подрастешь, найдешь себе пару по вкусу. Но я-то буду знать, чей ты на самом деле, котенок. Клятва по настоящему дается всего лишь раз.

- Я могу прочитать ее тут, - побледнел Кристиэн, до которого очень смутно доходили слова Рихана, а уж тем более их смысл.

- Кому нужен твой бубнеж? Давай котенок, дай мне хоть раз по настоящему. Сам. Неплохая же цена за развод и твою свободу. Видишь, как я ценю твою задницу? Ну так пускай они все видят, что мы с тобой честные люди? Снимай с себя тряпки!

Рихан встал, тяжело оперся об стену, положив локоть на статую Анхара, принялся расстегивать штаны.

- Нет! Сайэ Рихан, остановитесь! - Кристиэн наконец-то понял, что предлагает ему супруг и ужаснулся. - Это богохульство! В уставе записан запрет и это преступление!

- Мне насрать на твои уставы! Их писали скопцы, но они тебе, видать, ценнее, чем супруг! Давай, не отговаривайся! Иначе я точно отдам тебя, только не Мельдину, а может Нуру, а потом, потом, котенок, на законном основании будет измена и ступени. Хочешь так? Да?

Рихан наступал на него, паника металась в Кристиэне, как птица в клетке. Рихан пьян, он очень сильно пьян, нужно как-то успокоить и отвлечь его. Вывести из молельной, а там пусть творит, что хочет.

- Вы не в себе, сайэ Рихан. Позвольте, я отведу вас в спальню, там все, что хотите и как хотите. Ну же? Прошу вас, сайэ Рихан!

- Ты хоть раз можешь назвать меня просто по имени? – вызверился герцог.

Непокорность мальчишки заводила больше и больше. Нет уж, никаких уступок, он возьмет его в молельной и не иначе! Маленькая дрянь не сможет уговорить, пусть эти болваны видят!

- И получить от вас же плетью? – горько улыбнулся Кристиэн. – За неучтивость. Хотя, что бы не делал, все одно. Ну идемте же в спальню!

- Я не хочу ни в какую спальню! Ты разве меня не слышишь, или глухой? Боишься своих истуканов?

- Мне больше не в кого верить, не в вас же! – вырвалось у Кристиэна, который почти не чуял себя от ужаса. Да что же снова такое с ним?!

-, потаскуха! Быстро! – рявкнул Рихан, приказывая раздеваться, отошел от статуи, ближе к супругу.

- Нет! – Кристиэн был на грани безумия, того, что превращает тишайшего человека в зверя. – Нет! Если вы сделаете это тут со мной, то я сам убью себя после этого, клянусь вам! Даже если потом своих богов не увижу, все равно сделаю это! Умоляю вас! В спальне вам будет все, что захотите, хоть ваши игрушки, что пожелаете, только не тут. Прошу вас!

- Вот как, котенок? Тебе пришлось по нраву? Мог бы и раньше попросить, я бы не отказал. Так что там тебе больше всего понравилось? – глумливо засмеялся Рихан и тут же изменился в лице, пьяно покачиваясь, закинул волосы за спину, посерьезнел. – Смерть? Что ты знаешь о ней, балованная мразь?! Читал в романчиках?! А слабо было бы на поле постоять, перед строем, в первом ряду, а? И что же котенок намерен с собой сделать? Хочешь, подскажу кое-что? Ты как раз у нас посредник, тебе понравится точно. Самый близкий путь к твоим обожаемым богам. Вот сейчас я позову Нура, ему нравятся такие темненькие мальчишки, пусть делает что хочет, а потом в сером храме ты умрешь как изменник. Я шепну насчет смертной казни, для тебя устроят вне очереди. Еще и удовольствие получишь. Скажу, что сладкий мой котенок, в котором я души не чаял, лег под молодого наемника.

- Вы больны, – тихо, потрясенно сказал Кристиэн, – вы действительно нездоровы. За что же вы так ненавидите меня? Меня или кого-то еще? Поступайте как знаете, только я буду верен вам, и буду это знать, даже в сером храме. Но богохульству совершиться я не дам, как хотите. Может дадите вашему наемнику еще и пару советов в придачу? – прибавил юноша.

Котенок действительно невыносим. Снова это плаксивое личико и баранья упертость. Ишь ты, не позволит он! Кто он таков тут, подстилка! Ничего не будет, трусливый зверек повоет сегодня, а завтра смажет попку лекарствами и все пойдет тем же чередом. В горле вот правда пересохло, слишком утомляет трепотня.

- Мне что-то поднадоело уговаривать тебя, гаденыш. Не хочешь добром, так я сам помогу тебе! Иди сюда! – Рихан надвигался, окончательно загоняя Кристиэна вглубь комнаты, заслоняя собой спасительную дверь. Юноша вжался в стену, меж статуями Анхара и Молнии, рядом с

уступом, на котором стоял светильник, небольшая бронзовая чаша на ножке.

- Нет! Не надо! Нет! – но сил кричать уже не стало, когда злая рука рванула за рубаху.

Кристиэн сам не понимал, что случилось, только чувствовал, что его ладонь сжимает ножку светильника, взмах, масло капнуло на половику, а потом на руки, горячими каплями. Обожгло не сразу.

- Рихан... – Кристиэн увидел, что натворил. – Как?

Рихан осел на пол, сминая половики, приложил руку ко лбу, кровь потекла меж пальцев.

- Дряннь... – скорее понял, чем услышал Кристиэн, прежде чем герцог обмяк.

- Нет! – кричать Кристиэн не мог, что-то сдавило горло так, что было туго дышать, стало безумно жарко, он опустился на пол, рядом с супругом.

- Очнитесь же!!!

Светильник выпал из рук и только тогда Кристиэн почувствовал ожоги на ладонях, но было не до боли.

Он убил Рихана. Убил. Убил в молельной своего старшего супруга.

Он тряс дурно пахнущее кислым вином тело, умолял, уговаривал – ему казалось бесконечно долго, а на самом деле время бежало быстрее, чем обычно, в этот страшный вечер.

- Вы никуда не поедете! – Девир поймал безумного, бледного мальчишку в коридоре, трясущегося и дрожащего. Выслушал сбивчивый шепот. Неужели?!

- Там... Я сам поеду в серый храм... Зовите стражу... Но только сам... Не нужно никого!

- Никуда вы не поедете, слышите! – Девир легонько потрянул юношу. – Что он сделал, он ударил вас? Вам нужен лекарь! Я сам во всем разберусь! Вы хоть толком-то сказать можете?

- Я убил своего супруга, – Кристиэн неожиданно твердо посмотрел в глаза управляющему, а тот в ужасе вздрогнул, настолько другими стали карие глаза младшего герцога – темные омуты колдовства. – Ударил светильником, он упал. Мы ссорились. Мне надо идти в серый храм, а на лошади я не умею. А вы пока заприте там, чтобы эти не добрались! Не пускайте никого!

Мальчик безумен. Сошел с ума.

- Я понял все, – вдруг поверил ему Девир. Почему-то теперь верилось в невероятное. – Только вам не к серым надо, а к сайэ Мельдину Рионтуру. Тут недалеко, бегите же скорей.

Пусть, хочет бежать, пусть бежит. Прочь отсюда и от наемников, если те узнают, то будет страшное. Пусть бежит скорее, спасается! Мельдин Рионтур умный человек, он разберется, и своего дружка тоже знает. Авось, поймет, в чем дело!

- Я дойду, добегу! Вы правы! Ну же, откройте мне дверь! – взмолился Кристиэн, которому страшно было хоть на миг остаться в доме. – Мельдин Рионтур, он же предупреждал, говорил! Майэр!

- Милый вы мой, - Девир едва не плакал, - да вы же так замерзнете! Плащ, вот, идемте, дам! Да тише вы, зверье это пьяное еще очнется! Храни вас боги!

Но Кристиэн уже не слышал. Он ринулся в вечернюю темень. Через задний двор, там где выпас коней, никто не охраняет. И дорога на северо-восток, он запомнил.

«Не ошибешься!» - когда-то на балу в Ланке, сказал ему Майэр. Быстрее!

Управляющий Девир не встретил никого в доме. Это и к лучшему, решил он. Аторские подлецы пьют, значит есть время что-то еще сделать, чтобы этот ужас побыстрее закончился. Хорошо хоть молельная в глубине дома и в тихом закутке.

Сначала Девир остолбенел, потом нагнулся к герцогу, лежащему на полу, осторожно потрогал следы крови на половике и только тогда дотронулся до мертвого. Или не мертвого? Сердцебиение есть, теплый, воняет перегаром, но по башке ему досталось, тем самым светильником, что валяется на полу. Бедный глупый мальчик, сам испугался до смерти и других напугал. Ну что с него взять?!

Однако, герцог хоть и жив, но без сознания, если приложить как следует по башке и не такое бывает! Так ему и надо, может хоть думать начнет! Но надо что-то делать, пока не хватился никто. Девир приподнял тяжелое тело, герцог Айэ хоть и тощий, но жилист и мускулист, весит немало. Управляющий плеснул на хозяина водицей, что в чаше справа от алтаря, вот же Кристиэн запаслив, благослови его все боги! Стоит сходить за лекарем, тот живо приведет герцога в чувство, но услуги целителя не понадобились. Девир услышал храп, самый натуральный пьяный храп, показавшийся ему слаще любой музыки.

- Да чтобы ты провалился, пьяница! Всех извел и себя не забыл, - в сердцах ругнулся Девир, скатывая один из половиков под голову Рихана, уложив того набок, и накрывая другим. - И я дурак старый, нет чтобы посмотреть сначала!

Девир ругал себя последними словами за опрометчивое решение. Перепугался, отправил мальчишку в ночь одного в далищу! Как бы тот еще не заблудился со страху-то! И догнать-то теперь как? Если отправить всадника - переполошится охрана, да и сайэ Кристиэн еще чего доброго решит, что за ним погоня. Пусть уж тогда сам дойдет до усадьбы Рионтуров, сайэ Мельдин человек умный и рассудительный, мальчишку не обидит и раньше срока стражи не вызовет. Пусть найдет здесь своего разлюбезного дружка живым и увидит, что за порядки в доме творятся, усостит может. Не таков человек сайэ Мельдин, чтобы Кристиэна в серый храм сдать. Но как же протянуть время?

Кристиэн то бежал, то переходил на торопливый шаг. Пот тек по спине, а в груди сердце сдавлено комком, в горле горечь. Он сбивался, падал, царапал руки, поднимался и снова бежал по дороге, уходящей в вечер, солнце почти село.

Он убийца. Убийца - единственная мысль, что сопровождала его безумный бег. Он убил своего супруга. Это и есть самое страшное, что могло случиться в жизни. Теперь лишь порог серого храма и казнь.

Сайэ Рихан! Ну почему? Я не хотел, не хотел! Что же вы задумали... Перед богами, пусть даже и еретическими, творить мерзость. И перед ними же я вас убил. Пусть только сайэ Мельдин не зовет стражу, пусть сам отвезет к серым, в любой храм. И что ему сказать: «Мой старший хотел меня в молельной, а я ударил его светильником»? Как нелепо звучит правда. И Рихан,

которого теперь нестерпимо жаль – ведь мог же быть и он иным, пока Найгер не одел на него чудовищную злую маску. Рихан, который катал его на лошади, дарил краски, шептал на ухо разные истории, которого радовала красота. Его же можно было спасти! Кристиэн не знал как, но теперь лишь понял наверняка – можно было. А он ничего не сделал для этого. Лучше ему и вправду умереть лютой смертью.

Бежать было все труднее, Кристиэн уже ничего не видел впереди, ноги были сбиты в кровь – тоненькие войлочные сапожки не смогли защитить от каменной степной дороги. Красивые сапожки из тонкой-тонкой шерсти для нежной ножки избалованной домашней куклы.

Скорее бы! Пусть Мельдин решает его судьбу, это только его право. Он все честно расскажет, не будет просить о снисхождении.

Кристиэн неловко наступил на что-то и это что-то, не видное во тьме, лязгнуло металлом, перед тем, как юноша услышал тошнотворный хруст ломающейся кости и растянулся на животе, сбитый болью на землю.

Девир и лекарь решили так – пусть герцог Рихан спит себе спокойно в молельной, не таскать же его по дому в таком виде, а лекарь посмотрит рану на голове и останется с хозяином до утра, пока Девир последит за охраной. Девир разобрался с делами, была уже ночь, но он все думал об одном, о перепуганном мальчишке, бегущем по степи. Если боги помогут сайэ Кристиэну, а они должны помочь, ведь Кристиэн беззащитен и безгрешен, то Мельдин Рионтур привезет его утром и разберется с Риханом. Только он сможет усмирить зверя.

- Где крысенок с герцогом, ты, мешок сала? – встречи с Нуром не удалось избежать. Полупьяный рыжий охранник тащился по коридору неизвестно зачем. – Чего притих и глазенки бегают? Спер что ли что-то? Не бойсь, не скажем.

- Сайэ Кристиэн и сайэ Рихан спят уже скорее всего, – степенно ответил Девир, не показывая что задет хамством аторца. – А ты за своим карманом лучше следи, аторцев на любом базаре завсегда за дураков считают.

- Нет, Манаро, ты слышал? – Нур пихнул своего напарника, который появился неизвестно откуда. – Он крысенка сайэ называет. Сдохнуть можно! Ты его еще младшим герцогом обзови. Ну так где они? В спальне нет. Даже крысенок молчит.

- Отстаньте от меня! – взвился Девир, который обоим терпеть не мог. – Младший герцог и есть, не тебе чета, швали наемной! В спальне, не в спальне, я им свечки не держу! Пошел вон, у меня дел куча.

- Отвечай, сало! – удар швырнул Девира к стене, толстяк сполз, пытаясь дышать. – Быстро, а то кишки выпущу! Если герцог жрет вино и трахает крысенка, всем слышно, а тут молчат!

Зверье поганое, чуют кровь. Девир с трудом поднялся на ноги.

- Не знаю, а про твое самоуправство я герцогу доложу, ему таких взамен еще десяток пришлют.

- Понятно, – вкрадчиво вмешался молчавший доселе Манаро. – Помнишь, Райхане про молельню что-то плел? Что крысенка там прижать неплохо, вот небось крепко и прижал. Не будем мешать любящим супругам.

- Нет уж, – не успокаивался Нур, – я ему обещался доложить, когда парни примерно будут, так

вот они уж вот-вот должны. Пусть сам за своим вином и тащится! Щас, я скажу ему.

- Вот значит, как... - цокнул языком рыжий аторец, рассматривая тело в молельной. - Как чуял! Манаро, поехали!

Девир опустился на пол, рядом с храпящим герцогом, не обращая никакого внимания на лекаря. Лишь бы Кристиэн успел!

Кристиэн задохнулся от боли в схваченной капканом правой ноге. Он с трудом привстал, подтянул к себе ноги, чтобы в темноте нащупать рану и руки наткнулись к металл. Он наступил в капкан. Кристиэн выл от боли и бессилия, изодрав руки о зубцы, намертво поймавшие добычу, но разжать зубья оказалось не под силу. Боги наказали убийцу сами. Юноша извивался на земле от невыносимой муки, правый сапог промок от крови, потяжелел, кусал губы, подвывая. Нога, там внизу, у щиколотки, горела огнем, тело наливалось жаром.

Встать и идти на одной ноге он не сможет, волоча за собой цепь и капкан, даже если сможет выдернуть колышек-крепление.

Капканы ставились весной, чтобы оголодавшее зверье не подходило к человеческому жилью, курятникам и хлевам.

Он умрет тут. Долгой мучительной смертью, истекая кровью и подыхая от боли, жажды, а когда придет утро и взойдет солнце, то и от жары. И его найдут звери, если повезет. Хотя, какое это везение? Рихан так не мучился, среди боли мелькнула мысль. Он умер быстро, а его убийца умрет так, как заслужил. Никто не будет его тут искать, аторцы только и хотят, чтобы он сгинул, а сайэ Мельдин навряд ли отправится в дорогу. Найдут, конечно найдут, когда будут белеть кости. От отчаяния Кристиэн дергал цепь, может и вправду вырвет колышек, а потом лишился сознания.

- Глянь! Крысенок! Нашелся, гаденыш, - заржал Нур, спрыгивая с лошади и втыкая основание факела в землю. - Издалека гадину видно, в светленькое разоделся. Что поспать решил? Манаро, глянь-ка!

- А не сдох ли он? - Манаро подошел к распростертому телу, поднес свой огонь ближе.

Понятное дело, что супружник герцогов не в Ланку бы побежал, а к жирному имперцу, это только Нур не верил, а только следопыт-то он хреновый. Куда ему! Манаро наступил во что-то мокрое и липкое, нагнулся ближе, мазнул пальцем. Кровь.

- Иди сюда, Нур!

Нuru никогда не было так весело и хорошо как сейчас, а если чуть понюхать грибы в заветном мешочке, то станет еще лучше. Но и сейчас было великолепно. Нашелся, крысенок. Сам нашелся, а теперь уж и точно не сбежит. Не зря, значит, зимой по округе шныряли, капканы эти понаставили, знатный зверь попался. Такая добыча немало стоит!

- Что делать будем? Здесь придавим, или как? - деловито спросил Манаро. - Герцогу скажем, что сбежал мальчонка без следа, а куда не знаем. Не нашли. Тут ям много.

- Дурак ты, - добродушно похлопал друга по плечу Нур, - не все так простенько. Найгер

говорил, что крысенок светлым нужен, хоть каким, главное чтобы дышал, а то они переживать шибко будут и суматоху устроят. А оно нам надо? Нет. Щас, я сучку нашу в чувства приведу, а так нам и торопиться некуда.

Кристиэн слышал, что в том мире преступников встречают такие же преступники. Значит Нур и второй, чьего имени он не знал, точнее не помнил, тоже мертвы. Свора Рихана, когда они-то успели? А где тогда остальные?

- Вот, хорошо, крысенок, - надо же, после смерти тоже есть боль, Кристиэн закричал, срывая горло, когда пнули прямо по израненной ноге. - Значит, решил свалит от законного супруга? Райханэ завтра искать будет, а тебя нет! Плакать будет, расстроится. А мы устали от этого и от тебя, имперец. Теперь всё с тобой.

Кристиэн забыл о капкане, так неожиданны были слова наемника.

- Рихан... Я убил Рихана... - простонал он, силясь хоть чуть оторвать отяжелевшее тело от земли.

- Совсем сдурел, сучка? Да он... - но Манаро придержал Нура.

- Что ты там несешь, парень, кого ты убил? - спросил сероглазый аторец.

- Я... Рихана... Старшего... - сознание снова ушло.

- Так, - Манаро явно соображал быстрее, чего его рыжий приятель, - Нур, смотри, точно, у жирного глаза бегали! Надо было сразу молельню проверить! Небось точно, гаденыш хозяина пристукнул или траванул, а боров ему подсобил! Не вышло только. И далеко собрался, подстилка? Ко второй бочке с салом, жаловаться?

- Да что бы он? Рихана? - присвистнул Нур, потрянув волосами. - Этот дрищ тяжелее хера ничего в руках-то и не подымет! Хотя, если, говорил, отравить...

Снова удар.

- Что делать будем? - теперь уже спрашивал друга Нур. - Может и вправду прикопаем? Прямо так, живьем. Пусть помучается. Хотя, возиться неохота, копать еще... Повесим, а?

- Тупица! - огрызнулся Манаро. - Ты же сам говорил только что, что Найгер предупреждал про надзор! Посредник он вроде. Так вот и сдадим серым, как убийцу. Крысенок же подарок нам сделал! Все просто хорошо!

- Так Райханэ ж живой! - растерялся Нур.

- А что Райханэ. Найгер его все равно списал уже почти, итак ясно, что его светлость плохо кончат. Ты думаешь, он бабу ему просто так подсунул? У нас наверху просто так ничего не делают, даже детей. Она уже понесла наверняка. Родится парень - будет наследник, девка - ну придумают что-нибудь. Главное кровь-то есть! Избавиться можно от крысенка и герцога сразу! И виноватый есть! Щас отдерем его от железки, сдадим серым, в Панкиссу или Ланку, и успеем еще домой, к Райханэ. Все чисто!

- Ну ты умище! - восхитился Нур совершенно искренне, правда с трудом вникнув в речь напарника, грибы делали свое дело. - Но только думаю так, торопиться нам некуда тут. А его я

щас отдеру, и без капкана... Щас мне сучка все долги выплатит!

- Совсем! - Манаро опешил, - На кой тебе это?

- А затем, что нечего задом вилять! Я мимо него ходить не мог, штаны дымились! Так что еще один должок! Мразь имперская все разом и сполна выплатит. Как же я ненавижу их всех. Что один был - дыра дырой, что второй, шлюха смазливая! Ну, сейчас.

Кристиэна снова привели в чувство и он понял, что раздет и распят на земле, руки связаны. Что им надо?!

- Мне, Манаро, Райханэ все уши прожужжал про котенка своего, - продолжал Нур. - Втюрился, а этому мол, только хны! Я уж и слышать не могу, а пить герцогу не с кем! Ах, наш Кристиэн, - глумливым тонким голосом дразнился наемник, - Ах, котенок! Цаца из себя недотрогу все строила, щас узнаю! А может, сучка, у твоего супружника, внизу не ахти, а? Чего молчишь, крысенок? Ничего, сейчас узнаешь, как оно по аторски!

Нет, только не это! Кристиэн забился из последних сил в чужих злых руках, хватющих его так, как никогда не трогал Рихан.

- Что, сучка, не нравится? - грубый хохот. - Это тебе не его светлость в кроватке ублажать! Да тот развестись хотел, денег дать, только бы с рук сплавить! С тобой по хорошему, а ты! Ничего, щас мы и за герцога посчитаем! Я бы тебя с голой задницей на улицу выкинул! А тут ему и письмо винительное и деньжат! Что, гаденыш, не знал? Задаром хозяина прихлопнуть хотел?!

Кристиэну казалось, что к хору боли и безумия добавился еще голос. Рихан хотел развестись... Вина.

- Нур, - Манаро нетерпеливо окрикнул товарища, - заткни пасть! Или ты думаешь, щенок у серых молчать будет, а не задницу спасать? Наш котенок всех продаст! Но...

Мастерство убивать аторского воина было безупречным, Манаро долго учился у лучших наставников. Прошел войну, отточив искусство и теперь знал о смерти все. Но можно и не убивать, когда это не надо, просто искалечить, быстро и бесшумно. Стальные пальцы сомкнулись на горле, безошибочно нащупывая нужные точки.

- Вот так, - Манаро брезгливо отер руки о волосы юноши, - отмяукался. Нур, уступи местечко!

===== Глава 18 =====

Про настоятеля панкисского серого храма господина Дагрева говорили, что его следует поменять местами с белым настоятелем Амардином. Слишком мягкосердечен сайэ Дагрев для такой должности, слишком добр с подопечными. На него писали множество жалоб и такое же множество родичей преступников молилось о его здоровье. Настоятель тщательно смотрел за тем, чтобы подопечных, насколько это было возможно, не обижали и не калечили. Неизвестно за какую провинность сосланный в глушь монах Дагрев начал не выносить своей новой должности, а потом свыкся и даже понял, что в сером храме можно не только карать. Но казней и приема новых преступников он как мог, старался избегать, это было известно всем, как и то, что те, кто попадали в панкисский храм, почти все, выживали. И именно за это имя настоятеля Дагрева было постоянно на кончиках писчих перьев в верхней канцелярии. Он же ввел в храме неслыханное новшество - отдельные спальни для осужденных юношей и девушек, обустроил хорошие лекарские покои, куда для работы отобрал тех, кто был годен не только сидеть на ступенях.

И вот этого-то человека глубокой, почти летней ночью, разбудил один из младших монахов, который дежурил в эту ночь.

- Вставайте, господин настоятель! Срочно требуют, говорят, от аристократа приехали!

Срочно требовать настоятеля имели право лишь несколько человек в городе, но вряд ли они оказались бы в эту ночь вблизи храма. Добропорядочные горожане мирно спят в своих спальнях. Господин Дагрев вздохнул, оделся и спустился вниз, в приемный зал. Даже в сумерках почти неосвещенного зала он разглядел двух здоровенных парней и чье-то тело на руках одного из них. Кровь капала прямо на мрамор храмового пола.

- Кто вы такие и кто тот несчастный, истекающий кровью? – спросил настоятель, заледенев голосом. Таких посетителей он не любил.

- Командир охраны герцога Рихана Айэ из Ланки, – ответил, не назвав своего имени, тот, кто держал ношу, рыжий парень, – а этот, кого мы привезли, его младший супруг. Он убил своего старшего и пытался бежать, а когда поймали, сопротивлялся.

- Сопротивлялся двум таким воинам? – не поверил настоятель. – Дела, однако! А что ж вы его сюда притащили, а не в Ланку и почему не в городскую стражу? Где убитый? И как его убили?

Вопросов было много, ночные гости очень не нравились Дагреву, очень и очень. Неприятные парни.

- Откуда нам знать? – сразу разозлился второй. – Приехали с обхода, смотрим, в доме пусто, в комнатах нет никого. Управляющий темнит, а мальчишка сбежал. Он сам признался, что еще надо? Привезли, по закону имеем право в любой храм сдать! Что еще? Герцог мертв, а мы отдаем вам щенка и едем в Ланку за стражей.

- Ничего не понимаю, – Дагрев оглядывал гостей. Охранники явно мялись, наверняка хотят избавиться от ноши и покинуть храм. Но так просто настоятель никого отпускать не собирался, что-то не вяжется эта история. – Но вы остаетесь в храме, моим приказом. Мальчика давайте сюда, о нем позаботятся. Тэмпаро!

Дюжий молодой монах бережно принял тело, а Дагрев сумел заметить, что крови гораздо больше, чем показалось вначале. Парень, кажется, истекает, и почему правая нога так бессильно висит?

- Его в лекарский покой, займитесь пока. Даже если он совершил преступление, нужно сначала привести его в порядок и сознание. Делайте все, что нужно. А вы, молодые люди, скажите, как имя юноши?

- Его зовут Кристиэн, – второй охранник словно плюнул на пол именем.

Кристиэн Рихан Айэ? Дагрев уже слышал это имя несколько раз. Ланкский серый настоятель рассказывал давно о том, что давал монаха для проверки семьи Айэ, потому что младший в той семье, приморец, едва полных лет и находится под присмотром храмов, как посредник с большими способностями. Тогда как посредник мог убить? Что с ним нужно было вытворять, чтобы белое создание отважилось на такой грех?

- Нам некогда тут ждать ваших стражников! Ланка в прямом подчинении Айэ, мы едем туда!

- Вот и везли бы мальчика туда, а то мечетесь! – взъярился настоятель. – Парня сюда, а за

законом туда? Преступление засвидетельствовать может и стража Панкиссы, так что ждите! Сейчас я пошлю за стражей.

Дагрев незаметно подал знак храмовой охране.

- Да срать нам на вашу стражу! Все, Нур, едем! - развернулся второй воин.

- Я, кажется, велел вам стоять. Вы обязаны подчиниться, - Дагрев изо всех сил сохранял спокойствие.

- Да пошел ты... - Рыжий первым обнажил оружие.

Бой был недолгим. Визг сбежавшихся воспитанников и два тела. Аторцы, теперь Дагрев разглядел их как следует. Они сражались хорошо, но храмовой охраны было больше и слабаков туда не брали.

- Ну вот, - он едва не потирал руки, - теперь точно зовите стражу, да и градоначальника не грех бы. Чего мне одному не спать? - настоятель Дагрев махнул рукой, направляясь в лекарскую.

Тэмпаро отдал свою ношу лекарям и теперь помогал им, подавая воду и ткань, и молча рассматривая того, кого принес. Надо же, домашний мальчик, чей-то младший, обрывки дорогой одежды, а лежит на лежанке в сером храме, как преступник. Преступник наверно и есть. Что ж ему не хватало? Не любили, обижали?

Тэмпаро совершил когда-то давно кражу, за что был сослан родными, не желавшими позора, в серый храм. Но за малую вину никто его на ступени не посадил, а сначала сделали послушником, а потом и младшим монахом. Тоже неплохо. Но Тэмпаро всегда заглядывался на тех, кто был по другую сторону ступеней - такие же младшие, как когда-то он. Те, кто были в браке, юноши и девушки, красивые и любимые своими старшими, опекаемые родней. А этот, черноволосый, что на лежанке, где-то обронил свою цепочку, лишь колечко на тонком грязном пальце.

- Что тут у вас? - настоятель Дагрев нарушил хлопоты лекарского покоя. - Что с мальчишкой?

- Ничего хорошего, - начал главный лекарь, - изнасиловали, вон, кровящи натекло, да еще и избил, сволочи. Но вот ноги... Сами гляньте!

Дагрев взрогнул. Кровь он видел не раз и не два, раны тоже. Но такое? Месиво вместо щиколотки, вместо гладкой юношеской стопы, обломки костей.

- Как будто в капкан попал, перемолото вон как! И вытаскивали, видать, наспех, последнее порвали! Я боюсь, сайэ Дагрев, что надо бы к белым посылать, их костоправа звать. Он сложить может и получше, чем я. И быстрее бы, а то как бы резать не пришлось. А самое поганое еще, - уже шепотом сказал лекарь, словно опасаясь кого-то, - его же еще как душили, пальцы на шее синяками. Да что он сделал-то?

- Говорят, супруга убил своего, - отрешенно ответил Дагрев, не отрываясь глазами от лица юноши. Красивый был мальчик, что уж говорить. Ну может еще и будет, но красота уже не в счастье встанет. - Так, ты посылай за костоправом, пусть Амардин даст своего человека, заодно и монахов в свидетели. И чтобы собрали как надо!

Еще раз, прежде чем уйти, взглянуть. Бедное дитя. Молоденький, чистые черты посредника.

Вместо белого храма и танца – кровь и ступени, если виновен.

Рихан Айэ на удивление спокойно дал себя арестовать. Словно ждал. Герцог коротко отдал приказание прислуге и поехал с капитаном ланкской охраны сам, со свободными руками, но без оружия.

Все кончено. Он понял это утром, когда не вернулись ни Кристиэн, ни охрана, не приехал Мельдин, а посланные на северо-восток конюхи нашли окровавленный капкан и обрывки ткани, догоревшие факелы. Еще немного болела голова, там, куда ударил котенок. Глупый маленький котенок, что же ты наделал? Перепугался и сбежал, на свою беду. Дурачок Кристиэн, разве Рихана Айэ так просто убьешь? Ну что с тобой делать, котенок?

Тупица Дефир! Как можно было отпустить мальчишку в ночь, одного, без лошади и сопровождающих! Кристиэна, который дальше усадьбы сам не выходил! И где эти двое, Нур и Манаро, куда они дели Кристиэна и куда провалились сами? Неизвестность терзала Рихана, но ему стало гораздо хуже, когда он услышал от городского дознавателя первое обвинение. Потом их было много, но те, самые первые слова были горше всего:

- Герцог Рихан Айэ, урожденный в Нариссе, вы обвиняетесь в жестоком обращении с вашим младшим супругом, Кристиэном Риханом Айэ. Поэтому и арестованы приказом военного коменданта Ланки. Обвинены на основании того, что на теле вышеозначенного юноши найдены следы, явно свидетельствующие о превышении данного вам права, а именно: следы перелома костей, следы плети и другие знаки. Так же, дознаватель говорил неуклюжим казенным языком, и Рихану хотелось его встряхнуть за воротник кафтана, нынешнее состояние Кристиэна Рихана Айэ так же говорит о дурном с ним обращении.

- Что все это значит? – спросил Рихан. – Где мой Кристиэн? Что за нынешнее состояние? Говорите же!

Дознаватель говорил сухо, и в серых его глазах Рихан прочитал презрение, которое понял позже, когда узнал почти все:

- В серый храм поселения Панкиссы этой ночью двое молодчиков, назвавшись вашей охраной, личной охраной, – подчеркнул дознаватель, пожилой человек с уставшим лицом, – привезли юношу Кристиэна, обвинив его в том, что он, якобы, убил вас. У юноши Кристиэна лекарем храма были замечены следующие раны: разможжена стопа правой ноги, следы душения на шее, побои и он был изнасилован самым мерзким образом. Двое наемников, кстати, аторцы, оказали сопротивление охране храма и были убиты при свидетелях. Что с вами?

Рихан в этот момент узнал, что значит выражение – «рухнуло небо». Именно так для него и было. Кристиэн! До сих пор в голове звенел крик: «Прошу вас! Не надо!». Их он тоже умолял?!

- Он живой? – глухо спросил Рихан, выбравшись из омота-забытья, показавшегося ему могилой.

- Да. Но лекари ничего не обещают, – вдруг сказал дознаватель и тут же исправился. – Вас отведут в камеру. Позже будет допрос.

Суд над Мадриной, Майем и Сэтом Тэхи состоялся осенью в закрытом зале судейской палаты. Присутствовали лишь иерархи храмов и чиновники, представитель императора. Суд был коротким, измученные долгим следствием обвиняемые признали свою вину, да и она была слишком очевидна – нарушение брачных законов. Запрещенный предбрачный осмотр

младшего, принуждение силой, выкуп, больше похожий на доход от товара. А того, за кого вступился закон, на суде не было, храм Амардина и дознаватель Элвиан решили, что незачем юноше присутствовать, да и тяжело было бы ехать калеке в Тэлету по распутой осенней погоде.

- Решение императорского суда Тэлеты таково, – судьи наконец-то приняли решение, – семейство Тэхи лишается права на фамилию и должны быть вычеркнуты из нужного реестра, а именно: Май Тэхи должен сдать в городскую ратушу реестровые бумаги, так же он лишается должности и содержания и права проживания в Приморье и Тэлете. Мадрина Тэхи за участие в преступлении приговорена к публичному побиению плетью и обриту головы, она так же должна последовать за мужем. Сэт Тэхи лишается права передавать фамилию своим детям и должен принять фамилию своей жены – Сэхарре, как и его потомство. Все имущество рода Тэхи, нажитое ими после получения брачного выкупа от герцога Рихана Айэ за их младшего сына Кристиэна Рихана Айэ, должно быть передано городской казне Приморья, передаче подлежат и оставшиеся деньги от выкупа. Таково решение императорского суда, которое будет оглашено на всех городских площадях Тэлеты и Приморья, в назидание другим.

Следователь Элвиан понимал, что устал. Уже начало зимы, а эта история с Айэ бесконечна. Они ходят по заколдованному кругу. Кто виноват? Как определить меру? Еретик Айэ, который отлично понимает, что натворил и которому все равно, что с ним сделают, лишь бы не трогали младшего? Красавец Кристиэн, который мог многое бы рассказать, но молчит, который мог бы одним росчерком пера упростить все, если бы подписал развод и обвинение в жестоком обращении. Чертовы аторские монахи? Этот живой клубок вымотал все нервы Элвиану.

Рихан Айэ даже не отрицал того, что истязал своего супруга и даже рассказывал, зачем он это делал. Подробно, так, что у Элвиана живот сворачивался в ком.

- Вы изнасиловали юношу в первую брачную ночь? Почему? – дознавателю было, как и в первый раз, противно задавать этот вопрос, но приходилось. Нужно выяснить правду. Нужно.

- Вам разве не доложили, что я его еще и избил? – усмехнулся герцог прямо ему в лицо, дознаватель поежился, слишком неприятные глаза у обвиняемого. – Мне слишком нетерпелось, а котенок медлил. Я люблю, когда мои приказы исполняются быстро.

- Как я понимаю, это и стало причиной того, что в дальнейшем ваша семейная жизнь не сложилась?

- О, нет, все началось гораздо раньше, когда я впервые танцевал с мальчишкой. Он как-то сразу испугался меня.

- Но вы все равно выкупили именно его, зная, что пришлось не по нраву юноше?

- Вы сами знаете ответ на этот вопрос. Чего вы от меня хотите, господин дознаватель? Да, я признаю себя виновным в том, что мучил котенка.

- Почему вы так его называете? – не удержался Элвиан.

- А вы присмотритесь, когда в следующий раз будете там, котенок и есть. Ну, так вы ответите мне, или вопросы здесь задаете только вы?

- Отвечу, отчего же? – Элвиану поначалу даже нравилось разговаривать с Риханом Айэ, редко

встретишь умного собеседника. – Я хочу понять, понять многое. Отчего вы были так жестоки с мальчиком, но зимой, по разным сообщениям, меж вами было все почти идеально, а потом вы снова переменили свое отношение к супругу? Отчего вы, если не любили мальчика, теперь так переживаете за него? Отчего, если хотели развестись, и найдены бумаги, подтверждающие это, так рады тому, что юноша отказывается разводиться? И, наконец, почему он отказывается? Причем тут аторцы и что за история с вашим убийством? У меня множество вопросов.

- Если бы я сам это знал, я бы тут не сидел, – грустно сказал Рихан, – но помогу, чем смогу. Досадно, когда тот, на кого ты возлагаешь надежды, не оправдывает их. Я ждал от котенка того, что он попытается полюбить меня, а не следовать своим дурацким канонам и упрямству. Видите ли, мой юный супруг всегда был убежден, что чтобы не случилось, он должен соблюдать клятву, которую дал мне в храме во время венчания. И жизнь его ничему не научила до сих пор, видимо. Он слишком честный и это его погубило. Он жил со мной как на осколках – резался, плакал и шел дальше. И будет идти, пока не умрет. В любой другой ситуации, кроме этой, я был бы счастлив, а так, котенок лишь вредит себе.

- Почему? Вы уверены, что он верен вам лишь по долгу и чем он вредит?

- Ну как же, мог бы подписать, отречься и забыть, имущество всего равно ему принадлежит, независимо от всего. Будет жить у Мельдина или в монастыре, все будут гладить его по головке и радоваться, что избавили от подонка-супруга. А так – подозрительно, чего же он так вцепился в еретика и мучителя?

- Он не ответит нам, увы, – вздохнул Элвиан. – Я уверен, уговори мы, чтобы ваш супруг хотя бы написал нам ответы на вопросы, стало бы проще, но он отрешен от всего мира и, кажется, сосредоточился только на вас. Он действительно очень переживает случившееся.

- Моего котенка хлебом не корми, дай пострадать и поплакать, – серьезно сказал герцог, – но, кажется, мы с вами задаем друг другу одни и те же вопросы?

- Продолжим в другой раз, – согласился Элвиан.

И так изо дня в день, до бесконечности.

С Кристиэном Риханом Айэ Элвиану было еще сложнее. Он вспомнил, как увидел юношу в первый раз, в Панкиссе. С момента ареста Рихана Айэ уже успело пройти едва ли не десять дней, и власти поняли, что дело гораздо серьезней, чем простое разбирательство ссор меж супругами и передали дело ему. Серый храм в Панкиссе, начало лета, недоуменные взгляды немногочисленных грешников, когда он поднимался мимо них по ступеням храма, недоверчивость настоятеля Дагрева, долго изучавшего его бумаги. Там почему-то уже присутствовал настоятель белых – Амардин, и оба монаха проводили его к несчастному младшему герцогу.

Элвиан надеялся, что его оставят с юношей наедине, но настоятели Амардин и Даграв, ничуть не сомневаясь, прошли за ним в покой, а требовать чего-то от иерархов храмов не решился даже императорский дознаватель.

Запах лекарств и разогретого льняного полотна, которое использовали на повязки. Очень чисто и свежо в комнате, даже цветы. Естественно, решил Элвиан, все-таки младший герцог, не абы кто, о тех, кто сидит на ступенях так не позаботятся. Его предупредили, что мальчик недавно только пришел в сознание и его не следует пугать или волновать и о том, что аторские ублюдки постарались на славу и слов дознавателю не услышать.

Кристиэн полулежал в кровати, прикрыв глаза, а рядом, на низкой скамеечке, сидел здоровенный монах и тер смесь из трав и глины, которую накладывали на переломы костей. Элвиан украдкой кинул взгляд на рану, истерзанная нога была не прикрыта одеялом – жуткая рана, вправду.

- Здравствуй, Кристиэн! – Элвиан поздоровался стоя, но сразу почувствовал неловкость, смотря сверху вниз, и кто-то сообразил, подставив ему кресло. – Меня зовут Элвиан, я дознаватель канцелярии его величества.

Красивый мальчик, действительно, свидетели в Ланке не лгали и не преувеличивали. Да и Рихан Айэ не выбрал бы посредственность, он и сам не прост. Юноша смотрит куда-то вдаль, сквозь стену, словно слепой, но ресницы вспархивают и ложатся, глаза живые.

- Тебе говорили о том, что произошло за те дни, как ты попал сюда?

Вместо парнишки ответил Амардин.

- Нет, мы не хотели беспокоить Кристиэна, сейчас важнее всего его здоровье, но ваши чиновники не захотели ждать и прислали вас, – с раздражением отчитал его монах.

- Ни к чему обсуждать здесь это, – мягко осадил его дознаватель, и вновь обратился к Кристиэну. – Я скажу тебе сам, Кристиэн. Мы арестовали твоего супруга, сейчас он в Тэлете, его перевели из Ланки. А те, кто мучил тебя на дороге ночью, они мертвы. Боги сами покарали их. Все хорошо, мальчик. Все закончилось. Тебя теперь никто не обидит, а мы разберемся во всем, что произошло. Что такое?

Кристиэн уже смотрел прямо ему в глаза и на красивом лице были ужас и недоверие, словно такой вести он не ждал и она ему неприятна и невероятна. С таким выразительным лицом ему и слов не надо!

- Рихан Айэ арестован, поверь. Его взяли за то, что он дурно обращался с тобой. Я сам говорил с ним, он не отрицает своей вины, но, Кристиэн, есть еще одно серьезное обвинение – в ереси. В вашем доме мы нашли еретические книги и статуи. Но об этом я буду говорить потом, я попрошу тебя написать ответы на вопросы, но не сегодня. А ты, пожалуйста, подумай, что ты можешь рассказать про то, что случилось в вашем доме. Еще, мы хотим знать, будешь ли просить развод с Риханом Айэ и что делал с тобой твой супруг. У тебя будет достаточно времени подготовиться.

- Да уймись вы! – дернул его за руку Дагрев, а другой настоятель уже подхватывал потерявшего сознание Кристиэна.

- Вас же предупреждали! Нет! Нужно было сразу вывалить на мальчика все! Он едва дышит, а вы со своими бумажками и еретиками! Рихан, что, собрался бежать? Нет? Ну и потерпели бы! – о характере настоятеля Амардина ходили легенды, и кто же ему доверил белый храм?

- Император взял дело под свой надзор, мне дали приказ, который я обязан выполнить. Вы чем-то недовольны?

Элвиану было и самому противно отговариваться бездушными канцелярскими фразами, но деваться было некуда. Ему было и самому не по себе. Кристиэн, явно, не ждал такой вести и так испугался. Разве он не думал, что супруга могут арестовать? И почему не жаловался раньше? Его истязали часто, лекарь дома Айэ рассказал страшные вещи – про побои, изнасилования, про то, что Кристиэн сам отказывался от пищи. Юноше стоило отправить

жалобу в ближайший храм, и его, как возможно посредника, вытащили бы из западни. Но, почему? Его удерживали силой, угрожали? И почему те, кто принести Кристиэна полумертвым в храм, назвали его убийцей? Когда Рихана Айэ арестовывали, стражники говорили про то, что на голове герцога виден ушиб, вроде шишки. Но Рихан сказал, что сам пьяным упал. Да что же это такое? Столько вопросов. Ответить можно, но сначала нужно разгадать первую загадку – что произошло в тот день и ночь, когда Кристиэн Рихан Айэ оказался один на дороге ночью.

- Я говорил, этим кончится! Мэл, ну почему ты не слушал меня! – Майэр метался по дому, то пытаясь собраться в дорогу, то останавливаясь, чтобы выплеснуть эмоции.

Сегодня утром государственный нарочный привез письмо – Кристиэн в Панкиссе, Рихан арестован, а Семья Рионтур вызывается свидетелями.

- Что, снова будем лгать, что ничего не знали? Мел, он же недавно был у тебя, что эта мразь хотела?

- Сядь и замолчи, хватит мельтешить! – едва ли не впервые за время брака Мельдин повысил голос на своего младшего. – Что мы могли знать? Ты видел Кристиэна всего несколько раз! Рихан говорил мне о том, что осенью разведется с ним, по своей вине и выплатит все полагающееся, просил, чтобы я взял Кристиэна к нам, под мою опеку. Он не собирался убивать его!

Майэр обессилено закрыл лицо руками.

- Кристиэн... Лучше бы я не молчал, когда он убил Ская, зачем я слушал тебя?

- И что ты лично можешь рассказать? Кристиэн тебе жаловался хоть раз?

- А ты? Рихан ведь приезжал к тебе, ты знал, что он бьет его! И молчал! Хотя, откуда вам, старшим понять...

Мельдин не знал куда деваться. Правильно, теперь виноват во всем он. Майэру некого больше винить.

- Не говори, о чем не знаешь! Там рассуждать, не каждый возьмется. Рихи любит Кристиэна, а монахи рвали их на части.

- Любит? – вскинулся Майэр, – Вот это любовь так любовь! Измываться над почти ребенком? Конечно, ты своего дружка как угодно выгораживать станешь! Монахи, Скай, звезды не сошлись, любое придумать можно!

- Я знаю Рихана с юности. Ладно, поехали, нам нужно в Тэлету.

Майэр бросил плащ на пол, а Мельдин отступил. Майэр, его нежный понимающий младший, теперь был зол, разъярен.

- Я не поеду ни в какую Тэлету! Что мне там делать? Каяться и причитать около убийцы?! Отдай мне мои бумаги, я сам поеду в Панкиссу!

- Майэ, нас вызывают как свидетелей, вдвоем. Успокойся, я прошу. Я сам не знаю, что думать.

- Ну так придумай, что на этот раз ты будешь лгать дознавателям! Я буду ждать тебя в Панкиссе, Кристиэн мне дороже чем Рихан и любые бумаги!

Мельдин уехал один, растерянным. Теперь виноват он – размолвка с младшим, трагедия с герцогами Айэ, хотя вина есть, немалая. Он потакал Рихану, тут не пойти против правды. Не верил, что друг причинит зло мальчику. Ничего сам не сделал, кроме слов и уговоров, а ими теперь никому не поможешь. Но Рихан, действительно, может подождать!

Нагнать Майэра он смог только в Панкиссе, почти у ступеней храма. Конь загнан, Мельдин чувствовал, что в поясном ремне нужно срочно колоть еще дырки.

- Что, передумал? – усмехнулся любимый. – Тогда идем.

Мельдин смог выдержать меньше, тяжело вздохнул и вышел из покоя, оставив Майэра с Кристиэном. Вот горе! Почему они не написали этого в письме? Кристиэн, оказывается, искал у него защиты, бежал и не успел, а теперь совестно и жутко смотреть. Он обещал мальчику помощь и не помог. Но кем надо быть, что бы так растерзать человека?! Аторцы, охрана Рихана? Кто отдал им страшный приказ?!

Майэр сидел около спящего. Кристиэн бледен, очень слаб, как сказали им монахи серых, никого не узнает. Ужасные раны, потерянная речь и все это из-за отвратительной твари Рихана! Он поговорит с Мэлом, нужно забрать Кристиэна отсюда к себе, как только будет можно. Мэл же должен понять...

За что с ним так?! Ведь это не Скай, даже и слова громко не скажет. Вспомнился танец на недавнем приеме и собственная нежность к маленькому партнеру, казавшемуся невесомым перышком, закрытые, в упоении танцем, карие глаза. К чему же придрался Рихан? Хотя этот найдет любой повод, чтобы натравить своих выродков. Тогда они солгали, когда их спрашивали про Ская, а за ложь заплатил невинный.

- Я пока останусь тут, а ты езжай в Тэлету, – сказал супругу Майэр, притихший, потерявший вдруг всякую охоту к ссоре. Мельдин молчал. – Ну, что ты, Мэл? Прости меня.

- Да нет, – Мельдин обнял его, – ты прав. Но я все равно не могу поверить. Он не мог так изуродовать Кристиэна, ударить, взять силой – да, но не до такого зверства. Нет. Не верю. Он любит Кристиэна.

- Спаси боги от такой любви.

===== Глава 19 =====

Итак, нужно восстановить события злополучного вечера, когда исчез Кристиэн Рихан Айэ. Разговор с управляющим усадьбой оставил у Элвиана странное впечатление. Девир словно защищал обоих своих хозяев и все валил на охрану герцога. Но надо сказать, выглядело правдоподобно. Управляющий подтвердил то, что сообщили сами покойные наемники – мальчик мог попытаться убить Рихана Айэ.

- Да его трясло всего всего, беднягу, плачет, дрожит, говорит, мол убил герцога, везите в серые храмы. Сам, дурак старый, не соображал ничего, отправил мальчишку от греха подальше, да и сайэ Мельдин разобрался бы. Пьянки эти, аторцы, уж навел бы порядок, сайэ Рихан его всегда слушал, уважал. Ну и от охраны подальше выпроводил, а сам пошел, посмотреть, а герцог то ли упал, то ли еще чего, башка в крови, но живой, спит, да храпит так, что стены дрожат. Я пока думал, а мальчишку вернуть поздно уж было, да и эти жеребцы бы забеспокоились. Одно несчастье от них в доме! То что-то разобьют, то кухарку прихватят, то нажрут! А тут они, как назло, прижали меня, я и так и эдак, не сказал им, а они все равно в погоню, как псы, след-то взяли! Мальчик мой бедный, уж так ему доставалось, купили как щенка да и мучили,

бессовестные!

Управитель еще долго жалел юного Кристиэна, из чего дознаватель сделал вывод о том, что младший Айэ был и вправду безответным созданием, хотя управитель и Рихана жалел, а вот охрану герцога ненавидел лютой ненавистью.

Двоим удалось уйти, двоих убили в Панкиссе, а остальные испарились как и не было их.

Интересно, следует поподробнее порасспросить Рихана Айэ. Обвинение в убийстве старшего может серьезно повернуть все дело в другое русло.

Герцог расхохотался в лицо дознавателю.

- Что случилось? Да ничего, пьяный я был, что-то помню. Это вон у котенка воображение богатое на глупости. Поддал я как следует и начал к нему приставать, прямо в молельной. Уж хотелось сильно, а тут, как назло, котенок полураздет. Вы не знаете, каково это? А я на ногах едва стоял, вот до этого все помню. Он пищал что-то, а я упал и башкой ударился, то ли о светильник, то ли еще о дрянь какую. Но чтобы котенок, меня? Вы, господин дознаватель его видели? – герцог посерьезнел, смотрел прямо в глаза Элвиану. – Такими ручками тяжелее кисточки ничего не поднимешь. Мой котенок мухи не обидит, от страха померещилось, он же дрожит, плачет, а я раз, и в обмороке. Один раз было такое, но он сообразил, что делать, тазик там притащил, меня в чувство привел, а тут не так, испугал я его сильно.

- Значит вы поссорились в тот вечер? – еще раз зачем-то уточнил Элвиан.

- Если так сказать можно. Что у пьяного в голове, то и на языке, я котенка дразнил, а он вякал что-то, я не слышал даже.

- Значит, не вы отдали приказ о розыске Кристиэна и его передаче в серый храм?

Рихан снова неуловимо изменился, теперь стало видно, что он герцог и воин, насторожен, и едва ли не обижен. Острый взгляд.

- Нет, я бы один поехал искать его.

В принципе, решил Элвиан, более-менее ясно, что случилось. Показания Девира и Рихана совпадают в части пьянствования и того, что охрана все же уехала без ведома герцога. Но, почему Кристиэн решил, что он убийца? Скорее бы мальчик пришел в себя.

С еретиками было еще хуже.

Дагрев очень беспокоился о подопечном. Юноша, хоть и не обученный, но посредник, что будет, когда он придет в себя и узнает, что находится в сером храме? Но помог настоятель Амардин из белых.

Оба монаха неторопливо завтракали, прекрасное летнее утро и свежесдобитый хлеб.

- Что ты маешься? – спросил Амардин у друга, которого знал не один десяток лет. – Как ему станет получше, перевози его ко мне или я сам пришлю карету. Лекари у меня получше твоих все равно. Незачем мальчишке на твои ступени смотреть.

- Может он уже и не посредник? – тихо спросил Дагрев. – Такое даром никому не проходит. Они ведь как знали это, истязали, ломали нужное.

- Дар он не в ногах и голосе, не мне тебе говорить об этом, - горько улыбнулся Амардин, - либо в человеке есть свет, либо его нет. Но свет можно упорно пытаться гасить, пока не останется угольков. Я вчера видел Кристиэна, он не спал, глаза чистые, ясные. На таком нет греха. Бедное дитя. Я устал твердить иерархам о том, что детей с даром нужно забирать любой ценой, убеждать, уговаривать, платить любые деньги, иначе случится вот такая беда. У нас были все сведения о Кристиэне, с его первого посещения приморского храма и мы не смогли ничего сделать! Все сходилось - доброта, умение владеть телом, людей к нему тянуло, красота и остальные признаки, а приморцы поленились - оставили это диво на воспитание матери, которая его потом продала!

- Но ведь ребенка нельзя отнять силой. Люди сами должны понимать, что посреднику лучше быть в храме, чем мучить всю жизнь себя и других.

- Сразу так уж и мучить? Если судьба будет благосклонна к ним, то и брак счастливый будет, а уж если нет, то сам видишь, вот как с этим мальчиком. Живую душу так пытаться! И тэлетцы проморгали, Рихан за него шестьдесят тысяч отдал, а мой храм бы отдал сто, двести, да сколько угодно. А они и венчаться позволили и не нашли повода, чтобы не допустить свадьбы! Сами отдали ведь зверю в лапы! Когда все это закончится, я буду настаивать, чтобы Кристиэн остался в моем храме.

- Но он не будет больше танцором... - растерялся Даргев. - Там такая рана, ходить и то с трудом, с палкой станет.

- Пусть просто живет в покое и под защитой, а как обратить дар на благо - я придумаю.

- А если он не захочет?

- Я постараюсь уговорить, но если нет, то неволить не стану. Пусть делает, как желает.

Майэр решил остаться в храме, пока не вернется Мельдин. В Тэлету ехать совершенно не хотелось, да и незачем, все решат за него. Пусть Мэл разбирается с бумагами.

- Возвращайся скорее, мы будем тебя тут ждать! - Майэр на прощание потянулся обнять супруга.

- Ты рехнулся, солнце? Что тебе тут делать? - не поверил ему Мельдин. - У них и без тебя забот полно!

- Буду сидеть с Кристиэном, - не обратил внимание на супруга Майэр. - Может ему будет легче, если он будет видеть хоть одно знакомое лицо.

- Не знаю, - проворчал ветеран, не желая расставаться с супругом даже ненадолго, - ты будешь все время говорить ему о Рихане?

Майэр возмущенно фыркнул:

- Ты за кого меня принимаешь, Мэл? Я просто буду рядом. Уезжай.

Нет, зря он ругал Майэра. Правильно и сделал, что остался, не поехал. Мельдин сбился с ног, метался между канцеляриями, приказами, храмами и переписчиками, таскал бесконечные бумаги. Всем нужна семья Айз. Дознавателей интересовало буквально все, что

касалось герцога и его несчастного младшего. Мельдин рассказывал все, начиная со своего приезда в столицу, с юности. Но самое трудное – обойти Атору. Почти целый день он вспоминал все, что было тем жарким летом.

Рихан, запыленный, усталый, глаза в красной сетке лопнувших сосудов, не спавший несколько ночей, мешок с бумагами в костистых руках.

Они с парнями ждали его, командира, который ушел в змеиный лаз. В захваченном городе их ненавидели все, даже маленькие дети швыряли камни в имперских солдат. Но город был в страхе, они не мародерствовали и не насильничали. Просто убивали. Хотелось домой, в Панкиссу, Ланку, Тэлету, милые, родные земли. А зачем империи эта пустыня?

Рихан кинул на походный стол бумаги:

- Снять оцепление. Закончено.

Потом Мельдин слушал всю ночь и думал, что лучше бы они сожгли все дотла. Рихан заплатил собой за эту войну, а слава достанется другим, им перепадут крохи.

Потом было возвращение, герцогство, богатство и аторцы, поселившиеся в глухом провинциальном углу, на земле, купленной герцогом Айэ.

- Не знаю. Мне был отдан приказ, я его выполнял. Он вернулся и лег спать. Утром мы ушли. Никаких бумаг я не видел, – Мельдин сидел в канцелярии, перед тремя дознавателями, один из которых был военным. – Столько уж лет прошло.

- Не так уж много. Вы часто бывали в усадьбе своего соседа? – дознаватель Элвиан.

- Нет. У меня своя семья, я тяжел на подъем.

Тут поверили, Мельдин ощутил гордость за свое пузо.

- В том году раза два. Когда Рихан женился и на зимний праздник.

- Так немного? Вы же дружите с юности? – очень опасный вопрос. Мельдин мгновенно насторожился.

- Дружба в походе и войне это одно, а когда семьи, служба, хозяйство – все становится дальше и не хватает дней. Вроде и живем не далеко, а как-то вот и некогда. У нас постоянно гости толкуются, моя родня, Майэра, их тоже не бросишь.

- Хорошо. А почему Кристиэн Рихан Айэ решил искать помощи именно у вас? – Элвиан выжидал время, когда можно будет спросить об этом, так необходим ответ!

- Скорее не у меня, у моего младшего супруга. Он единственный в округе, кого Кристиэн хоть как-то знает и кто равен ему по положению. Но он старше мальчика почти вдвое, и он доверял ему, как старшему брату. Майэр сейчас в Панкиссе, рядом с Кристиэном.

- Вы весьма заботливые соседи.

- Нет, но Рихан не раз просил меня, чтобы я взял на себя заботу о Кристиэне, если что-то случится, – пожал плечами Мельдин.

- Хорошо, что вы об этом сами заговорили, - Элвиан улыбнулся, этот толстяк совсем не прост, хотя, это наверно привычка, отвечать перед дознавателями за делишки Рихана Айэ.

- Мы подняли бумаги, - начал второй дознаватель, - которые Рихан Айэ хранил в городской канцелярии. Выяснилось, что еще осенью он переписал все свое состояние и недвижимость на младшего, в браке с которым состоял всего лишь пару месяцев. Пока не истечет траур, распорядителем он назначил вас. Это еще не все. Вторые бумаги - черновики прошения о разводе с Кристиэном, по собственной вине, с сохранением за Кристиэном права имущества и вашего опекуства и отдельно помечено, что ни в коем случае юноша не должен вернуться в родительский дом, а его родственники не имеют права ни на какие деньги, что вира за развод будет уплачена храму. Вы знали об этом? Почему именно вы?

- Мне сказали об этом несколько седмиц назад, Рихан как раз приезжал по этому делу. Признаться, я был весьма удивлен, тем, что он хочет развода. Он очень беспокоился о своем младшем, просил, чтобы я взял его в свой дом и в будущем нашел хорошую партию для Кристиэна. А родителям мальчика он и вправду не доверял. Гнусные люди - взяли от герцога шестьдесят тысяч, сунули в руки мальчишку и даже не попрощались и не прислали потом письма. Рихан говорил, с Кристиэном плохо обращались. Поэтому стоило ожидать, что они слетятся на деньги как воронье, а мальчик снова будет в плену. А я именно потому, что больше у Рихана никого нет. У отца он единственный сын, да и умер отец давно. И получается, Кристиэн тоже один-одинешенек. Ближе меня у Рихана нет друзей. Но, я так понимаю, теперь вопрос будет решать канцелярия?

- Мы уже решили. Ваши заслуги и репутация хорошо известны, поэтому мы не видим препятствий. Но не будет ли вам юноша помехой? Ведь он нездоров. В таком случае, мы передадим права храмам.

- Нет. Ни в коем случае, Кристиэн не помеха! Он очень славный мальчик. Я до сих пор не могу понять, что случилось меж ними. И как только Кристиэна можно будет перевезти в Ланку без опасений, я заберу его и найму врачей.

- До суда и конца расследования он будет жить в белом храме настоятеля Амардина, к юноше у нас много вопросов, и хотелось бы знать, что думает он.

- У него повреждено горло, он не сможет говорить.

- Значит, напишет, - утвердил дознаватель. - Теперь расскажите о том, что вы знали об отношениях супругов Айэ. Рихан Айэ признался, что плохо относился к мальчику.

- Как вам сказать, - проникновенно начал Мельдин, глядя прямо на дознавателей, - сложно судить об отношениях мальчишки и взрослого мужчины, многое повидавшего. Рихи следовало уплатить часть выкупа и ездить года два в Приморье, дать мальчишке привыкнуть к себе. Ну что может понимать ребенок? Да, он красивый, очаровательный, прекрасно воспитан. Украшение дома и постели. Кристиэн, как солнышко, но ему бы подрасти. А Рихи слишком много хотел и слишком много было уже неудач. За спиной брак с храмовой шлюхой Скаем, да и первую его любовь убили. И вот, приморского мальчишку забирают от родных, хоть и плохих, но людей, которых он знает и отдают незнакомцу, увозят в далекое поместье. Кристиэн поначалу очень боялся Рихана, Рихи сам это говорил мне. Да и свадьбу помню, как они приехали из храма и младшего ввели в дом - глазки перепуганные, дрожит. Рихан даже его наверх отправил, в комнаты, чтобы успокоился и отдохнул. А потом я уже с ними зимой свиделся, на праздник. Кристиэн пообвыкся, вы поместье видели? - почему-то спросил Мельдин и сам себе ответил. - Так мальчик Рихану портрет нарисовал, в подарок. Кристиэн

хорошо рисует, я советовал Рихану нанять учителей, но тот сказал, что и так доволен.

Портрет Элвиан видел. Да, тут он был абсолютно согласен с опальным герцогом, парня можно было и не учить. И без того дар прекрасен. Жуткий портрет – не герцога нарисовали, а страдание и гнев. Таким его видел Кристиэн?

- Там много картин. Кристиэн их Майэру показывал. Зимой Айэ были весьма милой парой, Кристиэн под первое утро праздника уснул прямо у Рихана на коленях, а тот и пошевелиться не смел. Краски ему дарил, побрякушки. Я хорошо знаю, что Кристиэна не морили голодом и одевали как принца. Вот, недавно же Ланка любовалась им.

- О, да! – согласился один из чиновников, улыбнувшись. – Слухи и до Тэлеты дошли. Но люди удивлялись, почему такого красавца первый раз вывезли в свет, ведь юноша блистателен, а Рихан держал его взаперти.

- Рихан и сам балов не любил, и не наматывается из поместья в Ланку. И я не любитель, и мой младший, такие уж мы домоседы. Да и люди военные, в молодости уже оттанцевали свое. И Рихи прав – мальчику нечего бывать на виду, тем более с такой внешностью. Начнется – записочки, вздохи, драки и до беды дойти может. Да сами знаете.

- У Рихана Айэ были основания ревновать супруга? – оживились дознаватели. – Кто-то искал внимания Кристиэна?

- Нет, никаких, да даже если бы искали, то Кристиэн слишком набожный и порядочный мальчик. Хотя кругом полно мерзавцев.

- Вы сказали так много и не сказали ничего об отношениях супругов, – уточнил Элвиан, устав от рассказов Мельдина. Рионтур ловко уводит разговор. – То, что вы сказали, ценно, но, любили ли они друг друга? Что было меж ними?

- Простите? – удивился Мельдин Рионтур. – Редкий человек обсуждает своего супруга и постель, даже с другом, а тем более в подробностях. Я не держал им свечей, но точно могу сказать, кто из них был сверху.

- На теле Кристиэна, – не принял шутки дознаватель, – есть застарелые шрамы и следы от плети, которые появились раньше, чем он сбежал от супруга. Вы не знаете, за что его могли наказать?

- Не представляю, – оскорбился Мельдин, поморщившись. – Как на Кристиэна можно даже замахнуться, а уж тем более бить плетью?! Не знаю и не хочу знать, за что Рихан бил его. Кристиэн был привязан к нему, а Рихан, по-моему, даже влюблен, но не понимал, как донести это до мальчишки, чтобы тот понял.

- Плеткой? А что вы можете сообщить о Скае, первом супруге Рихана Айэ? Юношу взяли из серого храма и умер он при странных обстоятельствах.

- От горячки. Я уже давал объяснения по этому делу несколько лет назад. Скай это не Кристиэн. Первый – мразь и преступник, вор, он крал у Рихана, и уж почему тот взял его, для меня загадка. Там до драк доходило и Скай не уступал ничем. А Кристиэн нежнейший тихоня, с прекрасными манерами. И еще одно, мне никогда не нравились те люди, что у Рихана в охране, наемники. Он часто пил с ними в Ланке, но это именно они изуродовали Кристиэна.

Может они поймут намек? Мельдин, конечно, рисковал, уводя разговор в сторону Аторы и

наемников. Он может погубить Рихана окончательно, но если он скажет правду, то легче тоже не будет и не поможет ничем.

- А если Рихан пьет, то к сожалению, он не всегда себя держит в руках. Старые раны сказываются да и смертей много прошло через него, любому в голову стукнет. Может ему и Скай почудился, может Кайс, тот, кого убили. А рядом-то не покойник, а мальчишка, безответный. Я могу предположить только такое. Но совершенно точно, Рихан бы не сделал и в самой страшной ярости того, что сотворили эти ублюдки и никогда бы не отдал такого приказа. Он ждал осени и хотел развестись, сохраняя честь Кристиэна, а потом собирался на юг, на новую войну.

Элвиан удовлетворенно кивнул. Да, верно, Рихан Айэ подавал такое прошение с просьбой о переводе.

- Он заботился о будущем Кристиэна, никак не для того, чтобы сделать мальчика калекой.

- Хм, а Кристиэн знает о том, что стал богатым наследником и о грядущем разводе? Вы ничего не слышали об этом?

Вот вы к чему клоните. Теперь в сторону Кристиэна?

- Нет. Абсолютно не мог знать. При разговоре были только я и Рихан. И Рихан предупреждал даже о том, чтобы я не говорил Майэру. Он хотел сказать только осенью.

- Почему именно осенью? Почему не сразу, как только понял, что семейная жизнь не ладится?

- Просто потому, что не мог решиться и надеялся. Рихан любит Кристиэна.

- Хорошо, на сегодня достаточно. Не будем вас больше задерживать, сайэ Мельдин. Но вас скоро вызовут. Пока получите все бумаги.

- Обязательно, - вежливая улыбка протокольным крысам, - но один вопрос, господа, могу ли я увидеть Рихана?

- Да, вам разрешены свидания, мы предполагали такую просьбу, - кивнул Элвиан, - но вас будут досматривать. Все-таки Рихан Айэ герцог и военный, у него другие условия содержания. Завтра вы можете его навестить, но если мы захотим знать содержание ваших разговоров, вы обязаны нам рассказать все.

- Это естественно, господа, такова ваша работа. Но я всего лишь хочу навестить друга.

Рихи, что ты натворил!

Особенно не обыскивали. Мельдин, правда, и не старался пронести что-то мимо тюремной охраны. Да, эта тюрьма не для простых, но все равно, те же стены, сыровато и угрюмые рожи стражников, гулкие шаги по коридорам.

Комната с пустым столом и двумя табуретами: "Наверняка в ней ведут допросы, хотя пыточная тоже для этого хороша", - нехстати подумалось Мельдину.

Мельдин молчал. Боги, как исхудал Рихан за седмицу, и так не толст, но теперь тень, глаза встревожены. Волосы собраны в хвост, подхвачены шнурком, одежда чистая. Но все равно, не тот.

- О, Мэл! - Рихан сел первым, закинул ногу на ногу. - Приехал пожуричь меня или Элвиан попросил побеседовать? Для разнообразия?

- Хочешь, уйду? - Мельдина задел издевательский тон. - Если к тебе в очередь давятся друзья. Руки никто не подаст. Я не журичь приехал. Не ты ли меня сам просил взять опеку над Кристиэном? Так что я тут имею полное право быть. И если бы мог, сам бы тебе шею свернул! Что ты сделал!

- Я все это уже слышал, Мэл, - Рихан, казалось, был непрошибаем. - Если только тебя это интересует, то спроси дознавателей. Они знают даже лучше, чем я и расскажут в красках. Непременно поделись с Майэром, он кончит от таких вестей.

- Во что ты превратился? - Мельдин решил не обращать внимания на злые слова. Рихан не в себе. - Беда пришла, Рихи, а ты сидишь и щелкаешь на меня зубами. Взял и сломал две жизни. Свою и чужую. Я вот не понимаю, за что ты Кристиэна так? Мне наплевать, о чем вы там говорите с Элвианом и чего он хочет, я тебя почти двадцать лет знаю, ты мне как брат. Ты хотел развестись со своим котенком, а мальчик теперь лежит в чужом монастыре, сером.

Рихан подобрался мгновенно.

- Ты был у него?

- Был. А тебе это разве интересно? Зачем знать про того, кого предал? Хотя я тебе все равно расскажу. Наверняка ведь никто толком не рассказал. Я тебе, подонок, сам распишу, каким я его позавчера видел. Может оно и нехорошо, но я почти рад, что он без сознания был, в глаза ему смотреть не пришлось. Тебе нравился чужой страх и беспомощность? Не Скай ведь, первым в морду не даст! До чего ж нужно было довести, чтобы сбежал, а? А я не знал, не помог. Бедный ребенок, пережить такое! Если переживет. Так вот, он там, в Панкиссе, под одеялом почти не видно, ты его голодом морил? Тебе сказали, что он повредил правую ногу? Сказали. Он возможно, ходить, как люди ходят, уже не будет никогда - там кости перемолоты - в капкан угодил. И собрали ведь заново чудом, а то и отрезать могли. Твои подонки его душили по особенному, чтобы не сдох, но и говорить потом не мог. А сейчас и шею в тряпки замотали, чтобы не случилось ненароком чего. Пить с трудом может. Избили, двое здоровых мужиков, изнасиловали, как водится. Твоего Кристиэна считай, что сейчас и нет, может и умереть ему лучше, разом бы отмучился. За год из красивого мальчишки сделать увечного калеку! Это твоя вина, Рихан! Я верю, что ты не посылаешь убийц ему вслед, они сами поехали, но это твой недосмотр! Ты предал его, взял, наигрался, зло сорвал и выбросил. Это не он сбежал, это край подошел.

- Он не ребенок, Мэл, - деревянно отозвался Рихан, который кажется даже не дышал, пока Мельдин говорил.

- Он? А кто? Мужчина? Супруг? Брось! Подросток, которому нужен старший брат, отец, наставник, но не супруг. Вспомни себя в эти годы и сравни с ним! Ты ему даже крыльев расправить не дал, так о какой любви ты рассказываешь? Что он там знал? Что в постели могут избить и разложить как хочется хозяину, а вякнет против - получит в ребра?! Его дома застращали и ты неласков. Какая от такого любовь? Его сначала выхаживать нужно было, а потом что-то требовать. Но мальчик светлый. Я был искренне рад, когда ты привез его, чуть-чуть потрудиться и получил бы счастье.

- Ты все сказал, Мэл? Тогда слушай меня. Мне надоело все это! Хватит тереть одно и то же, я виноват и я отвечу. Но моя просьба в силе. Позаботься о нем, прошу! А потом пусть выходит за

кого хочет.

Мельдин впервые пожалел, что нельзя ударить, прямо кулаком в это окостеневшую морду. Это не его друг, это троллий подменыш!

- Ты ничего не понял? Слепой? - Мельдин говорил тихо, но отчетливо. - Вот со стороны оно как смотрится? Взял ты мальчишку, изувечил и выбросил, повесив приятелю на шею. Денежками откупился. Да, люди так говорят. Давай, разводишься с ним, предай его совсем, чтобы жизнь уж не мила совсем была. Если ты подпишешь развод - я первый буду, кто к твоему костру огонь поднесет! Рихан, он не будет счастлив! Теперь кто возьмет калеку? Хромого, немого и изнасилованного? Он чужой руки бояться будет. Ты хоть понимаешь, какое у него будущее? И, я твоих денег на него не возьму, у меня достаточно средств, чтобы содержать его. Пусть сам распорядится как хочет. Как пожелает, так и сделаю. Что теперь будет?

- А ты не догадался? - оскалился Рихан. - До Аторы уже добрались. Быстро, ничего не скажешь. Поэтому мне надо развестись с Кристиэном. Его это не касается, всю вину за него на себя беру, ни от чего не откажусь.

- Его сейчас ничего не касается, кроме костоправов и лекарств. Рихан, не подписывай развода. Ты не спасешь его, если откажешься! Он очнется, калеккой, без фамилии, и ты ему скажешь, что все было зря?! Это очень жестоко, Рихи. Пусть он подпишет первым. Тогда ты свободен в выборе, а пока ты несешь ответственность.

- Мэл, ты поедешь к нему? Когда?

- Когда все бумажки оформлю, ворох уже собрал! Но думаю, скоро.

- Хорошо, - Рихан вдруг потер глаза, нечаянным жестом.

Не поверил тому, что видел. Мельдин плачет. Никогда не было у друга слез, ни когда горели в Аторе, ни когда погибали свои. А теперь...

- Я сделаю все, чтобы помочь вам, Рихи, - Мельдин наконец справился с собой, - но есть то, что я не в силах решить - чтобы вы с Кристиэном поняли друг друга.

- Кажется уже поздно, Мэл. Пусть котенок выздоравливает и забудет.

- Он не забудет, Рихан.

- Сделай все, чтобы забыл! Чтобы подписал развод! А теперь иди. И так много лишнего сказали.

- Хорошо, и еще, одно. Рихи, не считай Кристиэна дурачком, я думаю, он знает, чья на самом деле вина.

- Уходи, Мэл. До встречи.

===== Глава 20 =====

Кристиэну снился удивительный сон в его первую ночь в белом храме.

Сначала ему было больно, когда его везли в карете и хоть постоянно следили за тем, чтобы раненая нога не испытывала неудобств, все равно, он извелся от боли. Но какой бы тяжелой не была боль, забыть о главном он не сможет. Рихан жив. Он не убивал. Рихан в тюрьме. Из-за

него. Если бы не он, ничего бы не случилось. А теперь сбылись те самые давние мысли о том, что будет, если кто-то узнает о том, что герцог еретик. Он не убил, он предал...

Ему четырнадцать лет. И не было в его жизни ни злого Сэта, ни мрачного дома в Приморье, ни страшного герцога Рихана Айэ. А был храм, светлый белый храм приморья, куда его взяли совсем ребенком. Учили всему - читать, слушать, петь и конечно же танцевать. Кристиэн был рожден для танца, он жил им, дышал и недоумевал, отчего другие ученики ленятся и ноют после уроков, когда наставник показывает как владеть своим телом. Шесть лет непрерывных упражнений, молитв и книг. Шесть лет счастья - никто не сказал ему никогда дурного слова и не ругали за проступки или неудачи. Обидеть или упрекнуть ребенка-посредника, значит навлечь неудачи на свой храм. Их было десятеро, всего десять будущих танцоров, которые постепенно сменяли старших. Каждый драгоценен для храма и города. Кристиэну же прочили большую славу - слишком яркий дар.

Первый танец Анхара. В этот праздник танцевать роль младшего бога ему. Тот, кто делал это до Кристиэна, теперь Гром. Кристиэну же выпала честь, нет, не выпала, он заслужил ее - на него будет смотреть весь город и ему впервые слушать людские молитвы и нести их через себя Анхару.

- Слишком юн. Они могут быстро выпить его, люди жадны, - беспокоился один из наставников. - Ему бы еще год потерпеть. Он слишком чудесен, а мы рано истратим его дар.

- У Кристиэна сильное и чистое сердце, я уверен в этом. Да и как ты теперь отзовешь его? Он же готовился, волнуется, грезит.

- Будем верить.

- Только не переживай, хорошо? Это все как обычно, как на уроках. Ты только слушай. Твое тело лучше тебя знает, как надо, а душу отдай людям. Ну, дитя мое, иди.

Анхар Маэ! Сколько людей! Храм огромен, ярусы заполнены, площадка у алтаря кажется теперь совсем маленькой. Как же они тут помещаются на уроках? Милана, Молния, обнимает его за плечи, что-то шепчет, успокаивает. И вправду, чего бояться, надо лишь закрыть глаза.

Приморье волновалось не меньше Кристиэна, гудело как растревоженный улей. Новый танцор в этом году понесет молитву Анхару, говорят, что совсем молоденький мальчик. Хватит ли у него сил? Красив ли он? Искусен? Так ли хорош его танец, как у предшественника? А что с тем? Ах, он теперь Гром? Значит, через пару лет будет счастьем в чьем-то доме, а может будет танцевать дальше. Грому достается самая тяжелая ноша - молитвы князей, воинов, власти. Это не нежные вздохи влюбленных, которых бережет Анхар, и не женские слова, что предназначены лишь Молнии. Те, кто несет молитвы Грому редко танцуют больше трех лет. Но зачем думать о плохом? И город ждал нового танцора.

Легкая, невесомая босая фигурка, всего лишь в белых штанах, схваченных шнурком на животе. Анхаром любовались все - и вправду красив. Изящный подросток, черная коса до пояса, нежный, словно перышко, танцует закрыв глаза. Но распахнул

ресницы и истинно приморские вишнево-карие очи - душа города в них. Его танцы - чудо, люди смотрят, затаив дыхание, как юноша рассказывает собой историю Анхара. Он парит над мрамором площадки, его движения как слова. Вот он умоляет Молнию не гневаться на него, вот его горе, когда он покидает небесный дом, а вот плеск радости - счастье встречи с возлюбленным, первая их ночь, робкие ласки, игра рук, взглядов, полуоборотов. Высокий сильный статный Гром едва касается своего маленького возлюбленного, который вынужден жить в море, а люди видят любовь, верность и надежду. И молитвы о том, чтобы и им выпало счастье - улыбнулась неприступная красавица и отдали бы ее родители без выкупа; юноша, который еще не стал супругом, просит о том, чтобы быть любимым и не корили бы его, что взяли из милости. Да мало ли того, в чем может помочь Анхар, покровитель Приморья?

Вот замер последний вздох флейты и юный танцор распростерся у ног Грома. Такт в такт. И храм замер в тишине восторга, а когда опомнился - танцоры исчезли, словно дым.

Вот что значит слышать! Кристиэн понял это сразу, как только скользнул в первом движении танца - первой встречи с Громом. Сначала чужое любопытство холодило кожу, обвивалось меж ступней, но не мешало танцу. Наставник был прав, тело Кристиэна умнее его самого. А потом теплая ласковая волна и шепот воды: "Помоги", "Услышь нас" - , через пальцы текла вода, потоки, словно он стоял под водопадом, а с пальцев бежала в реку. Он был Анхаром - ему было больно, когда Молния ударила его, свергая в море, он был счастлив, когда миновала разлука. И ничего не тревожило извне, словно его поддерживали, брал невидимые молитвы в руки, словно пух и забирал невеликую тяжесть, чувствовал все - как принимает и как отдает.

Кристиэн! Людям лишь после священнодействия сказали имя нового танцора. Юному Кристиэну всего четырнадцать! Всего! Но город был покорен и очарован.

- Выпей, вот, - сам настоятель усадил его на мягкое кресло, поднес чашу с теплым питьем, чтобы не простудить.

Все успокаивают, слишком сильно бьется сердце. Но не ошиблись. У Кристиэна действительно дар, отныне он священен. Кристиэн торопливо пил, еще не понимая, что закончился его первый ритуал. Их будет еще много, но этот - первый.

- Ты молодец, малыш. Но сейчас пойдем, я покажу тебя Приморью. Пусть люди видят тебя. А потом ты отдохнешь. Просто иди рядом со мной, там поймешь.

Кристиэн знал, что следует делать. Разве он не видел ритуала раньше, с верхних служебных ярусов? А до четырнадцати лет танцевал в учебных покоях, вдали от чужих глаз, чтобы до поры до времени никто не узнал тайны танцоров.

Они шли по краю площадки, наставник держал его за руку, а люди улыбались им, смотрели со всех сторон. Он слышал свое имя: "Кристиэн Анхарэ Маэ! Славим его! Анхар, береги Кристиэна!" - теперь молились за него, труд вернулся сторицей.

Потом было еще много радости - Кристиэну приносили подарки, цветы, сладости, корзины яблок и винограда, спелые персики. Он растерялся, не зная, что делать с подарками, с украшениями. Впервые держал в руках серебро и золото. Но наставник разъяснил:

- **Делай что хочешь. Что нравится - носи сам, никто не скажет плохого, а даритель будет счастлив. А если хочешь - укрась статую Анхара, так будет тоже хорошо, дар не остался без внимания и достоин украшать лик бога. Плодов столько не съесть - конечно передадим на храмовую кухню, но вот ту ветвь красного винограда оставь, уж очень соблазнительна, утром полакомишься. А можешь все раздарить кому пожелаешь! Только деньги отдай в серый храм, они там нужны, а тебе точно ни к чему поганить рук. Масла и крема пригодятся танцорам, цветы расставим по храму.**

Звали в разные дома, но Кристиэн посетил только усадьбу наместника. Наставники объясняли, что танцор юн и не стоит его утомлять понапрасну после первого ритуала, пусть придет в себя. У наместника Кристиэн пробыл недолго, краснел от похвал и восхищений.

А город гордился им и любил своего Кристиэна. Попав в тэлетский храм и увидев там лучшего танцора столицы, славного и искусного юношу, приморцы лишь снисходительно улыбались:

- Нет лучше и краше Кристиэна. Пусть танцует подольше, пусть славит всегда.

Кристиэн танцевал утреннюю службу. Это будни, народу совсем немного, в основном гости города и моряки. Но какая ему разница? Молитвой все равны. Пусть он сегодня не Анхар, он просто танцует славу. Танцоры сменялись ежедневно, но не было очередности - кто захочет, тот и идет, разве можно указывать посредникам в таком? Хотят двое? Да хоть все!

Но сегодня Кристиэн один.

Почему-то утром захотелось одеть именно два кольца. И больше никаких украшений. Вдруг подарить кому-то захочется? Оказывается, по давней примете, если танцор дарит что-то, то люди носят эту вещь как талисман и почитают такой случай за великую удачу.

Зрителей немного. Кристиэн уже умел разглядывать людей, танцуя. Два года его знает Приморье, у любого жителя на языке его имя.

Одно из серебряных колец вдруг скатилось с пальца, чуть звякнуло о пол и исчезло. Кристиэн не станет его искать, значит подарок не от чистого сердца, а то и с наговором. Кто-то из приезжих способен на такое, горожанам в голову не придет. Значит хорошо, что в танце оно ушло. Анхар уберег своего танцора.

Моряки, воины, женщины. Улыбаются, смотрят внимательно. Высокий мужчина с серо-пепельными волосами не сводил с него взора - узкие глаза прищурены, взгляд напряжен. Иногда бывают и неприятные среди смотрящих, от них дурной липкий запах желанья. Но танцоры не вольны вступать в брак и связи - цена за дар радости. Ничьи руки не снимут с них одежду на ложе. Анхар уберег и от тех, кто близко подходит. Но во взгляде чужеземца не было желанья - он просто внимательно смотрел. Как будто вспоминал что-то, а Кристиэн помогал ему. Так бывает, можно не молиться, а думать о своем.

Танец закончился. Кристиэн улыбался, прощаясь с прихожанами. Он обойдет свою

площадку, потом купальня и спать, а днем и вечером пусть танцуют другие. Ему нравится утром.

Мягким движением скользнул к “пепельному” воину. Протянул на узкой ладошке кольцо, второе, что осталось, простой серебряный ободок с витым узором.

- Возьми, вдруг поможет.

Мужчина принял кольцо. Изумленный неожиданным даром, хотел поблагодарить, но юноша уже исчез. Под откровенно завистливыми взглядами других прихожан посмотрел на подарок, одел на мизинец, да и то не до конца, вздохнул, снял с шеи шнур с амулетом и прицепил колечко туда. У танцора слишком тоненькие пальчики.

- Храни тебя боги, котенок, - Рихан Айэ, сотник из Тэлеты, вышел из приморского храма, посмотрел вдаль. Порт, море, паруса и приморские сады. Начиналась осень.

Самое тяжелое - молчание. Майэр приезжал в белый храм к Кристиэну иногда один, иногда с Мельдином. Помогал одевать, мыть, поддерживал, чтобы Кристиэн хоть как-то мог делать шаги по комнате. Тягостное молчание было невыносимо, Майэр же говорил постоянно, рассказывал Кристиэну все, что знал, даже детские сказки. И ни слова о Рихане, как бы не хотелось. Кристиэну и так расскажут больше, чем надо знать, дознаватели и те, кто заинтересован в этом деле.

Майэр выносил Кристиэна поначалу в сад на руках, где отцветали яблони, они лежали на траве и глядели в небо. Скорее бы забрать его домой, мечтал младший Рионтур, пусть будет младшим братом. У них с Мэлом никогда не будет детей, так хоть Кристиэн будет.

Но почему так долго возятся с Риханом? Разве мало доказательств? И сами измучились, и Кристиэна изводят.

- Он тебя заболтал совсем? - спросил Мельдин у Кристиэна, в очередной раз вернувшись из Тэлеты. - Нет, малыш, никаких новостей. Пока все так же.

Дознаватели прибывали с бумагами. Кристиэна приводили в приемную комнату и кто-нибудь из монахов обязательно сидел в ней, вдруг юноше станет дурно. Но ни один допрос, если называть это действие честно, не принес ожидаемого результата. Кристиэн смотрел мимо дознавателей, вертел в пальцах перо, но ничего не писал, если не было дознавателя Элвиана. Почему-то юноша доверял только ему.

Капризный мальчик, думал Элвиан, и снова, и снова ездил в белый храм, раз уж Кристиэн желает видеть именно его. И результат - два листочка, содержанию которых Элвиан не верил ни на ломаную монетку. Так быть не может.

«Подтверждаешь ли ты, Кристиэн Тэхи, что в вашу первую ночь, твой супруг, Рихан Айэ, был груб и жесток с тобой? Если подтверждаешь, то напиши свои слова яснее».

«Нет. Не подтверждаю. Кристиэн Рихан Айэ.»

«На протяжении брака, супруг избивал тебя или истязал иным способом?»

«Нет. Кристиэн Рихан Айэ.»

«В доме Рихана Айэ найдены статуи и книги еретического содержания, знал ли ты об этом?»

«Да. Кристиэн Рихан Айэ. »

«Как часто твой супруг поклонялся еретическим идолам и заставлял тебя делать это?»

«Он не поклонялся. Молельная – моя. Кристиэн Рихан Айэ.»

«Читал ли твой супруг еретические книги и заставлял ли тебя читать и учить их?»

«Не заставлял. Я читал их сам. Он воин. Кристиэн Рихан Айэ.»

Элвиану хотелось спросить, неужто Рихан Айэ совсем не молился? И, разве, мальчик, воины не верят высшим силам? Но не стал. Испугаешь еще, чего доброго.

«Где мой супруг и что с ним будет? Кристиэн Рихан Айэ.»

Кристиэн врет, это ясно. Рихан тоже врет. Супруги выгораживают друг друга. Вот лучше бы меж собой так ладили, чем сейчас пытаться склеить осколки. От верхней канцелярии поступило указание – готовить бумаги к разводу супругов Айэ. Это самое легкое. Пусть хоть одно решится в этом деле. Несчастных герцогов разведут по разным углам, про Кристиэна быстро забудут. Но, юноша богатый наследник, а получается его богатство нажито преступным путем? Рихан Айэ подарил мальчишке все, что было вскоре после свадьбы и не сказал об этом ни слова. Элвиан был уверен, Кристиэна попытаются обобрать сразу после развода, отодвинут опекунов или переведут права на себя, за взятку. Пока Кристиэн Айэ в браке, формально никто не может претендовать на его имущество, он почти в безопасности. Мало ли как кончится дело? Но это личное мнение дознавателя, а дело требует иного решения. Но если Рихан Айэ не разведется, то юноша будет очень близок к обвинению в ереси, как младший зависимый супруг.

Да почему в этом поганом деле спотыкаешься на всем?

- Рихан Айэ, – начал Элвиан очередной допрос, – сегодня у нас не обычная беседа.

- Да? – непередаваемое выражение лица Рихана Айэ. – А что? Тезоименитство?

- Оставьте ерничанье. Сегодня мне нужна ваша подпись. Это документ о разводе с Кристиэном. Вы подписываете и Кристиэн свободен от вас. Поскольку вы старший в этом браке, то решать вам первому.

- Странно, что вы не знаете закона, – оскалился герцог, – если развод по обвинению в жестокости и истязаниях, то на подписном листе пишут это основание и младший должен его подтвердить. А я не вижу ни листа, ни подписи Кристиэна. Так что же говорит мой котенок?

- Ваш «котенок», – Элвиан уже не выносил это дурацкое прозвище, – увы, уже ничего не говорит, между прочим, вашими же стараниями. Юноша не в себе. Обвинение он не подписывает, боится чего-то. На вопросы не отвечает. А процедуру решено сократить, ибо следствие идет уже долго и доказательств против вас немало. Мы закроем тему супруга и перейдем к вашим еретическим и аторским делишкам, разберем военные подвиги.

- Угу, и заодно оберете котенка, как миленького. Я подпишу развод с ним, если буду уверен в том, что все, что я оставляю ему – действительно достанется ему, и будет под управлением Мельдина Рионтура. К тому же, я уверен, что монахи только и ждут, чтобы отхватить котенка

себе. И когда увижу обвинение, подписанное им лично, с протоколом допроса. Подделка меня не удовлетворит. Все должно быть в присутствии Мельдина Рионтура и людей, которых он сочтет понятыми. Как понимаете, дело-то громкое.

- Что-то вы очень поздно забеспокоились о юноше, герцог, – не смог сдержаться Элвиан, – если бы вы так вели себя раньше, то мы бы тут не беседовали.

- Я не морил котенка голодом и не выгонял голым на мороз. Остальное касается только нас двоих.

- А разгребаю я. Ладно, речь не об этом. Рихан, вам лучше подписать документы, император хочет, чтобы процесс был закончен как можно скорее.

- Да мне насрать на то, что он хочет. Можете этой бумажкой вытереть себе задницу. У меня есть основания не подписывать этой дребедени, и они законны.

Он издевается. Но он прав, Элвиан не мог не признать этого. Издевается и понимает все.

- Кристиэн, – Элвиан с той же бумагой сидел в приемной комнате храма Амардина, – посмотри, пожалуйста сюда. Почитай внимательно. И если согласен, то подпиши.

С Кристиэном надо по-другому. Да, противно совершать эту жестокость, но иначе нельзя. Кристиэн читает допросы Рихана Айэ, руки его дрожат и Элвиан чувствует затылком ненависть монаха, сидящего в комнате. Это попытка не только для тебя, Кристиэн.

Прочел, положил листы перед собой, взял в руки перо. Слава богам!

- Что ты делаешь?!

Зажатым в руке пером Кристиэн процарапывал бумагу, острое перо рвало протоколы, тонкую дорогую бумагу. Хорошо, что это копии, но они безнадежно испорчены!

- Зачем ты это сделал?! – Элвиан не узнавал мальчишку. Вместо вечно полусонного грустного Кристиэна – другой, – сердится, бровки взлетели, губы сжаты в нитку. – Испортил документ. Люди трудились, переписывали! Как это понимать?

И снова полусонный безмятежный котенок.

«Согласен ли ты на развод с Риханом Айэ, с сохранением приобретенных имущественных прав?»

«Нет. Кристиэн Рихан Айэ.»

«Почему ты не хочешь разводиться?»

«Не хочу. Я давал Рихану клятву. Кристиэн Рихан Айэ.»

«Ты свободен от своего слова, Рихан не сдержал своих клятв.»

«Мое слово со мной. Кристиэн Рихан Айэ.»

«Ты чего-то боишься, Кристиэн? Тебя кто-то запугивает или настойчиво уговаривает?»

«Да, вы. Я не буду разводиться. Кристиэн Рихан Айэ.»

Маленький стервец! Чего он так уперся?! Ведь не теряет ничего! Любой на его месте быстро бы спровадил опостылевшего супруга на костер и жил бы спокойно, если удержит богатство. Но вряд ли этот мальчик думает о деньгах и домах. Тут что-то иное, он даже вопреки очевидности отрицает то, что супруг истязал его. Протоколы вот еще испортил. Элвиан был вынужден признать, что Рихан Айэ весьма точно описал нрав своего супруга. Не за упрямство ли он его бил?

- Мельдин, - третий заход Элвиан сделал к опекуну. Этот-то уж умный человек, должно быть! Должен понять. - Мне надо развести супругов Айэ и тогда следствие оставит Кристиэна в покое. Вы можете им это объяснить? Я бессилён, признаться.

- Ну конечно, вы им чужой человек, а они и меж собой понять ничего не могут, вам уж куда? Но разве мне удастся?

- Но ведь именно к вам Кристиэн бросился за помощью! Значит вы для него многое значите!

- Я бы хоть что-то значил, если бы спас его тогда от этого ужаса, - развел руками Мельдин Рионтур. - Но почему вы настаиваете на разводе? Указание «сверху»? Нужно убрать мальчика?

- Вы верно все понимаете, - наконец-то стало легче. Мельдин действительно не глуп. Он найдет верные слова и убедит упрямцев. - Ну скажите, Мельдин, почему Кристиэн так отрицает что Рихан бил его? Это противно здравому смыслу - если есть свидетели, следы на теле, согласие Рихана с обвинением. А юноша горюет чужим!

- Спросите что полегче. Возможно, он просто любит.

- Да, но разве он не понимает, что его признание ничего не решит уже? Обвинение в ереси гораздо тяжелее и Рихану все равно придется пойти на костер. Он ничем не поможет!

- Суду? А я думаю, что Кристиэну все равно, что там хотят суд и вы. Он все-таки почему-то думает о Рихане. А согласитесь, его отказ в обвинении супруга, Рихан принял, несмотря ни на что. Если бы Кристиэн изначально сбежал искать защиты у вас или храмов, а потом отрекся от своих слов - он был бы лжецом и предателем. А так, значит его дело было таково, что он мог доверить его только мне.

- О, даже так? - Элвиану было уже интересно для себя, не для дела. - А что бы Вы сделали, если бы он все-таки добрался до вашего имения?

- Все, чтобы эти двое наконец-то услышали друг друга.

Император созвал очередной совет по делу Рихана Айэ. Само разбирательство окончательно зашло в тупик. Казалось, на первый взгляд, все так просто - есть виновный, есть признание, есть свидетели, но столько препятствий и невидимых нитей, крепко связывающих дело. Ни об одном обвинении нельзя было судить однозначно.

- Итак, сегодня я хочу услышать ваше мнение о том, что надлежит делать с герцогом Айэ и его супругом. По вопросу ереси, измены и жестокости, - император сразу обозначил желаемое.

В личном кабинете - настоятель Амардин, иерарх всех белых храмов, глава императорского совета, дознаватель Элвиан со всеми своими бумагами, управитель верхней канцелярии и

командующий армией.

- Это очень долгое разбирательство, – начал Элвиан, – каждый поступок этих двоих может трактоваться в разных значениях. Кристиэн и Рихан делают все, чтобы спасти друг друга, но признаться, показаниям герцога я верю больше. Кристиэн, как я уже говорил, отказывается признавать тот факт, что супруг истязал его, хоть и сам противоречит очевидности. А Рихан берет всю вину на себя. Так же мальчик утверждает, что именно он занимался святилищем, а старший туда не заходил. И тут же Рихан настаивает на том, что он насильно приказал это Кристиэну.

- Насколько мне известно, юноша не в своем уме? – мягко спросил император. – Хотя, признаться, его рисунки очень хороши. Я распорядился их повесить в галерее.

- Позвольте сказать мне, – вмешался Амардин. – Я не могу утверждать, что Кристиэн безумен. Он просто измучен случившимся и очень юн. Он конечно же, подавлен, но он целиком и полностью винит аторцев. По его мнению, Рихан лишь жертва обстоятельств, хотя это не отменяет того, что герцог трусливый дурак и мразь, простите за выражение. И Кристиэн, он все-таки посредник, дар в нем жив, он не лжет, но говорит сердцем. Юноша убежден, что раз он дал при венчании клятву, то будет верен до конца своему старшему. Тут его не переубедить ничем, даже тем, что старший нарушил свое слово. С одной стороны, да, он покрывает преступника, но с другой – он пример стойкости и верности для многих младших. Он не бросил своего супруга, несмотря ни на что.

- Вы так защищаете мальчишку, – перебил глава канцелярии, – только потому, что он посредник? Установлено, что ваш драгоценный Кристиэн почитал еретических богов и исповедовался в аторском храме.

- Обучался он в приморском. Я смотрел его бумаги. А в аторский он был насильно отправлен супругом, против воли. Что касается его ереси, то управляющий говорит, что молельня была единственным местом, где мальчика никто не трогал. Да, Рихан Айэ молился редко, думаю даже, что он завез эти злосчастные статуи, когда заключил договор и забыл о них.

- Ну что вы так убиваетесь? – развел руками начальник канцелярии. – Ваш мальчишка не будет ни говорить, ни танцевать и, если выйдет целым из истории, уедет из вашего храма, тратить состояние супруга.

- Минутку, господа, – император напомнил спорщикам о себе, – так юноша виновен или нет?

- Виновен в ереси. В его комнате найдены молитвенники, все утверждают, что он поклонялся еретическим идолам. В лжесвидетельстве. И его богатство нажито нечестным путем. Если Рихан Айэ получил титул и богатство обманом, то почему оно должно отойти мальчишке, а не быть конфискованным? По моему, следует обоих отправить на костер и больше не морочить себе головы.

- Вы готовы живьем сжечь невинного человека, для того, чтобы пополнилась казна? И вы плохо знаете законы, – Амардина неожиданно поддержал иерарх, – супруг имеет право не свидетельствовать вообще. Что касается ереси, то решение этого вопроса – привилегия храмов, а не ваша. И мы можем подтвердить, что юноша чист. И пусть он больше не танцует и не говорит, как только мы вылечим его душу, а мы ее вылечим – он станет радостью в любом храме. А деньги? Неважно, чьи они – это вира за увечья, которые он получил и по нашей вине.

- Даже так? – император вставлял редкие фразы, словно подстегивая оппонентов.

- Да, именно так. Мы допустили, чтобы над юношей был проведен унижительный осмотр, мы помолвили его, хотя видели, что он идет против воли, мы упустили посредника. Ваша светлость, я буду настаивать на пересмотре и ужесточении брачного законодательства, по отношению к старшим. У меня уже есть предложения, я ничего не могу сказать за женщин, но по отношению к юношам мы ведем себя неразумно.

- Ну так не ждите совета, вечер у нас долгий, мы с удовольствием отвлечемся и послушаем вас, правда, господа? Недавно я думал примерно о том же, посмотрим, насколько совпадут наши сомнения.

- Хорошо. Правда, господа, моя речь будет долгой, - признался иерарх, вертя в руках крохотную чашечку с питьем. - Мы очень хорошо контролируем ситуацию, когда дело касается женщин. Увы, в нашей стране их рождается немного и любая дурнушка - завидная невеста, если может рожать детей. Все, кому не досталось счастья продолжить свой род - берут мужчин из младших сыновей. И тут мы бессильны. Дело с Кристиэном выплыло наружу благодаря цепи случайностей. И если бы не они, мы бы и не знали, что где-то томится и страдает посредник. Но сколько еще, подобных ему, о которых мы не знаем? Купленных за деньги для утех в постели. Да, я видел счастливые пары. Но иногда мне просто страшно, при венчании, смотреть в глаза младших. В законах есть наказание за жестокое обращение, но сколько получается таких дел в год? Десяток-два. Не потому, что не бьют, а потому что они молчат. Кому они потом нужны, после развода? Родителям уплачен выкуп, а супруги редко мирятся. А кто-то живет как в тюрьме. Помните дело с Кайсом, ведь убили вскоре после свадьбы. Никто не вступился. Родители зачастую просто не любят младших детей, всего лишь источник для обеспечения старших. Да вы все знаете сами. Систему выкупа нужно отменять! Мы продаем своих же граждан, как рабов! Пусть же, кто хочет - ищет себе пару, а кто хочет - идет в войны или строить дороги. Зачем нанимать дикарей, если у нас полно своих мальчишек? И если признать Кристиэна Тэхи виновным - то недовольных будет много, слишком жестокая расправа над тем, кто просто искал защиту. Рихан Айэ и так будет наказан. Но если ничего не сделать вообще - таких Кристиэнов станет больше и больше. Из Кристиэна, как говорил сайэ Амардин можно сделать образец послушания, а можно преступника. Пока это мягкая глина в наших руках и первое будет правдой. Но казнь Рихана умалит достоинства аристократов, если он будет весь в черном. Значит в спектакле должны играть двое.

- Вы отвлеклись от реформы, - напомнил государь.

- Да. Если мы отменим выкуп, то почему нельзя будет покупать рабынь в далеких странах? Чтобы они рожали на нашей земле. Иными словами - нужно дать и младшим детям выбор.

- Они могут его иметь, но как вы совладаете с родителями? Выкупы никуда не денутся, они просто станут тайными, - Амардин внимательно слушал иерарха. - Да все равно будут их принуждать. Вы помните, такие меры уже предлагали.

- Господа, как вы не понимаете, мы теряем наших же мужчин! Делаем из них рабов! Ведь тот же юноша, Кристиэн, он мог стать танцором, мог быть живописцем, мог прославить себя и империю. А теперь это калека.

- В ваших словах несомненно есть разумное зерно, но вы понимаете, что начнется, если вы предложите это на совете? - вкрадчиво спросил император.

- Понимаю. Поэтому пока и молчу. Но из-за моей слабости Амардин выхаживает таких вот Кристиэнов. Все равно придется что-то менять.

- Вы наговорили ереси не хуже, чем тот же Рихан Айэ, иерарх! – возмутился глава канцелярии.
- Брачные традиции держатся веками и все должны знать свое место. Из-за одного щенка переворачивать устои?!

- Успокойтесь. Брачную реформу будут обсуждать на ближайшем совете, давайте вернемся к делам Айэ. Итак, что вы предлагаете?

- Сжечь обоих и забыть. А другим неповадно будет, – буркнул чиновник.

- Глупо, – пожал плечами военный. – Мальчишку попросту жалко, да и на площади его народ сразу мучеником объявит. Но вы мне скажите, какой ущерб понесла империя от договора Рихана Айэ?

Собеседники опешили, такого разворота не ожидал никто.

- Никакого, честно говоря. Война закончена, в Аторе строят храм, наступил мир. А подписан он был именно потому, что аторцы уперлись – владеть должен единоверец, обычай такой, и не иначе. Ну построили они храм на задворках и промывали мозги Рихану и его младшему. Двое против мира. Вот и все.

- Не все, – дознаватель Элвиан, о котором казалось, все забыли, вдруг подал голос. – В монастыре они воспитывали своих юношей, как и Кристиэна, ломали их. Они заставили наговором Рихана Айэ истязать своего младшего. Они убедили его в том, что мальчик пустышка и вся его роль – служить игрушкой господину. Именно аторские соглядатаи изувечили Кристиэна. Но да, это не стоит империи.

- Как посмотреть, – Амардин нахмурился. – Две поломанные жизни. Рихан Айэ заплатил собой и своим младшим. А что было меж супругами так никто и не знает.

- Вы сейчас договоритесь до того, что Рихан Айэ вообще невиновен, – процедил канцелярский чиновник, – и нам следует извиниться перед ним.

- Нет. Но вреда и вправду немного, – согласился глава совета. – Книг он не распространял, те кто работал в усадьбе – не еретики, да и сам он не сказать, чтобы истовый приверженец. Но почему они предложили такой уговор и почему он согласился?

- Почему? Я непонятно разъяснил? – начал военный. – Войну вы помните? Долгая и бессмысленная, переговоры в тупике, кровь. Им некуда было деться, но нужно было спасти побрякушки и книги жреческой верхушки. Им наплевать на людей, жили в своем мире. Они спаслись, сохранили свой мирок, отправляли свой культ и сохранили лицо перед своим народом – завоеватель принял их веру. А Рихан Айэ получил свою славу, титул и деньги, ну и ярмо на шею. Правда о последнем он, наверняка, не сразу догадался. Но если мы казним Рихана, то бросим искру в не погасший костер, у них не станет ни щита, ни заложника.

- А что им помешает найти нового? – спросил Амардин.

- Ничего. Но Риханы появляются на войне. Понимаете, о чем я?

- Несомненно, – кивнул головой глава совета. – У меня есть предложение. Можно извлечь из ситуации пользу в свою сторону. Сделать прекрасный спектакль с обученными актерами. Всем понравится. Вы, господа, иерархи, утверждаете, что юноша благочестив, хорош собой и страдает за супруга? Так почему бы из него действительно не сделать образец верности и стойкости? Представьте себе впечатление на младших, если верно преподнести историю?

Несчастный красавец страдает из-за своего супруга, но свято блюдет клятву. Убивается из-за того, что супруг в тюрьме. А супруг? Для него тоже есть роль. Раз казнь Рихана Айэ опасна, то пусть все знают, что он пострадал ради мира в империи и верности императору и лишь нехотя изводил своего супруга, со слезами на глазах. А потом они сбегают. Все умиляются и плачут. Даже аторцы. Ничья честь не задета.

- Какой феерический бред. Никогда не знал за вами склонности к сочинительству дешевых историек, – поморщился канцелярист. – Но чтобы добавить трагедии, предлагаю другой финал. Кристиэн Айэ кончает жизнь самоубийством, после того, как в тюрьме умирает его старший. Так мы и правосудие свершим и разыграем драму по канонам.

- Господа, – оборвал император, – вам не кажется, что у нас не сходка бродячего цирка? Мне нужны серьезные предложения.

- Ваша светлость, серьезней некуда. Дело со всех сторон щекотливое. Эти супруги как проколотое яйцо – есть не хочется, а выбросить жалко. Я переживаю за Кристиэна, – признался Амардин. – Это странно, но он тоскует по супругу, хотя должен был радоваться избавлению от мучителя. Казнь Рихана приведет его в еще большее горе.

- Почему мы должны думать о каком-то сумасшедшем мальчишке? – не стерпел канцелярист. – Может у них такие игры были в постели? А мы тут головы ломаем.

- По себе не судите. Но мальчика придется отдать Рионтуру, или оставить в монастыре.

- Тряхнуть бы этого вашего Рионтура. Не может быть, чтобы он не причем тут был, – не успокаивался чиновник. – И в Аторе он побывал, и с Айэ дружил. Да и мальчишка к нему бежал. Скользкий человек.

- Ага, давайте, потряхните Рионтура, – согласился военный, – и получите во враги всю гвардию. Раскройте дело к славе победителей Аторы. А потом посмотрим, кого мы наберем на следующую войну в провинции, раз такая благодарность. Я не дам вам ни солдата. Рионтур это известный человек из старого военного рода, а не выскочка Айэ.

- И тут засада...

- Так! Мне надоели ваши препирательства! Не можете справиться со своими обязанностями?! Я решу сам! – император смел рукой бумаги со стола, разлетелись во все стороны. – Все это пустословие и трата времени. Значит так, дознаватель Элвиан, теперь вы глава канцелярии. Записывайте – Рихана Айэ лишить герцогского звания и выслать из страны под видом побега. Так, чтобы об этом каждая собака знала! Мальчишке Кристиэну ничего не говорить, сдать опекунам, а потом разыскать хорошую партию. Все. Можете быть свободны все, кроме Элвиана. Мне надо дать ему указания по новой должности.

Бывший дознаватель, а ныне начальник верхней канцелярии замер в кресле, еще не веря в произошедшее.

- Итак, – начал император, когда они остались одни, – из всех, кто сегодня был на совете, вы показались мне наиболее разумным. С храмовниками разговор особый. Надеюсь, вы правильно поняли указание?

- Я стараюсь. Если верно, то нужно сделать так, чтобы высылка Айэ была громким побегом и его искали бы и не находили. Юноша же свободен?

- Почти верно. Мне не нужна ссора с храмовниками, но семейство Айэ навязло в зубах. Приказ будет таков – изыщите любой способ выкрасть младшего Айэ из храма и всучите его в руки супруга. Пусть убираются куда хотят, хоть провалятся. Чтобы я о них никогда больше не услышал. Если будут найдены в пределах империи месяц спустя – казнь обоим, без пощады. И пусть их получше ищут, особенно в Аторе. Вы поняли?

- Да, ваша светлость.

- Выполняйте.

===== Глава 21 =====

Амардину совет не понравился. Если выпустят Айэ, то не захочет ли он вернуть себе младшего? Пока Кристиэн в храме, он защищен надежно. Но он тоскует, не плачет, ни разу не заплакал, но словно замерз. Бедный посредник, за что он любит так своего изверга? Или дар деформировался? Вместо того, чтобы быть отданным миру, мальчик отдал его супругу? Такое бывает, но разве в этом случае? Каким тогда слепцом нужно было быть Рихану Айэ, чтобы не заметить? И не за это ли аторцы возненавидели мальчика? Делали все, чтобы убить дар.

Посредник с разделенным даром почти бесполезен храмам. Амардин чувствовал себя так, будто его обокрали. Но опомнился – мальчик ни в чем не виноват. Если храмы сразу не помогли управлять ему даром, то это их вина. А теперь бесценное сокровище утеряно. И все же, Кристиэна нужно уговорить остаться. Кому он нужен за стенами храма, калеккой? Всего лишь богатый юный вдовец, легкая добыча.

Кристиэна он нашел в лазарете, юноша помогал подписывать ярлычки к банкам с лекарствами. Аккуратный четкий почерк, израненная нога на особо подставленном табурете, сосредоточенное лицо.

- Доброе утро, Кристиэн, – поздоровался настоятель с юношей. – Я отвлеку тебя. Давай, помогу встать, нам нужно поговорить наедине.

- Кристиэн, – настоятель привел его к себе, плотно затворил дверь. – Вчера на совете у императора решали ваши с Риханом судьбы.

Дрожит стекло стакана в руках Кристиэна, тревожный взгляд.

Амардин вздохнул, положил перед собой лист бумаги и перо, для юноши.

- Рихана не будут казнить, его высылают прочь, навсегда. Тайно, чтобы все думали, что побег. Тебе же дали выбор – остаться тут или переехать к Мельдину Рионтуру.

Не верит. Тревога сменилась недоумением и облегчением? От того, что мучителя оставят в живых? Потом непонимание и вопрос. Такое выразительное лицо. Перо побежало по бумаге.

«Рихан останется жив? Это правда?»

- Да. Его казнь слишком сложный вопрос, все связано с политикой. Поэтому было принято такое решение. Ему следует покинуть пределы империи.

«Я могу уехать с ним?»

- Нет, Кристиэн. Я не знаю, что с тобой происходит, почему ты так рвешься к нему. Но это

придет. Этот человек дурно с тобой обошелся, как тебя можно снова ему доверить?

«Мы в браке. Я должен ехать с ним»

- Ты никому, а тем более ему, ничего не должен. Зачем тебе ехать с ним? Ваш брак незаконен, тебя взяли против воли и если надо, это легко докажут. Ты чего-то боишься, Кристиэн? Но почему? Что с тобой? Я бы хотел, чтобы ты остался в нашем храме, не гостем, но послушником. Это очень жестоко, то, что я сейчас тебе скажу, но это правда. Ты калека, мальчик мой, тебе тяжело придется в будущем. У тебя почти нет надежды на второй брак по любви, особенно если тебя лишат наследства, а если не лишат, то тебя начнут домогаться пройдохи. Сейчас ты красив, несмотря ни на что, а потом станет по-другому. Подумай, Кристиэн. Мельдин Рионтур не всегда сможет содержать тебя, он хороший человек, но ты для него всего лишь супруг друга. А в храме ты будешь нужен всегда, сможешь заниматься чем хочешь, украшать стены своими картинами. Ты посредник, и если даже не можешь танцевать, то дар будет работать все равно. Никто тут не обидит тебя, здесь твои ровесники и люди постарше, которые всегда помогут тебе.

«Я могу увидеть Рихана?»

- Нет.

Трудно сохранять терпение, даже белому настоятелю. Кристиэн совершенно его не слушает, думает о своем. Ну почему ты думаешь только о нем?!

«Вы примете мою исповедь?»

“Рионтур и Тэльдо правы только в одном, – задумался Амардин, – Кристиэн действительно изводит себя. Мальчика что-то терзает, так сильно, что он не способен соображать.”

- Если тебе это нужно и ты готов. Ты напишешь тут или мне нужно оставить тебя в одиночестве?

«Завтра утром я отдам вам текст».

Настоятель не решался. Какое-то нехорошее предчувствие мешало отдать перо и бумагу этому мальчику. Почему он хочет исповедоваться сейчас? А вдруг это изменит дело? Казалось, все закончено, а Кристиэн снова рискует. Исповедь это тайна для всех, кроме исповедника и исповедующегося, но...

«Это останется тайной?»

Кажется, мальчик читает мысли.

- Да, – Амардин решил, – я провожу тебя и тебе принесут все необходимое.

«Спасибо, я дойду сам».

Амардин смотрел из окна на хромающую по двору фигурку. Медленно идет, опирается на трость, подарок Тэльдо. Да! Тэльдо! Если он так влюблен, то может это и шанс для Кристиэна? Как же он был неправ, когда останавливал гвардейца! Дурак старый, где был его ум?!

Но жаль, что и мальчик так слеп. Он мог бы походя разбить сердце Тэльдо, даже не заметив этого. Может и к лучшему, что не вышло?!

- Усилить охрану в гостевом крыле! - приказал настоятель монаху, отвечающему за воинов.

Дознаватель Элвиан напивался. Он отослал детей и жену, которые уже неведомо как узнали о новом назначении, велел не пускать к нему просителей и приятелей, теперь набивавшихся в друзья.

Ну и задачку задал император! С одной стороны, он наконец-то избавится от надоевшего хуже горькой редьки Рихана Айэ. Но с другой стороны - отдаст ему Кристиэна. Взять на себя кражу из монастыря? Стать врагом Амардину и храмовникам? Амардин ведь не дурак, поймет, откуда ноги растут у похищения. Его проклянут, никто не повенчает его дочерей, даже в провинциальном храме. Ну, разве только если забудут историю. Да и нужны ли супруги Айэ друг другу?

А завтра снова беседа с Риханом...

Кристиэн едва не плакал от боли. Не спал всю ночь - писал, комкал листы и начинал снова. Увечная нога не знала покоя - никак не мог усесться удобно, а если боль стихала, то приходило онемение и нужно было снова возиться. Даже наступать больно. Аккурат к зиме Мельдин привез ему мягкие сапожки, правый овчинный сапожок был чуть больше и шире, для удобства. Но не спасало ничего - за окном были метели, а рана ныла.

Но он все-таки не плакал, не мог. Ни разу с той злополучной ночи. Все, что он пережил - осталось внутри, перетирая его сердце мельничными жерновами тоски.

Робкая радость и горе - вот что осталось от сегодняшней вести. Радость от того, что Рихан жив, что он уедет, но будет жить, а горе от того, что уедет без него. Почему? Почему нельзя? Зачем его держат здесь? Белый монастырь сразу стал тюрьмой, а дому Мельдина предстоит лишь стать ею. Нет, он не останется. Кристиэн задыхался - от чужого внимания, любопытства, откровенных взглядов, случайно услышанного шепотка, даже от сочувствия и жалости. Не стоит жалеть убийцу.

Хоть бы увидеть Рихана, попросить напоследок прощения и взглянуть в глаза. Может все не так, не так как казалось им обоим в наваждении? Да ведь он и сказать не сумеет. Но может он не нужен уже Рихану? Как можно любить того, кто хотел убить? Он, Кристиэн, действительно дурной младший - не смог понять, простить, полюбить, стать тем, кем обещал - опорой и отрадой. Может там, в далеких землях, Рихан найдет другого, кто будет лучше? Но почему же он не развелся?

Как объяснить все самому себе? Да и бумаге так непросто доверить. Ах, зачем он решился?

Зачем я решился на это? И трус, что не написал раньше. Ах, как хочется чтобы было «сказал», но увы.

Я молю вас, дайте мне увидаться с моим старшим, с моим Риханом. Мне так много надо ему поведать. Сейчас, когда колдовство аторцев ушло - можно говорить правду, мне и ему. Да, это все верно, что меж нами почти не было мира, и что я пытался убить своего супруга. Именно тем самым вечером. В нашем доме есть молельная, но наверно ее уже нет, там стоят статуи Анхара, Молнии, Грома и другие образы. Эти статуи не такие, как в наших храмах, но я не назвал бы их еретическими. Они очень старые, возле них так спокойно и светло, словно их делал очень добрый человек. Поэтому я часто бывал в молельной, чаще

чем в собственной спальне. Это устраивало супруга и меня – я не раздражал его и не давал повода к очередной ссоре, не попадался на глаза, когда он бы в дурном настроении. Душа моя отдыхала там. Рихан же не посещал молельную. В нашем доме еретиком был именно я, даже аторцы туда не заходили.

В этот вечер (зачеркнуто)

Нет, сначала о раннем.

Я не могу сказать внятно о том, что было меж мной и супругом. Он менялся, постоянно. После того, как он избил меня так, что до зимы я пролежал в кровати, ухаживал за мной сам, просил прощения. Когда пришли монахи с проверкой, я сам солгал им, что мои шрамы привезены из дома, но мне тогда и вправду было хорошо. Но потом я устроил безобразную сцену моему супругу, сначала Рихан смеялся надо мной, а потом утешал. А после была зима, самая хорошая зима, мы были только вдвоем. Рихана как будто отпустило – он стал относиться ко мне по-другому. Много говорил со мной, мы вместе читали книги, гуляли в окрестностях, я помогал ему в работе с бумагами, он дарил подарки, а я рисовал для него. Наверное так водится в семье. А еще он поет, так чудно, что я готов слушать бесконечно.

Плохим было одно – наши ночи. Я очень боялся и сейчас боюсь. Чужое касание – жутко для меня и если только заставит забыть, напоить или одурманить травами, то что-то получится. Наверное моему супругу следовало поискать любовника поопытней и посмелей. Меня же эта сторона не влечет – это большой недостаток для младшего в браке. А с моей былой внешностью и вовсе проклятье.

Потом, к весне, Рихан стал беспокойным и я случайно узнал, что мы едем на Исповедь, в аторский храм. Он сам признался, что не хочет туда ехать, но зачем-то это необходимо. Зачем – я не знал.

Они ужасны, аторцы! Их настоятель, Найгер, очень злой человек. Едва нас проводили к нему, как он начал отчитывать моего супруга так, словно тот нашкодивший ребенок, при мне! И сразу сказал, что брачный выбор Рихана ему не по душе. Потом нас разлучили, Рихан пытался их остановить...

Когда мы встретились вновь, я не узнал его. Это снова был другой человек. И он ненавидел меня так, словно я сильно его обидел. Но когда я спросил об этом, он не ответил.

С этого все началось. В его доме я стал никем, изгоем, никто, кроме лекаря и управляющего со мной не разговаривал. Рихан изводил меня так, как будто хотел, чтобы я превратился в тень. Он бил меня меньше, чем в первый месяц брака, но постоянно желал меня в постели, придумывая новые развлечения для себя. И он очень много пил, как никогда раньше.

В тот вечер я был в молельной, а он вернулся из города. Молельная комната в глубине дома и поэтому я не услышал ничего. Он был сильно пьян, очень сильно. Мне стало страшно. (много вымарано).

А потом он потребовал от меня клятвы перед богами, не словом, а делом. Прямо в молельной, перед образами. Для меня лучше смерть, чем такое. И я сказал, что если он сделает это со мной там, а не в спальне, то я убью себя. И я был готов на это, правда. Мне было страшно и жутко. Мы ссорились, говоря друг другу правду, а потом я оказался около стены. И когда он был совсем близко, ударил его светильником.

Рихан упал, а я звал его, перепугавшись еще больше. Он не шевелился и была кровь.

Потом я нашел управляющего, чтобы он отвез меня в серый храм, только чтобы не аторцы!

Охрана ненавидела меня и Рихана. Они потом говорили об этом. Я слышал их речи, там, в капкане. Это Найгер их приставил к нам. И они сказали, что Рихан им уже не нужен, раз такое дело вышло, и что-то про ребенка. Они бы убили меня, но не могли, у них был приказ, чтобы нас разлучить. Из-за того, что я приморец.

Я знал обо всем, но не мог ничего сделать. Сообщить монахам – предать Рихана? Но он ни в чем не виноват! Поверьте! Я не знаю всего дела, но уверен, договор он заключил не для себя! У нас ничего хорошего с ними не было и в доме они были как хозяева! Разве это нужно было Рихану?! Но зачем он это сделал – я не знаю.

Дозвольте мне свидание, я умоляю вас! Если он уедет без меня и не вернется, то как мне быть?! Мучиться, не зная, простил он меня или нет? Может он захочет что-то сказать на прощание?

Я не написал и половины того, что хотел. Не могу, простите меня! Прошу принять покаяние грешника. Судьба моя в ваших отныне руках.»

Кристиэн Рихан Айэ.

Кристиэн присыпал бумагу песком, тонко, аккуратность следует соблюдать во всем. Даже когда пишешь самому себе возможный смертный приговор.

Уже светало. Нужно было встать, заварить питье, нога онемела, но нужно пройти всего три шага. Таких трудных теперь шага, а трость прислонена к косяку двери, до нее далеко. Кристиэн приподнялся, тяжело оперся на стол, но стоять было трудно – колелось судорогами, нужно было что-то острое. Он уже давно привык носить в одежде булавку, чтобы бороться, когда вот так сводило ногу. Одной рукой он вытаскивал из рубахи булавку, второй держался за стол, неловко шатнулся, от боли.

Ах, кто же знал, что легкая стеклянная чернильница может так легко опрокинуться! Черная густая жижа потекла прямо на бумагу. Закапало на дощатый выскобленный пол, брызнуло на одежду, а Кристиэн все стоял и смотрел на погубленную бумагу, словно не веря в случившееся. Потом с трудом заставил себя, шагнул к жаровне.

Надо все переписать, заново. Еще раз вывернуть душу, как? И нет чернил, кроме пролитых и бумага испорчена.

Теперь с ним будет такое часто, придется привыкать. Понять, что нет больше легкой походки и изящества танцора, что нужно следить за телом, чтобы оно не подвело. Всю жизнь придется. В девятнадцать лет он калека – только теперь эта мысль стала ужасающе ясна ему. Это навсегда – хромота и молчание, безобразно изувеченная ступня и шрамы. Навсегда. Он навсегда один. Ненужный никому, обреченный только на жалость.

Кристиэн опустился прямо на дощатый пол и впервые за долгое время заплакал.

Нет, просто так к Рихану Айэ идти нельзя, решил Элвиан. Но ведь и к Рионтуру без того, что скажет сам герцог, не подступишься. Значит, сначала все-таки к Айэ.

- Как вы мне надоели, кто бы знал! – вздохнул герцог так, словно Элвиан был назойливым

просителем в ланкском особняке. Светский тон и полуприкрытые глаза. – Скорее бы уже поленья собирали.

- Это зависит не только от вас, – в тон ему ответил Элвиан. – А что, вам так не терпится?

- Да. Скучно тут у вас, – посетовал Рихан. – Ну, так что я должен повторить на этот раз вам?

- Ничего. Вам больше ничего не надо повторять. Вчера был совет у императора, и он принял решение. Кстати, можете меня поздравить с повышением по службе!

- Не с чем. Не знаю, какая там у вас нынче должность, но бумаг вам придется писать втрое больше, чем раньше. Вы будете не успевать тратить новое жалованье, некогда будет.

- Возможно, вы правы, – светски согласился Элвиан, – но мое жалование отлично потратит жена и дочери, я останусь с бумагами, как и раньше. Но теперь я глава верхней канцелярии.

Надо же, Рихан все-таки изволил подивиться. Не ожидал?

- Даже так? – качнул головой герцог. – Тогда покорнейше извините, что сижу перед вами!

- Я восхищаюсь вами, Рихан. Даже когда у вас нет ничего, вы умудряетесь язвить.

- Ну, вы мне льстите. На сегодняшний день у меня не так уж и мало за душой – супруг, надежный друг, миска каши два раза в день, кувшин воды, постель без блох. И это не считая жизни! Неплохое состояние.

Сильный человек, восхитился Элвиан. Сильный, но как же он поддался аторцам? Почему опустил до пьянства и рукоприкладства? Но теперь поздно искать ответы.

- Мне нравится наш разговор. Но мы все равно вернемся к решению императорского совета.

- И что решил ваш драгоценный совет? Мне скажут дату суда?

- Суда не будет, Рихан, – самая главная новость далась Элвиану легко, теперь осталось быстро разъяснить, пока герцог не сделал неправильных выводов. – Ваше дело таково, что если, грубо говоря, тронуть кучу, то вонь поднимется сильная. Но и ваша вина перед страной очевидна.

- Да? А мне казалось, что только перед Кристиэном. Я не сделал стране ничего плохое, в отличие от того, что произошло с ним. Ничего, кроме того, что прекратил войну за свой счет.

А герцог умен, очень умен, так кратко подвести итог дела – искусство.

- Да, кое-кто тоже так считает, а кто-то ровно наоборот, требовал вашей казни и вашего супруга. Но это споры. Император постановил – вы, вместе со своим супругом, должны покинуть государство. Естественно, тайно, под видом побега.

Элвиан ожидал любой реакции, ведь только что, по сути, отменили смертный приговор, но не смеха. А Рихан Айэ смеялся, смеялся так, что в уголках глаз выступили слезы.

- Хорошо придумано! Остаться чистенькими, прирезав нас за побег. Прекрасная идея, и на хер сесть и рыбку скушать. Но за что Кристиэна?

- Хорошего же вы мнения о своем государе! О нет, Рихан, ваша смерть в любом случае попортит наши отношения с вашей любимой Аторой. А нам надо, чтобы там каждая шелудивая

собака знала, что вы живы, что вы на свободе, что вы сбежали. Последствия будете расхлебывать сами – это ваша кашка. Вас обоих препроводят к границе, в карете с охраной, и убедятся, что вы на другой стороне. Вам дадут все документы. Как вы будете устраиваться и куда пойдете – ваше личное дело. Но мне искренне жаль вашего юного супруга, хоть он и тоскует по Вам. Теперь же он будет снова в Вашей власти, и надеюсь, Вы будете более милосердны к нему.

- Вас не должно волновать, как я управлюсь с Кристиэном, поберегите Ваше сочувствие для других, – моментом оцетинился Рихан Айэ. – То есть вы хотите сказать, что нас с котенком посадят в карету и вежливо проводят?

- Да, а потом в империи вас начнут искать, так искать, что пыль столбом. Но есть одна трудность, Рихан. Мне нужна Ваша помощь.

- Вам? Моя? Заинтригован.

- Есть беда с храмовниками. Настоятель Амардин очень хочет, чтобы Кристиэн остался у него в монастыре. Его основания понятны – они выхаживали мальчика, он посредник и просто хороший человек, которому нужна защита. Иерархи прямо настаивают на этом, они даже готовы к изменению брачных кодексов. Но они не убедили императора, поэтому, мне было дано поручение напрямую выкрасть Кристиэна из храма. Но это безумие! Храм Амардина почти крепость, а охраняют Кристиэна лучше чем Вас. И, к тому же, Кристиэну трудно ходить и дальняя поездка будет для него тяжким испытанием. Я ничем не могу помочь ему, не говоря о том, что отдавать мальчика вам – риск.

- Вы так много наговорили, – усмехнулся герцог, – котенок и храмовники созданы друг для друга. Где еще наши целомудренные иерархи найдут такого разиню, который будет верить во все их книги и речи, да и еще со смазливый личиком и даром посредника? Если они его получают – будут вертеть как ярмарочную куклу, мол, смотрите, что бывает, когда против идут и не отдают детишек в храм. Кристиэн с самого начала должен был достаться им. Но раз уж так вышло, то нечего теперь щелкать. Хочу предупредить, если я не получу котенка, то я приму все усилия, чтобы мое дело стало как можно громче и смердело так, что половина чиновников Тэлеты предпочтет выпить яд, чтобы не дышать. Мне плевать, что это закончится костром.

- Вы быстро берете вожжи в свои руки, – опешил Элвиан от такой наглости, от мгновенного превращения обвиняемого в шантажиста. – Зачем вам Кристиэн? Вы же не любите его, он будет вам обузой. За ним нужен уход, нужны дорогие снадобья, лекари, забота. Я бы мог попытаться убедить императора, что от мальчика никакого вреда и его лучше отдать опекунам.

- А что думает сам котенок? – спросил Рихан с нехорошим лицом. – Его-то известили? Еще раз, со своим супругом я разберусь сам. Надо лечить – буду лечить. А кто, кого там из нас любит – не в вашем ведении вопрос. Вам будет проще исполнить приказ императора. Каким образом? Это решаемо. В мутных кварталах Ланки отыщите Холга Топора, вам известно это имя? Наверняка. Этот милый человек кое-чем мне обязан, так пусть вернет долг.

- Холг мне как родной, – развел руками Элвиан, – такого ворья, к которому даже канцелярия не может привязаться, еще поискать надо. Никак арестовать не можем.

- Он может выкрасть котенка, – продолжал Рихан, – привезти в назначенное место, но я так понимаю вы везде развели секретность?

- Естественно, но я понял ваш намек. Мельдин Рионтур будет в курсе дела, но мне трудно предсказать его мнение.

- Это неважно, но нужно чтобы он подготовил теплые вещи для котенка и лекарств на первое время, он же знает, какие нужны? И пусть наведается в наш дом, выпишите ему бумаги, пусть заберет картины и драгоценности котенка себе.

- Я передам ему, - надо же, никто еще так вольно не распоряжался Элвианом, даже жена, - но картины Кристиэна теперь в императорской галерее.

- ..., - выразился Рихан. - Но вряд ли котенок теперь нарисует мне новых, - герцог впервые выдал свои чувства и сомнения. - И даже портрет увезли?

- Его в первую очередь. Так что знать и ее потомки будут любоваться вами вечно. Мастерская работа, даже не скажешь, что рисовал ребенок!

- Этот ребенок... - Рихан не стал дальше продолжать мысль. - Так им и надо.

- Скажите, Рихан, - Элвиан очень долго хотел задать вопрос, тревожащий его с самого начала расследования, - правда ли, скажите теперь, что Кристиэн пытался вас убить? Следствие уже кончилось. Это просто вопрос.

- В вашем звании «просто вопросов» не бывает, - назидательно заметил Рихан. - Нет, конечно. Силенок не хватит. Но жаль, что он этого все-таки не сделал.

- У вашего супруга на редкость упрямый и твердый характер и обманчивая внешность. Очень сильный мальчик, хотя со странностями.

- Котенок он и есть котенок. Какие сроки даны вам?

- Седмица. И вы будете на свободе. Оба.

Рихан ворочался на жесткой тюремной лежанке под колючим одеялом, глубокая ночь, а снова не спалось. Были в его жизни ложа и мягкие и намного жестче и холоднее чем это, но такой причины для бессонницы, как нынешняя, не было. Кристиэн.

Такая ночь не первая - днем изматывающее безделье или допросы, а ночью ни тело, ни разум не давали ему спать.

Наверное только Мельдин мог думать, что в тюрьме Рихану немедленно станет совестно и заключение снимет с глаз шоры. «Как бы не так», - усмехался сам себе Рихан, в бессчетный раз представляя себе изгибы бедра Кристиэна. А под утро накатывала лютая тоска и раскаяние, но то, что он дурак, Рихан знал и раньше. Как только котенок вытерпел столько времени и не сделал ничего раньше? Это изумленное лицо и круглые карие глаза - сам не верит, что ударил? Что же ты не добил, мальчишка? Ведь все-таки нужно и тебя было гонять на тренировочной площадке. Эх ты, недокормленный котенок. Биться башкой о пол и выть, что дурно обращался - последнее дело, зачем подчеркивать очевидное, еще раз перебирать все иглы незаслуженных обид, что воткнул в тебя на живую? Но почему ты не услышал меня, танцор - ведь я же кричал тебе, спрашивал, доверишься ли мне? Так мне и нужна была твоя задница в молельной, я хотел услышать от тебя признание... Услышал.

Но что с тобой сделали? Своими бы руками разорвал бы рыжую мразь, за то, что посмела коснуться. Коснуться моего.

- Ты бредишь, - подвел итог рассказу Мельдина Майэр.

Господин Рионтур вернулся со встречи с главой верхней канцелярии в весьма задумчивом виде.

- Ты сошел с ума, больше ничего не могу сказать.

- Это не я сошел с ума, это желание Кристиэна. Я уже предвижу, все то, что ты скажешь. Май, я устал, очень устал от этой истории, от Кристиэна, Рихана, чиновников. Я бы хотел, чтобы Кристиэн переехал к нам и все бы закончилось, но не все так просто. Маленький вбил себе в башку, что ему нужен Рихи.

- Я все понимаю, Мэл, насчет доверия нам, - чуть стих Майэр, - но не губи Кристиэна! Я умоляю! Как? Кому в голову могло прийти такое! И зачем надо было все это тогда? Тюрьма, суд? Зачем он мучился? Что бы снова вернуться к палачу?!

- Май! Мне еще не хватало твоих истерик! - рявкнул Мельдин. Было совестно орать на любимого, который по сути прав, но если дать волю, то эту лавину не остановить. Нет уже никаких сил - это воля императора и самого Кристиэна. Может Майэру стоило получше знать о чем думает его любимец? - Что ты так вцепился в него? Он живой человек, а не твоя забава, а ты иногда ведешь себя с ним, как с куклой! Волосы вот остриг зачем то... Не наигрался еще?

- Да сколько ж ты лет меня этими волосами попрекать будешь? - взвился младший. - Я тебе сотни раз говорил, он сам захотел!

- Вот! Он сам захотел! Теперь ты понимаешь меня? - нужно сбавить тон, решил Мельдин. - Сам он просится к Рихану! Сам! Я не знаю, как тебе это объяснить! Что это, придурь такая или любовь, но идти против течения тяжело.

- Он стал мне как младший брат, которого твой драгоценный Рихан у меня отнял! У нас с тобой не может быть детей, так почему не пригреть Кристиэна. Неужто он думает, что у нас ему будет плохо? Мы ничем его вроде не обидели.

- Я не знаю, что он думает и думает ли он вообще, ты сам это видел. А сейчас он пластом лежит - срыв, ему сказали про Рихана. Дайте ему самому решить. Всю жизнь за руку тащили - дома, в браке, в монастырях.

- Один раз он уже сам решил, к нам бежать. Правда избавил Рихана от аторцев.

- Если бы я знал, что для этого нужно всего лишь хорошо его по башке приложить, сам бы давно сделал. Оставь малыша в покое, мы не имеем права решать за него.

- Ты его опекун, он несовершеннолетний. Дойди до императора!

- И что будет? - спросил Мельдин. - Меня лишат права опекунства, да и все. Как ты сам не понимаешь! Сейчас он добыча для аторцев, если они будут мстить; для тех, кому досаждал Рихан; для тех, кому Кристиэн не улыбнулся на балу и так далее. Я напишу своему родичу, он военный командир крепостушки в Мальцах, теплое и тихое место. Пусть Рихан пристроится туда, а потом я найду способ передать им деньги. У меня сейчас на руках документы, которые мне дал Элвиан, нужно поехать и забрать одежду Кристиэна и его серебро, чтобы не пропало. Все будет хорошо, Май. Они уедут и наваждение исчезнет. Рихан не зверь, я знаю его.

- Ты прав. Зверь не убивает и не мучает ради забавы, в отличие от твоего дружка. Рихан лишил меня брата, убил Ская и эту шлюху, и это только то, что мы знаем о нем! Он убийца и еретик, и еще вышел сухим из воды! Как здорово! Зато стоит нам, младшим, хоть раз вякнуть против, то

все, добро пожаловать на серые ступеньки. Чем мы хуже вас? Тем, что родились не первыми? Чем Кристиэн ниже Рихана? Тем, что воспитан, одарен и умен? И за это его жизнью так распорядились?

- Май? – насторожился Мельдин. – Ты ничего не хочешь мне поведать? Я вроде не заслужил таких слов. Я ни разу не ударил тебя, ни разу не был незаслуженно груб. Что случилось, Май? За десять лет я слышу такое впервые.

- Надеюсь, в последний. Просто вы, все старшие, снова решаете за нас, младших. Кто-то решил отдать Кристиэна, не потому, что тот сам рвется, а потому, что он тут не нужен! На то, что он чувствует – вам все наплевать! И тогда, давно, вы решили все за нас, обвязав клятвой. Ему же внушили, что он обязан любить Рихана, а он не должен! И не любит, я уверен! За что ему его любить?

- А за что ты меня любишь? Я старый, толстый, но у меня есть деньги и дом. А Май? Ну, так?

- Вот за твое пузо и люблю, – рассмеялся блондин. – Действительно, как все глупо. Но Кристиэн... На него же петлю накидывают.

- Все это очень тяжело и жестоко, то, что я сейчас скажу. Но я хотел бы быть так уверен в том, что ты будешь мне так же верен, случись чего, как Кристиэн Рихану. Я не знаю, почему он его любит, но иногда я не понимаю не его, а нас с тобой.

===== Глава 22 =====

Третий день Кристиэна отпаивали успокоительным, делали настойки, давали сонные травы. Что случилось?

Не знал никто, кроме самого Кристиэна и настоятеля Амардина. Монах забеспокоился утром, ожидая исповеди Кристиэна. Что-то не то, слишком беспокоен мальчик, наверное стоило говорить с ним полегче. Зачем было сразу пугать безысходностью будущего?

Но Кристиэна кое-как успокоили, уложили на кровать, убрали беспорядок в комнате, а настоятель забрал свернутый, перепачканный чернилами лист – все, что осталось от исповеди.

Амардин долго сидел, пытаясь разобрать текст, собрать вместе уцелевшие слова и фразы, но даже мелочи, что не была испорчена, хватило, чтобы понять, что лучше правды не знать никому. Пусть мальчик останется в монастыре и забудет о пережитом ужасе, восстановит дар по частям. И совсем незачем ему видеть Рихана – только беречь раны. Даже если придет Элвиан, сделавший на деле Айэ головокружительную карьеру, то личным приказом Амардина его не велено пускать к мальчику.

Ну почему его не хотят оставить в покое? Нельзя даже попросить, но если бы он мог, закричал бы изо всех сил, чтобы все ушли. Ничего ему не нужно! Ни валерьянка, ни питье! Только уйдите.

Нет, лучше бы он умер. Как было бы всем легче! Он бы не мучил никого, не было бы хлопот у Мельдина и Майэра, спокойно бы жили монахи. А Рихан наверное точно бы пережил его смерть, ему сейчас не до беглеца-младшего. Попросил о встрече, а сам испугался, наверняка супруг встретит насмешкой. Но хотелось увидаться, услышать. Да что там – хотелось! Он как капризный ребенок, сам не знает, чего хочет. Не умеет выбирать. Почему не дали выбрать до беды? И что делать сейчас – остаться жить в монастыре, где его будут жалеть и каждому

встречному будет ясно, что хромец именно тот самый Кристиэн Рихан Айэ, где он с болью утраты будет смотреть на танцоров. Кристиэн уже знал здешних посредников – невероятной доброты юношей и девушек, искренне горевавших о потере того, кто мог бы им быть собратом. Но всю жизнь стоять и смотреть на чудо, когда мог бы творить его сам?

Уехать жить к Мельдину и Майэру? Май постоянно говорит об этом. “Если боишься, что смутишь нас – живи в нашем доме в Ланке, на первом этаже есть замечательные комнаты, а мы будем навещать тебя”, – так уговаривали его. Но супруги все же желали, чтобы Кристиэн жил в усадьбе с ними. Но зачем он там нужен? Рионтуры добры к нему, но кто он для них? Чужой приморский мальчишка, которого им повесили на шею? И зачем ему вторгаться в чужой дом, чтобы ради него перестраивали комнаты, нанимали лекарей? Нет.

Можно спросить разрешения вернуться в дом супруга, но его могут не отдать, споры вокруг имущества постоянно. Но как там жить без Рихана? Почему хозяин должен покинуть дом и страну, а его убийца жить? Снова нет.

Тэльдо. Тот офицер, что ухаживает за ним. Дарит своим внимание, пишет письма, на которые Кристиэн даже не отвечает. И перед этим человеком совестно тем, что попался на глаза, смутил ум. Зачем офицеру императорской гвардии калека, да к тому же с запятанным именем и дурным браком за плечами. Тэльдо младше Рихана. Кстати, какая ирония – снова военный. Харет, Тэльдо, Рихан – все они воины. У двоих – желание защитить слабого, у третьего – измучить. От этой мысли и сравнения снова страшно. Ах, дотянуться бы до стола, прочесть бы последнее письмо от Тэльдо. Впрочем, он знал его наизусть, теплые ласковые слова волновали и успокаивали одновременно.

Милый мой Кристиэн!

Я знаю, что ты не ответишь мне на мое послание, но я не прошу тебя об этом – ты волен делать то, что считаешь верным. Но мне важно, чтобы ты прочел эти строки.

Жизнь моя стала другой, после того, как я встретил тебя, словно в нее вошла весна, вдохнули воздух. Твоя нежность, красота...

Твои глаза, в них весь мир. Как излечит тебя от твоей боли? Что я могу сделать? Дай мне знать. Вина человека, который сотворил это с тобой более тяжка, чем его ересь, несравнимо предательство богов и живого человека. Боги не чувствуют боли.

Мой мальчик, я сделаю все, если ты позволишь мне помочь тебе. Я не стану настаивать, прося твоей руки, не вправе принуждать тебя, хотя был бы счастлив, если бы ты ответил согласием. Может тебе интересно, зачем мне это надо? Мне хочется увидеть, как ты улыбаешься. Должно быть – это восхитительно. Ты должен жить, а не умирать в монастырском саду. Ты заслуживаешь счастья быть любимым.

Я никогда и ничем не обижу тебя, свет мой. Ты можешь свободно располагать всем, что у меня есть. Если желаешь, то у моих родителей дом около Приморья, прямо на побережье, там будут рады тебе. Лучшие лекари и прекрасный климат, ты ничем не стеснишь никого. Но можно переехать и к ко мне, в дом в Тэлете. Ты свободен в выборе.

Если мне дадут небольшой отпуск, о чем я уже ходатайствую, я приеду к тебе тотчас же, Кристиэн.

Пожалуйста, не думай о том, что прошло. Ничего не вернется, обещаю тебе.

До встречи!

Чем он заслужил такую доброту? И несправедливо будет, если он, не сумевший стать хорошим супругом для одного, не выполнив своего слова, войдет в дом другого человека. Остается лишь верить, что Тэльдо найдет юношу или девушку, которые по настоящему будут его достойны.

Так что же делать? Кристиэн не мог ни за что уцепиться, соскальзывая со скользких стен своих мыслей. Ему нигде нет места, а Рихану его не вернут. Да и нужен ли он ему? В сотый раз один и тот же вопрос! А если над ним смилуются, дадут увидеть супруга или даже уехать с ним? Как им тогда жить друг с другом? Подумать страшно. Безысходность. Никому не нужный безмозглый и беспомощный калека.

Жуткий вывод сам выплывал не раз в воспаленной смятением голове Кристиэна, в отравленном настойками и травами сознании. Лучше для всех – Мельдин и Майэр будут жить как и жили, храм Амардина не превратится в приют для увечных, Тэльдо огорчится, но найдет свою судьбу. Но что будет с Риханом? Если он узнает, конечно. Заденет ли его весть или он сочтет верным, что клятвопреступник сам покарал себя? Но как это сделать? За ним так пристально следят...

- Мне нужно к Кристиэну Рихану Айэ! – настаивал Элвиан, монахи не пускали его к покоям, уверенно ссылаясь на какой-то приказ Амардина. Что за препятствия, в конце-то концов?

- Господин Элвиан, – его проводили к настоятелю и почему-то теперь Амардин звал его “господином”, хотя он уж точно не испытывал трепета перед новой должностью Элвиана, – Кристиэн нынче нездоров, не стоит его беспокоить.

- Я его и до сего дня здоровым не видел, – парировал Элвиан. – Так почему?

- Я совершил досадную ошибку, раскрыв ему тайну о высылке Рихана Айэ. Несчастный мальчик переволновался и очень переживает. Третий день в постели, мы успокаиваем его, как можем. Но юноша упорен в своей душевной хвори. Все упорно желает видеть Рихана Айэ. Но вы сами понимаете, что эта встреча недопустима. А сейчас, вероятнее всего, Кристиэн спит, так что вы все равно от него ничего не добьетесь.

- Действительно, это грустно, – поддержал игру Элвиан, – но, все же может им дать увидаться, и все, наконец, станет ясно? Они все еще супруги и скоро расстанутся навсегда.

- Никогда! Этот мерзавец на тысячу шагов не подойдет к Кристиэну! Мало уже сделано? Пусть Рихан Айэ радуется тому, что жив и убирается на все четыре стороны! О каком браке может идти речь, если один из супругов лишен всех прав и подлежит высылке? Напомните Мельдину Рионтуру, чтобы оформил все это в документах, кстати.

- Возню с бумагами мы берем на себя, – успокоил Элвиан. – Хорошо, я не буду домогаться Кристиэна с делами, но просто поведать я могу?

Просто необходимо попасть к Кристиэну, свидеться с ним наедине, а теперь из-за дурацкого упорства святош весь продуманный план может полететь в пропасть! Все договоры, уловки, организация. Ведь нужно предупредить мальчишку, да и неплохо бы еще раз запомнить расположение коридоров и выходов, чтобы потом нарисовать их Халду. Самого вора было найти непросто, даже начальнику верхней канцелярии. Самолично перерыл немало дыр и трупов, прежде чем встретился с неуловимым вором. Поразило, как Халд дернулся от одного упоминания имени Рихана Айэ, долго пришлось уламывать выкрасть мальчика, и если бы не

некий долг, о котором упоминали оба, то Элвиан так и не смог бы договориться. Никому не смог доверить главных вещей, слишком прекрасная возможность дать канцелярии подставить себя, ведь не все рады новому начальнику. Хорошо есть надежные люди в городской страже.

- Что-то вы чересчур озабочены здоровьем Кристиэна, – усмехнулся Амардин. – Не вы ли успешно не давали ему покоя несколько месяцев?

- Это моя работа, увы, – вздохнул бывший дознаватель. – Но я даже уже как-то привязался к нему. Он весьма славный мальчик, о нем грех не беспокоиться. Так в чем же его болезнь?

- Он постоянно плачет и не хочет отзываться ни на что. Поэтому-то я и советую вам не тревожить его. Пусть скорее успокоится и забудет. Здесь ему будет хорошо.

- Я почему-то в этом не уверен, – возразил Элвиан. – И почему вы не отдаете его опекунам? Из-за посредничества?

- Не скрою, отчасти. Я не теряю надежды на его душевное выздоровление и тут о нем лучше позаботятся. А теперь прошу меня извинить, мне нужно по делам, я обещал кастеляну.

- До встречи, – церемонно поклонился Элвиан.

Все не так плохо, решил Элвиан. Было бы гораздо хуже, если бы мальчик вновь стал обездвижен. А слезы – дело поправимое, но пусть их на этот раз утирает Рихан Айэ. А он свой уговор выполнил – люди наняты, лошади есть, Мельдин Рионтур привезет все необходимое для путников и уже завтра вечером дело Рихана Айэ станет историей.

- Я не поеду! Это преступление! – зашипел Майэр в ответ на просьбу Мельдина поторопиться с одеванием. Нужно было уже ехать, темно, а до условленного места на окраине было приличное расстояние. Мельдин, чья жизнь за последнюю неделю превратилась в сущую беготню, лишь пожал плечами.

- Извини, я думал, ты захочешь попрощаться с Кристиэном. Но раз ты наигрался в заботливого старшего братца, оставайся.

Но Майэр лишь сверкнул глазами, подхватывая брошенную ему рубаху.

Все готово. Обстоятельный Мельдин продумал каждую мелочь, собирая друзей в дорогу – теплая одежда, несколько пар шерстяных носков для Кристиэна, нужные травы и мази для суставов, деньги, которые меняют везде, удалось добыть даже любимый клинок Рихана. Но самое главное – письмо коменданту Оссейской крепости, господину Хандлару, с просьбой от давнего друга, о принятии на службу Рихана Айэ, должностью не ниже сотника. Господин Рионтур ручается своим словом. Даже несколько украшений Кристиэна.

Остальное серебро потом можно передать с караваном. Еда – хлеб, вода, вино, яблоки, и сухое мясо, что заваривают в кипятке. Небольшой котелок, немного посуды на всякий случай. Две небольших сумки и подарок от семьи Рионтур – большое шерстяное одеяло. Пусть супруги Айэ мирятся под ним.

- Поехали, – Мельдин поцеловал супруга, помогая забраться на коня. – Пора!

Люди маялись на улице, перетаптываясь от холода. Черная карета со знаком тайной

канцелярии, которую никто не имел права остановить на дорогах и даже разбойники предпочитали пропустить зловещий экипаж. Двое возниц, вооруженная охрана-эскорт, что будет сопровождать карету, супруги Рионтуры и герцог Рихан Айэ, который улыбался так, как будто у него были именины.

Свобода! Он может дышать морозным воздухом ночи, чувствовать как под ногами хрустит снег, на нем новая теплая одежда, а главное – скоро привезут котенка. Мельдин кружил вокруг как насадка, беспрестанно что-то объясняя, советуя, что-то квохчет про Оссейскую крепость. Но Мельдину он всегда рад, тем более это первая встреча после тюремных свиданий, и последняя. Скоро прощаться. Мельдин стал ему ближе брата, а теперь он останется тут. Майэр, вот, огорчен, по недовольной харе видно, что мечтал видеть на костре. Не можешь забыть братца-дезертира, блондинчик? Никакой снисходительности к трусам и беглецам на войне, и мне плевать на твою ненависть. Но ты возился с котенком и за это спасибо.

- Да где же они!? – Элвиан нервничал, по его прикидкам, карету с беглецами уже нужно было отправлять. Что же задерживается Халд? Неужто монахи? Вся гвардия страны не может его выловить, куда уж светлым? Или что-то с Кристиэном? Или они уходят от погони? Остается только гадать.

- Вы нигде не ошиблись в плане? – тревожно спросил Мельдин у Элвиана.

- Исключено. Я, знаете ли, в молодости у мастера-архитектора начинал, чертежи копировал. Лучше скажите, вы отдали бумаги Рихану?

- Да, конечно, но по-моему ему сейчас не до бумаги.

- Пойду тоже, скрашу ему ожидание.

- Рихан, – Элвиан занялся пока еще своим подопечным, – держите эти футляры, берегите их как зеницу ока. Там документы на вас, вашего супруга и на ваш брак. Официальная грамота о том, что вы сами подали прошение о лишении вас имперского гражданства еще до ареста. Но вы не можете вернуться в страну, ни под каким именем, хотя ваше вам сохранено. Ваше имущество пока переходит к Мельдину Рионтуру, но думаю, вашу недвижимость заберут. Вам невероятно повезло, подобные дела так не заканчивались никогда. Так или иначе – это лишь императорское милосердие.

- Ради всего святого, вы сами-то в это верите? – спросил Рихан. – Скажите проще – дешевле выслать нас, чем разворошить осиное гнездо. Но лично вам я благодарен. Вы подошли к моему делу с душой, а не желанием отправить меня на костер, – искренне улыбнулся герцог. – Что до гражданства, то это не самая страшная потеря.

- Ну, я бы мог сказать, что с вами было приятно работать, – вернул Элвиан. – Но надеюсь, что мы не встретимся ни при каких обстоятельствах больше.

- Абсолютно вас поддерживаю.

Наконец-то! Охрана, услышав перестук копыт, схватилась за оружие, но Элвиан успокаивающе махнул рукой. Халд, родной, наконец-то!

Всадник сидел прямо в седле, облапив укутанную фигурку. Кристиэн.

- Где тебя носило! Халд! - не сдержался бывший дознаватель. - Мы тут уже давно ждем!

- Жаль с новой должностью расставаться, да, господин дознаватель? - высокий крепкий мужчина прыгнул с коня, бережно снимая ношу. - Вот, катался, неохота было с такой звездой расставаться! Вот сроду бы не отдал, если бы не Рихан, кобель! Пригрелся он у меня, держи вот. Ишь, какого принца отхватил.

- Тебя видели?- быстро спросил Элвиан, пусть Рихан теперь сам встречает своего супруга.

Халд поставил юнца прямо на снег, оказалось, что Кристиэн укутан в покрывало, явно сорванное с ложа, а на ногах одеты грубые здоровенные мужские сапоги. Кристиэн испуганно смотрел, с явным трудом понимая, что произошло и лишь чуть погодя увидел Рихана.

- Обижаешь! Чуть подзадержался, сапоги спер у какого-то жирдяя. Вы лучше парня за так не морозьте, в карету вот его, что ли... Скажи мне, он у вас всегда по ночам на подоконниках выстаивает, с открытыми ставнями или я вовремя успел?

- Кристиэн?! - укоризненно разом несколько голосов.

- Ну что, допрыгался? -спросил вор у Рихана. - Сума, черная карета и вперед?

- Посмотрим, когда ты сам допрыгаешься, дурнина! - похлопал его по плечу Рихан. - Сомневаюсь, что тебя сам глава верхней канцелярии с эскортом провожать будет. Ну, если только придет посмотреть, как вешать будут. Счастливо оставаться, буду жив - черкану письмишко.

- Все, пора! - Элвиану уже позарез нужно было отправить карету. - Кристиэн, прощай, мальчик, - Элвиан пожал руку, заглянул в ошеломленные карие глаза. - Очень желаю тебе счастья, ты заслужил.

Майэр же крепко обнял юношу, не желая расставаться.

- Бедный ты мой, маленький, береги себя.

- Малыш, не позволяй ему дурить, держись людей, в обиду не дадут, - Мельдин протянул небольшую коробку, открыл ее и даже в темноте было видно алый шелк платка и золото застежки. - Вот, нашел у вас там, сгодится. Ты в себе не держи, так заживет быстрее. Даю тебе слово, тебя больше не обидят. Прощай, солнышко.

Кристиэн не мог не улыбнуться Мельдину, первой улыбкой с весны, робкой и настоящей.

- Удачи тебе, друг! Как можно будет - дай знать, что все устроилось. А может и свидимся! И не вздумай!

- Прощай, брат! - обнял Мельдина Рихан.

Карета тронулась. К счастью, в карете супруги оказались вдвоем. Под лавками мешались сумки с добром, сунутые Мельдином. Отдельно сумка с бумагами и деньгами. Фонарь снаружи давал лишь слабый свет в салон кареты. Охрана ехала рядом, а возницы погоняли лошадей.

Напротив друг друга - Кристиэну нужна целая скамья, вытянуть больную ногу. Рихан никогда не молился искренне, даже на поле боя перед, казалось бы неминуемой смертью, но теперь был готов умолять. Кристиэн. Как же давно я тебя не видел!

- Котенок, ну ты хоть рад мне?

===== Глава 23 =====

- Как вы могли допустить такое, Элвиан! Это неслыханная дерзость! Все это ваше грошовое представление – побег Айэ! Где мой мальчик, где Кристиэн!?

- Успокойтесь, сайэ Амардин! – Элвиан пришел в ужас. Настоятель сам приехал к нему в имение, да еще и в таком гневе. – Я не понимаю вас!

- Да что вы говорите? Отлично все понимаете! У меня нагло украли Кристиэна Айэ! Прямо из его комнаты! И вы не понимаете? Несчастливого калеку! Сейчас зима и что может с ним быть?! Вы подумали об этом?!

- Успокойтесь, – еще раз попросил Элвиан, – я уже в курсе. Мы уже ищем юношу. Вероятно после того, как я известил Рихана Айэ о ссылке, он сумел с кем-то сговориться. Мы допрашиваем охрану тюрьмы. Найдем мы Кристиэна, я сам за него переживаю!

- Вы совесть потеряли, врите мне прямо в глаза! – изумился настоятель. – Полноте, не делайте из меня старого дурака. Это именно вы выкрали Кристиэна и отдали его в руки убийцы! Но чем вас купили?!

- Вы сейчас хорошо уверены, в том, что говорите? – холодно осведомился Элвиан бездушным тоном чиновника.

- У вас это написано на вашей отвратительной самодовольной морде, Элвиан. Как же вы быстро испоганились и стали трусом! Вы не могли пройти против. Неужели вы думали, что я так наивен, что поверю, что освободят Рихана и сразу выпустят его из под надзора? Нет, вы же должны убедиться, что герцог покинет страну и чтобы его путешествие было в одну сторону, вы выдали ему Кристиэна. Ну и заодно нагрели карман. Ваши умельцы в службе мастера убить или похитить незаметно. Кстати, зачем они украли сапоги?

- Сапоги? – опешил Элвиан, но сразу же вспомнил. – Сайэ Амардин! Я еще должен и сапоги разыскивать?! Что касается Кристиэна, поверьте, я тут не при чем.

- С вами стало бесполезно разговаривать! Я поеду к иерархам, а потом к императору, я прекращу этот убогий балаган с поисками! Смотреть противно, на вас и ваших ищеек. Тьфу!

Что делать? Элвиан был в отчаянии. Признаться Амардину и нарушить слово, данное императору? Испортить отношения с иерархами и сделаться изгоем во всех храмах империи, проклясть свой род.

“Ну а чего ты ожидал?”, – спросил сам себя Рихан. Ответить Кристиэн ему все равно не сможет, даже если захочет. Но захочет ли? Глупо было надеяться, что котенок кинется его обнимать и целовать, заливаясь слезами радости. Нет, конечно. Котенок как мертвый, что с ним делали? И кто посмел отрезать ему косы? Даже при первом взгляде видно, что мальчишка нездоров. Губы сжаты, в глазах не пойми что, но уж не радость точно. Почему он тогда не развелся, Элвиан говорил, как ты упирался, защищая меня. Из-за своей дурацкой клятвы?

Но сейчас не время выяснять отношения и спрашивать. Хотелось обнять, прикоснуться, не так как раньше, а просто убедиться, что вот он, Кристиэн, рядом с ним. Но вдруг вспугнешь? Столько времени мечтал в тюрьме, вспоминая теплую солнечную приморскую кожу, нежный

запах и податливость, а теперь вдруг оробел?

Котенок мучается, не знает куда деть длинные ноги. Стал за лето неожиданно высоким, повзрослел еще больше. Мельдин был прав в своей безжалостности – все действительно плохо. Мы с тобой, котенок, успели натворить бед.

- Хорошо, я согласен, здесь не место для откровенности. Потом, Кристиэн. Тебе нужно какое-то лекарство сейчас?

Маленькую корзинку с настойками и травами, растираниями, Мельдин предусмотрительно положил поближе, даже написал записку, когда, что делать. Но где же она?

Откинулся на спину, покачал головой, не нужно, мол, ничего. Совсем сонный, даже наверно и не понимает, что случилось. Постарался свернуться поудобнее, закрыл глаза. Спи.

Кристиэну было дурно, тряская карета, голодовка, переживания сделали свое дело. А еще Рихан, который то ли снится, то ли наяву. Очень душно, никак невозможно устроить ноги, тошно и страшно. Ночь началась с того, что все-таки решился, решился на последнее. Кто бы знал, какого труда стоило доковылять до окна и распахнуть тяжелые ставни, сделать усилие, полгода назад ничего не стоившее – забраться на широкий подоконник, Кристиэн встал на холодные доски, все же не решаясь оборвать все сразу. Слишком многое вспомнилось – дом, море, солнечные блики на воде жарким летом, паруса, Тэлета и брак. Надо было сразу прыгать, не раздумывая. Всего лишь четвертый этаж, до земли надежно далеко. Но его дернули с подоконника, резко и грубо, зашипели на ухо:

- Не делай глупостей, щенок! Все будет хорошо.

Потом была возня, тьма покрывала и холодный воздух улицы. Его похитили! Зачем, кто?! А потом он открыл глаза и увидел Рихана. Супруг остался таким как и был, с насмешливыми глазами. Видение.

Я не могу ничего ответить, сайэ Рихан! Разве вам не сказали?! Я теперь нем, а чернильницы и бумаги нет. Я так долго думал, что же скажу вам или напишу, но теперь все слова растерялись, перепутались и забылись. Придется переждать вопрос.

Как больно! Когда же она заживет так, чтобы можно было наступать, хоть ковылять, как летом, без боли. По ночам зимой просто мука. Кости почти срослись, так как их сложили, осколками, но сухожилия и мышцы заживают труднее, пятка и щиколотка изувечены шрамами. Дурно, чуть бы подышать воздухом, туман в голове...

- Эй, ты! – Рихан на ходу открыл дверцу кареты, подзывая охрану. – Твою же! Остановите!

Возница нехотя остановил экипаж.

- Что такое? Не велено, до утра! – рявкнул охранник.

- Моему младшему плохо! И если что случится, то отвечать тебе, дело государственной важности.

- Не велено, – уже менее уверенно ответил стражник, припоминая, чем же ему грозил господин Элвиан. – Ладно, недолго.

Рихан подхватил совсем обмякшего Кристиэна на руки, выволок из кареты. Внутри холод собачий, а мальчишка жаркий. Придется держать на руках, ноша стала тяжела, но это не котенок растолстел, а он ослабел. Нужно будет начать приводить себя в порядок.

Кристиэн открыл глаза, свежий воздух как спасение, жадно дышал, даваясь.

- В кусты надо? – догадался спросить Рихан, почувствовав и свою нужду.

- А ну, куда? – рявкнул стражник.

- Поссать, в кусты. Но могу прямо и тут, если боитесь. Нет? Тогда, парень, будь другом, поддержи его, я мигом. Потом я сам ему помогу.

После всей возни с Кристиэном и его одеждой, тасканием, спать хотелось нестерпимо. Рихан сам уложил юношу на сиденье так, чтобы было удобнее.

- Вытяни ногу, клади рядом со мной. Думаю, что монахи тебе давали свежие носки, – зевнул бывший герцог, засыпая.

Новость ошеломила Тэльдо. Рихан Айэ сбежал и выкрал собственного супруга?! Государственный преступник на свободе! Как же так получилось? Гвардейцы обыскивают все гостиницы, притоны и постоялые дворы в Тэлете и Ланке, обшаривают окраины, но как можно не найти хромого мальчишку с такой приметной внешностью? А если Рихан Айэ успеет с ним что-то сделать?

Он не может сидеть сложа руки и причитать, как баба. Кристиэна нужно отнять у мерзавца! Знать бы, откуда начинать.

С превеликим трудом удалось выбить отпуск, и Тэльдо сразу помчался в храм Амардина, может там станет ясно, куда Рихан Айэ повезет свою добычу.

Кристиэн совершенно беспомощен, он ведь даже не сумеет позвать на помощь или вырваться. Тэльдо напряженно прислушивался к разговорам стражников, гвардейцев, дознавателей, всех, кто был обязан участвовать в поисках Рихана Айэ. Но никаких следов, утверждали все наперебой.

Рихана самого начало трясти к утру, он зверски замерз, хотелось есть, и вообще встать на твердую землю. Когда же эта херова карета остановится? Им же нужно будет менять или обиходить лошадей, да и люди не стальные.

Котенок спит. Рихан еще ночью развернул подарок Мельдина, накрыв им Кристиэна, котенок укутался в одеяло весь с головой и теперь напоминал большой шерстяной куль. Рихан с завистью подумал о том, как должно быть тепло и уютно внутри этого “куля”. Пусть спит.

Теперь Рихан начал понимать, что наказание уже не столь безоблачно и легко, как казалось раньше. Долгая дорога, холод, больной мальчик, который воплощенное напоминание о преступлении, впервые в жизни – неловкость. Сейчас не до того, но рано или поздно придется объясняться и единственное, что у него есть для оправдания, это то, что котенок теперь сам сделал свой выбор. Если бы Кристиэн подписал развод, то давно бы уже жил припеваючи под крылышком монахов или у Мельдина. Но гордый котенок уперся всеми лапками. И с такой преданностью придется считаться.

Их последняя встреча – собственное, одурманенное вином сознание, животное желание взять там же, на полу, перед идолами и отчаянные глаза котенка, ухватившегося за светильник. Шарахнул, кстати, знатно, с испугу-то. Эх, нужно было соглашаться на спальню, оба бы легко отделались. Но с другой стороны – теперь нет аторцев и за это отдельный поклон. Разбежались как крысы, напакостив напоследок по-крупному. Все именно так, как и говорил Мельдин – немота, перелом, слабое здоровье и что-то с головой. Последнее, конечно, не новость, головой котенок силен никогда и не был. Но раньше с ним можно было хотя бы договориться, иногда.

А как быть теперь, с какой стороны зайти? Со стороны Элвиана было любезностью показать листы, на которых записаны беседы Кристиэна с дознавателями, даже тот лист, что котенок испортил, исцарапав. Кое-где, даже по мнению Рихана, ответы Кристиэна противоречили здравому смыслу, но почему-то грели душу. Почему-то вспомнились те слова, что он когда-то внушал Кристиэну, о необходимости быть опорой для супруга при любых обстоятельствах. Неужто котенок внимательно слушал?

Очевидно, что какая-то дрянь все-таки прилипла к памяти котенка. Но если выбрал сам, то пусть теперь терпит. Легко не будет никому. Интересно правда знать, что все-таки хочет котенок? Вот, к примеру, Рихану хотелось только одного – покоя. Устроиться на тепленькое местечко капитана в крепости, подлечить Кристиэна, примириться с ним, а там может получится и урвать поцелуй. Как жаль, что украли картины, пожалуй, из всего имущества это самая существенная потеря. Конечно, потом можно купить заново бумагу и краски, но это будет уже не то, да и захочет ли котенок снова рисовать? Лишь бы не изображал из себя воплощение скорби и укоризны, ведь мастер на это. Одно ясно сразу – жалость будет точно неуместна. Надо принять все, как есть.

Карету слегка трянуло, и она остановилась. От резкого рывка проснулся Кристиэн, разворачиваясь в одеяле. Непонимающий больной взгляд.

- Выходите! Перерыв, коней менять будем, – сунулся в экипаж один из конвоиров.

Рихан накинул на Кристиэна шубу, привезенную Мельдином, ту самую, мягкую беличью, помог обуться. Подал руку, выходя из кареты, и на сердце стало легче, когда горячая ладонь коснулась пальцев.

Дом, небольшой дворик и конюшня, одно из путевых убежищ тайной службы, такие по всем землям страны. Значит у них есть несколько часов в тепле.

Супругов проводили в дом, хозяева которого были пожилыми и на редкость угрюмыми людьми. Рихану некстати подумалось, что это видимо последствие сотрудничества с тайным приказом.

- Здорово, Торольв, – поздоровался с хозяином дома старший из возниц, – вот, заботушка очередная, принимайте. Ты, хозяйка, собери на стол, и... – возница вздохнул, – и приготовь поспать где, у нас тут парень малость прихворнул.

Рихан решил, что он не ел ничего вкуснее, чем похлебка из бобов и крупы и кусок ржаного хлеба. Так давно не ел домашней еды. Перед Кристиэном поставили такую же миску, но юноша нерешительно смотрел на нее. Ах, да, вспомнил Рихан, кое-кто капризничает по старой памяти, порция слишком, видите ли велика. Если следовать предупреждениям Мельдина о том, что пища теперь должны быть мягкой, то все вроде в порядке. Но ведь не ест же.

- Хм, – нерешительно начал Рихан, – хозяйка, а не будет ли молока, погреть?

Молоко нашлось, как ни странно, видать Элвиан щедро оплатил проводы преступников. Хлеб с

молоком Кристиэн съел весь. И то хорошо.

Никто не стал препятствовать тому, что он прошел вслед за младшим в спальню, отгороженную занавеской. Потом вспомнил, вернулся к охране:

- Там, в карете, корзинка с лекарствами, мне б вернуться, или сами сходите?

- Принесем.

Днем мазь а вечером питье, таковы кажется, наставления Мельдина. Хорошо, что в корзине есть походная фляжка, куда можно перелить настой. Вообще Мэл умница - все собрал, даже полотно для перевязки, нарезанное узкими полосами. Летом будет полегче, но до него еще так далеко.

С мазью придется погодить, решил Рихан, как только снова вошел в спальню, Кристиэн спал, сняв лишь обувь и верхнюю рубашу, вытянувшись на постели, застеленной покрывалом. Лег у стенки, оставив Рихану достаточно места рядом. Ну что же, весьма неплохое начало, подумалось Рихану и он с удовольствием улегся рядом с младшим супругом.

Тэльдо даже и представить себе не мог, что храмовники могут так гневаться. Настоятель Амардин был в ярости, а когда Тэльдо сбивчиво изложил свое дело и вовсе пришел в неистовство.

- Я эту крысу канцелярскую в пыль изотру! Прокляну так, что его потомков даже на ступени не пустят! Ну он бы хоть знать дал!

Тэльдо ошеломленно смотрел, как настоятель мечется по кабинету.

- Вот ты чего приехал!? Ненаглядного своего Кристиэна искать? Ну-ну, давай, ищи! Нужен ты ему! Стервец! Самоубийца! Уехал твой Кристиэн, со своим законным супругом. Как и хотел. Один я как дурак, как наседка квохчу! А они все уже успели сговориться!

- Сайэ Амардин, объясните мне, наконец-то! Я уже запутался! - взмолился гвардеец.

- А чего тебе объяснять?! Что? То, что даже дурак должен был сообразить? То, что даже преступник государственной важности просто так не покинет пределов страны, или то, что мальчишка умом двинулся? То, что Элвиан не за красивые глаза должность получил? И только меня дураком старым выставили! Сроду такого стыда не было! Провели как ребенка!

- Я приезжаю к этому сопляку, Элвиану, чтобы расспросить его о побеге. А этот мерзавец врет мне в глаза: «Наше упущение, господин Амардин, герцога на плаху, а парня мы вернем! Уже ищем!». Ищут они, с ног сбились! Молодцы! Им бы всем только в балагане деревенщин изображать! Мне это сразу подозрительно показалось, думаю, хорошо Элвиан от Айэ на лапу получил, императора не побоялся! А его ищейки Кристиэна и выкрали. И тут я, дурень, к императору поехал. Вот зачем? Еле приема добился. Лучше бы меня и на порог не пустили...

Амардин сел, вспоминая.

- Я прошу вас разобраться в произошедшем, ваша милость! У нас украли посредника и дознаватель Элвиан ведет себя так, что ясно, что он знал все заранее! Меня его враньем не проведешь! - рассказывал иерарх императору. - Простите меня за горячность, не подобающую моему сану, но я очень опасаюсь за юношу.

- Мне неловко говорить вам об этом, настоятель Амардин, но есть вещи, о которых лучше не знать, – мягко начал государь. – Но вы отчасти правы, дознаватель Элвиан знал обо всем. Но приказ о похищении Кристиэна Айэ был отдан лично мной, а он его выполнял. Мы не захотели ставить вас в известность, даже, не побоюсь сказать, испугались. Но вы искренне переживаете и я не могу не сказать вам правды. Для государства испортить отношения с храмами – дурное дело и нам бы этого не хотелось. Но и оставить Кристиэна вам или кому-то еще мы не могли. Во-первых, это «якорь» для Рихана Айэ, ведь он вовсе не отказывается от прав на супруга. Во-вторых, аторцы могут попытаться отомстить ему через юношу или сами похитить его. В-третьих, вокруг парня такие споры, что проще обрубить нити, отдав его тому, к кому он так рвался. Так что будьте снисходительны к сайэ Элвиану, он всего лишь подчинился мне. И примите мои искренние извинения за этот невольный обман.

- Вот так, – вздохнул Амардин, сникнув. – А я-то... Кристиэн, как он мог? И что теперь с ним будет?!

- Ну может, для него похищение было неожиданно? – наконец-то поверил в услышанное Тэльдо.

- Возможно, но это ничего не меняет. С его даром и так изгадить свою жизнь?! Бедный мальчик, хоть бы он был счастлив! Ты даже себе предположить не можешь, какое сокровище этот приморец. И так потерять... Надо было мне не препятствовать твоим попыткам, лучше бы он достался тебе, чем этому...

- Нет, – твердо сказал Тэльдо, – я бы не стал делать ничего против воли Кристиэна. Но он выбрал не меня.

- Он мальчишка, всего лишь гордый мальчишка, – возразил Амардин. – Но надеюсь, на этот раз ему не придется расплачиваться за свой выбор. Может и у Айэ совесть есть?

Кристиэна ему не вернуть. Нечего и пытаться теперь, после искреннего рассказа настоятеля, остается лишь благодарить, что сказали правду. Пусть Кристиэн будет счастлив.

Котенок такой же теплый, как и раньше, волосы пахнут знакомым чистым запахом. Рихан лежал рядом, проснувшись и просто наслаждался отдыхом. Все очень хорошо, все просто прекрасно, раз ему еще есть место на общем с Кристиэном ложе.

Рихан сбился со счета дней в дороге. Может быть они ехали пять дней, а может семь, он так и не заметил разницы. Все было однообразно – тряская карета, редкие остановки для того, чтобы оправиться и поесть, перекладные домишки тайного приказа. Полусонный отрешенный Кристиэн напротив, явно ждущий, когда же кончится эта бесконечная ледяная дорога.

- Все. Приехали, – охранник распахнул дверцы кареты и путники выбрались наружу.

- Значит так, сайэ Элвиан велел вам оставить лошадей, двух, отдать меч и сумки, еще, вот, бумаги и письмо, лично от него. До границы, за поворотом, мы проследим, чтобы вы ее перешли.

- Благодарю за любезность. Если вас не затруднит, – съехидничал Рихан.

Когда он повесил клинок на пояс, то почувствовал себя гораздо лучше – все потихоньку становилось на свои места.

Рихан навьючил первую лошадь вещами, на вторую усадил Кристиэна, велел тому крепко держаться за луку седла и медленно повел животных за повод. Можно было поехать верхом, но слишком хотелось размять ноги после долгой поездки в неудобной карете.

- Расслабьтесь, парни, - обернулся он к охране. - Мы не вернемся. Счастливо оставаться.

Границу перейти оказалось очень легко - на этом участке даже не ставили постов. И Рихан брел по чужой земле, глядя перед собой. Нужно дойти до села. Он всегда старался ставить перед собой задачи в строгой последовательности, рассчитывая каждый шаг. Сначала - торговое село, охрана сказала, что оно недалеко от границы. Хорошо бы снять на местном постоялом дворе комнату, заказать ужин и помыться. А дальше будет тяжелее, когда он останется наедине с котенком.

Рихану казалось, что Кристиэн даже не замечает ничего вокруг, из-за болезни. Замерз, измотан и словно засунут под прочный стеклянный колпак. Подчиняется безоговорочно, не шарахается и не трясется. Словно ему уже все равно. Спит на ходу с открытыми глазами.

Село и вправду оказалось неподалеку, он даже не успел притомиться. Лавки, богатые дома, и даже несколько трактиров и постоялых дворов. Ну верно, наверняка тут торговый путь пролегает, значит купцам и караванам нужно где-то останавливаться.

- Кто таковы будете? - хозяин двора, толстый одутловатый мужик подвинул Рихану книгу, где следовало указать свои имена, прежде чем получить комнату.

Имена. Элвиан отдал им грамоты о лишении гражданства, но с правом на сохранение личных имен. Кристиэну правда, даровано выбирать, между фамилией Тэхи и Айэ. Интересно, тут знают об имперском скандале с аторским изменником? Или нет?

“Рихан и Кристиэн Айэ. Супруги. Ланка” - записал он в книге.

- Какую комнату желаете? - стал милостив трактирщик, когда понял, что перед ним семейные люди.

- Потеплее и получше. За лошадьми тоже пусть хорошо смотрят. Вещи - в комнату, ужин после бани.

Сначала мыться, потом поесть и отоспаться - снова определенная успокаивающая последовательность. Можно даже выпить винца, не здешнего, а того, что положил в корзинку Мэл. Если оно, конечно, не сильно попортилось, пока мерзло в дороге.

Теперь все придется делать самому. Кристиэна Рихан усадил на кресло и теперь, разбирая вещи, незаметно наблюдал за младшим, чувствуя, что холодеет сердце. Ведь как посадил, так и сидит, смотрит мимо. Только этого еще не хватало! Ну может в тепле оттает?

Рихан разобрал вещи, найдя свежее белье и смену одежды, мыло и крохотную банку со снадобьем для волос, дождался служки, сообщившего господам Айэ, что баня согрета. Рихан подхватил сверток со шмотьем и потащил за собой супруга.

- Пойдем, котенок.

О, видимо монахи все же иногда оставляли котенка в покое, по-крайней мере раздевается он сам.

- Хватит, остальное в парилке, и так замерзли. Ну? - Рихан проводил Кристиэна из предбанника.

Умница трактирщик! Разделил свою баньку на несколько комнаток с отдельными входами, чтобы постояльцы не смущали друг друга. Поэтому супруги оказались наедине друг с другом. За время дороги Рихан так и не увидел Кристиэна без одежды хотя бы до пояса и то, что он рассмотрел теперь, сильно отличалось от того, что помнилось. У котенка и раньше были шрамы, появились после первого месяца супружеской жизни, но теперь казалось, словно не Рихан, а Кристиэн отсидел в тюрьме полгода и бывал на допросах. Если раньше котенок был просто худым, то теперь - изможденным. Значит, Нур и Манаро били его загономной плетью - по спине длинные светлые шрамы, хорошо залеченные, но все равно оставшиеся. И ноги, изуродованные стопа и щиколотка. Любой охотник скажет, что хуже мог быть только медвежий капкан, но котенок видимо с разбегу попал в волчий, так, что зубья впились в пятку и щиколотку, именно там стянутая зашитыми ранами кожа, и чуть неровно сросшиеся кости. Именно поэтому котенку так тяжело наступать, а зимой вдвойне невыносимо из-за холода и влаги. Левая, идеально красивая ножка, нежная гладкая кожа, аккуратные пальчики, изящный изгиб подъема и непоправимо покалеченная правая. Закрывать глаза и вспомнить, как танцор-посредник танцевал только для одного верующего.

Кристиэну было тяжело стоять и он сел на мокрую липовую лавку, потянулся за ковшом.

Наверно, должен мучить стыд. Это все случилось из-за него, и красивый юноша стал увечным. Но толку сейчас раскаиваться?! Ничего не вернешь и неизвестно, чтобы было, если бы котенок все-таки добрался до Мельдина.

Рихан отобрал ковш у супруга, развел в шайке воды потеплее, отломил кусок мыла.

Кристиэн покорен, даже не жмурится, когда мыльная вода бежит по лицу. Рихан наконец-то управился с мытьем супруга и принялся за себя. Какое же блаженство эта баня! Он смывал с себя тюремную и дорожную грязь, несколько раз промыл волосы, дочиста побрился, даже под ногтями наконец-то не было грязной каймы.

Чистая, свежая одежда, белые рубахи, тонкий лен набедренных повязок. Рихану пришлось сесть на корточки перед супругом - самое время втереть в распаренную стопу мазь и одеть шерстяной плотный носок. Ему показалось или Кристиэн едва слышно застонал? Так больно или неожиданно прикосновение?

- Я аккуратно, не переживай.

Все-таки придется объясняться. Этой каменной статуи он не вынесет. Нужно что-то сделать, расшевелить, чтобы Кристиэн хоть как-то ожил. Это просто невыносимо.

Напряжение. Еще осталось чуть-чуть и нить оборвется, не выдержав. Что с ним? Бесконечный холод, тряска, муть полузабытья, а еще почему-то рядом Рихан. Наяву ли? Или он просто окончательно лишился разума? И если это не сон, не бред, то что тогда делать? Как трудно смотреть на того, кого ты пытался убить.

И как же дурно. Словно заперли в холодной темной комнате и никто не слышит, как он молит о помощи. И то, что больше всего ужасало Кристиэна - мир вокруг него становился бесцветным. С самого раннего детства, сколько он себя помнил, он привык жить цветом, красками. Окрашивая мир вокруг, чувства, людей в понятные ему категории. Холодные, теплые тона, мельчайшие оттенки на палитре его сознания. Море, например, было всегда разным, он не припоминал, чтобы два раза встречал один и тот же признак. Издали - гладкостальное с

белыми гребешками, а если зайти по колено в воду в солнечный день, то прозрачное, с золотом песка на дне, переливаются камешки, которые кажутся драгоценными. Но стоит их вынуть и обтереть о штаны, они теряют свое волшебство, становясь обыкновенной галькой. Он жил именно красками, узнавая окружающее его именно по цвету. Мельдин – теплая охра, надежный, добрый оттенок, Майэр – чуть разбавленный белым пурпур, как клубника политая сливками, настоятель Амардин – царственно-алое. Собственная комната в поместье супруга – коричнево-багровая, как подсыхающая кровь, спальня Рихана – белая с голубыми всполохами. А теперь он не различал ничего вокруг, зрение как и прежде, было зорким, но все сливалось в одно тускло-серое пятно, в котором перемешались все его категории и понятия, и он не знал, переживет ли это. Боль, гораздо более мучительная чем переломанные кости и полураздавленное горло. Все начало теряться и плыть в ту ночь, когда он вскарабкался на подоконник.

Все должно быть лучше, в отчаянии думал Рихан. Вот же, для него, война все понятно, жизнь наладилась – есть крыша над головой, чистая одежда, еда, оружие, лошади и даже мягкая постель. Нет же! Все его надежды на “оттаивание” Кристиэна рушились на глазах. Котенку плохо, глаза погасли, лицо блеклое, полуобморочное. Что с ним делать теперь? Рихан пробовал за вечер все – налил вино, растирал руки, одевал теплое на Кристиэна, раскрывал окна, чтобы проветрить комнату. Все без толку, как мертвый. И вдруг, начало вспоминаться...

“Он у вас всегда на подоконнике ночами выстаивает? У окна, открытого зимой? Или как?” – издевательски-тревожный вопрос Халда.

Так значит, котенку оставалось всего лишь сделать шаг и опоздай вор на какой-то миг... Все могло бы сразу стать бессмысленным – эта свобода, жизнь до нее и после нее. Аторцы бы победили, и неважно, что стало бы с Риханом. Может до сих пор котенок стоит там, около этого проклятого окна? Поэтому и замерз, как застыл. Нужно или закрыть окно или разбить стекла вдребезги.

Усадил на постель, дотронулся до лба. Жара нет, на том спасибо.

- Знаешь, в чем твоя беда, котенок? – начал он, сев рядом, лицом к лицу с Кристиэном. – В том, что ты делаешь все наполовину зачастую. Если ты собрался убивать, то нужно было бить, а не размечать сначала дырки. Это тебе не черновики к твоим картинкам. А если уж ты собрался послать всех окончательно на хрен – меня, монахов, Мела, дознавателей и императора, то нечего было красоваться у окна. Небось раздумывал – красивое пятно получится или нет? Если тебе это до сих пор важно, то могу уверить – некрасивое, а может и мозги по клумбам собирали бы. Я тоже когда-то такой был, но в армии от этого быстро лечат. И если я делал глупости, то делал их до конца, так чтобы икалось всем. А ты не учился даже на моих ошибках. Вот зачем ты долго мотал душу Элвиану и чиновникам, не давая развода? Аж сам император, в конце концов, велел всучить тебя мне. И что? Что ты есть, что тебя нету. Если надо, я принесу бумаги и чернил, и ты мне напишешь, все, что хочешь сказать и все, что обо мне думаешь. Хочешь?

Кристиэн неловко помотал головой.

- Странно, ты у нас вроде мастер жаловаться на несправедливости и дурное обращение. Но, к твоей чести, ты не вынес сор из дома. Так вот, почему ты отказался от развода? Я хочу это знать. Почему ты двинул меня светильником это и дураку ясно, тут нет разговора. Но на что ты рассчитывал с разводом, котенок? Я помогу тебе, у меня есть свои предположения. Первое – все знали, что меня казнят, что дело уже решенное. И даже твое благородство не спасло бы, ну сняли бы обвинение в жестокости да и все. Их и без того немало было. Но полететь могла не

только моя голова, но и многие другие. Очень ли, знаешь, важные шишки посыпались. Ну так вот, казнили бы меня, а ты оказался возможным наследником, да еще и в образе страдающего вдовца. Тебе было бы очень к лицу. И вокруг тебя – обожатели, что хотят твоего сердца и моих денег. Второе – тебя начала мучить совесть за этот светильник. Меня кстати, пытались поначалу спросить, откуда в башке вмятина, но я решил оказать тебе ответную услугу, раз уж ты меня не сдал. Тут мы квиты. Тоже вероятный вариант, вы же посредники, убивать не способны.

Нужно говорить. Говорить не останавливаясь, заговорить котенка до икоты, достучаться до него, пока он не заревет или не рухнет в обморок. Уже что-то есть, робкий интерес в глазках. Сейчас, мой красавец, я буду тебя щекотать и колоть. Ты уже терпел это и сейчас потерпишь.

- И третье, котенок, это очень странно, но как раз в твоем вкусе. Твои принципы. Ты дал клятву и решил держать слово. Терпеть до конца. Мне это очень льстит, котенок. Правда. Но я не могу понять, зачем тебе это? Я не так хорош для тебя, как ты заслуживаешь. Или тебе нравится быть жертвой? Тебя бьют, дерут, издеваются, а ты лишь терпишь. Но ты же сопротивлялся, когда я привел Иши? Надо же, мой котенок ревновал! А чего ты ждешь от меня теперь? Зачем поехал за мной?

Прекрасно пошло! Кристиэн не удержал прямого взгляда, опустил глаза, прикрыв ресницами, руки беспокойно теребят покрывало. Все верно.

- Ты выглядишь так, как будто ты был в тюрьме, а не я. Уж наверняка с тебя там пылинки собирали, а ты надумал умирать. Чего тебе не хватило? Умереть, мой Кристиэн, самое легкое. Пусть все остальные мучаются, а тебе будет хорошо. Пусть Мэл и Амардин потом спрашивают себя – как они не удержали? Ты ведь знал уже, что меня отпустят. Может испугался, что я приду к тебе ночью и перережу глотку в отместку? Или что я уеду один? Тебе не кажется, котенок, что пора определиться? Нас теперь двое, на аторцев и молитвенник не свалить ничего. Ну давай, я первый отвечу тебе, раз я старший. Тебе же говорили, что я хотел развестись? Если бы не тот вечер, то мы с тобой были бы свободны. Ты жил бы у Мельдина, а я где-нибудь на границе. У Мельдина потому, что твои родители ничем не лучше меня. Я хотел сбежать, котенок. Потому что очень устал. Устал от того, что не хозяин в своем доме, от твоих слез, от того, что приходилось срываться на тебе. Обернулось по-другому и потом я не захотел твоей свободы, Мэл переубедил. Это стало способом защитить тебя, хоть таким именем.

Кристиэн поднял голову и в широко распахнутых карих глазах Рихан увидел разочарование. Обманутый ребенок. Пока я договорю, котенок, ты еще переменишь свое мнение не раз и не два.

- Если бы меня казнили, ты бы все равно получил хотя бы часть от того, что я успел перевести на твое имя. А через три года ты бы стал Кристиэном Кем-то Там. Но знаешь, котенок, я не жалею, что ты рядом. Одиночество в камере весьма располагало к мыслям и фантазиям. Правда тебе о фантазиях лучше не знать, мал еще, пошло ухмыльнулся Рихан, а вот о мыслях – вполне. Времени подумать было предостаточно. Мне-то все равно было, костер уже начали собирать. Но мне весьма хотелось попрощаться с тобой. Но никак разрешения не давали, что меня огорчало. Ты мне нужен, котенок. С тобой трудно, а без тебя плохо, мой младший супруг. Я не чаял тебя больше увидеть. И именно из-за твоего упрямства мы вместе. Без тебя пусто. Я не знаю, как бы оно сложилось, если бы не было аторцев, сам знаешь мой нрав. Но я снова выбрал бы тебя. Ты думаешь тогда, в Тэлете, я не мог выбрать кого-то еще? Там было столько сладких мальчиков, но ты, котенок, особенный. Посредник, красавчик, танцор, недотрога. Пьянящее сочетание. Я когда-то полюбил одного, почти такого же. Нет. Не Скай. Другой и давно, совсем давно. Но ты лучше, чем он, котенок. И ты чуть не закончил как он. Все твои

раны из-за меня. Я не буду извиняться, уже поздно это делать. Что есть, то есть. Ты, мне очень подходишь, Кристиэн Тэхи. Неизбалован, хорош собой, верен и умен. Ты мой. Я не буду больше тебя бить, котенок, обещаю. Даже за языком буду следить. А ты останешься со мной? Не будешь как замороженный? На ноги я постараюсь тебя поставить и с горлом что-нибудь придумаем. А, котенок?

Рихан легонько, не как раньше, поднял большим пальцем лицо Кристиэна, посмотрел в глаза. Теплые карие глаза. Пора помолчать. Обнял, прижав к себе податливое дело, уложил, накрыв одеялом. Сейчас нужно не отпустить.

Кристиэн чуть вздрогнул в объятиях, потом чаще, задрожал и, наконец, расплакался.

===== Глава 24 =====

Утром Рихан отчетливо понял, что в ближайшие три дня ему ехать никуда не хочется. Никуда. Они с Кристиэном будут есть, спать и смотреть друг на друга, пока не отдохнут и не наберутся сил для нового пути. Деньги у них есть, за лошадьми присмотрят, а что еще надо?

Чудное утро на воле. Кристиэн еще спит сном очень уставшего накануне человека. Можно сходить вниз, договориться о завтраке и о том, что будут готовить для младшего. Рихан уже успел изучить листок, выданный ему Мельдином, вдоль и поперек, где в двух колонках, под заголовками “ДА” и “НЕТ” значилось то, что можно и нельзя есть Кристиэну. Список был внушительным с обеих сторон. Кроличьего мяса им еще долго не увидеть, но мягкую кашку с салом они вполне себе могут позволить оба. Надо доесть то, что осталось в корзинке. И не забыть бы заказать кипятка, для настоек. Теперь столько всего нужно помнить, особенно то, что теперь он не герцог и управляющего у него нет, придется заботиться обо всем самому. На котенка надежды мало, красоту он может и наведет, но то, как порезать хлеб сообразит вряд ли.

Еще одно беспокоило Рихана – как бы исхитриться деликатно осмотреть шею Кристиэна. Откуда монахам знать как именно было передавлено горло и куда нажал аторец, чтобы ему не найти покоя на том свете. Этот прием с горлом он знал отлично, но сам никогда не пользовался, проще сразу свернуть шею. Но может быть все еще поправимо, если котенка заставить выполнять дыхательные упражнения, то речь может восстановиться, хотя и не сразу. А если все плохо, то стоит побережь котенка от простуды и смотреть, как он заматывает горло. Придется постоянно следить, чтобы Кристиэн мог дышать без усилий.

И все-таки, что же он сам наговорил вчера? Кажется признался. Поверит ли?

Кристиэну хотелось не думать ни о чем. Голова была пустой, словно ее вымыли изнутри потоком свежей колодезной воды и поставили сушиться. Удивлялся сам себе – своему равнодушию, думал раньше, что если еще раз доведется встретить супруга, то не сможет сдержаться себя, заплачет, кинется на шею, упадет в ноги. Нет. Он не узнавал ни себя, ни своих чувств. Рихан рядом, он рад этому, но почему-то не хочется даже говорить о своей радости, не хочется просить прощения и молвить того, что берег в душе – своего признания. Может не время? Или он умер душой? Сидел как истукан. Наверное нужно было самому обнять, если конечно позволили бы. А он только снова разревелся и уснул. Попросить чернильницу и бумагу? Но что он напишет? Слов почти нет.

- Я рад, что ты ожил. Как ты себя чувствуешь?

“Спасибо. Хорошо”.

- Это не ответ, котенок. И не моя вежливость.

Кристиэн вздрогнул. Все еще боится. Всегда будет бояться, даже если простил.

- Мне надо знать, в каком ты состоянии. У нас впереди долгая дорога и я не хочу рисковать только из-за того, что ты будешь изображать из себя героя-мученика, а потом свалишься надолго. Возможно надо купить какое-то снадобье или еще что-то. Давай, выкладывай. Что с ногами?

“Болят. Это терпимо. Мне просто трудно наступать и немного тянет. Весной-летом я смогу ходить почти хорошо. Но с тростью легче намного.”

Как же они забыли?! Мэл же упоминал, что мальчишке какой-то доброхот-жалельщик преподнес этот нужный предмет. Мало того, что в спешке о нем забыли, так и он сам ни разу не подумал об этом. Знать бы еще кто расщедрился на подарок...

- Хорошо. Что с горлом? И, котенок, почему они это сделали?

Неловкий вопрос, ненужный и не вовремя, но сам вырвался с языка. Зачем они душили его? Неужто Нур не сообразил, что мальчишка умеет писать?

Кристиэну он не нравится. Наверно потеря голоса тяжелее, чем хромота.

“Они думали, что я все расскажу в сером храме. И про то, что они уже не верили в Вас, про какого-то ребенка. Я не помню и не хочу помнить. А мне просто мстили.”

Мечь. Да, котенок прав, изувечили лишь из ненависти. Нур не выносил “неженку”. Царапнуло по памяти – спальня, Иши, и рыжий наемник держит вырывающегося разбуженного мальчишку. Это был твой приказ.

“Не болит. Иногда трудно дышать. Со мной занимались, хотели чтобы я снова говорил, учили расширять дыхание “.

Отлично. Значит монахи не совсем дураки. Но если речь до сих пор не вернулась ни единым звуком, то дело и вправду худо.

- Что они точно делали?

“Заставляли расслабляться, глубоко дышать. Мне сложно, у меня ничего не получается”.

- Значит, будешь тренироваться, пока не получится. Каждый день. Вероятно ты перенесешь дорогу, но у нас не будет кареты, котенок. Ты поедешь со мной на лошади.

“У нас нет выбора. Поеду как скажете”.

Еще несколько дней отдыха и в путь. Знать бы еще, как попасть в эту крепость, в чужих землях Рихан ориентировался плохо. Когда-то учили, но теперь он все забыл, слишком много лет прошло. Рихан даже и помышлял о том, чтобы поехать куда-то еще. Кому они нужны тут? И что он умеет делать, кроме того как воевать? Ничего. Он не мастер и не мудрец. Как ему благодарить Мэла за все сделанное?

- Оссейская крепость... - задумался трактирщик, - Вы поймали удачу за хвост, господин Айэ. Дорога неблизкая, а у соседей моих как раз караван стоит, туда идут. Вы бы поговорили с караванщиком, за плату должны взять, тем паче что вы при мече и случись что, подмогой

будете. Вы уж Хорста найдите, да потолкуйте как следует. А кашку-то я вам сготовлю, не сомневайтесь, мягче пуха. Вы только поторопитесь, они кажись утром отбывают.

Хорст оказался крепким высоким купцом, чьим плечам более пристала кольчуга, нежели купеческий кафтан. Рихан быстро изложил свое дело, пока Хорст вертел в руках брачное свидетельство супругов Айэ и грамоту подданства.

- И чего с жиру бесятся? Империя их не устраивает, - ворчал он, чуть не пробуя печати на вкус.

- Благодарность не устроила. Моя кровь стоит дороже. А в Осее у меня родич, - вывернулся Рихан.

- Трактирщик болтал, что твой мальчишка нездоров, - снова нахмурился купец.

- Я не слышал ни разу, чтобы хромота стала заразной, - вскинулся Рихан, - немой, но это тоже только наша беда. Ну как? Берешь?

- Ладно, - караванщик сдался, - если при мече, то за так, с условием, сам понимаешь. А за парня серебряная четверть в день. И вот, еще что, пусть он у тебя лицо прикроет, мне в отряде дурнины не надо.

Трактирщик - скотина, решил Рихан, трепло поганое, уже на весь поселок успел небось раззвонить про супругов Айэ, имперца с мечом и парня. Тут, значит, такие браки не часты. Платок придется одеть, но другого, кроме алого, у них нет, но в алом Рихан и сам не пустит Кристиэна никуда или придется ехать до Оссии самим. Сейчас же он не был уверен, что они смогут добраться вдвоем, и что в случае нападения возможно будет отбиться. Давно не тренировался. И чем раньше он начнет восстанавливать навыки, тем лучше. Лишь бы их приняли в крепости.

Он доплатил несколько монет и Кристиэна устроили в караванной повозке, где юноша смог вытянуть ноги и накрыться одеялом. Путь, по словам Хорста, занимал около десяти дней, при условии ночевки на постоялых дворах, которых полным-полно на этих дорогах.

Рихан же ехал рядом с остальными вооруженными мужчинами и независимо смотрел по сторонам. Купеческие наемники явно сторонились угрюмого молчаливого имперца, а он в свою очередь не рвался им в знакомцы, лишь искоса рассматривая спутников. В основном, конечно же, местные, оружие хуже, чем у имперских наемников с севера, мало у кого есть мечи, больше копий, луков и топоров, а щитов нет никаких, даже крохотных кулачных. И все же, лучников могло бы быть и побольше, если караван будет окружен, основная работа придется именно на них. И вообще, размышлял Рихан, включившись в повседневные привычные мысли воина, зачем караван идет в военную крепость? Какой груз они везут? Оружие? Тогда оно должно быть очень дорогим, для высших командиров и его, наверняка, немного, если судить по количеству поклажи. Но и для такого груза набирают в охрану не таких недотеп. Ткани? Возможно, хотя тоже немного, для такого-то покупателя. Крепость, как он слышал, огромна, со своими мастерскими: шорными, ткацкими и кузнечными. Там сосредоточены части союзных войск Оссии и Нехара, и хоть между ними и Империей мир, но нужно быть готовыми ко всему. Соседи никогда не теряли бдительности. Правильно и делали, в этом мире никому нельзя доверять.

Иногда он отыскивал глазами повозку, где куталась в темное маленькая фигурка. Платка они так и не нашли и Рихан отдал свой плащ, оставшись в овчиной куртке, впрочем, ему было не холодно. Котенок не спит в дороге, сидит, смотрит и прижимает к себе сумку с бумагами и

ценностями, самым стоящим, что у них есть. Если не повезет с Оссией, то на те деньги, что спрятаны в сумке, можно пристойно прожить пару-тройку месяцев. Но нужно покупать лекарства для Кристиэна, наверняка весной придется заказывать обувь, что-то из одежды для обоих.

Положение пока таково, что деньги стоит поберечь. И не забыть бы найти ювелира, чтобы поджал колечко котенка, великовато стало, носит на шнурке на шее. Цепь потерял, ну и ладно. Или пока погодить? Может Кристиэн еще оденет колечко, если его кормить как следует...

Хорст оказался скуповат на ночевку, выбирая самые дешевые постоянные дворы с общими сараями, где тлеет один очаг и нужно было спать вповалку. Рихану хотелось снять комнату для себя и супруга, но он опасался, что привлечет к себе ненужное внимание. Этот сброд не любит тех, кто выделяется. Он лишь постарался занять угол пошире, чтобы устроить постель себе и котенку из одеяла и всего теплого, что у них было. Внес плату в общий котел и еду из своей миски делил на двоих, Кристиэн съел лишь немного разваренной крупы, а Рихан грыз жесткое мясо. Потом он все-таки не выдержал, поднялся в трактир и купил для Кристиэна похлебки из муки и протертых грибов.

Еще не нравилось, как откровенно и оценивающе караванщики разглядывали котенка, переговаривались. Ну да, красивый парень, несмотря ни на что. Нежное умное личико и густые волосы – Кристиэн все таки снял накидку с головы.

- Твой малец балован сильно?! Принц небось, не иначе! – ехидно бросил Рихану один из наемников. – Что, нашей жратвой уже брезгует?

- Племянник императора, – буркнул Рихан в ответ, стараясь придушить ярость и понимая, что ссора сейчас им не к чему. – Не ваше дело, за свои кормлю. В свою ложку смотри.

- Еще мне тут всякие извращения не указывали! – дернулся наемник. – Ты не охренел, имперец?

Кристиэн испуганно сжал в руках миску, растерянный взгляд, полный тревоги на Рихана.

- Мужик, – ухмыльнулся он, сохраняя таявшее терпение, – ты сейчас чего хочешь больше – перед приятелями покрасоваться или кишки по земле собирать? За первое придется заплатить вторым. Так что заткнись и жри спокойно.

Вот так. Главное уверенность. Сейчас он может уже и не герцог, но надменность куда девать? Но расслабляться все равно не следует.

Вот Хорст подозвал к себе неудачливого зачинщика ссоры, что-то раздраженно ему выговаривая. Не хочет драк в караване?

- Гнусная компания, котенок, – шепнул Рихан, укладываясь ближе к Кристиэну и даже не подумав расстегнуть ножны и снять меч.

В Оссею въезжали затемно, еще до рассвета, ехать пришлось всю последнюю ночь. Дорога была без происшествий, а наемники делали вид, что Рихана Айэ для них не существует. Рихан рассчитался с Хорстом и супруги Айэ покинули караван.

Крепость Оссеи была действительно велика – обособленное от города поселение с прилепившейся к нему деревенькой, в которой вероятно жили те, кто обслуживали войска.

- Вот оно, котенок. Если все удастся, то осядем пока тут, а там, может, что и получше придумаем.

Сначала нужно найти главный пост, чтобы справиться о том, как передать письмо. Но тащить туда Кристиэна и пожитки? К приятелю Мельдина он может попасть и не сразу, так что стоит пристроить куда-то на время котенка и барахло и уже спокойно добиваться приема.

Рихан снял у вдовы-прачки комнату и стол за половину серебряной монеты, оставил Кристиэна отсыпаться и греться, накормил коней и налегке отправился в крепость.

До коменданта оказалось добраться проще, чем он предполагал, памятуя имперское чиновничье устройство. Никаких канцелярий, бумаг, расписания приемов и прочей волокиты не было. Нужно лишь доходчиво объяснить свое дело адъютанту и нескольким штабным офицерам, ну и сдать оружие. Его проводили к командиру Хандлару сразу же, как только он упомянул имя Мельдина Рионтура.

Командир Хандлар, так следовало его называть, вчитывался в каждую строчку письма, отданного ему Риханом. Сам же бывший герцог дорого бы дал, чтобы знать, что написано в письме, но увы, оно было запечатано одноразовой печатью.

- Меня всегда удивляла способность Мельдина передавать суть дела другими словами. Из него вышел бы отличный разведчик-шифровальщик. Жаль, что он закончил карьеру, не правда ли, герцог?

- Нам не дали особых возможностей выбирать, - развел руками Рихан. Чертов Мельдин! Что он там написал? - Да и Мэл довольно быстро наше себе супруга.

- О! Я в каждом письме читаю про Майэра! Я рад за друга. Но пока это все неважно, - вернулся командир Хандлар к теме Рихана, - Ближе к вашему делу. Я весьма наслышан про вас и про ваши успехи в борьбе с повстанцами, у вас великолепная выучка и опыт. Прямо скажем - грех отказываться, - улыбнулся Хандлар. - Я буду рад оказать вам и Мэлу эту услугу. Но у меня сейчас есть место только в ночной капитанской смене. Посты у нас меняются по двенадцать часов, если все спокойно. В ваши обязанности будет входить контроль над вверенным участком, сверка постовых отчетов, разрешение различных ситуаций. Думаю, все знакомо, все обычные гарнизонные обязанности. Если вы хорошо себя зарекомендуете на этом месте, в чем я не сомневаюсь, то я переведу вас, как только освободится должность получше. Вас устраивают условия? Я постараюсь решить вопрос с вашим подданством.

- Вполне, - кивнул Рихан, ликуя про себя. Ночная смена это просто прекрасно! Ночью он будет работать, а день проводить с котенком, которому как раз не придется скучать в одиночестве.

- Сразу видно заинтересованного человека, вы даже не спросили про жалованье, Рихан. Для ночной смены это сорок полных монет серебром и еда во время поста. За то, что у вас есть лошадь, вам полагается доплата, но я советую отдать эту медь конюхам и тогда за конем присмотрят получше.

- У нас две лошади, им придется потрудиться.

- Да, вы же семейный человек, в этом случае, у вас есть два варианта. Или снимать жилье в поселке, так делают когда есть жена с детьми, или комнату в жилом корпусе крепости, обычно на это идут офицеры без детей, но с женами, у нас почти нет таких браков как ваш. Но вам будет проще жить в крепости и дешевле. Четыре монеты в месяц. Если вы идете этим путем, то я распоряжусь, чтобы вам подобрали свободную комнату. Свою семью вы обеспечиваете сами.

- Я управлюсь с супругом, он у меня не капризен. И я выбираю корпус, буду благодарен за помощь, - вежливо ответил Рихан. - Когда я могу приступать?

- Завтра ваша первая смена. Вам выдадут пропуска, чтобы вы переехали, днем обустроивайтесь, получайте разъяснения и вечером выйдите на пост.

В домик вдовы Рихан возвращался совершенно другим человеком. Он весело насвистывал песенку, радуясь неслыханному везению. Да и сорок монет жалованья весьма грели душу. Оссея весьма щедр к наемникам. Вряд ли ему стали бы завышать жалование, даже как другу Мэла, будущие сослуживцы все равно бы узнали, любимчиков и "своих человечков" любят мало. Даже если минус четыре монеты за жилье и услуги прачки, не стирать же им самим, в самом деле, то все равно неплохо. Самому ему понадобится немного, а на котенка оставшегося хватит. Жить можно. Странно начинать все сначала в тридцать шесть лет, но придется, спасибо судьбе и за это.

Трудно было молчать, а говорить постоянно Рихан не мог. Но тишина была ему невыносима, напоминая тюремную камеру. Кристиэн спокоен, хотя чуть насторожен. И старается избегать "разговора", если Рихан протягивал ему чернильницу и бумагу, отвечая односложно и уклончиво, особенно на вопросы о прошлом. А Рихану словно не терпелось, что-то не давало душе покоя и он не мог, даже после того, как рассказал Кристиэну все, забыть.

- Ты все-таки ждешь моих извинений, котенок, - не с укором, просто, сказал Рихан Кристиэну.

"Нет. Я не хочу ничего вспоминать. Пожалуйста!"

Милосерден? Но к кому? Не требует слов извинения и раскаяния или больно вспоминать о потерянном? Об украденных красоте и достатке? Досада и злость на самого себя - зачем он рушит и без того хрупкий мир?

"Я выбрал вас. Пожалуйста, не спрашивайте меня о большем. Я не могу ответить вам."

В этом весь котенок. Никогда не поймешь, о чем он думает на самом деле. Да, характер не изменился.

Еще труднее, чем молчание, спать в одной постели. Ему, взрослому мужчине, трудно обходиться без утех, он чуть с ума не сошел в тюрьме, а тут и вовсе пытка. Вот, оно, рядом, но не дотронуться, не ухватить. Сейчас лучше не касаться и даже не делать попыток. И разговоров заводить не стоит. Но сколько еще терпеть?

Вопреки ожиданиям Рихана, комната, выделенная им, оказалась весьма неплоха. Даже с окном, это обстоятельство их провожатый, помощник кастаньяна, подчеркнул особо. По другой стороне длинного коридора располагались комнаты без окон. Немного мебели и, немало удивившая супругов, толстая металлическая труба, проходящая вдоль стены и уходящая в соседнюю комнату сквозь прорезь. На недоуменный взгляд Рихана помощник важно ответил:

- О! Это новая придумка мастеров, чтобы камины не ставить да печи. Раньше, горели каждую зиму, обязательно кто-нибудь про уголь или дрова забудет. А теперь все, внизу большую печь топят, она эту железку греет и тепло по всему идет. Вы только окно подоткните, дует оттуда маленько.

Неширокая низкая кровать, грубо срубленный стол, два стула и сундук. И это рассчитано на семью? Ладно, хлам дело наживное.

Вещи в сундук, одеяло на кровать, а скромную посуду на стол и бутылка вина из заветной корзинки, последнее, что осталось из вкусных подарков Рионтуров.

Рихан плеснул чуть себе и Кристиэну, отломил пирог, купленный у вдовы.

- Ну, котенок, давай, за новую жизнь! Чтобы она стала удачей для нас обоих!

===== Глава 25 =====

Рихан истосковался по делу, по самой простой работе. Обязанности, которые сослуживцы ненавидели, ему наоборот, казались легкими и приятными. Подумаешь, какая трудность – расставить посты вечером, сверить отчеты, сделать несколько обходов и написать отчет утром. После тех гор бумаг, что он исписывал в Ланке, будучи военным представителем императорской армии в провинции, нынешняя работа казалась детской игрой, возвращением в молодость, когда он был таким же караульным офицером, как сейчас. Рихану досталась вся восточная сторона крепости и часть земли за ней, для полного контроля территории в ночное время. И он рьяно принялся за дело, не из желания выслужиться, а из-за тоски по делу и жажды деятельности. И лично для себя – если занят делом, то воспоминания не так бередят душу.

- Рихан Айэ, – растягивая имя в оссейской манере, счетовод тряс перед капитаном очередной бумагой. Бумагу эту Рихан писал две ночи, в лучшей имперской манере крючкотворства. – Деньги на ремонт фундамента в этой части крепости в план не заложены. Может быть в следующем году.

- Отлично, – согласился капитан Айэ, даже и не думая спорить. – Дайте мне этот ответ в письменном виде. Если на доверенном мне участке будет разобрана кладка, в том месте, о котором я вам писал, то я не буду нести за это ответственности.

- Ваша задача смотреть, чтобы никто не подходил к этой кладке, а не искать дыры в стенах! – парировал счетовод.

- Но в стене дыра, и поставить караульного я там не имею полномочий. Я и мои люди нанимались охранять крепость, а не стоять привратниками у входа. Или вы даете, согласно моего письма, людей и камень и заделываете дыры, или я буду писать коменданту. В случае чего, наказание за нарушение субординации гораздо легче, чем за недосмотр.

Деятельность нового капитана не пришлась по вкусу и многим в его отряде. Зато Рихан стал понимать, почему имперские войска с такой легкостью покоряли соседние земли. В любой армии самое главное это дисциплина. А с такими вояками, какие достались ему от предшественника, врагам можно будет вынести всю крепость, с комендантом вместе, никто и не заметит. Несколько раз он будил заснувших на посту, обнаруживал, что вместо обхода солдаты играют в карты в укромных уголках, а найденный в одной из караулок кувшин с вином привел его в бешенство.

- Тебе больше всех надо? – лениво спрашивал его капитан из “дневных”, благодушный красавец Зоран. – Здесь сотни лет так ничего и не случилось. Кому мы в этой дыре нужны? Да сам скоро устанешь, и народ против себя настраиваешь только.

- А сам-то тогда чего тут сидишь? – напрямую спросил Рихан.

- Кто в оссейской крепости служил, тому в столице потом легче устроиться. Я тут еще годика три поторчу и только вы меня и видели. А ты сюда на всю жизнь что ли?

- Как получится, – уклонился Рихан, – но бардака я в любом случае не потерплю. Беспорядок в армии ведет к поражению в войне. Там калитка не закрыта, здесь кольчуга проржавела, а еще где-то топор слетает, а в итоге все это может привести к беде. А тут все замечательно пристроились, пьют, в карты играют. Вы как хотите, а свою сторону я приведу в должный вид.

- Про имперские войска ходят слухи, что они перед проверками траву красят.

- Траву может и красят, – не стал отрицать Рихан, вспомнив, что в бытность ученичества его заставляли складывать из снега сугробы с ровными углами. Зачем это было нужно он понял только потом, – но где вы, а где имперские войска? То-то же.

- Ну и валил бы в свою империю, – буркнул Зоран, но Рихан сделал вид, что его не услышал.

За несколько недель их с Кристиэном жизнь устоялась и текла почти размеренно, они даже обзавелись необходимыми в хозяйстве вещами – бельем, тазом для умывания, двумя кувшинами и другими мелочами, с которыми в их комнатке стало уютнее. Но сказать, что все было хорошо, Рихан не мог.

Он приходил утром, когда сменялись посты и большая часть обитателей крепости еще спала. Тихо приоткрывал дверь, стараясь чтобы не скрипнули петли. В комнате было еще темно, зимой солнце встает поздно, но на столе угадываются очертания кувшина и таза для умывания, накрытого полотном блюда с завтраком. Для Рихана так и оставалось загадкой, когда Кристиэн успевал сходить за свежей водой, нарезать нехитрую еду и эта забота была с первого же утра, когда Рихан вернулся со службы. Вода, мясо и хлеб – весьма недурной завтрак. Ополоснуть лицо и быстро раздевшись, скинув пропотевшую уставную одежду, улечься в нагретую сонным теплом спящего котенка постель.

Сначала, увидев кувшин с водой, Рихан хотел отчитать Кристиэна за то, что тот ходит один по ночам, пусть всего лишь в дальний конец жилого коридора и за то, что утруждает больную ногу, но потом передумал, представив себе все это. Как Кристиэн прихрамывая несет в обеих руках кувшин с водой, боясь расплескать, как в ночи режет хлеб и мясо, закрывает блюдо чистым полотном и слова укора стали неуместны. О чем он думает, делая все это? Днем ведь у них все по-другому, котенок печален и тревожен, чаще всего просто сидит рядом. Прячет лицо, делая свои упражнения для дыхания, мало ест для того, кто должен набирать силы. Пища для Кристиэна была еще одним вопросом Рихана. Сам он ел ночью, пусть кашу с мясом и ломоть ржаного хлеба, но досыта и горячее. Но в их комнате готовить негде, именно поэтому семейные офицеры предпочитали снимать жилье в поселке. Вопрос с водой, которую нужно нагревать для настоек Кристиэна решался проще – Рихан купил комнатную жаровенку, в которой можно было подогреть воду в кружке. Но жаровенку приходилось прятать от ретивого помощника кастеляна, пекшегося о том, чтобы в крепости не было пожаров и имевшего обыкновение обходить жилые помещения.

- Ну что ты маешься? – Рихан наконец-то поделился своей бедой с капитаном “ночных”, отвечавшим за западную часть крепости, весьма толковым парнем. Первое знакомство в крепости с человеком, относившимся к работе так же как и сам Рихан. Жаль только, что дурной дневной сменщик успевал наломать столько дров за день, что Армин был постоянно занят и поговорить удавалось нечасто. – Спустись в кухарскую, дай несколько монет и вам будут все приносить, а если доплатишь, то и сготовят что надо, без излишеств правда, так все и делают.

После того, как Рихан высыпался, а Кристиэн заканчивал свои упражнения, они неспеша обедали, потом обязательно уезжали гулять. Рихану хотелось остаться в тепле и покое дома, он

вдоволь мерз на улице ночью, но он понимал, что котенку не следует киснуть в тесной комнатке целыми днями. Можно было поехать недалеко, в поле, чуть в сторону от дороги и пустить лошадь неторопливым шагом. Иногда они заезжали в поселок, забирали чистое белье от вдовы-прачки, покупали что-то в лавке.

- Будет лето, котенок, я обязательно научу тебя верховой езде.

Кристиэн чуть качнул головой.

“Кажется ты уже обещал мне это. И море. Но у нас с тобой не было лета.”

Рихан читал это даже без слов, без ставших привычными бумаги и чернил.

- Все будет, на этот раз я обещаю честно, котенок.

Котенок. Когда это милое и невинное прозвище стало его вторым или даже первым именем? Когда Рихан впервые танцевал с ним в Тэлете и в первом же вопросе назвал его так? А сколько раз его кликали потом? Гневно, похотливо, издевательски катая это прозвище на языке, и там, где он ждал, что его наконец-то назовут Кристиэном, его все равно кликали “котенком”. Другие сокращали свои и чужие имена, Мельдин звал Майэра Маэм, Рихана – Рихи, а Рихан звал друга Мэлом. И только все, не сговариваясь, никогда не укорачивали длинного и торжественного имени “Кристиэн”. Он всегда был Кристиэном, без всяких фамильярных Тиэ, Крисов. Только Кристиэн или котенок.

Наверное сначала он и значил для Рихана не больше, чем домашний зверек. Можно взять на колени и погладить, а можно отпихнуть ногой, когда кажется, что он лишь мешает. Кристиэн даже сам не заметил, как начал откликаться на прозвище еще там, в усадьбе, вздрагивая каждый раз, как его звали. Теперь это словечко звучало ласково и привычно, но все-таки хотелось слышать свое собственное имя. Котенком может быть кто угодно, а Кристиэн именно он. Он живой, но как доказать это, хотя бы самому себе?

Первое жалование ушло быстро, Рихан расплатился за комнату, заплатил кухарке и прачке вперед, купил Кристиэну яблок и мягких сладостей, трав для настоек. Вечером он заваривал успокаивающее питье, чтобы Кристиэну лучше спалось, правда делал его слабее, чем положено, чтобы супруг не привык.

- Стой!- Рихан остановил Кристиэна, потянувшегoся за рубашкой. Юноша уже одел штаны и стоял босиком на полу. – Ну-ка, повернись!

Кристиэн недоуменно обернулся на месте, переступив ногами.

- Не пойдет. Ты раньше занимался, я помню, тянул тело, а теперь совсем забросил. Я не хочу, чтобы ты превратился в сухую палку, котенок. Я тоже распустился, так что начнем вместе.

Кристиэн смутился. Рихан прав. Раньше, в детстве да и в усадьбе супруга, он всегда, каждый день, делал упражнения, чтобы тело оставалось упругим и грациозным. А теперь и сам чувствовал, что ослабел, стал как кисель.

Сначала подумалось – зачем стараться, ведь теперь ему не танцевать никогда, да и какой прок от гибкости и изящества, если под рубашкой шрамы уродства. Рихан теперь даже не пытается с ним делать то, что делают супруги на ложе. Он теперь все равно не желанен. Рихан заботится о нем только потому, что чувствует вину, из жалости или долга. Ни одной попытки. Они спят вместе, вместе моются в бане. Рихан все так же силен и жилист и Кристиэну каждый

раз казалось, когда Рихан промывал ему волосы, что еще чуть-чуть и властная рука вцепится ему в затылок, направляя. Но ничего не было, о нем просто заботились, как о калеке, даже чересчур заботились. Кристиэн прятал боль в себе, стараясь доказать, что может почти все, что могут здоровые люди. Он просыпался рано, выбирался из постели, брал пустой кувшин и шел по темному холодному коридору, зачерпывал свежую, принесенную работниками воду и нес обратно. Рихан придет и пусть умоется свежей, а не стоялой водой. Но Рихан только благодарил его за заботу.

Постель была ужасом для него с первой брачной ночи, боль, унижение и обман, вот все, что он знал. А сейчас он чувствовал себя так, будто им незаслуженно брезгуют. Наверно виноваты были те, кто убеждал маленького Кристиэна в том, что он красив. Он и сам стал так думать о себе, а теперь пришлось расстаться с самообманом. И сколько так еще выдержит Рихан? Он молод, здоров, силен, а его привязали к калеке. Зачем я ему нужен?

- Ну чего ты раскис, котенок? - Рихан тормошил его, видя, что супруг снова задумался. - Весна скоро, все будет хорошо! Не ленись.

Кристиэна приходилось заставлять заниматься почти насильно. Котенок грустно смотрел, всем своим видом показывая, что для него упражнения потеряли смысл. Иногда Рихан ловил себя на желании макнуть мальчишку в бочку с холодной водой, чтобы тот очнулся от спячки.

Мы почти два года вместе, думалось ему, и все впустую! Ведь, казалось, почти достучался, котенок чуть оттаял и снова замер. Хоть бы знать о чем он так долго раздумывает...

С первого жалования, как водиться, пришлось выставить угощение, выкрасть время из дня. Рихан сидел в своей караулке с десятком офицеров, с которыми ему удалось наладить отношения, выставил на стол пироги, мясо, вино. И разговор, как часто бывает промеж мужчин, потек о войне.

- Неверно, - сощурился Рихан в ответ на рассуждение о том, что отчеты и бумаги только замедляют любое дело, - если не будешь читать бумаги - не будешь знать, что и где делается. Будешь узнавать все сам. А еще, когда вызовут туда, - он ткнул пальцем куда-то вверх, - ты должен знать, что сказать. И заметь, стену мне починили.

- И все же, почему ты уехал из империи? Там лучше нашему брату платят, я знаю, - спросил Зоран.

- Да уж, - рассмеялся Рихан, - мне так заплатили, что еле ноги унес. Еще могут нагнать и добавить. Империя не любит, когда ей напоминают о бывших врагах, ставших теперь друзьями. И тех, кто посягает на собственность храмов.

- Это как? Я был в вашем белом храме, те, в которых красавчики пляшут. Там кроме них и красть-то нечего.

- Ну, вот именно это я и стащил. Не совсем чтобы из храма, но они облизывались на моего Кристиэна.

- Не понимаю я этой вашей веры, - сказал кто-то за столом, - да и устроено у вас не по-людски - мужики на мужиках женятся. Одни в храмах пляшут, других там казнят.

- А чего им на парнях не жениться, если баб нету? - расхохотался Зоран. - А которые есть, тех не купишь.

- У вас можно подумать, хорошо, - вспомнил кое-что Рихан. - Вдову с двумя детьми в самом возрасте никто не берет. Тридцать лет всего. Да у нас она предыдущего мужа схоронить бы не успела, как уже у ворот женихи стояли бы. Молодая баба, может рожать. Родилась бы имперкой - горя бы не знала.

- Да ты в своем уме? Кому чужие ублюдки нужны? - пожал плечами собеседник. - Девочек кругом полно!

- Хватит вам, - погасил ссору Дирен. - скажи, Рихан, это твой супруг, с которым ты в поселок едешь? Мне показалось, он совсем молодой.

- Так и есть, - согласился Рихан, - двадцать вот-вот будет.

- Сирота что ли? Да как он за тебя пошел? - не успокаивался Зоран. - Ты же ему в отцы, почитай, годишься.

- Сирота, - отрезал Рихан, - как надо, так и пошел. Все честь по чести.

- Так их там, как овец покупаете. Дорог ли барашек?

- Тебе столько не заработать. Ладно, посидели и будет.

Кристиэн смотрел в окно, когда вошел Рихан, сидел на табурете, уронив голову на скрещенные руки. Обернулся на скрип двери.

У Рихана почему-то защемило в груди - в полутемной комнате ждущая фигурка, котенок у окна, как брошенный. Они сегодня даже не гуляли. Обнял за плечи, почувствовал жесткую спину, провел руками по рассыпавшимся волосам.

- Что ты загрустил, котенок? Прости, мне нужно было посидеть с ними. Я вернусь завтра, мы поедем в лес, хорошо? - Рихан не стыдился того, что пришлось оправдываться перед младшим. - А еще через пятнадцать дней мы получим три дня отпуска. Чтобы ты хотел?

Кристиэн откинулся назад, оперся на супруга, подвинул к себе чернильницу, стоящую на окне.

«Не знаю. Можно Вас спросить?»

Почему-то это «Вас» впервые царапнуло. Кристиэн безупречно вежлив, соблюдая все имперские этикетки.

- Хватит, - Кристиэн испуганно прянул, но Рихан придержал его за плечи, - давай теперь без «Вы», надоело уже. Так, что ты хочешь спросить?

«Я стал некрасив. Очень?».

Рихан перечитал еще раз, не поверив своим глазам.

- Кто тебе такую глупость сказал? Или ты давно не смотрел в зеркало?

Нет, так не пойдет. Котенок явно что-то не договаривает, мнется. Не может быть, чтобы это было единственной причиной!

Рихан развернул его к себе, чтобы смотреть в лицо.

- Давай честно? Мы же договорились, котенок.

Юноша кивнул, не сводя перепуганных карих глаз с супруга.

- Ты стал другим, котенок. Да и я, наверное, тоже. Но ты повзрослел, а я постарел. Это очень большая разница. Ты истощен, нездоров, но это поправимо. Скоро весна, станет полегче. А что до красоты... Не знаю, для меня ты любим хорош. Только вот, котенок, у тебя глазки погасли.

«Я не знаю, что с собой делать, я как не живу. Все прошло, но...»

- Все что ты с собой мог сделать, ты, хвала богам, не сделал. Просто придется начать все заново, Кристиэн. Совсем все.

Вдруг Рихан резко выпрямился, от внезапно пришедшей в голову догадки. Рискованная затея, но если это поможет...

Поднял Кристиэна с табурета, прижал к себе и отпустил, поддерживая за руку.

- Все сначала котенок, все с самого начала.

Рихан дал ему ровно пятнадцать дней, поставив перед загадкой. А потом будут три дня, которые они проведут вместе. Кристиэн томился ожиданием, а Рихан лишь улыбался и гладил его по плечам. Было и страшно, Рихан слишком неожидан на сюрпризы, если вспомнить прошлое. А может и не надо вспоминать.

В одном ему повезло. Сейчас Рихан честен с ним, но Кристиэн и не ждал лести и уверений в красоте. Да, худой, усталый – он давно такой. А глаза погасли еще раньше, чем Нур и Манаро коснулись его. Погасли тогда, когда удар супруга сшиб его на ковер, после весеннего приема. Как же он истосковался по танцам! Хотелось расправить тело и пройтись хотя бы по комнате, закрутиться и устать от счастья полета. Но больше ему не суждено такой радости.

Они уже почти два месяца в этой крепости, а он даже не выходил без Рихана во двор и никого, кроме посудомойки, приносящей им еду, не знал. Да и Рихан приходит измученный, спит несколько часов, чтобы подольше побыть с супругом. От него пахнет потом, кожей и железом, но Кристиэн не морщится, пуская старшего в нагретую постель.

Они не торопясь поужинали и Кристиэн собрал тарелки в корзинку, чтобы вернуть чистую посуду. Это было необязательно, но ему хотелось пройтись хотя бы до общей комнаты, где можно помыть посуду, выбросить мусор. После того, как он проводит Рихана, правда «проводит» это громко сказано – будет смотреть, как супруг одевается, забирает свои бумаги, попрощается с ним до утра и закроет дверь. А потом будут несколько часов без сна, в пустой постели, грезы одолеют его только под утро. Ему очень нравилась та одежда, которую выдали Рихану в крепости, уставную для всех офицеров. Темно-синее сукно, штаны и кафтан, широкий кожаный ремень, длинный нож в плотных ножнах, знаки отличия на рукаве, высокие сапоги, которые Рихан называл «дерьмоступами», но носил, хотя у него были свои – еще с герцогских времен, дорогой кожи, овчинный тулуп, чтобы не мерз на улицах ночью. Красиво. А ему даже наряжаться некуда, на улицу, на прогулки, с лицом, закрытым платком.

- Не грусти, котенок, – подбодрил его супруг, хлопывая по плечу, – эту ночь отдежурю, а там три дня твои. Вот только, котенок, я завтра чуть задержусь, есть дело. Заеду кое-куда.

Разве он может что-то возразить? Нет. Рихан старший, волен поступать так, как знает. Он лишь

кивнул головой, в знак того, что слышал.

Котенок скучает. Рихан давно знал это, но гнал от себя мысль. Они половину суток порознь и Кристиэн не может спать бесконечно, но и занять его совершенно нечем, не приносить же кольчуги на чистку. В усадьбе у мальчишки были хоть книги и краски, а в этой дыре ничего подобного не сыскать. Завтра он заберет то, что привез лавочник из города, и пусть пока так.

Завтра будет очень важный день. Рихан никогда, наверное, так не волновался, как перед исполнением своей задумки. Если ему не повезет, то даже тот хрупкий мир, который они с Кристиэном выстроили вместе – рухнет.

Попозже – это насколько, по меркам Рихана? Было уже за полдень. Кристиэн успел выспаться, сменить воду, застелить постель, сдать вчерашние судки кухарке и получить новые, с рисовой кашей, но он не ел, ожидая супруга. Один он не станет есть. Но Рихана так и не было. Где он?! Кристиэн успокаивал себя, что старшего могли задержать на службе, потребовать по делу. Тревожился – где искать супруга и у кого спросить? Он никого не знал из тех, с кем служит Рихан, лишь мельком видел.

Он почти пленник в этой крепости, пленник еще более, чем был в монастыре и усадьбе супруга. О нем хорошо заботятся, но почему-то каждый раз, как он покидал комнатку, он закрывал лицо. Слишком прямые тут взгляды. Когда он мыл посуду не один, сталкиваясь с кем-то из женщин, то его бесцеремонно рассматривали и обсуждали, не стесняясь присутствия юноши, словно он был диковинкой или невиданной зверушкой. А еще – жалость местных женщин была невыносима и больше походила на насмешку. Хорошо хоть Рихан не знает.

Он уже домывал свои миски, аккуратно складывая их и радуясь, что набирающая рядом воду женщина молчит, как вошла еще одна, судя по всему, ее подруга.

- Здравствуй, о, и ты здесь, дитятко? – окликнула она юношу.

Кристиэн, воспитанный с малолетства в уважении к женщинам, низко склонил голову, в знак приветствия.

Женщина деловито обошла его, взглянула из-под низко одетого на лоб платка.

- Что-то ты худой какой-то, мальчик. Не кормит тебя капитан-то твой? – запричитала она и Кристиэн слышал в ее голосе не сочувствие, а всего лишь желание развлечения.

Но у него запылали уши от стыда. Еще и, как назло, две миски не вытерты.

- Привез бедолагу немного, в клетушке запер и на свет белый не пускает, да небось вон и лицо прятать велит, – несла околесицу женщина, а ее подруга тихо засмеялась.

Кристиэн покидал посуду в корзинку и быстро, как только мог, вышел из закутка.

Глупо поступил, позже догадался он, теперь его точно не оставят в покое, будучи уверенными, что с «дитяткой» дурно обходятся.

Кристиэн был близок к панике, едва не плача. Было страшно вновь остаться одному, без супруга. Рихан самый родной ему человек, ближе теперь никого нет. А вдруг с ним что-то случилось?! Вернись, пожалуйста, умоляю!

- Уфф!- хлопнула дверь, Рихан ввалился, открыв ее пинком – руки были заняты свертками. – Устал как собака. Заждался? Эй, ты чего?!

Рихан уронил прямо на пол свою ношу, шагнул к Кристиэну, а тот уткнулся лицом прямо в куртку супруга, плача от облегчения.

Чертов лавочник. Жирная скотина умотала куда-то с утра и Рихану пришлось долго ждать, но ждать было нужно, не мог же он вернуться с пустыми руками.

- Мы уедем отсюда, котенок, – гладил его Рихан по волосам, – потерпи, ладно? Был бы тут рядом хороший город, мы бы поискали дом, а в этой деревне голым-голо. Да и Мэла подводить не хочется, только мы ко двору прились и сразу убежать? Нужно годик хотя бы потерпеть, пока бумаги не получим. А там уедем, куда-нибудь, к морю. Еще напишем Мэлу. Узнаем, как там у них, хорошо?

Кристиэн довольно зажмурился в тепле, так было надежно и уютно стоять, уткнувшись в эту овчинную куртку. Но Рихан аккуратно отцепил его от себя, словно он и вправду был котенком.

- Прости, я думал, быстрее управлюсь. Помоги разобрать, – супруг подал ему один из свертков.

Пирог с малиновым вареньем, вино, сладкие яблоки – все это Кристиэн выложил на стол.

- Котенок, ты ничего не ел? – ужаснулся Рихан. – Так не пойдет, Кристиэн.

За эти три дня нужно все изменить. А что будет, если его вдруг назначат в объезд? На несколько дней? Кристиэн останется один и умрет с голоду? Или сойдет с ума от страха?

- Давай обедать тогда. А потом решим, может, поедем куда, – Рихану невероятно хотелось спать, но котенок совершенно бледный и надо хотя бы на чуть-чуть вывести его на воздух. Юноша потянулся к бумаге.

«Не надо. Я не хочу на улицу. У нас три дня впереди. Вам нужно отдохнуть».

- Память отшибло? – это «Вы» снова корбило. – Договорились же.

Рихан наелся так, что едва не уснул прямо за столом. Вино и половину пирога оставили на вечер.

«Я вымою посуду, ложись».

Рихан сонно смотрел на своего младшего, складывающего тарелки. Котенку нужен свой дом, свое место. И все-таки, некстати подумалось – красивый парень, неженка, домашний. Такой не выживет, если останется один. Но я тебя не оставляю.

- Возвращайся скорее.

Пусть идет. Рихан потерпит, есть еще дело, прежде чем лечь спать.

Плащ из нежной, бирюзового цвета, шерсти лег на плечи Кристиэна теплой волной.

- Скоро весна, котенок. Носи.

Кристиэн повернулся, укрываясь подарком. Жаль, что нет зеркала, только осколок, перед которым брлся Рихан. Да, наверное, красиво и так.

- И вот, - Рихан вынул из сумки две книги, несколько темных грифелей и бумагу, - все, что нашел в этой дыре, не обессудь.

Книги! Какое же чудо! Он уже и забыл, что значит листать страницы и забывать себя в чужих словах. И как же, наверное, было трудно Рихану найти их тут, в этой глуши.

- Ты будешь читать или отдохнешь? - окликнул его Рихан.

Нет. Сейчас он точно читать не будет. Его время принадлежит старшему. И хоть Кристиэн выспался - он скрасит сон Рихана. Юноша разделся и улегся, на привычное место, около стены. Рихан стиснул его пояс, поцеловал, впервые со встречи, куда-то за ухо, и шепнул:

- До вечера, котенок!

===== Глава 26 =====

Кристиэн сам не заметил, как уснул, пригревшись около супруга. Они проснулись, когда уже стемнело, точнее Рихан растормошил его.

- Вставай, котенок. Весь день проспали.

Кристиэн загрузил. Один из трех дней почти прожит, а они подрыхли его. Рихан же чувствовал себя прекрасно, он выспался, наелся, еще бы ополоснуться и начать наступление. Жаль, он не успел договориться с вдовой, чтобы та истопила им баню, придется идти в купальню в крепости, а Кристиэн морщит там нос и шарахается. Но вроде сейчас еще не пересменок и должно быть пусто.

Кристиэн торопливо сунулся под льющуюся воду, в самом дальнем углу купальни, хотя несколько воинов, что были, не обращали на него ровно никакого внимания. И все равно, ему было неловко. За год кто только не видел его наготы - монахи, лекари, дознаватели, но стыдливость никуда не делась. Право взгляда принадлежит только старшему.

- Не торопись, котенок. За нами не гонятся.

А если не поможет? Рихану вдруг стало страшно. Недавняя идея, к осуществлению которой он так долго готовился, вдруг показалась ему нелепой и жалкой. А вдруг оттолкнет? От страха, отвращения, от дурных воспоминаний?! Кристиэн всегда боялся его в постели, даже если был пьян или обманут. Муть воспоминаний - всхлипы, судорожно сжавшееся тело, кровь, собственное раздражение и неутоленное желание. «Ты сам себя обокрал», - Мельдин был тысячу раз прав. Настало время расплатиться за первую ночь с котенком. Потом он брал Кристиэна сотни раз, так же грубо, но именно ту, первую ночь, они оба будут помнить до смертного часа. И как быть, если откажет? Сделать вид, что ничего не было? Искать утешения в поселке? Скрипеть зубами от неутоленной жажды? Надо было понимать сразу - из посредника не выйдет любовник. Но я хочу именно тебя, котенок.

Кристиэн собрал влажные волосы в косу, наутро они станут чуть волнистыми и легче будет расчесать. Что они с Риханом будут делать этим вечером? Есть не хотелось, обед был более чем сытным, а времени у них много. Чем займут?

Рихан смешал мазь для Кристиэна, что делал каждый вечер, обязательно нужно наносить на пораненную ногу, чтобы не болели кости.

Какая легкая маленькая ножка – мягкие пальчики, тонкая кожа и шрамы. Рихан погладил стопу, помог надеть шерстяной носок.

- Тебе делать настой?

Кристиэн покачал головой. Нет. Сегодня не надо.

«Что мы будем делать?»

- Сегодня или вообще? Не знаю, а что ты хочешь? Завтра поедем, подальше и подольше. А сегодня... есть у меня одно дело к тебе, котенок.

Кристиэн подобрался мгновенно, в ожидании. Недосказанность висела меж ними в воздухе, а Рихан плетет нити недомолвок.

Он стоял прямо перед супругом, вскинув голову и Рихан молча рассматривал его, словно давно не видел. Приморье рождает красивых мужчин и Кристиэн тому доказательство. Он действительно достоин быть младшим герцогом и чужак в этой крепости. Нежная ласточка, залетевшая в гнездо ястребов. Но котенок ждет ответа, хотя, наверное, о чем-то догадывается.

- Знаешь, котенок, – начал он, – все сразу пошло не так. Ты садись вот, не стой. Я не хотел с тобой так – так, как у нас получилось. Я тоже искал себе половину, а не подстилку. И не очень-то мне хотелось раздевать тебя при всех. Нужно было. Но ты не думай, я не все на Атору сваливать буду. Дурак все-таки я, – Рихан внезапно выпрямился, словно нашел в себе силы не отступать. – Первой ночью я сам виноват, кругом. Я был зол и нетерпелив. Да и дела с такими как ты не имел. Все, знаешь ли, со шлюхами. И напугал я тебя так, что и не поправить было, только все хуже и хуже. Если бы я сразу знал, что ты посредник – я бы не сватался, но посредников не привозят на смотрины. Я ни разу не был с тобой так, как хотел, по настоящему. И, я прошу тебя, попробуем заново? Если захочешь. Теперь выбор у тебя, я проиграл вам всем.

Рихан сказал все, отступив. Кристиэн, так и позабывший сесть, все стоял, прикрыв глаза, словно обдумывал сказанное. И Рихан говорил еще и еще:

- Я не могу без тебя, котенок. Я же боюсь тебя тронуть, сам теперь боюсь. Как ты боялся меня. То, что я заслужил. И если откажешь – смирюсь, не буду искать стороны. Мне, знаешь ли, твоя верность недешево встала, чтобы ее разменивать. Можешь считать, что я заново твоей руки прошу. Только мне нечем уплатить тебе выкупа.

Кристиэн думал, что он спит, видит одну из своих бесконечных грез. Это все не с ним, не ему говорит это Рихан. Не может быть... Это слишком хорошо, слова не для Кристиэна Рихана Айэ. Может быть тот, восемнадцатилетний мальчик Кристиэн Тэхи должен был их слышать? А ему уже поздно.

Но супруг разжал ему руку, вложил в ладонь что-то твердое и крохотное.

- Вот тебе мое кольцо. По старому обычаю, у нас в Нариссе делали так. Ты можешь мне его вернуть, а можешь у себя оставить. Вернешь – значит согласен, не вернешь – я буду верен тебе словом и делом. Я сказал, что буду тебя охранять и заботиться, значит и буду это делать дальше. Но не требовать с тебя больше. Моя честь останется у тебя.

Кристиэн сжал в руке кольцо и риханово сердце замерло. Не отдаст. Не отдаст и будет прав. Но Кристиэн нашел бумагу, слепо, неровными буквами писал.

«У меня есть клятва и другой мне не надо. Я принадлежу вам».

Нет! Котенок совсем свихнулся! Он способен растерзать без пытки.

- Что ты за человек? Кристиэн?

Но юноша писал дальше.

«Я прошу вас, остаться со мной. Как захотите, когда захотите. Я не могу больше. Я слишком долго думал об этом. Я люблю вас».

Рихан перечитывал три нехитрых слова, уже не замечая, что повторяет их вслух. Кристиэн сам протянул ему кольцо – на раскрытой ладони потерявший золотой ободок.

Рихан забрал перо и бумагу, сейчас лучше не говорить.

«Ты не боишься новой обиды от меня?»

Бестолочь, нашел чего спросить! И не спросить не мог.

«Нет. Я устал бояться».

Кольцо заняло свое место на пальце, скользнув по суставам.

- Эта ночь по твоему выбору. Чего ты желаешь?

«Сначала – вино».

Терпко-сладкое вино сначала обожгло губы, а потом разлилось теплотой внутри. Они не стали зажигать свечей, стоя в темноте, а потом Кристиэн сам скользнул к своему супругу.

Посредник, отдавший свой дар не богу и миру, а одному человеку. Такое счастье не выпадает и царям. И как можно было не верить, как можно было жить в дурмане аторцев, когда рядом был он? Кристиэн не солжет, он не из тех, кто испачкает свои уста пустыми словами. Каждое его слово драгоценно, весомее княжеского указа.

Рихан целовал, задыхаясь от восторга. Оказывается, нужно было дожить до тридцати шести лет, чтобы понять, что то, что он испытывал к Кайсу или Скаю – ничто, по сравнению с тем, что творилось с ним сейчас. Он ласкал губами нежное лицо и Кристиэн впервые целовал его в ответ.

- Я сам, – когда Кристиэн расшнуровал свою рубаху.

Он сам разденет своего младшего, склоняясь перед ним. Он вывернется сегодня наизнанку, но Кристиэн изменится.

Провел руками по телу, обрисовывая, запоминая, даже во тьме Кристиэн прекрасен.

- Драгоценный мой... котенок... – именно те слова, что мечтал шептать на брачном ложе, но сказал только сейчас.

Под рукой билось сердце Кристиэна, часто-часто. Волнуется, снова боится боли и окриков?

- Если хочешь, остановимся, – шепнул Рихан в ушко супругу, но тот в ответ лишь поцеловал

его. Нужно ли переспрашивать?

Сначала Кристиэн. Это все для него. Котенок хорош собой везде и природа создала его мужчиной. Такой совершенной формой мог бы гордиться каждый.

Рука оказалась на поясе младшего, когда он лицом скользнул чуть ниже. Это первый раз так, для них обоих. Когда Кристиэн мечется под лаской, которую ему никогда не дарили самому.

Ах, как он жалел сейчас, что не может говорить! Закричать бы от радости, сказать бы слова, те, которые написал на бумаге. Но не мог. Просто выгибался от невысказанного удовольствия, все остро чувствуя. Так вот от чего отказываются посредники. Высока же цена за счастье служить богам и людям! Принадлежать одному и телом и душой или всему миру, своим духом и молитвой.

Кристиэн вздрогнул, когда Рихан коснулся его там, пробуя. Теперь страшно им обоим, нужно избежать боли, ведь последнее, что было – унижение перед двумя аторцами. Но Кристиэн подался первым навстречу – надоело дрожать всю жизнь. Рихан успокаивающе гладил его, словно приучая к своим рукам. Воплощение приморского солнца.

- Тихо... Тихо... – Рихан шептал ему все ласковые слова, что только знал. Котенок восхитителен и так забавен – совершенно обнаженный, но с серым носком на правой ноге.

- Не терпи...

Кто знал грубость, тот в стократ сильнее ценит ласку и нежность. Кристиэн творил собой молитву, одним возможным ему танцем, для своего единственного верующего.

===== Глава 27 =====

Спокойно закончить смену ему не дали, в каморку Рихана сунулся ординарец главного коменданта, сообщив, что капитана Айэ вызывают к “самому”.

- Присаживайтесь, – Хандлар указан на стул, – как идет ваша работа, Рихан Айэ?

- Потихоньку, – сразу насторожился Рихан, – все пока в порядке.

- Я знаю, улыбнулся Хандлар, – до меня доходят отчеты. Вы добросовестный человек, Рихан Айэ. Империя потеряла отличного командира.

- Теперь пусть это будет горем для империи, а не для меня, – улыбнулся бывший герцог.

- Согласен. У меня есть к вам хорошее предложение, Рихан. Думаю, для капитана ночной смены вы слишком хороши. На вашем участке стало лучше с дисциплиной и контролем. А я хочу, чтобы так было во всей крепости и днем и ночью. Как вы смотрите на то, чтобы взять управление над всей караульной частью?

Рихан даже не удивился. За время своей службы он привык к неожиданным высоким назначениям, его слишком часто поднимали вверх и всего лишь один раз сбросили с вершины. Но этот единственный раз стоил ему многого.

- Я не уверен, что это будет хорошее решение, – честно сказал он, – я недавно в этой крепости и такое повышение примут весьма неоднозначно.

- Бросьте, тут многие отдадут себе отчет, что вы знаете и умеете гораздо больше, чем бродить в

тулупе по ночам. Да и ваше имя знакомо не только мне, вы же не сочли нужным его скрыть. Я не успеваю следить за всем, что происходит тут и такой помощник мне необходим. Не исключено, что если я выйду в отставку через несколько лет, то вероятно вы возглавите крепость.

- Вряд ли ваш государь отдаст крепость имперцу, - усмехнулся Рихан.

Слишком хорошее предложение. Интересное дело и недурные деньги. Через год-другой он скопит на приличный домишко где-нибудь на побережье. Но это гораздо больше работы, и если половину дня сейчас он проводит с котенком, то в другом случае они будут хорошо если видаться в постели. Кристиэн будет один целыми днями. Пленником в маленькой комнатке.

- Вас что-то тревожит, Рихан? - спросил Хандлар и тут же продолжил. - И еще, я хотел спросить, почему вы не пишете Мельдину Рионтуру! Почта ходит регулярно и вам не обязательно подписывать ее вашим именем. Достаточно знака крепости. Вы можете передать письмо с нашими курьерами. Переписка не читается на границе.

- Что он пишет? - Рихан принял к сведению указания.

- У них все хорошо. Очень интересуется вашими делами. Вот, впрочем записка от них, - Хандлар подал Рихану запечатанный свернутый лист.

- Благодарю. Ваше предложение для меня очень ценно, я благодарю за доверие, но не хотел бы оставлять моего супруга одного. Это работа не по часам и если бы я был один, я бы не раздумывал, но мой Кристиэн слишком еще молод, нездоров и недавно перенес сильное потрясение. Эта крепость для него чужая и люди незнакомы. Он будет все время в одиночестве.

- Ваш супруг весьма примечательная личность, судя по всему, Мельдин беспокоился о его состоянии.

- Самое малое - я обязан Кристиэну жизнью, большее - честью.

- А чем занимается ваш Кристиэн? Я действительно не могу вам обещать домашних уютных вечеров. Но у вас будут иные условия - гораздо большие комнаты за счет крепости, сто шестьдесят монет серебром и стол для вас и вашего супруга.

Условия и вправду хороши. Если продать Кристиэново серебро и подкопить денег, дом станет реален через год. Но этот год будет оплачен Кристиэновым ожиданием. Пойдет ли на это котенок?

- Ничем особенным. Все, что приличествует юноше благородного воспитания. Раньше он помогал мне, переписывал бумаги, считал несложные вещи. А так - умеет читать, рисовать. У него воспитание младшего имперца, предназначенного в супруги человеку хорошего положения. Но мне досталось особое сокровище.

Хандлар повертел писчее перо в пальцах.

- Хм, ваш Кристиэн хорошо пишет на общем? Возможно, мы займем его делом.

- Он не должен работать, господин Хандлар, - возразил Рихан, который и помыслить не мог о таком безобразии. - Его содержание моя забота, и я с ней справляюсь.

- Я знаю ваши имперские нравы, - чуть повысил тон командир, давая понять, кто тут главный, - но ведь ваш супруг скучает, а в госпитальном корпусе нужен помощник для писаря. Здесь не так много тех, кто умеет написать хотя бы собственное имя. Он будет и на людях и с делом. И получать плату. И, это должно быть важным для вас - лекари будут внимательнее к юноше, чем обычно.

“Какая забота. И все ради меня, перебежчика”, - подумал Рихан. Все так гладко выходит, что даже не верится, что нигде нет подвоха.

- И что же Вас все-таки смущает, Рихан? - уже нетерпеливо загонял в угол своего капитана комендант.

- Я в любом случае сначала должен поговорить с Кристиэном и узнать его мнение. Я опасаясь, что с Кристиэном будет сложно договориться по поводу госпиталя. Он вероятно возьмется с охотой, но он ортодоксален в обычаях. Ему неловко выйти из дома с незакрытым лицом или непокрытыми волосами, а тут это не принято и вызывает ненужные разговоры. Он в империи нестрого это соблюдал, но тут вцепился в платки как клещ.

- Значит вопрос с госпиталем вы будете решать сами, я лишь их предупрежу. Вы отведете туда своего младшего и договоритесь обо всем. Я жду вашего решения вечером, до смены.

Здорово, дружище Рихан и котенок Кристиэн! Рихи, у тебя на радостях отшибло память и ты решил не писать, поганец? Я отощал на половину себя, пока выгреб все дерьмо за тобой, после вашего отъезда. Точнее, я продавал твоё барахло. Я хочу знать, как вы доехали и в особенности, как чувствует себя Кристиэн. Надеюсь, ты теперь понимаешь, что тебе надлежит делать и как следует обращаться с ним, друг мой. Впрочем, я всегда могу воспользоваться сведениями Хандлара. Надеюсь, ты не заставишь меня пожалеть о том, что я помог вернуть тебе Кристиэна. Теперь о делах. На твоё добро слетелось воронье, но кое-что мы отстояли. Скажи спасибо Элвиану, он весьма рисковал. Но, все, что было в твоих домах и ланкский особняк - перешли мне, как подарок от императора. Наверное, чтобы я заткнулся о произошедшем. Столичный дом и усадьба у кого-то из лизоблюдов. Но я не оставил там даже собачьей миски. Часть я раздал людям просто так, не обессудь, но вряд ли ты нуждаешься в плетеных ковриках и кухонных котлах. Книги твои у меня, которые не увезли во время дела. Остальное, что можно было продать, не рискуя приобрести звание старьевщика - я продал. Особняк тоже. Получилась кругленькая сумма. Я хочу получить от тебя вразумительный ответ - мне переправить тебе все деньги или хранить их до нужной поры? И если переправить - весом или бумагами с займами к ростовщикам?

Настоятель Амардин в бешенстве из-за Кристиэна. И думаю, что император не собирается забывать всю эту игру, вопреки своему обещанию. Имей это ввиду.

Я жду вестей от тебя и приморского красавца. Мельдин Рионтур.

Кристиэн, будь сильным! Майэр Мельдин Рионтур.”

Когда везет слишком много, это тоже никуда не годится, размышлял Рихан и тут же прогнал мысль. Не дело хулить удачу. Если Мэл передаст деньги - они купят богатую усадьбу. Ланкский особняк стоил немало. Но и должность начальника караула - то, что он и хотел бы. Честное хорошее дело. Без еретиков, лесных стрелков и прочих ненужных воину радостей. Война и гарнизоны - это все, что он умеет. Ему тридцать шесть и еще рано оседать в поместье,

как бы хорошо оно не было. Но что делать с Кристиэном? Даже если он согласится помогать в госпитале, это отвратительно – младший не должен работать, если он не из нищеты простонародья. А уж котенок точно рожден не для переписывания бумажек. Но от безделья он сойдет с ума. В усадьбе теперь у него было бы все – хозяйство, лошади, охота, но кем там будет Рихан? Его место здесь, он нужен в крепости.

Быстро он зажрался, однако. Еще недавно гнил в тюрьме, в неизвестности, мечтая лишь о том, чтобы дали проститься с котенком.

Кристиэн. Обволакивающее спокойствие и умиротворенность, нежность. Котенок начал оттаивать с весной. Он словно снял проклятие с Айэ, и Рихан не впервые подумал о том, что совершил и вправду святотатство, забрав посредника. Но теперь снова нужно делать выбор.

- Вот такие дела, котенок, – изложил он все и прочитав письмо Мельдина. – Давай решать, как нам лучше поступить.

“Я думаю, нам следует остаться. Мы совсем недавно тут и неловко будет уехать.”

- Сейчас речь не о вежливости. Если я стану начальником караула, то меня завалят делами по горло.

“Я буду помогать в госпитале”

- Я не хочу, чтобы ты работал, Кристиэн. Это моя забота!

“Но тогда я буду занят. Но, можно попросить, чтобы я переписывал бумаги тут, дома. Я буду брать их с собой. Я не хочу сидеть там. И, мне нужен платок, я не смогу пойти без него, а те, что есть, не годятся. Стыдно, слишком траурные”.

- Что за глупости, в конце-концов, Кристиэн?! Тут не империя! Твой платок привлекает больше внимания чем лицо.

“Нет”.

- Здесь никто так не ходит, да и в империи уже не соблюдают это правило. Ты иногда хуже старухи! – не сдержался Рихан.

“Как угодно. Нет”.

Котенок снова уперся напрочь. Напряжен, губы крепко сжаты, возмущен до глубины существа. В империи молодежь воюет за право ходить с открытым лицом и свободными волосами, но стоит юнцам пересечь границы – они завешиваются так, что и глаз не рассмотреть. Да, тут котенок не уступит, нечего и надеяться.

“Я умоляю. Мне неудобно без платка. Но в алом я могу быть только дома.”

- Да уж, – согласился Рихан, вспомнив вызывающего цвета шелк. – Поступай как знаешь. Но не пожалеешь ли?

“Нет. Нам не стоит сейчас уезжать. Может быть потом. Я не хочу больше дорог”.

- Спасибо, Кристиэн.

Кристиэн не солгал ни в едином слове, ему действительно хотелось остаться в крепости. Какой-то дом... Да и Рихан, явно, не хочет никуда ехать. Кристиэн ни разу не слышал, чтобы старший сетовал на работу и новое назначение наверняка должно быть хорошим. Рихан, конечно, не знает об этом, но у него горят глаза в ожидании и ясно что он рад новой должности. Он мужчина и это его занятие. И Кристиэну хорошо на душе, если доволен старший. А госпиталь – можно попробовать. Он мучается от безделья целыми днями, книги давно прочтены, а рисовать пока не хотелось. Значит у них нет выбора.

- Мы остаемся, – сообщил Рихан своему командиру, который и не сомневался в его решении.

Остальное завертелось молниеносно вокруг супругов Айэ. Их нехитрое имущество перетащили в покои на другом этаже жилого корпуса, в две просторные комнаты с маленькой умывальной и небольшим балконом, выходящим во двор крепости. Мебель была добротнее чем в капитанской комнате. Рихан же постарался успеть проставиться старым товарищам, внезапно ставшими подчиненными.

- Держи, скромник. Одевай и пойдем, будем тебя пристраивать к делу, – Рихан кинул Кристиэку кусок легкой ткани.

Платок изумрудного цвета. Не вычурный, как алый с золотом, и не траурно-старушечий черный, а именно тот, что приличествовал положению младшего, состоящего в браке с уважаемым человеком. Откуда только Рихан взял платок, да еще так скоро?

- Тьфу. Прятать такое лицо – преступление, – только и сказал Рихан, когда Кристиэн закрепил концы платка на висках, закрыв все лицо, кроме глаз.

Видимо лекарей успели предупредить о том, что младший Айэ, супруг нового начальника караула, претендует на должность помощника писаря и их уже ждали. Рихан встал чуть поодаль за спиной младшего.

Господин Эррехет, так звали главного лекаря в лекарском корпусе и Йокуль, писарь – немолодой невзрачный мужчина, возраст которого было определить почти невозможно, такие бесцветные лица могут быть и в тридцать лет и в пятьдесят.

- Командующий Хандлар передал нам записку, что вы, юноша, готовы выполнять работы с бумагами. Так ли это?- спросил лекарь Кристиэна, но обращаясь к Рихану.

- Да.

- Значит мы ничего не перепутали. Отлично. Юношу зовут Кристиэн?

Кристиэн кивнул. Ему было не по себе от пристальных, изучающих взглядов и он не пожалел, что закрыл лицо.

- Прекрасно. Итак, Кристиэн, вы умеете читать и писать по имперски и на общем?

Еще кивок.

- Знаете счет?

Кивок.

- Чудесное умение для молодого юноши. Покажите нам почерк, если не затруднит.

Йокуль, подай бумагу и чернила. Напишите, как вас звать, сколько вам лет и откуда вы. На обоих языках.

“Кристиэн Рихан Айэ. Двадцать лет. Приморье Империи.”

Уже двадцать. Недавно было же восемнадцать! Рихан не удержался, искоса заглянул в листок.

Свои почерком Кристиэн гордился по праву – аккуратные каллиграфически выведенные буквы.

- Недурно, – одобрил лекарь, – Итак, давайте, юноша, договоримся так, я даю вам небольшое задание, вы можете взять его с собой, а через пару дней мы с вами снова встретимся.

- Вот тут нужно все переписать, на общем. Сначала выровнять по возрасту, а потом по имени. Остальное перепиши, как есть, – писарь объяснял Кристиэну задание, тыча пальцем в несколько убористо исписанных листов.

- Хорошо. Мы придем через два дня, – забрал бумаги Рихан.

- Господин новый караульный хотят своего мальчика задаром к госпиталю пристроить? – спросил писарь у лекаря. – Тьфу, то ли парень то ли девка, закутался в тряпки и не разберешь. И молчит. Понабрали имперцев!

- Йокуль – мягко ответил лекарь Эррехет, – ты хочешь все делать сам? Тебе дают помощника, а ты нос воротишь. Да и не плох мальчик вроде, ему же надо чем-то себя занять, пока старший на службе. Пусть трудится. Он ничего не отнимает у тебя. Интересно, что у него с ногой? Такая хромота странная, будто наступил на острое.

- Знаешь, котенок, если ты не соизволишь оторваться, – заметил Рихан, разглядывая спинку супруга, который склонился над бумагами и что-то сосредоточенно писал, – то я пожалуй, передумаю, насчет твоего госпиталя. Придется искать что-то другое. Тут дел много.

Кристиэн улыбнулся, отвлекаясь от работы. Да, виноват. Но дел оказалось неожиданно много. Уже месяц он переписывал госпитальные бумаги, стараясь забирать работу домой. Сидеть за столом рядом с Йокулем было невыносимо, писарь изводил его подначками по поводу имперцев и платков. Зато с лекарем Эррехетом ему удалось подружиться и даже заиметь тайну, которую пока не должен знать никто, а особенно Рихан.

Рихану нравилась эта нежная слабая улыбка на Кристиэновых устах. Мой верный котенок. Все последнее время жизнь была именно такой, о которой он и мечтал – занятие по душе, любимый младший, ждущий его без боязни, но с нежностью. Каждая ночь, без страха, без гнева и разочарований. Они изучали друг друга заново, узнавая свои тела и искали общие точки наслаждения. Кристиэн не тянулся первым, но он отзывчив и податлив на ласки. Именно этого и нетерпелось ночью, после бесконечной дневной ругани с интендантами, после бездарных командиров и тупых солдат, бумаг и всего остального, что составляло большую часть службы в крепости. Хотелось просто приходиться домой и знать, что тебя ждут.

Но теперь Рихана терзал другой зверь. Зверь страха за Кристиэна и боязни потери. Сколько он не успокаивал сам себя, что котенок никуда не денется из крепости, где полно народу и уже каждый выучил, что это супруг Айэ, примелькавшийся своим изумрудным платком. Но как только к Рихану приставили совершенно ненужного ему денщика-северянина, он велел сопровождать младшего по всей крепости. Рихан обнаружил за собой и то, что стал в огромных количествах тратить деньги на самые дорогие снадобья для младшего и постоянно следить за

тем, чтобы юноша их не забывал принимать. Но нужно было постоянно справляться с собой, чтобы не обнаружить своих опасений при котенке. И думалось, что судьба гораздо мудрей императора, монахов и дознавателей – она сама знала как наказать того, кто был нерадив в своей брачной клятве. Но было ли это таким уж наказанием...

Котенок вернулся с очередной охапкой бумаг и маленьким кульком. Рихан был уже дома, выдался почти свободный день и если не бы весенний долгий дождь, то он бы утащил Кристиэна на прогулку. А так просто наслаждался бездельем, валяясь на кровати.

- Принес очередные рассказы о болячках? – Рихан спрыгнул с ложа, обнял супруга, забирая у него бумаги. – О том как у младшего повара вскочил чирей? Скажешь, когда тебе это надоест.

Втайне Рихан мечтал о том, чтобы забрать Кристиэна к себе, в караул, бумаг уж там всяко не меньше. Но сажать котенка в одну комнату с вояками, которые несдержанны на язык и брань? Да и зачем лишние пересуды?

Кристиэн развернул свой кулек и на стол выпали монеты, ровно двенадцать полновесных серебряных. Свой первый заработок юноша улыбаясь подвинул к Рихану, но тут же осекся, увидев как изменилось лицо старшего, словно набежала гроза, вжал голову в плечи. Но Рихан почти сразу совладал со слабостью:

- Котенок, ты хочешь меня сильно оскорбить? – вкрадчиво спросил он. – Не один ты у нас за свои клятвы держишься. Я обещал заботиться и содержать тебя, так позволь. Или тебя снова что-то не устраивает?

Зверь просыпается. Так показалось Кристиэну, угрожающе ворчит, еще не нападая. Предупреждает.

- Я никогда не возьму твоих денег, Кристиэн! Если мы конечно не дойдем до самого края, да и то, я подумаю, мне будет приличней кого-нибудь ограбить на улице. Ты молодец, что заработал сам, но оставь это пожалуйста себе. Убери с моих глаз!

Кристиэн растерянно слушал супруга, не решаясь ничего сделать, монеты тускло блестели серебром. Он так хотел поскорее попасть домой, показать первый в жизни заработок, внести свою долю, хоть и небольшую, а она оказалась ненужна. Рихан обижен всерьез, хоть и прячет гнев, смотрит так, словно в дом принесли змею.

- Котенок, мы разве нуждаемся? Если что-то нужно, давай купим. Мы не тратим и шестидесяти монет в месяц, да еще наши деньги есть у Мэла. Мне и так не хочется часто думать о том, что тебе пришлось работать. Пока я не могу ничего другого для тебя, но это пока.

“Мне нравится. Я сам это выбрал. Но теперь я не знаю, как просить Вас.”

- Буквами, котенок, на бумаге, – не удержался от колкости Рихан, но поймал беспомощный умоляющий взгляд.

“Лекарь Эррехет мне сказал сегодня, что хотел бы учить меня. Он считает, что у меня есть способности, что я смогу больше, чем переписывать списки. Но он хочет, чтобы я хотя бы половину дня был в госпитале, чтобы он мог со мной заниматься. А я ответил, что не приму решение без согласия старшего”.

Кристиэн упорно избегает прямого обращения, не может заставить себя говорить “ты”. Скромность или недоверие?

Только этого Рихану и не хватало. Еще один умник сумел рассмотреть посредника. Оставят ли их хоть когда-нибудь в покое?! Что котенку делать в госпитале? Или ктонибудь положил глаз на смазливую имперского юнца? Все эти домысли возникли у Рихана сразу, как только он прочел фразу Кристиэна. Но мальчик смотрит с надеждой и ожиданием, словно молится. Хотелось бросить все, схватить котенка в охапку и увезти еще дальше, от чужих людей, и быть постоянно с ним, каждый миг, не отпуская ни на шаг. Может не нужно было соглашаться на должность и сделать то, что велит сердце?

- И чему ты там будешь учиться? Горшки выносить? Или им просто не хватает работников?

Кристиэн опустил плечи. Так и знал, что Рихан не согласится. Не отпустит. Не со зла, а потому что не понимает. Потому что младший всегда должен быть рядом, когда понадобится. Потому что беспокоится. Но лекарь Эррехет не раз уже заговаривал об этом, о том, что хочет учить Кристиэна. В первый раз - когда уговорил показать раны на ноге. "Тебе это пригодится, мальчик. Тебе, ведь ты слаб здоровьем и твоему воину, потому что он воин". Все верно. Искусство врачевания ран никогда не будет лишним.

- Ну так, Кристиэн? Ты сам-то хочешь этого?

"Эти знания нужны нам. Я бы очень хотел научиться лечить раны и болезни. А бумаг там осталось мало, я почти все сделал за Йокуля. Пожалуйста, позволь мне!"

Рихан колебался. Отказать котенку - нужно иметь силу и не бояться вновь обид и отчуждения. Согласится - известись самому. Ладно. Может поиграется и надоест. До первой серьезной крови, то того, как стошнит от вида отрезанной руки. Котенок все таки брезглив.

- Хорошо, Кристиэн. С условиями: провожать и забирать тебя будет Орм, ты не будешь выполнять тяжелой работы, и если я замечу, что излишне надрываешься или тебе там что-то не то скажут, я сразу заберу тебя оттуда. И не вздумай ничего скрывать от меня, котенок.

Да, это Рихан. Глупо было бы подумать, что он сильно изменится. Властность никуда не делась. Но теперь это не очень и страшно-то. Может потому, что ночью суровый зверь превращается в ласкового любовника и нежного наставника?

Кристиэн сам повис на шее супруга, улыбаясь так, как никогда не улыбался Рихану. Открыто и счастливо. А еще, Рихан не заметил, потому что Кристиэн спрятал лицо у него на груди, но в карих глазах было лукавство и обещание. Все-таки не зря они с лекарем занимались весь месяц, по чуть-чуть, чтобы никто не спрашивал, что такое странное мастер Эррехет делал с юношей Айэ. И не зря он трудился над собой во время переписывания скучных бумаг, когда в комнатах никого не было, ни супруга, ни Орма. Завтра он попробует.

- Пойдем спать, котенок? - Рихан подхватил его на руки, унося в спальню.

Юноша свернулся под теплым одеялом, крепко прижавшись к старшему, спал в неудобной, но любимой позе, чтобы быть ближе к большому сильному телу. Рихан просыпался всегда раньше, оставляя младшего спать, но теперь требовалось будить и Кристиэна, чтобы он не опоздал ко времени, назначенному старшим лекарем. И значит возни будет больше, сам он быстро умывался, одевался, а завтракал уже у себя или в воинской трапезной, выслушивая отчеты ночных, а Кристиэну нужно будет помогать. Он легонько тронул юношу за плечо. Кристиэн прорнулся сразу, но моргал сонными глазами.

- Котенок, вставай. Ты же хотел учиться, ну так изволь. Ждать никто не будет.

Кристиэн потряс головой, словно собираясь с мыслями, сладко потянулся всем телом, отчего у Рихана замерло дыхание, и совершенно по-кошачьи зевнул. Тихим, сбивающимся голосом, словно заново вспоминая слова, молвил:

- Хватит звать меня котенком! Раз пора, значит надо вставать... Уже иду.

25.03.2009-19.03.2010 Сухаревка.

===== nagra ar senare =====

Нужно было прожить на свете больше сорока лет, чтобы узнать, как прекрасно просыпаться летом в лесу на морском побережье. А тихоня Кристиэн знал об этом всю свою, еще маленькую, жизнь и ни разу даже не намекнул! Поэтому и спит почти до полудня, когда солнце начинает согревать даже их шалаш, поставленный в теньке. И только тогда их высочество – главный лекарь крепости Оссеи, изволят продрать глаза и явить свой лик недостойным. Впрочем, это все шутки, и сам бы Рихан спал подольше, если бы мог, но многолетнюю привычку вставать почти с рассветом, уже не вытравить. А Кристиэн пусть пока спит, молодой еще, ему можно и даже полезно, в крепости выспаться не дадут. Всего лишь три седмицы личной свободы для супругов Айэ, впервые за почти семь лет. Да и те дались с трудом. Комендант рвал и метал, когда услышал просьбу своего заместителя, орал, что сразу двух нужных людей отпустить невозможно, что нельзя лишать крепость начальника и лазарет оставлять без главного лекаря. И только у таких извращенцев, как имперцы, эти два незаменимых человека могут оказаться супругами. Да и Кристиэн разрывался меж давней мечтой увидеть море, которого оказался лишен на десять лет, и своими больными в лазарете. Ну а как с кем-то приключится беда, а его не окажется рядом?! Вовек себе не простит! Но поехал. Море стоило риска. Подальше от людей, чтобы остаться только вдвоем и чтобы море рядом.

Нашли побережье, прекрасный, чудный сосновый лес и решили остаться там, Рихан собрал шалаш из еловых веток, такой, чтобы двоим поместиться, и выкопал кострище, а больше им ничего не надо. Кристиэн только улыбался, глядя на то, как споро работает старший. Двадцать пять лет, а он еще никогда не ночевал в лесу, никогда не ел пищи с костра, но ничего, зато он готов поспорить, что вряд ли Рихан умеет ловить рыбу так, как это делает Кристиэн. Только бы вспомнить... Мальчишкой ему это удавалось легко, он, родившийся в приморском городе, почти никогда не возвращался домой без маленького, но улова. Можно было ставить сетку, можно ловить на длинный прут с тонкой ниткой, а можно просто стоять в воде по колено, в приваженном месте, и ждать, пока серебристая добыча появится рядом и быстро-быстро успеть наколоть ее на тонкое копьцо или палку с острым концом, да и обычная стрела сойдет. Так что пусть Рихан по утрам уходит в лес охотиться, а он наловит рыбы. Что не съедят, то можно будет закоптить или засушить и зимой, когда они вернутся, запивать соленую рыбу хмельным и вспоминать лето. Кристиэн ловит рыбу. На это зрелище Рихан готов смотреть часами. Уже успевший загореть, обнаженный красавец младший застывает в прибрежной воде, сжимая в руках длинную охотничью стрелу, словно задумывается, а потом, смеясь, кидает Рихану рыбину. Котенок. Нет, уже не котенок.

Этого высокого повзрослевшего Кристиэна уже не назовешь так, детским прозвищем. За какие-то два года, с восемнадцати до двадцати лет, его супруг из тощего смазливового заморыша с перепуганным взглядом превратился в мужчину, на которого оглядываются все, без различия пола, словно птица расправила крылья – посредник обрел свой дар. Изящный, гибкий словно ящерица, легко-смуглый, с тонкой талией и узкими бедрами, со ставшими шире плечами – от него невозможно отвести взгляд. Густые, чуть вьющиеся темные волосы подстрижены до лопаток, Рихан иногда сожалел, что нет той роскошной косы, которую

Кристиэн носил в семнадцать лет, но уговаривать его бесполезно. Не хочет, настаивает, что мешаться в лазарете будет. Какая разница, если все равно лицо закрывает? Лицо повзрослевшего Анхара. Так называют его люди, безошибочно порой угадывая и имперское происхождение и дар танцора. Сердце неприятно кольнула вина. Убитый дар храмового танцора. Кристиэн никогда больше не будет танцевать, с изуродованной ногой. Рана поджила, и только если не всматриваться в щиколотку, то можно не заметить шрамов и легкого искривления. Осталась хромота, нытье разбитых костей зимой и воспоминания о прекрасном танцующем мальчике-приморце, с которым расстался весной одного поганого года. Встретился снова, но уже с другим, с молчаливым юношей, с передавленным горлом и изувеченной навсегда ногой. И это тоже было одной из причин бессонницы. Когда схлынуло безумие – осталась вина. Он сам, пусть и чужими руками, сотворил это с Кристиэном. Растерзал в клочья душу, оставил калеккой и выбросил, как испорченную вещь. Может не надо было бороться и исправлять ошибки? Может лучше бы его казнили, а Кристиэн бы остался в родной стране и возможно обрел бы счастье гораздо раньше, чем когда стал учеником лекаря в лазарете. Но сейчас он уже не расстанется с Кристиэном, и никакие жрецы и судьи им уже не помешают. Кристиэн сделал выбор и предпочел Рихана Айэ. Сколько он злился из-за этого лазарета, молчал, понимал, что не ему упрекать младшего, но ревновал, бесился, если Кристиэн задерживался. Ходил смотреть, точно ли учится младший, не занят ли ничем другим? А котенок начал расцветать на глазах, оживать и расти. Уверенность в своих силах подняла склоненную черноволосую головку, знания наполнили жизнью карие глаза, а сердце радовалось занятию, которое нужно людям. Оказывается, быть посредником можно не только танцуя в храме и как бы не спорили судьба и боги, а от предназначения было не скрыться. Раскрывшийся дар принес еще одно чудо, но уже не для людей, только для двоих, крохотной семьи Айэ. Из робкого, боязливого младшего, покорно исполняющего хоть уже и не приказы, а просьбы старшего, делящего постель почти без страха, но все равно знающего свое место, Кристиэн вырос в равного и по-настоящему, без клятв и принуждений, любящего супруга, знающего о своей силе, красоте и притягательности. Сумел совладать и с собственным телом, убив страх и заменив его удовольствием и страстью. Слишком гордый и странный для имперца, маняще прекрасный кареглазый молодой мужчина с лицом бога. Тогда, пять лет назад, в крепости на Рихана смотрели иногда как на дикаря – купить ребенка и вступить с ним в брак! Теперь завидовали и гадали, почему такое диво, как господин главный лекарь Кристиэн Рихан Айэ, живет с суровым, немолодым, не очень-то и красивым воином Риханом Айэ, да еще и зовет его старшим. Рихан знал, за Кристиэном увивались как мужчины, так и дочери офицеров, первые пытались ухаживать, вторые слали записочки с приглашениями на свидания, но Кристиэн был непреклонен и верен.

Заканчивал дела в лазарете и возвращался домой, в личные покои заместителя коменданта, к Рихану. Уважение, едва ли не большее, чем к старшему. Еще бы – принять звание главного лекаря огромной крепости в двадцать четыре года, после четырех лет ученичества и года работы лекарем. Но и сам господин Эррехет признал, что дар и умения Кристиэна уже равны умениям мастера, а поскольку мальчик еще молод, то он превзойдет учителя. Так пока и получалось – Кристиэн умел зашить любую рану так, что больной не мучился от боли, мог найти наиболее верное средство от болячек и приготовить лучшую настойку для больного зуба, мазь для ноющих суставов. Учился до сих пор – ни Рихан, ни руководство крепости не жалели денег на книги. Рихану не нравилось одно – Кристиэна теперь могли выдернуть по срочному делу даже из постели, даже ночью адъютанты могли постучать в двери и передать просьбу господину Кристиэну Айэ (пропускали, сволочи, часть имени), немедленно соизволить явиться, например, к рожаящей племяннице брата коменданта или к какому другому страждущему. Кристиэн являлся, конечно, куда он денется, и приказа не ослушаешься и сердце доброе. А ночь испорчена. Или вот в прошлом году, поветрие было, все, как назло, простужались и перлись в лазарет, вместо того, чтобы в кровати валяться и теплое вино пить. Кристиэн

разрывался делать снадобья и каждому идиоту разьяснять, как их пить. Дома почти не появлялся, приходил домой и падал в объятия, уставший. Но именно Кристиэн сидел ночами с Риханом, сам ухаживал, сам лечил, когда того ранили в степной стычке. И Рихан еще бы подставился, только для того, чтобы увидеть снова этот взгляд – перепуганный, тревожный и любящий. Или может не надо ран, Кристиэн испереживался весь, из-за пустякового пореза на боку. Но нежность рук и цепкость взгляда, когда Кристиэн сам зашивал рану – не забыть. Теперь они вдвоем, наконец-то. Кристиэн нежится на, почти белом, песке, облепившем влажное после моря тело, дремлет. Мирная жизнь, которой никогда не жил Рихан – просыпаться, есть, купаться и дремать на солнце. День почему-то кажется дольше и похож один на другой, сонный и ленивый. Лег рядом, погладил спутанные пряди темных волос, младший открыл глаза, улыбнулся радостно и светло. Они почти не говорили, уже понимали друг друга без слов, да и напрягать Кристиэна не хотелось. Раненое, когда-то давно, горло так и не зажило до конца и говорить Кристиэн мог, но через силу, понемногу и от этого каждое его слово было для Рихана драгоценностью.

- Я опух от безделья, – посетовал Рихан, – жрать и спать это конечно хорошо, ночью тоже неплохо, но куда девать столько времени? Думал, уедем – ничего делать не буду, вообще – лягу и буду лежать, как бревно. Ага... слушай, господин старший лекарь, ты когда-нибудь из ивы кресла или лежанки делал?

Кристиэн удивленно моргнул, покачал головой. Что еще за кресла? И чтобы Рихан говорил о креслах? К шутливому поддразниваю «господин старший лекарь» уже привык. Рихан скрывает это, но гордится им, своим младшим. И даже в этом обращении видна гордость. Это было приятно, очень приятно.

- Я в детстве делал – у степняков научился. Режешь иву, тонкие палочки, как древки для стрел, сушишь и связываешь веревкой или жилами, как вроде коврика. Потом три палки в землю и цепляешь. У костра сидеть будем, вечером, удобнее станет. Так что хватит яйца греть, пошли искать иву. Ты у меня совсем обленишься так.

Вставать и отходить от моря Кристиэну не хотелось. Он никак не мог надышаться морским воздухом, никак не мог наплаваться, не перебрал в пальцах еще весь песок, даже собирал ракушки. Он семь лет не видел моря, истосковался так, что когда они только приехали, не раздевшись, бросился в воду, не обращая внимания на крик Рихана. Жаль, нет лодки. Сейчас бы выйти под легким ветром, править веслами. Но и то, что они здесь – уже чудо. За эти три седмицы Кристиэн возьмет свое. Но придется идти, раз уж Рихану взбрело в голову, ему-то вечером у костра и так неплохо, на небольшом бревнышке. Они возились до вечера, резали ветки, сдирали с них кору, ровняли. Потом Рихан связал всё особым образом, чтобы не покривилось, и разложил в солнечное место, сохнуть.

И Кристиэн признал – идея поработать была хороша, мышцы приятно ныли, а жареное мясо зайца, пойманного Риханом утром, было еще вкусней. Еще у них было вино, им они запаслись вдоволь в ближайшем городке, густым терпким красным. Днем пили разбавленное водой из ручья – прекрасно утоляло жажду, а вечером наливали крепкое в одну кружку на двоих. Вторую Кристиэн умудрился потерять еще в первый день, как они приехали.

Рихан гладил пальцы супруга, смотрел в небо. Интересно, Кристиэн хочет услышать то, о чем думает старший? Самое сокровенное признание: «Я счастлив, что ты со мной, что ты мой, что ты всегда был мне верным. Что даже когда я предал тебя, ты все равно не отказался от своих слов. Ты сильнее меня, Кристиэн. Я люблю тебя»

- Я люблю тебя, – шепнул Рихан, – Котенок, ты мой.

Не ответит, и не надо, не надо чтобы мучил себя, выдавливая слова. Улыбка, опустит ресницы, чуть сожмет пальцы, это уже ответ, самый желанный ответ. Налюбоваться им невозможно, ресницы прикроют не по годам мудрость в глазах, а распахнутся, чтобы опалить манящим взглядом. Последний, кто прислал Кристиэну очередное письмо, лекарь так и не запомнил имени, написал паскудные слова о том, что Рихан уже стар и немощен для такого молодого красавца, как Кристиэн. Эту дрянь юноша сжег, не дочитав. Лжецу он не ответит. Рихан не слабей, чем тогда, когда мог одним ударом сбить его с ног. Только рука уже давно не бьет, а ласкает. Рихан все так же горд и надменен, как в те времена, когда был герцогом, ни язык, ни взор не утратили за почти десять лет остроты. Врагов он бьет без промаха, а дела вершит разумно и жестко. Кристиэн знал, его супруга в крепости многие не любят за прямоту, резкость и грубость, за то, что не позволяет греть карман на казенном имуществе и за то, что наказывает за дело, не скупясь. Ну а красота – в глазах смотрящего. Кристиэну нравилось все – Рихан до сих пор изводит себя тренировкам и живот у него плоский и твердый, пепельные волосы тоже густые, только серо-зеленые глаза, когда-то он про себя звал их «змеиными», стали чуть прозрачней. И не надо Кристиэну никаких чересчур навязчивых офицеров и дочек командиров.

Почему до сих пор не отстают? С юности Кристиэн закрывал лицо по имперскому обычаю, как обычно принято для младших, закрывал почти полностью, голову, пряча волосы и оставляя глаза. С годами он стал понимать этот обычай еще лучше, это не только знак того, что твоя красота только для супруга, но и способ избежать хотя бы части назойливых взглядов. Рихан только смеялся, говорил, что у любого нормального человека руки еще сильнее зачешутся отколоть серебряную застежку и глянуть, так же ли красиво личико скромника, как его глаза? Еще Рихан до сих пор винит себя за то, что произошло в империи. За хромоту и горло, за насилие и монахов. Кристиэн давно простил, еще тогда, той весной, и хотел бы, чтобы об этом никто не вспоминал, но не могли, не могли не вспоминать оба. И каждый раз, когда Кристиэн замечал знакомую тоску в супруге, просто обнимал, крепче обнимал, чтобы тот забыл хотя бы на время. Ну и чтобы там не шипели завистники, а в постели Рихан уж точно не утратил сил, так же жаден до забав и неутомим. Только теперь это радует, когда утром обессиленный засыпаешь в объятьях и уже мечтаешь и ждешь следующей ночи. У Кристиэна стали сильные пальцы, теперь ладонь не прижмешь к ложу, а переплетешь со своими, словно меряясь. Его мальчик вырос, очень вырос и еще только расцветает, входя во всю силу мужской красоты. Жаркий, обжигающий вишневый взор, когда целуешь в губы, отвечает, и не просто отвечает, перехватывает игру, как сильный, но игривый зверь. Прижимается тесней, когда сливаешься с ним, сам подается вперед, прося еще и еще, сам требует ласкать себя, дразнит и смеется. Краткая передышка, уронил голову на грудь, можно перебирать смоляные кудри, набираясь снова сил, желание никуда не делось. И потом, когда начнет еще только-только светать, нужно прижать к себе истомленное и заласканное тело, уже почти спящего Кристиэна, что-то успокаивающе шепнуть ему в ушко и только тогда можно заснуть на несколько часов, до раннего утра. Утром все будет снова, он пойдет за водой и проверять силки, а Кристиэн будет сладко спать, прежде чем по-мальчишески снова хвалиться, ловя рыбу стрелой. Ну еще не забыть об ивовых креслах для ночных посиделок. Три седмицы счастья, а потом, когда-нибудь еще, возможно даже на следующее лето, Рихан снова попробует подарить море своему Кристиэну. Нет, он не попробует, он обязательно подарит, даже не стоит сомневаться.